

18 фв. 2 Д. Рамм. А.

ЖУРНАЛЪ
ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО
ПРАВА

ИЗДАНИЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

1882

КНИГА ВТОРАЯ

ФЕВРАЛЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА
1882

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Авторъвъ присылаемыхъ рукописей, редакція просить озаботиться о ясномъ и четкомъ письмѣ текста, особенно иностраннаго, а равно и цитатъ, такъ какъ иногда приходится отказывать въ помѣщеніи статьи—по неразборчивости почерка. Рукописи неудобныя къ печатанію не возвращаются, но могутъ быть получены въ редакціи авторами или уполномоченными ими лицами. По истеченіи года, со дня полученія, рукописи не взятыя обратно—уничтожаются.

2) Гонораръ, въ установившемся размѣрѣ, получается въ редакціи самими авторами; иногороднымъ онъ высылается съ вычетомъ почтовыхъ расходовъ. Статьи, получаемыя безъ заявленія о вознагражденіи, считаются бесплатными. Авторскіе оттиски заготавливаются лишь въ томъ случаѣ, когда объ этомъ будетъ заявлено заблаговременно.

3) Статьи не должны превышать *трехъ печатныхъ листовъ*. Статьи, превышающія этотъ размѣръ, печатаются по особому соглашенію съ редакціею.

4) Всѣ принятые для напечатанія статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и исправленію.

5) Лицъ, желающихъ видѣть скорѣйшій разборъ ихъ трудовъ, редакція проситъ, въ обоюдномъ интересѣ, доставлять свои сочиненія *въ двухъ экземплярахъ*, тотчасъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ.

6) Объявленія печатаются: для періодическихъ изданій *бесплатно*, при условіи взаимности; для всѣхъ прочихъ—по 5 руб. за страницу и 30 к. за строку.

7) О *перемѣнѣ* адреса сообщается редакціи своевременно до сдачи книги на почту; при невозможности же исполнить это, слѣдуетъ сообщить мѣстной почтовой конторѣ свой новый адресъ и извѣстить редакцію о перемѣнѣ адреса для высылки слѣдующихъ книжекъ журнала, причемъ слѣдуетъ обозначить мѣсто прежняго отправленія журнала и съ какого нумера высылать журналъ по новому адресу.

См. на оборотѣ

ЖУРНАЛЪ
ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО
ПРАВА

ИЗДАНИЕ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

1882

КНИГА ВТОРАЯ

ФЕВРАЛЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА
1882

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Для гг. подписчиковъ на кассационныя рѣшенія.

1) Сданы на почту: Рѣш. гр. кас. деп. 1881 г. листы: 1 и 2
4 февраля.

2) Въ устраненіе недоразумѣній, редакція заявляетъ, что жалобы гг. подписчиковъ на неполученіе отдѣльныхъ листовъ кас. рѣшеній, принимаются лишь *въ теченіи мѣсяца* со дня выхода той книги журнала, въ которой указаны сроки сдачи листовъ на почту. — Жалобы, заявленныя по истеченіи мѣсяца, по ограниченному числу экземпляровъ кас. рѣш. которыми располагаетъ редакція и по невозможности повѣрки причинъ недоставленія отдѣльныхъ листовъ почтою, удовлетворяемы быть не могутъ.

3) Въ виду недоумѣній, возбуждаемыхъ существующею системою изданія кас. рѣш. — со стороны новыхъ подписчиковъ, — редакція имѣетъ честь объяснить, что по установившемуся порядку изданія рѣшеній Сенатскою типографіею, какъ въ типографіи, такъ и при журналѣ, подписка принимается не на рѣшенія даннаго года, а на рѣшенія, которыя будутъ отпечатаны типографіею въ данномъ году, съ 1-го по 1-е января.

Редакція имѣетъ честь покорнѣйше просить тѣхъ изъ гг. подписчиковъ, которые прислали 13 р. 50 к. вмѣсто 14 р. 50 к., согласно новымъ условіямъ подписки, дослать недостающій 1 р.

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОЙ КНИГИ.

	стр.
I. Узаконоенія и распоряженія правительства СЛXXV-СЛXXXV	
II. Личный составъ	1.
III. Оглавленіе къ узаконеніямъ за 1881 годъ	1 — 10.
IV. Роль Д. Н. Заматнина въ судебной реформѣ <i>Г. Джамшїеви</i> :	1 — 16.
V. О желательныхъ измѣненіяхъ въ судебныхъ уставахъ. <i>И. Закревскаго</i>	17—57.
VI. Объ исполнительній силѣ судебныхъ опредѣленій по неисковымъ дѣламъ <i>Г. Вербловскаго</i>	58 — 80.
VII. О недостаткахъ нашего суда присяжныхъ <i>Н. Цуханова</i>	81 — 109.
VIII. О вызовѣ истца къ суду въ срокъ, назначенный для явки отвѣтчика. <i>К. Змирлова</i>	110 — 128.
IX. Мировая юстиція въ Царствѣ Польскомъ и гминные суды. <i>Е. Карцева</i>	129—176.
X. Новѣйшая попытка упраздненія юридическаго лица <i>О. Р.</i>	177—198.
XI. <i>Критика и библиографія. А. Савельевъ</i> Юридическія отношенія между супругами по законамъ и обычаямъ великорусскаго народа. <i>В. Адамовича</i>	199—206.
XI. Систематизированный указатель къ журналу гражданскаго и уголовнаго права за 1881 годъ	207—217.
XII. Матеріалы для журнальной статистики за 1881 годъ.	218 — 223.
XIII. Замѣтки.	
1) Письмо Рудольфа Іеринга, къ русскимъ издателямъ его книги „Цѣль въ правѣ“	1 — 3.
2) Къ вопросу о чиншевомъ владѣніи <i>В. Мамеєвскаго</i>	3 — 7.
2) Нѣсколько замѣчаній по поводу статьи г. Змирлова.—О вызовѣ истца въ срокъ, назначенный для явки въ судъ. <i>А. Гольмстена</i>	7 — 14.

II

- 4) Записка совѣтника дирекціи правосудія, въ Восточной Румелии, П. А. Матвѣева, о дѣятельности его по текущимъ дѣламъ и законодательнымъ вопросамъ 14 — 19.
- 5) Мнѣніе факультета объ ученыхъ трудахъ г. Тарасова 19 — 42.
- XIV. Объявленія I—XXII.

Приложенія.

- XV. Нидерландское уложеніе 3 марта 1881 года пер. В. Лицкаго 33 — 64.
- XVI О преступленіяхъ, наказуемыхъ только по жалобѣ потерпѣвшаго, по русскому праву.—Соч. А. фонъ-Резона |21 — 52.

УЗАКОНЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

(съ 15-го по 31-е Декабря 1881 года).

ОТДѢЛЪ I.

А. Указы и опредѣленія правительствующаго сената.

8) *По дѣлу о денежной претензій коллежскаго секретаря Тизенгаузена къ купцу Геллеру.*

1881 года ноября 6-го дня. По указу Его Императорскаго Величества, правительствующій сенатъ, въ общемъ собраніи 4-го, 5-го и межеваго департаментовъ, слушали: предложеніе министра юстиціи, отъ 24-го октября 1881 года, за № 19565, съ Высочайше утвержденнымъ 13-го октября 1881 года мнѣніемъ Государственного Совѣта по дѣлу о денежной претензій коллежскаго секретаря Тизенгаузена къ купцу Геллеру, слѣдующаго содержанія: Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ опредѣленіе общаго собранія 4-го, 5-го и межеваго департаментовъ правительствующаго сената по дѣлу о денежной претензій коллежскаго секретаря Тизенгаузена къ купцу Геллеру, принявъ во вниманіе, что отвѣтчикъ Геллеръ, въ возраженіи своемъ противъ предъявленнаго къ нему коллежскимъ секретаремъ Тизенгаузенемъ иска, сослался на то, что послѣдній утратилъ право на взысканіе причитающейся ему по векселю суммы, какъ вслѣдствіе незаъявленія имъ настоящей претензій въ порядкѣ, указанномъ ст. 1888 торг. устава, такъ и потому, что дѣло о несостоятельности его, Геллера, прекращено мировою сдѣлкою. Обратясь къ обсужденію

сихъ возраженій, Государственный Совѣтъ нашелъ, что хотя ст. 1888 устава торг. и обязываетъ всѣхъ кредиторовъ несостоятельнаго должника заявить о своихъ требованіяхъ въ предписанные тому же статьею сроки, но ни въ этой статьѣ, ни вообще въ торговомъ уставѣ не содержится постановленія, въ силу коего неисполненіе кредиторомъ поманутой обязанности влекло бы за собою, какъ необходимое послѣдствіе, окончательную утрату его права на полученіе удовлетворенія по долговому обязательству. Подобное постановленіе дѣйствительно существовало въ банкротскомъ уставѣ 1800 г., на основаніи 65 ст. коего кредиторы, не заявившіе своихъ претензій въ установленные сроки, лишались всѣхъ своихъ требованій; но законъ сей былъ въ послѣдствіи измѣненъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденнымъ 4 - го декабря 1826 г., по которому, въ разъясненіе статьи 65, было постановлено, что кредиторы, пропустившіе сроки для заявленія своихъ требованій, сохраняютъ однако же, въ теченіи десяти лѣтъ, право на полученіе удовлетворенія изъ имѣнія должника, оставшагся свободнымъ за удовлетвореніемъ прочихъ кредиторовъ, при чемъ самая статья 65 не была включена въ изданный взамѣнъ, банкротскаго устава 1800 г. уставъ о торговой несостоятельности 1832 года. Съ другой стороны, нельзя не обратить вниманія на то, что дѣйствующее законодательство (т. XI уст. торг.), опредѣляя послѣдствія признанія должника несостоятельнымъ, какъ въ личномъ, такъ и въ имущественномъ отношеніяхъ, упоминаетъ лишь въ одномъ случаѣ, а именно при несостоятельности несчастной (ст. 2000 уст. торг.), о прекращеніи долговыхъ требованій къ будущему имуществу должника, но и только по претензіямъ, въ конкурсъ вступившимъ. При этомъ, очевидно, законъ имѣлъ въ виду, что постановленіе конкурса о несчастной несостоятельности должника, имѣетъ значеніе добровольнаго прощенія кредиторами недополученныхъ ими по конкурсу долговъ. Но изъ этого нельзя заключить, чтобы кредиторы, оставшіеся внѣ конкурснаго производства, были лишены права производить въ послѣдствіи взысканіе изъ имущества, которое должникъ можетъ приобрѣсти по закрытіи конкурса. При отсутствіи, такимъ образомъ, въ торговомъ уставѣ положительнаго правила, коимъ кредиторъ, исполнившій требованія 1888 ст. и не предъявившій долговой своей претензіи въ конкурсъ навсегда и безусловно лишался бы права на взысканіе своего долга, нельзя не признать, что одно незаглашеніе Тизенгаузеномъ долговой претензіи

его въ порядкѣ, указанномъ приведенною статьею, не уничтожаетъ права его, по прекращеніи конкурса, домогаться о взысканіи съ Геллера должной имъ по векселю суммы. Точно также не можетъ лишить Тизенгаузена этого права и мировая сдѣлка Геллера съ кредиторами, своевременно заявившими свои претензіи въ конкурсъ, ибо уставъ о торговой несостоятельности, узаконяя, что мировыя сдѣлки прекращаютъ „конкурсъ и всѣ его послѣдствія,“ вовсе не указываетъ, чтобы таковыя сдѣлки уничтожали тѣ претензіи, которыя не были предъявлены въ конкурсъ (ст. 2013—2017 т. XI уст. торг.). За симъ, хотя сіи послѣднія, непредъявленные въ конкурсъ претензіи, по точной силѣ ст 2014 уст. торг., не должны имѣть обратнаго дѣйствія на мировыя сдѣлки, вошедшія уже въ законную силу, но такъ какъ по настоящему дѣлу не усматривается, чтобы претензіи Тизенгаузена могла имѣть обратное дѣйствіе на мировую сдѣлку его, Геллера, съ прежними кредиторами и служить препятствіемъ къ ея осуществленію, то и приведенная ст. 2014 не можетъ служить основаніемъ къ лишенію Тизенгаузена права на удовлетвореніе. Признавалъ, по симъ соображеніямъ, апелляціонную жалобу Геллера на рѣшеніе по сему дѣлу Московскаго коммерческаго суда незаслуживающею уваженія и не встрѣчая препятствій къ сложенію съ отвѣтчика наложеннаго на него судомъ штрафа за неправый споръ, Государственный совѣтъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, нашелъ, что настоящее рѣшеніе заключаетъ въ себѣ разъясненіе точнаго смысла закона по такому вопросу торговаго права, который возбуждалъ на практикѣ недоумѣніе и былъ разнообразно разрѣшаемъ судебными мѣстами, и что, посему, представляется соотвѣтственнымъ распубликовать его установленнымъ порядкомъ, для приведенія во всеобщую извѣстность и для руководства на будущее время. Вслѣдствіе сего Государственный Совѣтъ *мнѣніемъ постановилъ*: 1) утвердить послѣдовавшее по настоящему дѣлу опредѣленіе общаго собранія 4-го, 5-го и межеваго департаментовъ правительствующаго сената и 2) предоставить министру юстиціи рѣшеніе сіе распубликовать во всеобщее свѣдѣніе въ установленномъ порядкѣ. Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами. На мнѣніи написано: Его Императорское Величество, воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, по дѣлу о денежной претензіи коллежскаго секретаря Тизенгаузена къ купцу Геллеру, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. Подписаль: предсѣдатель Государственнаго

Совѣта *МИХАИЛЬ*. 13 го октября 1881 года. По справкѣ оказалось, что дѣло это, доложенное въ 4-мъ департаментѣ правительствующаго сената, по несоставленію узаконеннаго числа голосовъ сенаторовъ, перешло на разсмотрѣніе общаго собранія 4-го, 5-го и межеваго департаментовъ правительствующаго сената. Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, общее собраніе 4-го, 5-го и межеваго департаментовъ правительствующаго сената, 1878 г. октября 13-го и 1880 г. мая 16-го нашло, что имъ возбуждаются два вопроса: 1) можетъ ли кредиторъ, имѣющій на несостоятельнаго должника претензію, возникшую до объявленія несостоятельности и конкурсу незаявленную, требовать удовлетворенія по этой претензіи, послѣ уже прекращенія конкурса, изъ имущества, не вошедшаго въ конкурсную массу, и ежели можетъ, то 2) сохраняется ли за нимъ это право даже въ томъ случаѣ, когда открытый противу его должника конкурсъ былъ прекращенъ мировою сдѣлкою несостоятельнаго съ его кредиторами? Приступая къ разрѣшенію перваго изъ сихъ вопросовъ, общее собраніе 4-го, 5-го и межеваго департаментовъ правительствующаго сената нашло, что въ теоріи, разрѣшеніе его, въ томъ или другомъ смыслѣ, находится въ безусловной зависимости отъ той конечной цѣли, которая положена въ основу конкурснаго процесса. Такихъ цѣлей, взаимно исключających одна другую, можетъ быть двѣ: огражденіе интересовъ впаваго въ несостоятельность лица и огражденіе интересовъ его кредиторовъ. Послѣдовательное проведеніе первой цѣли предполагаетъ обязательное сосредоточеніе въ конкурсѣ рѣшительно всѣхъ имѣющихся къ несостоятельному претензій, т. е. приведеніе въ извѣстность всѣхъ его кредиторовъ, ограниченіе отвѣтственности должника безусловно передъ всѣми его кредиторами лишь тѣмъ имуществомъ, которымъ онъ обладалъ до объявленія его несостоятельности и которое поступило въ конкурсную массу и прекращеніе, вмѣстѣ съ окончаніемъ конкурса, рѣшительно всякихъ претензій къ несостоятельному и къ могущему быть имъ впослѣдствіи пріобрѣтенному имуществу, коль скоро претензіи эти возникли прежде объявленія его несостоятельности. Вслѣдствіе сего должники, оставшіеся въ безгласности, т. е. претензій своихъ конкурсу не заявившіе, считаются утратившими право на удовлетвореніе не только изъ конкурсной массы, но даже и изъ того имущества, которое можетъ быть пріобрѣтено должникомъ впослѣдствіи. Напротивъ того, принятіе въ основу конкурснаго процесса послѣдней цѣли, предполагаетъ лишь пра-

вильное распределение наличнаго имущества должника между его кредиторами, заявившими желаніе получить удовлетвореніе именно изъ этого имущества. Вслѣдствіе сего кредиторы, заявившіе своихъ претензій конкурсу, почитаются какъ бы добровольно отказавшимися отъ участія въ раздѣлѣ конкурсной массы, но не лишаются черезъ таковой отказъ права оставаться кредиторами несостоятельнаго и послѣ прекращенія конкурса, а стало быть — и права поискивать съ него удовлетворенія и получить таковое изъ всякаго имущества, которое можетъ приобрѣтено имъ впослѣдствіи. Изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія, послѣдняя должна быть признана наиболее согласною не только съ требованіями справедливости, но и съ основными началами гражданскаго права и процесса; ибо, во 1-хъ) право предъявленія претензіи есть чисто личное право кредитора и, потому, онъ не долженъ быть вынуждаемъ къ пользованію симъ правомъ (пето *judex sine astore*); сообразно сему допускаемая теоріею и законодательствами положительными такъ называемыя приглашенія къ предъявленію своихъ правъ или претензій (*provoctationes*), къ числу коихъ принадлежитъ и вызовъ кредиторовъ несостоятельнаго, могутъ влечь за собою, въ случаѣ непользованія ими, лишь различныя невыгодныя послѣдствія, но не должны уничтожать самихъ правъ или претензій; во 2-хъ) неявка съ претензіею въ конкурсъ, по вызову сего послѣдняго, выражаетъ, по самому существу своему, не отказъ отъ самой претензіи, а лишь отказъ получить удовлетвореніе изъ конкурсной массы, а по общему правилу, отказъ стороны отъ пользованія принадлежащимъ ей правомъ въ данномъ случаѣ или при данныхъ условіяхъ, не можетъ быть никакимъ образомъ изъясняемъ въ смыслѣ отказа отъ самаго принадлежащаго ей права; въ 3-хъ) непредъявленіе въ конкурсъ имѣющихся у лица претензій, можетъ быть вызвано исключительно желаніемъ дать должнику возможность расквитаться съ тѣми изъ его кредиторовъ, которые не хотятъ сдѣлать ему отсрочки въ платежъ и требуютъ немедленнаго удовлетворенія ихъ претензій. Но въ такомъ случаѣ, было бы несогласно съ справедливостью лишать кредитора его претензіи, ибо онъ лишался бы таковой не за какое нибудь предосудительное дѣйствіе и даже не за упущеніе или несоблюденіе какихъ либо требуемыхъ закономъ формальностей, а единственно лишь за оказаніе должнику снисхожденія, посредствомъ отсрочки взысканія слѣдующаго съ него долга. Какъ наиболее справедливая и соотвѣтствующая разуму гражданскаго права и

процесса, послѣдняя точка зрѣнія или теорія можетъ считаться въ настоящее время господствующею не только въ наукѣ права, но и въ законодательствахъ положительныхъ. Такъ, она принята Французскимъ торговымъ уложеніемъ (зак. 28 мая 1838 г. art. 503). Бельгійскимъ торговымъ уставомъ (art. 513), конкурснымъ уставомъ Германской имперіи 1877 г. (§§ 126—159) и другими новѣйшими конкурсными уставами, а также законами Остзейскихъ губерній (Валь, о конк. произв. по Лифляндскому земскому праву, въ юрид. журн. дерпт. универс. IV стр. 184), торговымъ комитетомъ Царства Польскаго (ст. 513) и Финляндскимъ конкурснымъ уставомъ 1868 г. (§ 85). Переходя отъ этихъ общихъ соображеній къ разсмотрѣнію отечественныхъ законоположеній о торговой несостоятельности, нельзя не обратить, прежде всего, вниманія на то обстоятельство, что рѣшенія нашей судебной практики по настоящему вопросу разнообразны и проявляютъ собою оба прописанные выше противоположные взгляда. Это разнообразіе взглядовъ судебной практики можетъ быть объяснено лишь недостаточною ясностію буквального смысла постановленій 2 ч. XI т. св. зак. устава торговаго. Приступая къ разсмотрѣнію сего послѣдняго, надлежитъ принять въ уваженіе, что по уставу торговому, каждое конкурсное производство, въ которомъ должникъ признанъ несчастнымъ несостоятельнымъ, оканчивается „прекращеніемъ по долгамъ въ конкурсъ вступившимъ, всѣхъ требованій на имущество, какое онъ впредь пріобрѣсти можетъ“ (ст. 2000), а не только освобожденіемъ его изъ подъ стражи (тамъ-же п. 1). Въ первоначальномъ банкротскомъ уставѣ 1740 г. дек. 15 (8300) подобного правила не было, а напротивъ постановлено было, что несчастный несостоятельный должникъ освобождается только изъ подъ ареста и отъ всякаго истязанія и штрафа (ст. 19), кредиторы же его, не получившіе своихъ долговъ сполна, претензіи своей вовсе лишены быть не могутъ, но банкротовщикъ повиненъ ихъ удовлетворять, когда паки пожиточенъ будетъ (ст. 21). Помянутое правило объ освобожденіи каждаго невинно упавшаго должника отъ всякой, даже имущественной отвѣтственности по неоплаченнымъ долгамъ, развилось въ русскомъ законодательствѣ подъ вліяніемъ понятій о мировыхъ сдѣлкахъ, заключаемыхъ въ конкурсѣ съ согласія большинства кредиторовъ. Понятія о семъ предметѣ впервые заимствованы были изъ Амстердамскаго устава, восьмымъ пунктомъ коего, объ обязанности меньшинства кредиторовъ подчиняться большинству, еще въ

1735 г. Февраля 6 го по дѣлу Мейера, а впослѣдствіи въ 1767 г. ноября 1-го (13001) по дѣлу Грена и Цигенбейна, а въ 1784 г. сентября 5-го по дѣлу Кононова (16062) предписано было руководствоваться въ конкурсныхъ дѣлахъ. Въ банкротскомъ уставѣ 1800 г. декабря 19-го (16692) мысль о конкурсномъ производствѣ по дѣламъ невинноупадшихъ должниковъ, какъ о мировой ликвидаціи дѣлъ должника, освобождающей его, по опредѣленію большинства кредиторовъ, отъ всякой личной и имущественной отвѣтственности по недоплаченнымъ долгамъ, выражена съ полною ясностію и положительностію; невинноупадшій должникъ получаетъ, по рѣшенію большинства кредиторовъ, аттестатъ невинности и затѣмъ „всѣ имѣвшіеся на немъ по то время требованія, какого бы званія ни были, уничтожаются“ (ч. 1 ст. 132 и 133). Что это послѣднее правило внесено въ уставъ именно взамѣнъ помянутыхъ постановленій о мировыхъ сдѣлкахъ въ конкурсѣ, заключаемыхъ по опредѣленію большинства кредиторовъ, доказывается тѣмъ, что уставъ 1800 г. на ряду съ этою мировою ликвидаціею, выражающеюся въ выдачѣ должнику аттестата невинности и какъ бы прощенія всѣхъ недополученныхъ долговъ, не допускаетъ никакихъ другихъ принудительныхъ для меньшинства кредиторовъ мировыхъ сдѣлокъ въ конкурсѣ и позволяетъ лишь добровольныя сдѣлки по единогласному рѣшенію кредиторовъ (ч. 1 ст. 147—153). Вмѣстѣ съ тѣмъ, банкротскій уставъ 1800 г сохранилъ дѣйствовавшее до изданія онаго правило о послѣдствіяхъ незавленія претензіи въ конкурсѣ, въ установленные сроки. Именно въ ст. 65 ч. 1 устава опредѣлено, что „кто въ вышеписанные сроки по публикаціи требованій своихъ не объявитъ, тотъ лишается всѣхъ своихъ требованій“. Подобное постановленіе еще съ большею строгостію и опредѣлительностію выражено было въ уставѣ 1740 г. (8300), на основаніи котораго кредиторы вызывались въ конкурсный судъ „подъ лишеніемъ претензій ихъ, ежели положительный срокъ упустятъ“ (ст. 8), а въ ст. 9 и 10 устава постановлено было: „ежели оный срокъ упустятъ, то потомъ болѣе ихъ не слушать, но они претензіи своей лишены быть имѣютъ“; также когда конкурсъ уже оконченъ и раздѣленіе массы кредиторамъ учинено, то уже никакого доказательства въ какомъ нибудь прецѣдствіи и никакого на должникѣ требованія чинить болѣе не позволяется“ Уставъ 1800 г., хотя и повторяетъ въ ст. 65 правило о лишеніи незавленныхъ въ конкурсѣ требованій, однако не содержитъ въ себѣ точнаго оп-

редѣленія о томъ, разумѣется ли въ сей статьѣ только устраненіе незаъявленныхъ требованій отъ всякаго участія въ раздѣлѣ конкурсной массы, лишеніе всякаго права требовать удовлетворенія изъ этой массы (*Cumprspräclusion*), или же совершенное погашеніе самаго долга и потеря права на удовлетвореніе даже изъ остатковъ конкурсной массы, за полнымъ удовлетвореніемъ всѣхъ прочихъ конкурсныхъ претензій. Вопросъ этотъ возникъ впослѣдствіи, по одному вексельному дѣлу и разрѣшенъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта 1826 г. декабря 4 го (724), въ томъ смыслѣ, что кредиторы, не заявившіе своихъ требованій въ конкурсѣ въ установленные сроки, лишаются только всякаго участія во всей розданной прочимъ кредиторамъ конкурсной массы, а „если бы за удовлетвореніемъ кредиторовъ по конкурсу осталась какая либо часть изъ имѣнія должника свободною, то кредиторы, хотя и не предъявившіе претензій въ конкурсѣ и чрезъ то лишившіеся удовлетворенія изъ общей массы должника имѣнія, наравнѣ съ тѣми, кои оное изъ конкурса получили по предъявленнымъ въ сроки претензіямъ, но не пропустившіе 10-ти лѣтней давности, должны, по справедливости, имѣть права на искъ и полученіе удовлетворенія изъ оставшагося имѣнія“. Къ сему состоянію законодательства примыкается обнародованный въ 1832 г. и нынѣ дѣйствующій уставъ о торговой несостоятельности (5463), по точному смыслу котораго долги, непредъявленные въ конкурсѣ въ положенный срокъ, не уничтожаются вслѣдствіе сего упущенія, но если предъявлены до закрытія конкурса — причисляются къ долгамъ четвертаго разряда, т. е. къ такимъ, кои получаютъ удовлетвореніе въ случаѣ остатковъ отъ полного удовлетворенія трехъ предъидущихъ разрядовъ (ст. 24, 100 и 105) Соотвѣтственно сему, что хотя въ уставѣ 1832 г. и перешло изъ прежняго банкротскаго устава 1800 г. правило объ освобожденіи отъ всякой личной и имущественной отвѣтственности должника, признаннаго большинствомъ кредиторовъ, на общемъ ихъ собраніи, несчастнымъ несостоятельнымъ, но прекращеніе имущественной отвѣтственности отнесено въ уставѣ только къ „долгамъ, въ конкурсѣ вступившимъ“ (ст. 123). Изъ этихъ статей, вошедшихъ потомъ въ уставъ торговый (ст. 1888, 1977 п. 4, 1982 и 2000 по изд. 1857 г.), слѣдуетъ заключить, что кредиторы, не заявившіе своихъ претензій въ конкурсѣ, устраняются отъ всякаго участія въ раздѣлѣ конкурсной массы и вообще въ конкурсномъ производствѣ, лишаютъ сами себя всякой возможности кон-

курировать съ прочими кредиторами въ удовлетвореніи изъ имущества, обращеннаго въ составъ конкурсной массы, но именно вслѣдствіе этого устраненія, вслѣдствіе неучастія ихъ въ производствѣ и въ постановленіи о несчастной несостоятельности должника опредѣленія, имѣющаго значеніе добровольнаго прошенія кредиторами недополученныхъ ими по конкурсу долговъ и примѣняемаго, посему, только къ „долгамъ, въ конкурсѣ вступившимъ“, кредиторы, оставшіеся внѣ производства, не лишаются права производить впослѣдствіи взысканіе изъ имущества, которое должникъ можетъ приобрести по закрытіи конкурса. На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній, общее собраніе 4-го, 5-го и межеваго департаментовъ правительствующаго сената, пришло къ тому заключенію, что хотя въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ о торговой несостоятельности и не выражено съ безспорною точностію того положенія, что незааявленіе въ конкурсѣ имѣющихся на должника претензій, не лишаетъ собственниковъ этихъ претензій права требовать по онимъ удовлетворенія изъ того имущества должника, которое онъ можетъ приобрести по закрытіи конкурса, но что это положеніе вполне согласно съ историческимъ развитіемъ и духомъ нашихъ законовъ о торговой несостоятельности, въ особенности ежели принять во вниманіе, что ни въ дѣйствующемъ уставѣ о торговой несостоятельности, ни въ другихъ какихъ либо законоположеніяхъ нашего свода законовъ, не содержится такого постановленія, которое прямо признавало бы незааявленные въ конкурсѣ претензіи погашенными и подлежащими удовлетворенію. Обращаясь за симъ къ вопросу о томъ, какое вліяніе можетъ имѣть на незааявленные въ конкурсѣ претензіи, обстоятельство прекращенія конкурса мировою сдѣлкою должника съ его кредиторами, общее собраніе 4-го, 5-го и межеваго департаментовъ правительствующаго сената нашло, что уставъ 1832 г., въ отличіе отъ банкротскаго устава 1800 г., допускаетъ на ряду съ законнымъ раздѣломъ конкурсной массы и освобожденіемъ несостоятельнаго должника по опредѣленію большинства общаго собранія кредиторовъ, мировыя сдѣлки въ конкурсѣ, заключенныя по большинству трехъ четвертей признанныхъ исковъ (ст. 132) и утверждаемыя судомъ. Учиненная въ означенномъ порядкѣ мировая сдѣлка прекращаетъ конкурсъ и всѣ его послѣдствія точно также, какъ бы никогда онаго не было (ст. 134) Сія постановленія, образующія въ уставѣ торговомъ статьи 2015 и 2017, относятся, по точному ихъ смыслу, также только къ заяв-

были въ 4-мъ департаментѣ сената, а по губерніямъ Киевской, Черниговской, Полтавской и Московской, равно какъ всѣ прочія дѣла, подвѣдомственные нынѣ вышеозначенному отдѣленію, — въ межевомъ департаментѣ сената.

3) *О подписной платѣ на вѣдомость справокъ о судимости на 1882 годъ.*

Руководствуясь точнымъ смысломъ § 9 Высочайше утвержденныхъ 15-го января 1870 г. правилъ объ изданіи вѣдомости справокъ о судимости, по силѣ котораго подписная плата на вѣдомость опредѣляется каждый годъ по усмотрѣнію министра юстиціи, министр юстиціи, назначилъ таковую на наступающій 1882 годъ въ размѣръ 7 руб. 50 коп. за экземпляръ, считая въ томъ числѣ и расходъ за пересылку и доставку вѣдомости чрезъ газетную экспедицію С.-Петербургскаго почтамта. Расходъ же по пересылкѣ подписной платы въ С.-Петербургское сенатское казначейство долженъ производиться на счетъ подписчиковъ.

ОТДѢЛЪ II

Личный составъ.

Высочайшіе приказы

по министерству юстиціи.

НАЗНАЧАЮТСЯ: Товарищъ Прокурора калужскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ **Герцогъ**—членомъ калужскаго окружнаго суда. Состоящіе при департаментѣ министерства юстиціи и командированные въ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей округа, саратовскаго окружнаго суда, по важнѣйшимъ дѣламъ, **Стравинскій** 3-го участка города Саратова, **Вучузь** и 1-го участка саратовскаго уѣзда, **Прудниковъ**—судебными слѣдователями округа того же окружнаго суда; товарищъ председателя кишиневскаго окружнаго суда, губернской секретарь **Осовскій**—товарищемъ прокурора саратовской судебной палаты; состоящіе при департаментѣ министерства юстиціи и исправляющіе должности судебныхъ слѣдователей округовъ: казанскаго окружнаго суда: 1-го участка казанскаго уѣзда **Исаевъ**, города Чистополя **Добровольскій**, 2-го участка Ядринскаго уѣзда **Анненковъ** и 2-го участка мамадышскаго уѣзда **Щульцъ** и слѣдующаго окружнаго суда соколовскаго уѣзда **Домбровскийъ**—судебными слѣдователями въ округахъ тѣхъ же окружныхъ судовъ.

УВОЛЯЮТСЯ: отъ должности: членъ люблинскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ **Михѣлисъ**—по случаю назначенія, согласно прошенію, нотаріусомъ при ипотечной канцеляріи того же окружнаго суда; судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ округа пермскаго окружнаго суда, губернской секретарь **Передяевъ**—по случаю назначенія товарищемъ прокурора того же окружнаго суда; членъ плещанскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Векетовъ**—отъ занимаемой имъ должности по случаю назначенія участковымъ мировымъ судьей города Варшавы; *отъ службы:* членъ пензенскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ **Эссенъ**—согласно прошенію; членъ калужскаго окружнаго суда, статскій совѣтникъ **Барповъ**—за болѣзнію.

УМЕРШІЙ исключаются изъ епископовъ: товарищъ председателя Енисейскаго окружнаго суда; коллежскій совѣтникъ **Госманъ**.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

За 1881 годъ.

А. Высочайшія (новелѣнія).

	стр.
1. Объ измѣненіи штата Оренбургскаго военно-окружнаго суда и порядка назначенія въ оный временныхъ и запасныхъ членовъ	I
2. Объ условіяхъ, при которыхъ собранія городскихъ думъ признаются состоявшимися	II.
3. О упраздненіи вторыхъ отдѣленій третьяго и пятаго департамента правительствующаго сената	III.
4. О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ штатахъ С.-Петербургской, Московской и Казанской судебной палаты	IV
5. Объ усиленіи штата Екатеринбургскаго окружнаго суда	
6. О судебныхъ приставахъ въ закавказскомъ краѣ и порядкѣ исполненія въ немъ судебныхъ рѣшеній	V.
7. О предоставленіи губернскимъ по крестьянскимъ присутствіямъ права разрѣшать добровольныя сдѣлки по обману и разграниченію земель между крестьянами, собственниками и посторонними лицами	IV.
9. О замѣнѣ должности оберъ аудитора отдѣленія окружнаго штаба Восточнаго Сибирскаго военнаго округа, по управленію мѣстными войсками	

- Иркутской и Енисейской губерній, должностью аудитора (С. У. № 84) VII.
10. Объ измѣненіи въ порядкѣ высшаго управленія тюремною частью VII.
11. О приведеніи крестьянъ къ присягѣ. (Указ. прав. сенату) VIII.
12. О разрѣшеніи сосланнымъ на житѣ, съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ, заниматься торговлею и промыслами VIII.
13. О порядкѣ составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей въ воссоединенной части Бессарабіи . . IX.
14. О предоставленіи Читинскому духовному правленію производить судоговоренія по бракоразводнымъ дѣламъ IX.
15. О порядкѣ разрѣшенія безземельнымъ крестьянамъ, получившимъ участіи въ составѣ надѣловъ обществъ, отказываться отъ тѣхъ участковъ . . X.
16. О присоединеніи къ министерству внутреннихъ дѣлъ министерства почтъ и телеграфовъ и департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. (Именной Высочайшій указъ правительствующему сенату) XXII.
17. О подписаніи министерской деклараціи о взаимномъ огражденіи торговыхъ и фабричныхъ клеймъ, заключенной между Россіею и Бельгіею XXII.
18. О присоединеніи къ Имперіи занятой нашими войсками территоріи Туркменовъ-Текинскаго рода и объ образованіи изъ нея и земель Закаспійскаго военнаго отдѣла области Закаспійской, со включеніемъ оной въ составъ Кавказскаго военнаго округа, (Именной Высочайшій указъ) XXIII.
19. Относительно отѣны разрѣшенія перевозки соли въ склады, безъ предварительной оплаты оной по пудными деньгами XXIII.
20. О порядкѣ увольненія за границу русскихъ поданныхъ мужскаго пола, имѣющихъ отъ десяти до восемнадцати лѣтъ отъ роду XXIV.
21. О прогонныхъ и суточныхъ деньгахъ должностнымъ лицамъ, вызываемымъ въ судъ или къ слѣдствію по обязанностямъ службы XXIV.

22. О предоставленіи губернскимъ земскимъ учрежде-
ніямъ составлять таксы вознагражденія за убыт-
ки, причиняемые потравами и другими поврежде-
ніями земельныхъ угодій XXV.
23. О дополнительныхъ сборахъ на содержаніе миро-
выхъ судебныхъ установленій въ Прибалтійскихъ
губерніяхъ XXV.
24. О распространеніи на Карскую и Батумскую об-
ласти положенія о пошлинахъ за право торговли
и другихъ промысловъ (С. У. № 220). XXVII.
25. О продленіи дѣйствія дополнительнаго штата ар-
хива при Варшавскомъ окружномъ судѣ XXVII.
26. О введеніи въ городѣ Варшавѣ правилъ о выдачѣ
свидѣтельствъ на погребеніе умершихъ и о поряд-
кѣ собиранія статистическихъ свѣдѣній о смерт-
ности (С. У. № 223) XXVII.
27. О сокращеніи состава временнаго отдѣла по позе-
мельному устройству государственныхъ крестьянъ. XXVII.
28. О разрѣшеніи лицамъ, сосланнымъ въ Сибирь по
послѣднему польскому мятежу, одобряемымъ въ по-
веденіи, причисляться въ городскія общества со-
сѣднихъ съ мѣстами ихъ водворенія губерній и
областей XXIX.
29. Конвенція о взаимной выдачѣ преступниковъ, зак-
люченная между Россією и Нидерландами XXIX.
30. О пересмотрѣ уложенія (всеподданнѣйшій докладъ
стат-секретаря князя Урусова и министра юстиціи
стат-секретаря Набокова). XXXIX.
31. Объ измѣненіи и дополненіи статей закона огра-
ничивающихъ личныя и имущественныя права во-
енно-служащихъ XLIX
32. О правилахъ объ измѣреніи и отграниченіи земель,
поступившихъ въ собственность крестьянъ губер-
ній Царства Польскаго, въ силу Высочайшихъ ука-
зовъ 19-го февраля 1864 года EXXVI
33. О прекращеніи льготной продажи казенныхъ земель
въ Оренбургскомъ краѣ EXXXII.
34. О порядкѣ утвержденія измѣненій въ призывныхъ
участкахъ EXXXII.

35. О порядкѣ свидѣтельствѣванія арестантовъ относительно способности ихъ въ работамъ въ исправительныхъ арестантскихъ ротахъ и отдѣленіяхъ . LXXXIII.
37. Министерская доклація о взаимномъ огражденіи торговыхъ и фабричныхъ клеймъ, заключенная между Россією и Нидерландами . LXXXIV.
37. Объ упраздненіи Московской управы благочинія . LXXXV.
38. О числѣ гласныхъ избираемыхъ въ земскія собранія по С.-Петербургскому уѣзду . LXXXVIII.
39. По проекту главныхъ основаній предполагаемаго порядка укрѣпленія правъ на недвижимое имущество . EXXXIX.
40. О предоставленіи крестьянскимъ обществамъ, въ видѣ временной мѣры, нѣкоторыхъ льготъ по арендованію казенныхъ земель . С.
41. Объ измѣненіи и' дополненіи штата кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената . СІ.
42. О возстановленіи главнаго управленія государственнаго коннозаводства на прежнемъ основаніи (Именной Высочайшій указъ) . СІ.
43. О сравненіи офицеровъ военно-учебныхъ заведеній и военно-судебнаго вѣдомства, по окладамъ эмеритальныхъ пенсій, съ офицерами специальныхъ родовъ оружія . СІІ.
44. Объ изданіи EIV тома полнаго собранія законовъ . СІІ.
45. Объ упраздненіи комитета по дѣламъ Царства Польскаго (Именной Высочайшій указъ) . СІІ.
46. О порядкѣ разрѣшенія Правительствующимъ Сенатомъ дѣлъ о преступленіяхъ должности по административнымъ вѣдомствамъ . СІІІ.
47. О порядкѣ взиманія акциза съ сахара и о надзорѣ за сахарными заводами (Извлеченіе) . СІІІ.
48. О наказаніяхъ за нарушеніе постановленій о общественномъ хозяйствѣ Уральскаго казачьяго войска . СІІІІ.
49. О преобразованіи карантинно-таможенной части на Кавказѣ и за Кавказомъ (Извлеченіе) . СХ.
50. Объ измѣненіи и дополненіи дѣйствующихъ правилъ для лова рыбы въ рѣкахъ Архангельской губерніи (Извлеченіе) . СХІ.

51. О предоставленіи земскимъ собраніямъ права сло-
женія пени по земскимъ сборамъ CXI.
52. О порядкѣ исполненія приговоровъ о смертной
казни CXII.
53. О порядкѣ открытія и содержанія ссудныхъ кассъ
въ губерніяхъ Царства Польскаго CXIII.
54. О порядкѣ назначенія прибавочнаго жалованья
лицамъ, получающимъ содержаніе въ общей сум-
мѣ OXIII.
55. О составѣ особыхъ присутствій судебной палаты и
окружныхъ судовъ Варшавскаго округа CXIV.
56. О правахъ по службѣ секретарей при мировыхъ
судьяхъ, завѣдывающихъ ипотечными отдѣленіями
въ Варшавскомъ судебномъ округѣ CXIV.
57. О неотчужденіи въ частную собственность казен-
ныхъ соляныхъ источниковъ CXV.
58. Объ усиленіи штата мировыхъ судебныхъ уста-
новленій въ городѣ Варшавѣ CXV.
59. О мѣрахъ къ предупрежденію распространенія фи-
локсеры и уничтоженію оной CXVI.
60. Объ учрежденіи новой должности мирового судьи
въ Гайсинскомъ уѣздѣ Подольской губерніи CXX.
61. О предоставленіи въ распоряженіе министра ю-
стиціи, въ теченіи трехъ лѣтъ, всей суммы, ассиг-
нуемой на содержаніе личнаго состава чиновъ гу-
бернскаго межеваго вѣдомства CXX.
62. Объ установленіи сборовъ съ золотопромышлен-
ности CXX.
63. Объ измѣненіи штатнаго состава Петербургскаго
и Варшавскаго военно-окружныхъ судовъ и со-
стоящаго при нихъ прокурорскаго надзора CXX.
64. Объ изданіи третьяго полнаго собранія законовъ CXX.
65. Объ учрежденіи пріютовъ для дѣтей ссыльнока-
торжныхъ на Карійскихъ промыслахъ и на о. Са-
халинѣ CXXI.
66. О расходѣ на наемъ помѣщенія для сѣзда ми-
ровыхъ судей Бердичевского судебно-мирового ок-
руга CXXI.

67. Объ упраздненіи Оренбургскаго генераль-губернаторства CXXXII.
68. О временномъ штатѣ управленія каторжными тюрьмами въ гор. Tobольскѣ CXXXII.
69. Объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей книги II части II свод. воен. пост., изд. 1859 года CXXXIV.
70. Объ учрежденіи Московской военной тюрьмы на 200 арестантовъ CXXXVI.
71. О присоединеніи судебного отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ къ департаменту государственной полиціи CXXXVI.
72. Объ измѣненіи штата главнаго военно суднаго управленія CXXXVI.
73. О вознагражденіи лицъ, открывшихъ нарушеніе правилъ о войсковомъ хозяйствѣ Уральскаго казачьяго войска CXXXVIII.
74. О принятіи капитала, собраннаго присяжными заседателями гор. Саратова CXXXVIII.
75. О введеніи мировыхъ установленій въ губерніяхъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской въ теченіи первой половины 1882 года CXXXVIII.
76. О приостановленіи производства въ судебныхъ установленіяхъ дѣлъ, по коимъ привлекаются къ личной отвѣтственности заводчики и вообще винопромышленники за нарушенія постановленій устава о питейномъ сборѣ, совершенныя, безъ всякаго съ ихъ стороны участія, лицами состоящими у нихъ въ услуженіи CXXXIX.
77. Объ упраздненіи Смоленской военно-исправительной роты CXXXIX.
78. Объ учрежденіи жандармскаго управленія гор. С.-Петербурга CXXX.
79. Объ устройствѣ при бригадахъ пограничной стражи особыхъ судовъ, на правахъ полковыхъ, и объ измѣненіи примѣчанія 1 къ ст. 618, XXIV, втор. изд., С. В. II. 1869 г. CXXXI.
80. Объ измѣненіи 16-й ст. военно-морскаго дисциплинарнаго устава CXXXII.
81. Объ измѣненіи статьи 38-й С. В. II, 1869, XXIII, изд. 2 CXXXII.

82. Объ измѣненіи приложенія къ примѣчанію къ ст.
103-й С. В. П. 1869 XXIV, изд. 2 CXXXIII.
83. Объ установленіи правилъ о наказаніи нижнихъ
чиновъ за оскорбленіе присутствія экипажнаго и
военно-морскаго судовъ CXXXV.
84. О сокращеніи круга дѣлъ, представляемыхъ святѣй-
шимъ правительствующимъ синодомъ на разрѣ-
шеніе и утвержденіе Его Императорскаго Величе-
ства CXXXVI.
85. О распредѣленіи между канцелярією Московскаго
оберъ-полиціймейстера и участковыми приставами
предметовъ вѣдомства управы благочинія CXXXVII.
86. Объ упраздненіи Кадниковской и Грязовецкой (Во-
логдской губерніи) дворянскихъ опекъ CXXXIX.
87. О суммѣ, опредѣляемой на расходы по должности
мировымъ судьямъ Астраханской и Оренбургской
губерній CXI.
88. Объ упраздненіи должности С.-Петербургскаго гра-
доначальника CXI.
89. О прекращеніи съ 1-го октября 1881 года дѣй-
ствія 3 го пункта Высочайшаго повелѣнія относи-
тельно обличенія погонцамъ вольнонаемныхъ интен-
дантскихъ и другихъ транспортных подрядчиковъ CXLI.
90. Объ отмѣнѣ права отчужденія Всемиловѣйше
жалуемыхъ арендъ CXLI.
91. О возстановленіи дѣйствія статей 97—116 устава
монетнаго CXLI.
92. Объ изданіи положенія о мѣрахъ къ охраненію го-
сударственнаго порядка и общественнаго спокой-
ствія и объявленіи нѣкоторыхъ мѣстностей Импе-
ріи въ состояніи усиленной охраны. (Указъ прави-
тельствующему сенату) CXLI.
93. Объ отмѣнѣ дѣйствія нѣкоторыхъ узаконеній, издан-
ныхъ къ охраненію государственнаго порядка и
общественнаго спокойствія. (Указъ правительствую-
щему сенату) CLXI.
94. О дополнительной деклараціи къ конвенціи о взаим-
ной выдачѣ преступниковъ, заключенной между

- Россією и Бельгією 23 го августа (4-го сентября)
1872 года CLXII.
95. О разрѣшеніи назначенному отъ военнаго минис-
стерства уполномоченному, веденія дѣлъ по искамъ
погонцевъ, предъявленнымъ до 1-го октября 1881
года CLXII.
96. О возстановленіи въ прежней силѣ дѣйствія 155 ст.
уст. о пред. и пресѣч. прест. (св изд. 1876 -г.) о
спектакляхъ и публичныхъ зрѣлищахъ CLXIV.
97. О закрытіи Высочайше учрежденнаго, въ составѣ
государственнаго совѣта, особаго присутствія о
воинской повинности CLXV.
98. Объ упраздненіи Новогеоріевскаго дисциплинарнаго
баталіона CLXV.
99. О предоставленіи лицамъ всѣхъ сословій, владѣю-
щимъ на правѣ собственности дворянскими вотчи-
нами въ Лифляндской губерніи, личнаго права го-
лоса во всѣхъ совѣщаніяхъ и опредѣленіяхъ на
мѣстномъ Ландтагѣ и въ уѣздныхъ собраніяхъ, за
исключеніемъ дѣлъ корпоративныхъ CLXX.
100. Объ освобожденіи губернскихъ и областныхъ вѣ-
домостей отъ предварительной цензуры и о возло-
женіи на вице губернаторовъ цензирования част-
ныхъ періодическихъ изданій, выходящихъ въ
свѣтъ въ губернскихъ городахъ, въ которыхъ цен-
зурныхъ нѣтъ учреждений CLXX.
101. О продленіи дѣйствія временныхъ штатовъ С. Пе-
тербургскаго дома предварительнаго заключенія CLXX.
102. О замѣнѣ для несовершеннолѣтнихъ ссылки на
жизне и отдачи въ исправительныя арестантскія
отдѣленія и рабочіе дома другими наказаніями CLXX.
103. Объ измѣненіи п. 6. ст. 17 положенія о мѣрахъ .
къ охраненію государственнаго порядка и обще-
ственного спокойствія CLXXI.

6) Указы и опредѣленія правительствующаго сената.

1. По вопросу о примѣненіи гербоваго устава 1874 г.
при засвидѣтельствованіи копій съ разныхъ доку-
ментовъ у нотариусовъ X.

- 2 О порядкѣ оставленія за штатомъ участковыхъ мировыхъ судей по случаю сокращенія участковъ XV.
3. По вопросу о томъ, вправѣ ли товарищи прокуроры окружныхъ судовъ, въ случаѣ завѣдыванія двумя прокурорскими участками, получать канцелярскія деньги въ двойномъ размѣрѣ XLV.
4. О разъясненіи порядка примѣненія къ представленіямъ объ утвержденіи мировыхъ судей, правилъ изложенныхъ въ Высочайше утвержденномъ 26-го сентября 1876 года положеніи комитета министровъ XLVI.
5. О порядкѣ разрѣшенія представленій судебныхъ слѣдователей о прекращеніи слѣдствія CXVII.
6. О дополненіи 888 ст устава таможеннаго CXLI.
7. По вопросу о правѣ окружныхъ судовъ командировать своихъ членовъ для производства ревизіи дѣлопроизводства судебныхъ слѣдователей, состоящихъ въ округахъ тѣхъ же судовъ CXLVI.
8. По дѣлу о денежной претензіи коллежскаго секретаря Тизенгаузена къ купцу Беллеру CEXXIV.

в) Распоряженія правительства.

Министра юстиціи.

1. Объ измѣненіи границы Екатеринодарскаго и Кавказскаго уѣздовъ Кубанской волости XVII.
2. О закрытіи 2 го отдѣленія 6-го департамента и 2 го отдѣленія 3-го департамента правительствующаго сената XIX.
3. О перечисленіи одной должности товарища прокурора изъ Пензенскаго въ округъ Саратовскаго окружнаго суда XX.
4. Объ учрежденіи нотаріальной конторы въ мѣстечкѣ Бобровицѣ, Козелецкаго уѣзда XEVI.
5. Объ учрежденіи нотаріальной конторы въ слободѣ Кукаркѣ, Яранскаго уѣзда
6. О прекращеніи дальнѣйшаго поступленія во 2-е отдѣленіе 3-го департамента сената дѣлъ по Минской, Кіевской, Черниговской, Полтавской и Московской губерніямъ, и по Сибирскимъ губерніямъ и областямъ CXIX.

7. О перечисленіи одной должности товарища прокурора изъ Симбирскаго округа въ округъ Екатеринбургскаго окружнаго суда CLXVII.
8. О перечисленіи одной должности судебного слѣдователя изъ Вятскаго въ Симбирскій окружный судъ CLXVIII.
9. Объ учрежденіи нотаріальныхъ конторъ въ мѣстечкахъ Севериновкѣ, Курисово-Покровскомъ и Ландау, Одесскаго уѣзда, Херсонской губерніи CLXXII.
10. Объ упраздненіи 2-го отдѣленія 3 го департамента правительствующаго сената CLXXXIV.
11. Объ подписной платѣ на вѣдомости справокъ о суммѣ на 1882 годъ CLXXXV.

Ею Императорскаго Высочества Намѣстника Кавказскаго.

1. Объ учрежденіи въ гор. Екатеринодарѣ, Кубанской области, должности третьяго нотаріуса XXI.
2. Объ учрежденіи въ станицѣ Лабинской Кубанской области, должности нотаріуса CLXVII.
3. Объ учрежденіи въ м. Сачхери, Тараканскаго уѣзда, кутаиской губерніи должности нотаріуса CLXXIII.

Военнаго Министра.

1. Объ упраздненіи должности оберъ-аудитора при войсковомъ штабѣ войска Донскаго XX.
2. Объ упраздненіи военно-судной комисіи при управленіи Оренбургскаго воинскаго начальника . XLVIII.
3. Объ упраздненіи должностей двухъ Аудиторовъ при Управленіи Уфимскаго губернскаго начальника . CLXVIII.
4. Объ упраздненіи особаго отдѣленія военно-походной Ею Величества канцеляріи CLXXXIII.
5. Объ упраздненіи должности оберъ аудитора при штабѣ войскъ Финляндскаго военнаго округа . CLXXXIII.

РОЛЬ Д. Н. ЗАМЯТНИНА ВЪ СУДЕБНОЙ РЕФОРМѢ.

Clarorum virorum facta moresque posteris tradere antiquitus usitatum, ne nostris quidem temporibus quamquam incuriosa suorum aetas omisit, quotiens magna aliqua ac nobilis virtus vicit ac supergressa est vitium parvis in magnisque civitatibus commune, ignorantiam recti et invidiam.

Tacitus.

Въ нашемъ обществѣ ¹⁾ начинается хорошее обыкновеніе воздавать публичнымъ словомъ дань уваженія памяти умершихъ дѣятелей, безкорыстно и мужественно подвизавшихся либо на поприщѣ научномъ, либо общественно-государственномъ. Это обыкновеніе находитъ себѣ оправданіе прежде всего въ призваніи юриста воздавать *spem cuique*. Такое воздаяніе, во имя справедливости, тѣмъ болѣе обязательно въ отношеніи скончавшихся дѣятелей, что они уже не въ силахъ добиваться своего права, которое поэтому должно осуществляться черезъ *actio publiciana*. Но тутъ, какъ и во всякомъ актѣ справедливости, неминуемо получаются результаты, не бесполезные и съ точки зрѣнія общественной пользы. Примѣры доблестныхъ дѣятелей дѣйствуютъ возвышающимъ образомъ на общество. Всегда отрадно воспоминаніе о высокихъ качествахъ души выдающихся дѣятелей прошлаго времени, но бываютъ эпохи, когда подобное воспоминаніе слу-

¹⁾ Читано въ засѣданіи Московскаго юридическаго общества 2-го ноября 1881 года.

жить единственнымъ утѣшеніемъ. Къ числу такихъ честно прожившихъ и честно почившихъ государственныхъ дѣателей безспорно принадлежитъ скончавшійся въ Петербургѣ 19 октября бывшій министръ юстиціи, членъ государственнаго совѣта Дмитрій Николаевичъ Замятинъ. У покойнаго есть еще особое право на вниманіе со стороны Московскаго юридическаго общества. Онъ занималъ выдающееся мѣсто въ сонмѣ дѣателей великой судебной реформы, которой наше общество, по свидѣтельству исторической записки Лешкова ¹⁾ обязано своимъ возникновеніемъ, а русскій народъ первымъ судомъ, заслуживающимъ этого имени, реформы, которая, по выраженію Высочайшаго рескрипта на имя государственнаго канцлера, А. М. Горчакова „составляютъ нашу гордость и славу прошлаго царствованія“.

Д. Н. Замятинъ родился въ 1805 году. Воспитаніе онъ получилъ въ томъ знаменитомъ въ свое время Александровскомъ лицѣѣ, которому обязана Россія многими государственными и общественными дѣателями, которому она обязана ему Пушкинымъ и М. Е. Салтыковымъ. Съ перваго же шага своей службы, Д. Н. попалъ, благодаря избранію Сперанскаго, въ струю законодательныхъ и кодификаціонныхъ работъ по составленію свода законовъ, производившихся сперва въ комиссіи составленія законовъ, а потомъ во II отдѣленіи Е. И. В. канцеляріи. Въ 1840 году онъ былъ назначенъ герольдмейстеромъ. Въ первый же годъ службы въ званіи герольдмейстера Д. Н. обратилъ на себя общее вниманіе своимъ отчетомъ о дѣлахъ герольдіи, предлагавшимъ тщательно обдуманый планъ реформы герольдіи. Въ 1852 г. онъ былъ назначенъ оберъ - прокуроромъ 2-го департамента сената. Въ 1858 г. онъ былъ назначенъ товарищемъ министра юстиціи, въ 1862 г. управляющимъ министерствомъ юстиціи. 1-го января 1864 г. Д. Н. утвержденъ былъ въ званіи министра юстиціи, постъ котораго онъ занималъ до 16 апрѣля 1867 года. Такимъ образомъ время управленія Д. Н. Замятинимъ ми-

¹⁾ См. Юрид. газ. № 2.

нистерствомъ юстиціи совпало съ самою горячею порою подготовительныхъ работъ по судебной реформѣ и первыхъ шаговъ ея по пути практическаго осуществленія. Но говоря объ Замятнинѣ, нельзя не вспомнить о трудахъ сподвижниковъ его по подготовкѣ судебной реформы, такъ много и такъ честно поработавшихъ на пользу своего отечества.

И теперь, черезъ 20 почти лѣтъ, или, лучше сказать, именно теперь нельзя не остановиться съ изумленіемъ, смѣшаннымъ съ благоговѣніемъ, предъ умственнымъ и нравственнымъ подвигомъ творцовъ судебной реформы. Теперь, какая-нибудь ипотечная или тюремная реформа тянется десятилѣтія и никакъ не дается намъ, спорая и скорая работа подготовителей судебной реформы кажется почти невѣроятною. Вотъ даты, которыя нашему поколѣнію покажутся легендарными. Въ октябрѣ 1861 г. почившій Государь повелѣлъ предварительно выработать „основныя положенія“ реформы и уже въ сентябрѣ 1862 г. государственный совѣтъ, усиленно работая вмѣстѣ съ министрами юстиціи графомъ Панинымъ и Замятнинымъ, составилъ извѣстныя „Основныя Положенія преобразованія судебной части въ Россіи“, Высочайше утвержденныя 29 сентября 1862 г., легшія въ основаніе новаго судоустройства и судопроизводства, возбудившія справедливое удивленіе иностранцевъ ¹⁾. Въ тотъ же день, 29 сентября, повелѣно было при государственной канцеляріи образовать для составленія проектовъ особую комиссію подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря В. П. Буткова. Она была образована изъ лучшихъ представителей практики и юридической науки. Знаменитая комиссія представила съ небольшимъ черезъ годъ въ государственный совѣтъ уже готовые проекты—учрежденія судебныхъ установлений и уставовъ гражданскаго и уголовного судопроизводства. Пусть не подумаютъ, что работа была совершена хотя скоро, но кое какъ. Напротивъ въ ней видимъ такую полноту и разносторонность, такое дѣятельное участіе всѣхъ умственныхъ силъ тогдашняго интеллигентнаго общества, которыя не повторялись

¹⁾ См. статью Митермайера въ Ж. М. Ю. 1864 г. № 10.

уже впоследствии. Вышеупомянутыя основныя положенія были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе. Чтобы вызвать самостоятельность общества, коммиссія В. П. Буткова спеціально обратилась къ судебнымъ и административнымъ дѣятелямъ и профессорамъ, а черезъ періодическія изданія ко всѣмъ лицамъ, интересующимся дѣломъ реформы, съ просьбою оказать коммиссіи содѣйствіе своими замѣчаніями. На приглашеніе коммиссіи откликнулись 448 лицъ, замѣчанія которыхъ составили 6 томовъ in folio (см. стр. 13 Записки В. П. Буткова). Коммиссія подраздѣлилась на три отдѣленія: судоустройства подъ предсѣдательствомъ состоявшаго при государственной канцеляріи Плавскаго; уголовного судопроизводства подъ предсѣдательствомъ оберъ - прокурора общаго собранія московскихъ департаментовъ сената Буцковскаго и гражданскаго судопроизводства подъ предсѣдательствомъ и. д. статсъ - секретаря Заруднаго. Работы производились въ коммиссіи въ слѣдующемъ образцовомъ порядкѣ.

Всѣ вообще работы каждаго отдѣленія, по составленіи ими общаго конспекта каждаго устава, были раздѣлены между редакторами по взаимному между ними соглашенію. Каждый редакторъ порученную ему работу соображалъ съ нынѣшними законами и съ замѣчаніями, поступившими вышеизложеннымъ порядкомъ въ коммиссію, а также съ законодательствами иностранныхъ государствъ. По соображеніи такимъ образомъ предстоящей работы, редакторъ приступалъ уже къ составленію проектовъ тѣхъ статей, кои касались порученнаго его развитію предмета. Редакторы каждаго отдѣленія имѣли постоянныя совѣщанія между собою, и когда одна часть какой либо работы была проводима ими къ окончанію, тогда она печаталась и разсылалась ко всѣмъ членамъ отдѣленія и обсуждалась въ полномъ составѣ онаго. Къ этому обсужденію отдѣленіе приглашало членовъ другихъ отдѣленій и разныя служебныя лица, свѣдѣнія и опытность коихъ могли разъяснить встрѣчаемыя отдѣленіемъ недоразумѣнія. По тщательномъ такимъ образомъ разсмотрѣніи и исправленіи въ отдѣленіи проектовъ по разнымъ особеннымъ предметамъ или

вопросамъ, составлялись отдѣленіемъ цѣлыя главы, раздѣлы и книги устава по конспекту, сначала отдѣленіемъ принятому. По мѣрѣ изготовленія отдѣльных частей каждаго устава, приготовленные такимъ образомъ части, по отпечатаніи, разсылались ко всѣмъ членамъ комисіи, и когда они достаточно съ ними ознакомились, тогда части сіи подробно разсматривались и обсуждались въ общемъ собраніи комисіи. Общія собранія составлялись, подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря Буткова, изъ членовъ всѣхъ отдѣленій и изъ другихъ лицъ, призванныхъ къ участию въ этомъ дѣлѣ. Въ общее собраніе приглашались также и тѣ эксперты, кои участвовали въ обсужденіи предварительныхъ работъ въ отдѣленіяхъ. По составленіи, разсмотрѣніи и обсужденіи комисіей въ этомъ порядкѣ, окончательно обрабатывалась каждая часть устава и приводилась въ соглашеніе какъ съ прочими частями тогоже устава, такъ и съ другими составленными комисіей уставами и учрежденіемъ. Собранія редакторовъ отдѣленій происходили ежедневно, даже по два раза въ день. Отдѣленія въ полномъ ихъ составѣ имѣли засѣданія: отдѣленіе судоустройства 47, отдѣленіе уголовного судопроизводства 89 и отдѣленіе гражданскаго судопроизводства 91. Общее собраніе комисіи имѣло всего 43 засѣданія, (стр. 16—18 Записки). Я не могъ удержаться чтобы не привести эту длинную выписку, рисующую ходъ работъ, веденныхъ съ классической стройностью и свидѣтельствующую объ необыкновенномъ трудолюбіи, добросовѣстности, разносторонности и успѣшности трудовъ комисіи, благодаря которымъ былъ созданъ лучший памятникъ русскаго законодательнаго творчества.

Независимо, отъ комисіи, но параллельно ей работала, въ качествѣ министра юстиціи, Д. Н. Замятинъ при дѣятельномъ и плодотворномъ сотрудничествѣ товарища своего Н. И. Стояновскаго, нынѣшняго досточтимаго предсѣдателя с.-петербургскаго юридическаго общества.

Сознавая всю важность предстоящей судебной реформы и необходимость предварительнаго подробнѣйшаго обсужденія проектированныхъ работъ по спорнымъ вопросамъ, Д. Н.

Замятнинъ, этотъ въ то время уже 60 лѣтній старецъ, исходатайствовалъ, чтобы ему дозволено было главнѣйшія изъ соображеній его по означеннымъ проектамъ сообщать государственному совѣту въ печатныхъ экземплярахъ ко времени слушанія проектовъ и затѣмъ представлять совѣту изустно, разъясненія, какія окажутся необходимыми ¹⁾

Независимо отъ сего для ближайшаго съ своей стороны обсужденія этихъ проектовъ Замятнинъ образовалъ подлечнымъ своимъ предсѣдательствомъ, въ присутствіи товарища своего и главнаго сотрудника Н. И. Стояновскаго, особыя совѣщательныя засѣданія, къ которымъ пригласилъ извѣстныхъ своими познаніями чиновниковъ департамента, консултаніи и другихъ учреждений. Засѣданія эти продолжались въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ по три раза въ недѣлю по вечерамъ по шести и болѣе часовъ каждое.

По тщательномъ обсужденіи всѣхъ по порядку постановленій, приведенныхъ въ объяснительныхъ запискахъ и возбужденныхъ по разнымъ вопросамъ разногласій, въ засѣданіяхъ этихъ, по указаніямъ неутомимаго Д. Н., устанавливалась сущность замѣчаній его на проектъ. Потомъ эти замѣчанія подробно редактированны товарищемъ министра Н. И. Стояновскимъ, окончательно просматривались самимъ Замятнинымъ и печатались, и по мѣрѣ изготовленія рассылались во всѣмъ членамъ соединеннаго присутствія департаментовъ государственнаго совѣта. Такимъ порядкомъ доставлены были подробныя соображенія о необходимости измѣненія по существу до 1160 статей проектовъ, а именно: до 600 статей проекта гражданскаго судопроизводства, до 80 статей проекта устава о проступкахъ, подвѣдомыхъ мировымъ судьямъ и до 12 о проектѣ учрежденія судебныхъ мѣстъ ²⁾. Словомъ Замятнинъ и другіе составители проектовъ не жалѣли себя и благодаря ихъ стараніямъ подготовительныя работы достигли законченности и полноты, какія только возможны при бюрократическомъ способѣ подготовки законовъ.

¹⁾ См. Отчетъ министра юстиціи за 1864 г. Ж. М. Ю. 1866 г. № 4.

²⁾ Журн. минист. юст. 1866 г. № 4 стр. 31.

15 декабря 1863 г. т. е. почти 2 года спустя послѣ начала работъ, комиссія В. П. Буткова внесла въ государственный совѣтъ проекты, вмѣстѣ съ обширными объяснительными записками. Предсѣдатель комиссіи напутствовалъ проектъ слѣдующими знаменательными словами:

„Если при дальнѣйшемъ направленіи настоящаго дѣла и въ особенности при введеніи въ дѣйствіе новыхъ уставовъ судопроизводства и учрежденія судебныхъ мѣстъ и при необходимомъ, по указаніямъ опыта, исправленіи ихъ, со временемъ будутъ тщательно сохраняемы начала, преподанныя основными положеніями, и если притомъ судебная власть будетъ поставлена *въ полную* и совершенную независимость отъ власти административной, то успѣхъ предпринятой у насъ судебной реформы едва-ли можетъ подлежать какому либо сомнѣнію“. Только при такой вѣрѣ въ себя и въ дѣло, которому призванъ человѣкъ служить, только при томъ всеобщемъ одушевленіи и надеждѣ на лучшее будущее, которая господствовала въ тогдашнемъ обществѣ, и возможно было успѣшное веденіе и окончаніе судебной реформы. Сквозь Сциллу недовѣрія и Харибду сословнаго своекорыстія удалось таки провести дѣятелямъ судебной реформы ихъ работу и ужъ 20 ноября 1864 т. е. чрезъ три года послѣ начала работъ Россія получила приснопамятные Судебные Уставы, составившіе эпоху въ общественномъ развитіи Россіи и вызвавшіе похвалу всего образованнаго міра.

Образцовое судебное законодательство было создано, прекрасныя формы были придуманы, нужно было озаботиться о томъ, чтобы формы эти были наполнены доброкачественнымъ содержаніемъ. Здѣсь то и обнаружилъ Д. Н. Замятинъ не обыкновенную дѣятельность, находчивость и умѣнье распознавать людей. Слѣдовало въ двухъ обширныхъ округахъ, въ которыхъ на первый разъ вводилась реформа, назначить сразу огромное количество людей, доходившее до 532 лицъ, на судебныя должности, начиная отъ сенаторовъ кассаціоннаго департамента и кончая судебными слѣдователями. Важная помощь, которая предоставляется судебной администраціи Су-

дебными Уставами въ видѣ рекомендаціи судебныхъ мѣстъ и, которая въ послѣдствіи игнорировалась вовсе, при всемъ желаніи была недоступна Д. Н. Замятнину. Тѣмъ не менѣе онъ сумѣлъ умомъ и сердцемъ избрать тѣхъ знаменитыхъ чиновъ перваго назначенія, память о которыхъ доселѣ живетъ въ обществѣ, какъ отрадное воспоминаніе о безкорыстной и мужественной службѣ правосудію.

Судебную реформу, по недостатку денежныхъ и интеллектуальныхъ средствъ, по необходимости, пришлось вводить постепенно, и даже по первоначальному положенію 19 октября 1865 не ранѣе четырехъ лѣтъ должно было быть введено судебное преобразование въ губерніяхъ, управляемыхъ по общему губернскому учрежденію. Стало быть, настояла необходимость предпринять что нибудь для прикрытія язвъ стараго судебного устройства, которыя съ открытіемъ новыхъ судовъ должны были обнаружиться съ ужасающею наготою. Этой цѣли должны были служить составленныя Д. Н. Замятнинымъ и проведенныя чрезъ государственный совѣтъ извѣстныя Правила объ измѣненіи и дополненіи свода законовъ, касающихся судопроизводства въ старыхъ судебныхъ мѣстахъ. Правила были Высочайше утверждены 11 октября 1865 и внесли нѣкоторый лучъ свѣта въ темное царство стараго процесса въ видѣ гласности, сокращенія письменности, состоятельности и пр.

Наконецъ, всѣ финансовыя и другія затрудненія были устранены, и Д. Н. Замятнинъ дождался лучшаго для своей жизни, какъ онъ выражался въ послѣдствіи. 17 апрѣля 1866 года онъ имѣлъ счастье открыть въ присутствіи особо приглашенныхъ почетныхъ посѣтителей, чиновъ судебного вѣдомства и многочисленной публики С.-Петербургскія судебныя установленія. Въ рѣчи обращенной къ судьямъ и прокурорамъ первый генераль-прокуроръ въ слѣдующихъ словахъ развилъ свой взглядъ на судебное дѣло: „На вашу долю выпалъ, сказалъ онъ, завидный жребій первымъ провести въ жизнь многознаменательные слова Августѣйшаго Монарха: правда и милость да царствуютъ въ судахъ. Велико довѣріе, оказанное

Вамъ этимъ выборомъ. Вамъ ввѣряется охраненіе самыхъ священныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ, общества и цѣлаго государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ вамъ открываются и всѣ способы для возможно успѣшнаго достиженія высокой цѣли. Царь Освободитель, даровавшій сперва крестьянамъ свободу отъ крѣпостной зависимости, потомъ слившій отдѣльныя сословія въ одну земскую семью, совершаетъ нынѣ надъ судебною властью новый подвигъ своей благотворной дѣятельности и даетъ всѣмъ судебнымъ установленіямъ, отъ высшихъ до низшихъ, *полную* самостоятельность. Но вспомнимъ, продолжалъ ораторъ, что чѣмъ выше благо, тѣмъ большія оно налагаетъ обязанности и отвѣтственность. Не сомнѣваюсь, что вы ими исполнѣ прониклись. Никому уже не будетъ права ссылаться въ оправданіе своихъ дѣйствій и рѣшеній на несовершенство порядка судопроизводства, потому что каждому даются въ руководство полные уставы, составляющіе, можно сказать послѣднее слово юридической науки, ни на недостатки законовъ о доказательствахъ, потому что опредѣленіе силы ихъ предоставлено голосу совѣсти. Государь и съ нимъ вся Россія, продолжалъ министръ, ждутъ отъ васъ водвореніе суда скораго, праваго, милостиваго и равнаго для всѣхъ, утвержденія въ нашемъ отечествѣ того уваженія къ закону, безъ котораго немыслимо общественное благосостояніе. Уваженіе это распространится только тогда, когда вы первые будете подавать примѣръ строгимъ и точнымъ исполненіемъ предписаній закона; когда всѣ убѣдятся, что кто бы ни прибѣгнулъ къ вашему суду, богатый или бѣдный, вельможа или простолюдинъ, всякій найдетъ у васъ равную защиту и покровительство своимъ законнымъ требованіямъ и равное противодѣйствіе несправедливымъ стремленіямъ. Завязывая свои глаза предъ всякими внѣшними и посторонними *вліяніями*, вы тѣмъ полнѣе раскроете внутреннія очи совѣсти и тѣмъ безпристрастнѣе будете взвѣшивать на вѣсахъ правосудія правоту или неправоту подлежащихъ вашему обсужденію требованій и дѣяній. Но для полного успѣха предпринимаемаго судебного преобразованія недостаточно од-

ной дѣятельности судебныхъ уставовъ. Здѣсь необходимо и благонамѣренное содѣйствіе вновь образуемаго у насъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ.

„Вамъ господа, сказалъ министръ, обращаясь къ присяжнымъ повѣреннымъ, посвящающимъ себя на защиту предъ судомъ законныхъ правъ лицъ, лишенныхъ возможности самимъ это исполнить, предстоитъ на избранномъ вами поприщѣ много труда и большаю отвѣтственность. Судебныя мѣста при разрѣшеніи дѣлъ будутъ руководствоваться преимущественно тѣми данными, которые вы имъ представите: поэтому во многихъ случаяхъ отъ вашихъ познаній и образа дѣйствій будетъ зависѣть благосостояніе и честь вашихъ довѣрителей. Одно уже поступленіе въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, закончилъ министръ, даетъ право предполагать, что вы постигли всю важность вашего будущаго круга дѣйствій и что вы всѣ единодушно, рука объ руку съ судебными властями, пойдете попути, предуказуемому вамъ священнымъ чувствомъ долга, точное исполненіе котораго стяжаетъ вамъ высшую для васъ награду—общественное довѣріе и уваженіе.“

23 апрѣля Замятинъ открылъ новые суды въ Москвѣ. Въ рѣчи, обращенной къ мировымъ судьямъ министръ выразилъ слѣдующія мысли: „вамъ, господа, впервые избраннымъ совокупно всѣми сословіями въ эту важную должность предоставленъ обширный кругъ дѣятельности; вамъ поручены дѣла тѣхъ лицъ, которые наиболѣе нуждаются въ скоромъ и правомъ судѣ. На васъ лежитъ непремѣнная обязанность поставить должность мирового судьи на ту высокую степень значенія, которая предначертана ей священною волею Государя Императора и сдѣлать изъ нея краеугольный камень гласнаго, скораго, праваго и милостиваго суда.“

Такъ говорилъ глава судебной администраціи и слова его были, какъ впоследствии доказали факты, не дѣйствами офіціального краснорѣчія, а заключали строго обдуманную программу, которой намѣревался слѣдовать Замятинъ при проведеніи судебной реформы въ жизнь. Въ самостоятельности суда, независимости адвокатуры, онъ не видѣлъ, подобно своему

преемнику, антисоціальныя проявленія необузданной строптивости, которыя всѣми правдами и неправдами должна преслѣдовать и подавлять судебная администрація, а напротивъ лучший залогъ нелицепріятнаго правосудія. Во все время управленія министерствомъ юстиціи Замятнинымъ, отношеніе администраціи къ судамъ и адвокатурѣ исполнены были довѣрія, уваженія и предупредительности. Даже въ мелочахъ проявлялось это доброжелательство. Возникъ напр. во время министерства Замятнина вопросъ, стоя или сидя должны давать заключенія представители прокурорскаго надзора. Замятнинъ, который и самъ во время засѣданія верховнаго уголовного суда вставалъ при обращеніи къ суду, не колеблясь ни минуты предписалъ прокурорамъ вставать предъ судомъ, сославшись на то, что „для поддержанія во всеобщемъ мнѣніи высокаго значенія, присвоеннаго судебной власти новыми уставами, необходимо наглядное выраженіе того уваженія, которымъ власть эта должна пользоваться со стороны всѣхъ безъ изыятія лицъ, имѣющихъ къ нему какое либо отношеніе.“ (Цирк. отъ 15 января 1867 г. № 911). Известно, что преемникъ Замятнина графъ, фонъ-деръ Паленъ нашелъ мнѣніе своего предшественника черезчуръ либеральнымъ и счелъ необходимымъ исключить этотъ циркуляръ изъ сборника министерскихъ циркуляровъ.

Новыя формы суда, особенно гласность и скорость рѣшенія дѣлъ, привлекли сразу общественную симпатію къ новымъ судамъ. Не только въ столицахъ, но и въ глухой провинціи, гдѣ введены были только Правила 11 октября 1865 г. публики ломилась даже на гражданскія засѣданія ¹⁾ Въ своемъ первомъ и единственномъ министерскомъ отчетѣ о дѣятельности новыхъ судовъ, Д. Н. Замятнинъ могъ съ справедливою гордостью и удовольствіемъ указать на то, что „дѣятельность общихъ судебныхъ установленій, оказалась стольже благотворною, какъ и мировыхъ учреждений. И здѣсь, писалъ онъ, глубокое сочувствіе всѣхъ сословій къ су-

¹⁾ Юридич. Газета № 1 Журн. М. Ю. 1866 г. № 5, 1867 г. № 5.

дебному преобразованію выразилось въ томъ напряженномъ вниманіи, съ которымъ присутствующая при судебныхъ засѣданіяхъ публика слѣдитъ за ходомъ дѣлъ предъ судомъ. Быстрота рѣшенія дѣлъ, при соблюденіи всѣхъ необходимыхъ формъ новаго судопроизводства, производила какъ на присутствующую публику, такъ и на участвующихъ въ дѣлѣ лицъ поразительное впечатлѣніе. Участіе присяжныхъ засѣдателей вмѣстѣ съ судомъ въ разсмотрѣніи и разрѣшеніи важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ и сопряженная съ симъ торжественность отправленія правосудія, возвысили общее уваженіе къ судебнымъ установленіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сблизили взаимнымъ довѣріемъ лицъ судебного вѣдомства со всѣми сословіями.“

Въ отчетѣ Замятнина встрѣчаемъ любопытный отзывъ и о судѣ присяжныхъ засѣдателей: „присяжные засѣдатели, состоящіе иногда преимущественно изъ крестьянъ, въполнѣ оправдали возложенныя на нихъ надежды; имъ часто предлагались весьма трудные для разрѣшенія вопросы, надъ которыми обыкновенно затрудняются люди, пріученные опытомъ къ правильному разрѣшенію уголовныхъ дѣлъ, и всѣ эти вопросы, благодаря поразительному вниманію, съ которымъ присяжные засѣдатели внимаютъ въ дѣло, разрѣшались въ наибольшей части случаевъ правильно и удовлетворительно.“

Общій выводъ изъ отчета Замятнина слѣдующій: „взаимнымъ содѣйствіемъ судебныхъ мѣстъ и прокурорскаго надзора, а равно и добросовѣстнымъ исполненіемъ присяжными засѣдателями своихъ важныхъ обязанностей, достигалось столь необходимое для отправленія правосудія *единство*, причемъ немаловажнымъ пособіемъ служило то *единодушіе*, съ которымъ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ относилось къ дѣйствіямъ судей и прокуроровъ“ ¹⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ глава судебной администраціи могъ констатировать предъ верховною властью тотъ утѣшительный фактъ, это уголовная репрессія, несмотря на улучшенныя

¹⁾ См. жур. мин. юст. 1867 г. № 2 стр. 144.

формы судопроизводства или, наоборотъ, благодаря именно имъ, не только не потеряла, но даже много выиграла въ своей интенсивности. И дѣйствительно, вопреки клеветническимъ завѣреніямъ враговъ судебной реформы, въ общемъ, уголовная репрессія усилилась. Такъ, незадолго до введенія Судебныхъ Уставовъ въ дѣйствіе, а именно въ 1864 г. изъ общаго числа обвиняемыхъ, 275,000 лицъ было освобождено отъ взысканія 179,000 человекъ т. е. 65⁰/₁₀₀ ¹⁾, тогда какъ присяжные оправдываютъ и оправдывали среднимъ числомъ 35⁰/₁₀₀. Оставалось радоваться, что судебная реформа, встрѣченная многими съ недоувѣріемъ и враждою, такъ удачно принялась и ждаты, чтобы подъ опытнымъ и благожелательнымъ руководствомъ такого добросовѣстнаго пѣстуна, какъ Д. Н. Замятинъ, предпринятое многотрудное дѣло водворенія законности въ странѣ вѣковѣчнаго господства подкупнаго суда, приказнаго беззаконія, окончательно окрѣпло и дало обильные плоды. Но этому помѣшала, какъ принято выражаться, судьба!...

Миттермайеръ, горячо привѣтствуя проектъ судебной реформы въ Россіи, между прочимъ, высказалъ слѣдующія прекрасныя положенія: „опираясь на долготѣнія наблюденія постепеннаго развитія уголовныхъ учреждений въ различныхъ странахъ Европы, мы высказываемъ наше желаніе, чтобы правительство не видя *немедленно* плодовъ, ожидаемыхъ имъ отъ новыхъ учреждений, не было-бы запугано приверженцами стараго порядка и врагами всякихъ нововведеній, и чтобы оно не переставало преслѣдовать свою цѣль. Мы напоминаемъ ему то интересное явленіе, продолжалъ знаменитый ученый, что даже въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ эти новыя учрежденія были совершенно неизвѣстны, гдѣ даже образованные люди считали народъ не созрѣвшимъ для нихъ, даже тамъ чудеснымъ образомъ юристы поняли значеніе новыхъ началъ. Выгоды, доставляемыя ими высказываются все болѣе и болѣе, а люди, призываемые въ присяжные, оказались наконецъ и

¹⁾ См. Жур. Мин. Юст. 1866 г. № 6 и Юридич. газету № 6, статья г. Шайкевича.

тамъ способными выполнить свое назначеніе“ ¹⁾. Упомянутый выше полугодовой отчетъ Замятнина, вполнѣ подтвердилъ, какъ мы уже видѣли, взглядъ Митермайера на судъ присяжныхъ: русскіе присяжные оказались вполнѣ на высотѣ своего назначенія. Но и пророчески вѣрное опасеніе Митермайера, къ сожалѣнію оправдалось, даже раньше, чѣмъ онъ предполагалъ. Не успѣлъ еще Замятнинъ обозрѣть результаты новаго дѣла за годъ, какъ оно уже выпало у него изъ рукъ, благодаря побѣдѣ противной реформамъ партіи. Ровно годъ спустя послѣ открытія новыхъ судовъ, 16 апрѣля 1867 г., Замятнинъ былъ уволенъ въ отставку. Постъ его занялъ бывший псковской губернаторъ графъ фонъ-деръ-Паленъ, человѣкъ совершенно чуждый кружку славныхъ дѣятелей судебной реформы и относившійся съ недовѣріемъ къ его либеральнымъ принципамъ. Судъ общественной совѣсти, независимые судьи, судебные слѣдователи, автономное сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, однимъ словомъ все, что заявляло претензію на свободу убѣжденія и дѣйствій, было взято въ подозрѣніе. Одинъ только непосредственно подчиненный министерству юстиціи прокурорскій надзоръ, содержимый въ духѣ строгой дисциплины, пользовался его благоволеніемъ. Этотъ же надзоръ, прозванный „судебною гвардіею“, представлялъ и единственно благонадежные кадры для пополненія судебного персонала высшаго ранга. Насколько все это было мало согласно съ основными началами судебной реформы объ этомъ и не думали. Точно въ непріятельской странѣ старались, то при помощи военныхъ хитростей, подкопаться подъ ненавистныя основныя начала Судебныхъ Уставовъ, то открытою силою нападать на эти первые проблески правильнаго обществитія. Не будемъ, однако, омрачать свѣтлаго воспоминанія о незабвенныхъ дѣятеляхъ судебной реформы невеселыми думами о тяжеломъ времени реакціи. Что они дѣлали, эти доблестные защитники идей прогресса, и въ

¹⁾ Жур. Мин. Юст. 1864 г. № 10 стр. 15.

числѣ ихъ Замятнинъ? Въ то время какъ малодушные пошли по теченію, они сохранили мужество, столь необходимое въ переходное время реакціи. Замятнинъ и товарищи его изъ жизненнаго опыта еще болѣе убѣждались въ справедливости либеральныхъ началъ, положенныхъ въ основу Судебныхъ Уставовъ 20 ноября. Уваженіе къ этимъ началамъ, возрастающее по мѣрѣ того, какъ реакція попирала ихъ, перешло въ настоящій религіозный культъ. Тутъ невольно вспомнишь извѣстный стихъ Виктора Гюго:

Quand l'impie a porté l'outrage au sanctuaire,
Tout fuit le temple en deuil de splendeur depouillé,
Mais le prêtre fidèle, à genoux sur la pierre,
Prodigue plus d'encens, repant plus de prière.
Courbe plus bas son front devant l'autel souillé.

Такъ и Замятнинъ; вѣра и любя судебную реформу, какъ святыню, онъ охранялъ ее по мѣрѣ силъ въ государственномъ совѣтѣ отъ посягательствъ необузданной реакціи. Энергіи и трудамъ Замятнина и его товарищей, мы обязаны тѣмъ, что Судебные Уставы, этотъ палладіумъ русской гражданственности, не были вовсе обезображены. Этой ихъ заслуги не забудетъ будущій историкъ русской цивилизаціи. . . . Уже на склонѣ лѣтъ Замятнинъ имѣлъ утѣшеніе видѣть, что подвигъ его жизни, служеніе либеральнымъ основамъ реформъ прошлаго царствованія, прошло не даромъ. Само правительство заявило наконецъ о необходимости водворить „правду“ въ этихъ реформахъ т. е. прилагать ихъ къ жизни въ духѣ началъ, положенныхъ въ ихъ основаніе. Въ отношеніи судебныхъ установленій это значитъ возстановленіе той политики, которая господствовала въ министерствѣ юстиціи при Замятнинѣ. Это хотя и запоздалое признаніе значенія основныхъ началъ судебной реформы, безъ сомнѣнія, должно было служить великимъ утѣшеніемъ для такого убѣжденнаго защитника ихъ, какимъ былъ Замятнинъ. Для насъ же пусть служитъ утѣшеніемъ воспоминаніе объ этомъ честномъ дѣятелѣ, явив-

шемъ примѣръ беззавѣтной вѣры въ либеральныя принципы реформъ прошлаго царствованія и такъ много и по истинѣ доблестно потрудившемся для цѣлостнаго проведенія ихъ въ практическую дѣйствительность.

Гр. Джанинговъ.

О ЖЕЛАТЕЛЬНЫХЪ ИЗМѢНЕНІЯХЪ ВЪ СУДЕБНЫХЪ УСТАВАХЪ ¹⁾.

Болѣе пятнадцати лѣтъ прошло съ того времени, когда въ Россіи введенъ новый судъ. Сколько пережито съ того времени, сколько накопилось опыта! И этотъ пятнадцатилѣтній опытъ учреждений, основанныхъ на уставахъ 20 ноября, достаточно разъяснилъ, кажется, всякому, близко стоящему къ дѣлу, что нѣкоторыя изъ отдѣльныхъ положеній судебныхъ уставовъ не удовлетворяютъ требованіямъ дѣйствительности и поэтому, для пользы общей, должны бы быть измѣнены.

Еще недавно, тому, кто высказалъ бы подобную мысль, угрожала опасность прослыть отъявленнымъ реакціонеромъ. Притронуться въ судебнымъ уставамъ, хотя бы къ одной строчкѣ ихъ, казалось чѣмъ то въ родѣ нарушенія святыни. „Нетрогать уставовъ“ — таковъ былъ лозунгъ всѣхъ тѣхъ, кому были дороги просвѣщенные начала, внесенныя устава-

¹⁾ Направленіе нашего журнала, достаточно выразившееся въ предыдущіе годы, исключаетъ возможность согласія нашего съ нѣкоторыми изъ положеній, высказанныхъ г. Закревскимъ въ печатаемой статьѣ. Не доводя нашего отношенія, къ помѣщаемому въ журналѣ матеріалу, до безразличія и эклектизма, мы всегда однако смотрѣли на нашу задачу такъ, что единственный почти въ Россіи журналъ практическаго правовѣденія, долженъ служить отраженіемъ мнѣній и взглядовъ не одной редакціи, но по возможности и всего судебного міра. Тѣмъ болѣе мы не считали себя вправе отстранять сужденія столь почтеннаго и уважаемаго дѣятеля, какъ г. Закревскій, что мнѣнія его расходятся съ нашими только въ нѣкоторыхъ пунктахъ, и, во всякомъ случаѣ, имѣютъ высокій интересъ для читателей.

Прим. Ред.

ми въ русскую общественную жизнь. Но теперь, когда далеки уже отъ насъ медовые мѣсяцы судебной реформы, когда мы успѣли присмотрѣться къ тому, во что она преобразилась, среди нашей сѣрой дѣйствительности, нельзя не признать, что страхи перваго времени были отчасти преувеличены и отчасти основывались на недоразумѣніи. Само собою разумѣется, что измѣненія могутъ касаться не коренныхъ положеній уставовъ, — тѣхъ положеній, которыя, составляя драгоцѣнное приобрѣтеніе русской гражданственности, принадлежать по духу своему не столько къ законамъ о судопроизводствѣ и судоустройствѣ, сколько къ числу основныхъ государственныхъ законовъ, какъ — то: судебная власть независима отъ исполнительной; судьи несмѣняемы иначе какъ по суду; отправленіе суда производится изустно и публично; важнѣйшія уголовныя дѣла разсматриваются при участіи представителей общества, — присяжныхъ засѣдателей; судьи въ рѣшеніяхъ своихъ руководствуются не теоріею предустановленныхъ доказательствъ, а свободнымъ убѣжденіемъ своимъ.

Не эти начала подлежатъ измѣненію, такъ какъ опытъ новыхъ учрежденій уяснилъ лишь насколько плодотворно примѣненіе ихъ къ дѣйствительности, а должны быть пересмотрѣны въ уставахъ тѣ частности, тѣ отдѣльныя судопроизводственные правила, которыя оказались на практикѣ неудобными, нецѣлесообразными и которыя могли бы быть замѣнены лучшими, безъ всякаго вреда для цѣлаго.

Намъ скажутъ, быть можетъ, что и подобную мысль опасно высказывать: „троньте уставы — и все можетъ рушиться“. На это мы отвѣтимъ, что подобныя опасенія преувеличены. Если бы пожелали „тронуть“, то это можно бы было исполнить и не заводя рѣчи объ улучшеніи правилъ судопроизводства; правила же эти, съ другой стороны, могутъ быть улучшены безъ измѣненія основныхъ положеній, ограждающихъ значеніе судебной власти въ государствѣ.

Укажемъ здѣсь на нѣкоторые примѣры желательныхъ измѣненій въ уставахъ, не имѣя притязанія исчерпать этотъ любопытный предметъ.

I.

Мировыя судебныя учрежденія во многомъ не оправдали возложенныхъ на нихъ надеждъ, въ особенности — мировые сѣзды. Эти сѣзды состояются преимущественно изъ тѣхъ самыхъ судей, которые рѣшаютъ дѣла въ первой инстанціи, такъ какъ почетные, почти повсемѣстно, дѣятельнаго участія въ трудахъ сѣзда не принимаютъ и никакого значенія не имѣютъ, или вслѣдствіе постоянного своего отсутствія, или по незнанію законовъ и по неумѣнію разрѣшать судебныя дѣла. Иные изъ нихъ пытаются иногда, такъ сказать, „проѣхаться на внутреннемъ убѣжденіи“. Но на этомъ одномъ убѣжденіи далеко не уѣдешь. И участковый судья, вытѣпавшій неожиданно какое-либо кассационное рѣшеніе, изъ груды этихъ рѣшеній, оказывается въ концѣ концовъ побѣдителемъ.

Въ итогѣ, мировые сѣзды не представляютъ тѣхъ гарантій безпристрастія и строгаго надзора за дѣйствіями первой инстанціи, какія необходимы при правильномъ устройствѣ суда. Поразительно то невниманіе къ интересамъ тяжущихся, то кумовство и та халатность, которыя встрѣчаются во многихъ выборныхъ сѣздахъ. Сѣзды изъ судей не избранныхъ, а назначенныхъ отъ правительства, сдерживаются по крайней мѣрѣ страхомъ предъ начальствомъ, предъ ревизорами, предъ прокурорскимъ надзоромъ, у котораго всегда въ рукахъ донесеніе „въ порядкѣ подчиненности“. Если не совѣсти, то страха ради, члены этихъ невыборныхъ сѣздовъ подавляютъ въ себѣ проявленія русской натуры, воспитанной на произволѣ и неуваженіи къ обществу. Какъ бы прочествомъ представляются соображенія, высказанныя меньшинствомъ составителей уставовъ, возражавшимъ противъ учрежденія сѣздовъ.

Но что же дѣлать? Какъ помочь горю?

Всего лучше было бы вовсе упразднить мировые сѣзды, передавъ дѣла, имъ подвѣдомыя, въ окружные суды. Хотя члены нашихъ окружныхъ судовъ далеки отъ совершенства, но они во всякомъ случаѣ представляютъ и большій запасъ юридическихъ знаній, и болѣе гарантій безпристрастія, чѣмъ

члены съѣздовъ, которые то препираются между собою, то покрываютъ промахи другъ друга, въ ущербъ интересамъ тяжущихся. Но съ возложеніемъ на окружные суды обязанности разсматривать въ апелляціонномъ (для мелкихъ дѣлъ въ кассационномъ) порядкѣ, жалобы на рѣшенія и приговоры мировыхъ судей и надзора за мировыми судьями, слѣдовало бы возложить—какъ уже давно было предположено—на судебныя палаты, вмѣсто сената, кассационное производство по дѣламъ мировыхъ учрежденій, восходящимъ въ настоящее время въ сенатъ. Возраженіе противъ подобной мысли, заключающееся въ томъ, что при этомъ нарушилось бы единообразіе кассационной практики, давно опровергнуто, и теперь рѣшенія самого сената не представляютъ образца единообразія, и теперь мировые съѣзды рѣшаютъ, каждый по своему, извѣстныя дѣла, въ кассационномъ порядкѣ. И при предлагаемомъ порядкѣ можно было бы придумать кое-что для охраненія единообразія въ кассационной практикѣ судебныхъ палатъ: сенатъ разъяснилъ бы, вслѣдствіе предложеній министра юстиціи или по собственному усмотрѣнію, тѣ вопросы, которые были бы различно разрѣшаемы судебными палатами. Съ другой стороны, вслѣдствіе уменьшенія дѣлъ, сенатъ не былъ бы поставленъ въ необходимость постановлять въ отдѣленіяхъ своихъ, какъ это происходитъ теперь, со времени изданія Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта отъ ¹⁰/₂₂ іюня 1877 года, необстоятельно мотивированныя рѣшенія.

Однако, какъ само собою разумѣется, подчиненіе мировыхъ судей окружнымъ судамъ, повлекло бы за собою увеличеніе числа окружныхъ судовъ и личнаго состава многихъ изъ нихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и увеличеніе государственныхъ расходовъ. Чтобы избѣгнуть этого неудобства и тѣмъ не менѣе улучшить ходъ дѣлъ, можно было бы прибѣгнуть къ иной мѣрѣ, менѣе радикальной, но которая принесла бы немалую долю пользы. Мы разумѣемъ назначеніе отъ правительства предсѣдателей и въ тѣхъ съѣздахъ, гдѣ мировые судьи назначаются по выборамъ земства. Для этого слѣдовало-бы постановить такое правило: „Въ съѣздѣ мировыхъ судей пред-

сѣдаетъ лицо, совмѣщающее въ себѣ условія, указанныя въ статьяхъ 202 и 203 учр. суд. уст. и назначенное Высочайшею властью, по представленію министра юстиціи. Лицо это пользуется всѣми правами и преимуществами товарища предсѣдателя окружнаго суда. Содержаніе выдается ему изъ земскаго сбора“.

Предсѣдатель, назначенный отъ правительства, независимъ отъ мѣстнаго общества и отъ мировыхъ судей, содѣйствовалъ бы правильному надзору за ними, вносилъ бы въ дѣло элементъ самостоятельности и извѣстный запасъ юридическихъ знаній, столь необходимыхъ въ учрежденіи, постановляющемъ рѣшенія и приговоры, подлежащіе апелляции.

Насъ упрекнуть, быть можетъ, въ томъ, что мы являемся какъ бы непослѣдовательными сами съ собою, — что мы съ первыхъ же словъ посягаемъ на одно изъ основныхъ положеній судебныхъ уставовъ — на выборное начало въ мировыхъ учрежденіяхъ, что мы стремимся ввести въ эти учрежденія „чиновничій элементъ“. Подобныя возраженія были-бы лишены всякаго серьезнаго значенія. Мы не только не посягаемъ на выборное начало, въ той мѣрѣ, въ которой оно введено, но напротивъ того, желали бы распространенія его и въ девяти западныхъ губерніяхъ, и вездѣ, гдѣ существуютъ или будутъ введены мировыя учрежденія. Не потому, что мы считаемъ выборное начало особенно благотворнымъ для замѣщенія судейскихъ должностей, но потому что изъ двухъ золъ — назначенія земскимъ собраніемъ или назначенія канцеляріею министерства юстиціи ¹⁾ — мы предпочитаемъ меньшее. Земскіе дѣятели избравъ, подъ вліяніемъ разныхъ уѣздныхъ страстишекъ, мелкихъ и гадкихъ, негоднаго человѣка въ должность мирового судьи, сами испытываютъ на себѣ послѣдствія своего дѣйствія. Рождается потребность исправить зло. Канцеля-

¹⁾ Мы говоримъ о канцеляріи, такъ какъ рѣчь идетъ объ одной изъ высшихъ должностей, которыя не могли бы быть замѣщаемы, повсемѣстно, исключительно по непосредственному усмотрѣнію высшаго управленія.

ріи же министерствъ сами иногда не знаютъ что творять и не чувствуютъ потомъ на себѣ, что сотворили дурно.

Хотя бы замѣщеніе должности мирового судьи и производилось повсемѣстно по выбору земства, но изъ этого нельзя выводить еще, что ничто не должно препятствовать праву этихъ судей, что имъ слѣдуетъ предоставить право освободить себя отъ всякаго контроля, посредствомъ избранія въ должность предсѣдателя сѣзда, — въ такую должность, съ которою сопряжена инициатива надзора за дѣятелями первой инстанціи, — лицъ, которыя менѣе другихъ могутъ препятствовать распущенности, беспорядочности, халатности прочихъ.

- Правительствующій Сенатъ отстоитъ слишкомъ далеко. Случайные ревизоры отстанутся всегда случайностью: и появленіе ихъ случайное и взгляды такіе же. Необходимъ постоянный надзоръ на мѣстѣ, а лицо надзирающее не можетъ находиться въ зависимости отъ поднадзорныхъ. Судья, назначенный отъ правительства, получившій юридическое образованіе, пользующійся несмѣняемостью, неожиданной съ трепетомъ срока выборовъ, будетъ находиться въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для исполненія, съ достоинствомъ, обязанностей предсѣдателя мирового сѣзда. Ему не придется заискивать ни у избирателей, ни у мировыхъ судей, ни даже — какъ это теперь происходитъ въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ ни одинъ изъ членовъ сѣзда не пользуется несмѣняемостью — у лицъ прокурорскаго надзора.

Относительно должности мирового судьи можно бы также произвести нѣсколько полезныхъ измѣненій.

Практика достаточно разъяснила, на примѣръ, что требованіе имущественнаго ценза для избираемыхъ, не принося никакой пользы, стѣсняетъ лишь избирателей, ограничивая произвольно число кандидатовъ. Мысль о цензѣ для мировыхъ судей занесена изъ Англіи, гдѣ мѣстные землевладѣльцы стремились всегда къ занятію общественныхъ должностей, съ цѣлью удержать въ рукахъ своего сословія политическую власть. Но и въ Англіи признаютъ теперь, что многіе изъ благородныхъ джентельменовъ, облеченныхъ въ судейское званіе, гораздо

успѣшнѣ травятъ лисицъ и стрѣляютъ фазановъ, чѣмъ рѣшаютъ судебныя дѣла. И въ этой странѣ пришли къ убѣжденію, что замѣщеніе должности судьи не должно быть подчиняемо политическимъ расчетамъ, что эта должность, требуя специальной подготовки, не можетъ быть предоставлена дилетантамъ.

Несостоя въ числѣ сотрудниковъ газеты „Русь“, считая, чтобы общественная жизнь русскаго народа подчинялась какимъ-то особеннымъ законамъ, невѣдомымъ всему, живущему за предѣлами нашего отечества,—мы не можемъ однако не признать, что подражаніе чужеземному было произведено въ данномъ случаѣ неудачно. Въ Россіи имущественный цензъ для мировыхъ судей не имѣетъ никакого смысла. Иное дѣло цензъ образовательный. Слѣдовало-бы во всякомъ случаѣ установить, что окончаніе юридическихъ наукъ освобождаетъ отъ представленія имущественнаго ценза. Сколько имѣется теперь окончившихъ курсъ, которые тратятъ много лѣтъ въ званіи кандидата на судебныя должности, тщетно ожидая назначенія въ слѣдователи, и которые съ пользою могли бы занять мѣсто мирового судьи.

Трехлѣтній срокъ службы мирового судьи, какъ уже не разъ говорилось, слишкомъ кратокъ. Только что успѣло избранное лицо оправиться отъ волненій, причиненныхъ ему выборами, только что оно познакомило съ своими обязанностями, какъ ему приходится готовиться къ новымъ выборамъ и вновь выжидать рѣшенія судьбы своей отъ мѣстныхъ тузовъ и воротилъ, а иногда и отъ кабатчиковъ, трактирщиковъ и кулаковъ, засѣдающихъ въ земскихъ собраніяхъ или вліяющихъ на результаты голосованій въ нихъ¹⁾. Мало кто изъ мировыхъ судей служить теперь лишь изъ одной чести. Большинство дорожитъ своими мѣстами вслѣдствіе матеріальной выгоды, которую они доставляютъ. Часто повторяющіеся вы-

¹⁾ Какъ вредно, на примѣръ, отзывается трактирный элементъ въ средѣ избирателей, на личный составъ петербургскихъ мировыхъ судей, известно всякому, кто нѣсколько знакомъ съ ходомъ дѣлъ петербургской мировой эстиміи.

боры нарушаютъ спокойствіе духа судей и вредятъ ихъ самостоятельности. Желательно продленіе срока службы мирового судьи, по крайней мѣрѣ до пяти лѣтъ.

Уставъ уголовного судопроизводства въ отдѣлѣ, посвященномъ мировымъ установленіямъ, содержитъ въ себѣ также нѣкоторыя правила, которыя не представляются вполне удовлетворительными.

Прежде всего, предѣлы вѣдомства могли бы быть съ пользою измѣнены. Мелкія дѣла, обременяющія мировыхъ судей своею многочисленностью, какъ-то: словесныя оскорбленія и другія, должны бы быть предоставлены судебнo-полицейскому разбирательству, когда правительство преобразуетъ губернскія и уѣздныя учрежденія и установитъ должностныхъ лицъ, которымъ ввѣритъ управленіе всесословною властью. Съ другой стороны, по пересмотрѣ уложенія о наказаніяхъ, менѣе тяжкія изъ кражъ со взломомъ и другіе проступки, за которые положено не болѣе одного года тюрьмы, слѣдовало бы отнести къ вѣдомству мировыхъ судей.

Далѣе, 45 ст. уст. уг. суд., гласящая, что мировымъ судьямъ, сверхъ дѣлъ, предоставленныхъ ихъ разбирательству, подвѣдомы, собственно *для склоненія сторонъ къ миру*, дѣла, которыя хотя и влекутъ за собою болѣе строгія наказанія, но могутъ быть прекращаемы примиреніемъ—подлежитъ безусловно отмѣнѣ. Происхожденіе ея объясняется какимъ-то идеалистическимъ представленіемъ о мировомъ судѣ, какъ о верховномъ примирителѣ, который лучше судебного слѣдователя, лучше предсѣдателя окружнаго суда, сумѣетъ убѣдить оскорбленнаго забыть нанесенную ему обиду и отойти съ миромъ, оставивъ судей въ покоѣ. Дѣйствительность ежедневно подтверждаетъ, что подобныя представленія ни на чемъ не основаны. Весь пресловутый „обрядъ примиренія“ превращается въ одну формальность, равно обременительную какъ для сторонъ, такъ и для судебныхъ дѣятелей. Жалобщикъ вынужденъ идти безъ всякой нужды къ мировому судѣ, даже при убѣжденіи, что судья не въ состояніи побудить его къ оставленію безъ послѣдствій невѣрности жены или

ударовъ, ему нанесенныхъ, или клеветы въ печати и т. п. Судья же, каково бы ни было настроеніе обвинителя, долженъ устраивать для него свиданіе съ обвиняемымъ и пускать въ ходъ свои таланты, по части склоненія къ миру. Все это, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, ничѣмъ не оканчивается и большею частью стороны наносятъ при этомъ другъ другу только новыя оскорбленія. А между тѣмъ какія проволочки, переписки, пререканія, порождаетъ этотъ пресловутый „обрядъ!“

Тому кто полагаетъ, что 35 статья приноситъ все таки своего рода пользу, нужно познакомиться, чтобы окончательно разубѣдиться, съ тѣми неудобствами, которыя повлекло за собою широкое примѣненіе ея въ Царствѣ Польскомъ. Тамъ многія дѣла, въ томъ числѣ самоуправство и насиліе (142 ст. уст. о нак.), подсудны окружнымъ судамъ, а мирово-гминныя учрежденія склоняютъ по нимъ къ миру. Сколько неудобствъ причинилъ этотъ порядокъ тяжущимся; сколько ненужныхъ хожденій въ разные суды; сколько разъ одно дѣло пересылалось отъ однихъ должностныхъ лицъ къ другимъ. Пора положить конецъ этому вздору.

Вмѣсто вредной 35 ст. можно бы постановить, въ отдѣлѣ объ управленіи ходомъ засѣданія, другую, сходную по содержанию съ 165 статьею,—именно: предписать предсѣдателю окружнаго суда примирять обвинителя съ обвиняемымъ, когда дѣло окончательно разъяснено, до постановленія судомъ приговора, а въ отдѣлѣ о предварительномъ слѣдствіи обязать слѣдователя, чтобы онъ объяснялъ сторонамъ, что дѣло между ними можетъ быть окончено миромъ.

Нужно побывать въ числѣ судящихъ въ какомъ либо засѣданіи мирового съѣзда или самому имѣть дѣло въ съѣздѣ, чтобы уразумѣть вполне всѣ неудобства, проистекающія если не изъ самой 159 статьи уст. уг. суд. (о вызовѣ свидѣтелей въ судъ), то изъ толкованія, которое дано ей сенатомъ. Вслѣдствіе этого толкованія, и въ виду того, что практика, предписываемая сенатомъ, твердо установилась въ мировой юстиціи, теперь необходимо уже законодательное измѣненіе упомяну-

той статьи. Сенатъ, какъ извѣстно, истолковалъ, что вовсе не вытекало изъ закона, что свидѣтели, допрошенные у мирового судьи безъ присяги, за отсутствіемъ священника, должны быть обязательно передопрошены въ сѣздѣ подъ присягою, хотя бы сѣздѣ, по обстоятельствамъ дѣла, признавалъ, что нѣтъ никакой надобности вновь допрашивать свидѣтелей, уже однажды давшихъ совершенно точныя показанія у судьи, — хотя бы сѣздѣ сознавалъ, что передопросъ требуется, какъ это бываетъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ, исключительно съ цѣлью затянуть дѣло. Безъ всякой нужды, безъ всякаго смысла, заявляется такое требованіе о передопросѣ, и свидѣтелей, уже однажды вызывавшихся, исполнившихъ обязанности свои, вновь „таскаютъ“ въ судъ, который часто далѣе отстоитъ отъ мѣста ихъ жительства, чѣмъ камера судьи. „Таскаетъ“ ихъ именно противная сторона, для которой невыгоды ихъ показанія, чтобы ихъ безнаказанно помучить и чтобы затормозить производство, въ случаѣ ихъ неувки. Но этой „противной сторонѣ“, вооруженной многими десятками кассационныхъ рѣшеній, только и нужно, чтобы разбирательство откладывалось, чтобы свидѣтели неявлялись и штрафовались и т. п. Всѣмъ надобно дѣло, думаетъ она, и обвинителю, и свидѣтелямъ, и суду; такъ оно и кончится. Кромѣ того, допросъ однихъ свидѣтелей, безъ выслушанія другихъ, безъ повторенія всего судебного слѣдствія, даетъ лишь отрывочное, неполное представленіе о дѣлѣ.

Само собою разумѣется, что 98 статью, предписывающую мировому судѣ отбирать отъ свидѣтеля подписку въ томъ, что онъ обязанъ подтвердить свое показаніе присягою, въ случаѣ требованія которой либо изъ сторонъ, слѣдовало истолковать въ томъ смыслѣ, что такое требованіе должно быть заявлено до постановленія приговора мировымъ судьей, такъ какъ оно касается производства у судьи, а не въ сѣздѣ. Толкованіе же данное сенатомъ, извратило все производство апелляціонной инстанціи, которая теперь беспокоитъ людей безъ всякой пользы, въ угоду кляузничеству и недобросовѣстности, производить какое-то отрывочное судебное

слѣдствіе и совершаетъ извѣстные дѣйствія безъ всякаго убѣжденія въ ихъ необходимости. Вопросъ о 159 статьѣ гораздо серьезнѣе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Безъ законодательнаго вмѣшательства дѣло не можетъ обойтись теперь. Оно должно заключаться въ измѣненіи 159 статьи и изложеніи ея согласно съ 879 статьєю, именно такъ: „Свидѣтели и свѣдущіе люди требуются въ мировой сѣздъ лишь тогда, когда сѣздъ признаетъ это необходимымъ или когда сторона о томъ проситъ и къ удовлетворенію ея просьбы не встрѣчается препятствія.“

Кстати о свидѣтеляхъ. То вознагражденіе, которое назначено по 193 статьѣ,—съ тѣмъ, ничѣмъ неоправдываемымъ ограниченіемъ, что вознагражденіе опредѣляется только въ случаѣ призыва на разстояніи болѣе 15 верстъ,—крайне незначительно. Каждый можетъ быть потребованъ въ качествѣ свидѣтеля въ камеру мирового судьи, по самому вздорному дѣлу, о которомъ забываютъ стороны, его возбудившія, до дня засѣданія. Двѣ бабы въ вашемъ присутствіи „переплевались“ и нужно вамъ отправляться въ камеру судьи, какъ бы это ни представлялось неудобнымъ для васъ. Онѣ помирились, а вы должны были пройти даромъ 15 верстъ, въ два конца, и потерять по крайней мѣрѣ день. Если вы прошли болѣе 15 верстъ, то вы получаете незначительное вознагражденіе изъ средствъ казны. Въ Царствѣ Польскомъ евреи все таки находятъ возможнымъ пользоваться этими правилами, чтобы доставить пріятелямъ своимъ возможность прокатиться на казенный счетъ. Одинъ изъ нихъ подаетъ жалобу на другаго за мнимое оскорбленіе, указываетъ свидѣтелей, а самъ не является. Дѣло прекращается за неявкой обвинителя, а свидѣтели получаютъ деньги изъ казны, такъ какъ обвиненіе не признано недобросовѣстнымъ, а обвиняемый не признанъ виновнымъ. Необходимо болѣе оградить какъ интересы частныхъ лицъ, такъ и интересы казны. Для этого слѣдовало бы высить самый размѣръ суточныхъ, который долженъ бы опредѣляться согласно общественному положенію обвиняемаго и согласно тому, что онъ дѣйствительно зарабатываетъ въ день.

Всякій обязанъ явиться, когда его вызываютъ въ качествѣ свидѣтеля, для того, чтобы содѣйствовать судебной власти въ отправленіи правосудія. Это—гражданская повинность. Но нести матеріальныя жертвы, при отбываніи этой повинности, никто не долженъ. Еще слѣдуетъ помнить, что дѣла, оканчивающіяся примиреніемъ, приравняются въ процессуальномъ отношеніи къ дѣламъ гражданскимъ (104 ст.), а потому нѣтъ основанія освобождать по такимъ дѣламъ лицъ, не пользующихся правомъ бѣдности, отъ обязанности вносить впередъ деньги на вызовъ указываемыхъ свидѣтелей. Сколько людей подобное справедливое требованіе удержало-бы отъ того, чтобы беспокоить другихъ понапрасну и вводить казну въ расходы. Статью же 194, опредѣляющую на кого падаютъ судебныя издержки, слѣдовало бы изложить такъ: „Уплата судебныхъ издержекъ обращается: 1) на обвиняемаго, если онъ признанъ виновнымъ; 2) на обвинителя, если обвиненіе признано недобросовѣстнымъ по дѣламъ, которыя не могутъ быть прекращаемы примиреніемъ; 3) на обвинителя же, если обвиняемый оправданъ или если дѣло прекращено за неявкою обвинителя по дѣламъ, которыя могутъ быть прекращаемы примиреніемъ.“ Согласно 2 и 3 пункту проектируемой статьи, слѣдовало бы измѣнить также 782 ст. уст. гр. суд.

При производствѣ мирового судьи часто случается на практикѣ, что онъ приступаетъ къ повѣркѣ доказательствъ обвинителя въ то время, когда обвиняемый недостаточно знакомъ съ существомъ жалобы и съ доказательствами, приводимыми въ подтвержденіе ея. Вслѣдствіе этого дѣло откладывается, а статья 116, о рѣшеніи дѣла по возможности въ одномъ засѣданіи, не соблюдается. Мировой судья разсматриваетъ отдѣльно, а не въ одномъ засѣданіи, доказательства той и другой стороны, не вынося изъ совокупности обстоятельствъ того живого впечатлѣнія, которое могло бы способствовать правильному убѣжденію. Необходимо чтобы обвиняемый, отправляясь къ мировому судѣ, обстоятельно зналъ въ чемъ его обвиняютъ,—чтобы онъ могъ до явки къ судѣ приготовиться къ своей защитѣ и, если пожелалъ бы, тутъ же представить

доказательства въ свое оправданіе, что возможно только тогда, когда извѣстенъ предметъ обвиненія. Для этого полезно было бы дополнить статью 46 слѣдующимъ правиломъ: „къ жалобѣ прилагаются копія ея, по числу обвиняемыхъ,“ а статью 56 слѣдующимъ: „къ повѣстѣй прилагается копія съ письменной жалобы и съ протокола—словесной“.

Наконецъ, отсутствіе въ уставѣ уголовного судопроизводства правила о предварительной повѣркѣ мировымъ судьей жалобы, впредь до привлеченія извѣстнаго лица къ дѣлу, въ качествѣ обвиняемаго, крайне неудобно. Статья 47 говоритъ о повѣркѣ чрезъ полицію, при отсутствіи обвиняемаго или недостаточныхъ доказательствахъ и только по тѣмъ дѣламъ, гдѣ преслѣдованіе имѣетъ мѣсто независимо отъ жалобы частныхъ лицъ. Но если доказательства указаны и нужно сколько нибудь убѣдиться въ достовѣрности ихъ? Судебнымъ слѣдователямъ постоянно предписывается быть крайне осмотрительными при привлеченіи кого либо въ качествѣ обвиняемаго, а мировой судья и осмотрительнымъ быть не можетъ, такъ что жалоба обвиняемаго влечетъ за собою обязательное привлеченіе.

Пишущій сіи строки припоминаетъ изъ своей практики по должности мирового судьи, случай, гдѣ въ Петербургѣ была подана жалоба съ обвиненіемъ въ кражѣ противъ лица, находившагося въ Харьковѣ. Въ жалобѣ были указаны свидѣтели. Между тѣмъ, особая личныя отношенія, существовавшія, какъ видно было изъ самой жалобы, между обвинительницею и обвиняемымъ, порождали основательное подозрѣніе въ недобросовѣстности обвиненія. Можно-ли было, на основаніи подобной жалобы, вызывать издалека обвиняемаго, а въ случаѣ неявки приводить его по этапу. Затрудненіе было обойдено тѣмъ, что судья самъ произвелъ дознаніе и убѣдившись изъ распроса свидѣтелей въ томъ, что жалоба принесена исключительно изъ мести, отказалъ въ привлеченіи обвиняемаго и въ вызовѣ его изъ Харькова.

Слѣдовало-бы выразить положительно въ законѣ, что мировому судѣй принадлежитъ право отказать въ привлеченіи

обвиняемого, когда онъ, по предварительной повѣркѣ доказательствъ обвинителя, убѣдится въ полной неосновательности жалобы.

Правило о объявленіи въ теченіи сутокъ неудовольствія на приговоръ мирового судьи, вызываетъ недоразумѣнія на практикѣ. Сторона, недовольная приговоромъ, выходитъ ворча изъ камеры судьи и потомъ съ удивленіемъ узнаетъ, что приговоръ вступилъ въ законную силу, такъ какъ она не заявила неудовольствія въ установленной формѣ. Полезно было-бы отмѣнить вовсе обязательность подобнаго заявленія, оставя двухнедѣльный срокъ на апелляцію.

Но съ другой стороны, приостановленіе сполна приговора (3 п. 181 ст.), до разрѣшенія сенатомъ кассационной жалобы, крайне замедляетъ обращеніе приговора къ исполненію и вселяетъ въ населеніи недовѣріе къ органамъ судебной власти, въ виду той крайней медленности, съ которою наказаніе слѣдуетъ за преступленіемъ. Можно было-бы дополнить 125 ст. правиломъ такого содержанія, „что присужденный неокончательнымъ приговоромъ мирового съѣзда къ аресту, можетъ быть оставленъ на свободѣ, въ случаѣ подачи кассационной жалобы въ сенатъ, лишь по представленіи залога или поручительства (см. 875 ст.)“. Такое правило уменьшило-бы число кассационныхъ жалобъ и ускорило-бы примѣненіе наказаній во многихъ случаяхъ, гдѣ теперь подаются кассационныя жалобы лишь для того, чтобы отдалить исполненіе приговора.

Кромѣ того, примѣненіе теоріи совокупности къ проступкамъ, предусмотрѣннымъ уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, влечетъ, за собою крайне курьезныя послѣдствія: присужденный къ трехмѣсячному аресту подаетъ кассационную жалобу въ сенатъ; до разрѣшенія ея онъ можетъ безнаказанно совершать всѣ проступки, за которые положено наказаніе не выше трехъ мѣсяцевъ ареста. Онъ можетъ оскорблять, напимѣръ, словомъ и дѣйствіемъ, кого хочетъ; начинать ссоры, драки и кулачный бой; нарушать общественное спокойствіе; выставять безъ надлежащей осторожности клѣтки и горшки съ цвѣтами на окнахъ; отеры-

вать безъ надлежащаго разрѣшенія общенародныя игры и пр. Словомъ, онъ можетъ глумиться надъ уставами почтовымъ, пожарнымъ, телеграфнымъ, строительнымъ,—обратиться въ настоящий бичъ для общества. И все это, повторяемъ, безъ всякихъ послѣдствій для себя, подъ покровомъ благотѣльной теоріи о совокупности, такъ какъ онъ уже приговоренъ къ максимуму наказанія, положеннаго за каждый изъ этихъ проступковъ въ отдѣльности, а до отбытія наказанія за первый проступокъ, всѣ прочіе не влекутъ никакихъ послѣдствій. По нашему мнѣнію, совокупность должна-бы считаться только для проступковъ, совершенныхъ до постановленія мировымъ судьей перваго приговора, а не до отбытія наказанія, которое можетъ послѣдовать весьма долго за первымъ приговоромъ.

Что же касается до производства гражданскихъ дѣлъ у мировыхъ судей, то и относительно ихъ мы можемъ замѣтить, что полезно было-бы расширить предѣлы вѣдомства ихъ, передавъ имъ споры о недвижимой собственности, не превышающіе по цѣнности своей 500 р. Этимъ самымъ судъ приблизился-бы къ населенію и не было бы надобности, какъ это происходитъ теперь, преимущественно въ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ мелкое землевладѣніе, облекать искъ о правѣ собственности въ форму исковъ о нарушенномъ владѣніи.

За то, предоставленное мировымъ судьямъ право принимать къ своему разсмотрѣнію всякій споръ и искъ гражданскій, если обѣ стороны будутъ просить о разрѣшеніи ихъ дѣла „по совѣсти“ (30 ст. уст. гр. суд.) приноситъ пользу только людямъ недобросовѣстнымъ. Статья эта объясняется тѣмъ же идеалистическимъ представленіемъ о роли мирового судьи въ обществѣ, которымъ объясняется происхожденіе 35 ст. уст. уг. суд. Мировой судья — примиритель, который однимъ словомъ своимъ побуждаетъ человѣка, подвергшагося потасовкѣ, не придавать особаго значенія этому событію,—обманутаго мужа отнести по философски къ увлеченіямъ пылкой супруги своей! Мировой судья, къ совѣсти котораго обращаются тяжущіеся, добродушно заблуждающіеся относи-

тельно правъ своихъ! Какъ уже сказано, все это фантазія, рѣзко расходящаяся со всѣмъ тѣмъ, что встрѣчается въ жизни. Существуетъ, обставленный извѣстными формальностями, третейскій судъ, къ которому и могутъ обращаться тяжущіеся, желающіе, по какимъ либо причинамъ, обойти обыкновенныя формы процесса. Къ третейскому суду обращались, напримѣръ, нерѣдко жители Царства Польскаго, вскорѣ послѣ введенія судебной реформы, вслѣдствіе нерасположенія къ судамъ, въ которыхъ засѣдали русскіе судьи и говорилось по-русски. Но достаточно одного третейскаго суда. Судъ же „по совѣсти“, творимый мировымъ судьей, легко доступный всякому, освобожденный отъ какихъ либо формальностей, приносить лишь пользу плутамъ, желающимъ составить, напримѣръ, такъ называемый „бронзовый вексель“, въ ущербъ интересамъ третьихъ лицъ; подложно переукрѣпить имущество свое во вредъ кредиторамъ; совершить мнимую сдѣлку и т. п. При неразвитости же нашей гражданской практики, при привычкѣ, свойственной нашимъ гражданскимъ судамъ, относиться по дѣлу формально и не входить въ оцѣнку намѣреній сторонъ, весьма трудно бываетъ, впослѣдствіи, третьему лицу доказать, что мошенническая сдѣлка, облеченная въ форму рѣшенія мирового судьи, постановленнаго, „по совѣсти“, ничто иное какъ заранѣе обдуманнѣйшій обманъ, направленный противъ правъ этого лица.

Совершенно необходимо исключеніе 30-й статьи изъ устава.

Вмѣсто этого, мировому судѣ съ пользою могли-бы быть предоставлены другія права, напримѣръ: право обезпечивать иски на всякую сумму, до утвержденія этой мѣры окружнымъ судомъ, подобно тому, какъ теперь предсѣдатель окружнаго суда обезпечиваетъ иски собственною властью (598—600 уст. гр. суд.). Пока истецъ отправится въ городъ, гдѣ находится окружной судъ, имущество можетъ быть скрыто. Между тѣмъ, если-бы мировой судья могъ обезпечить искъ подъ условіемъ, чтобы истецъ, въ теченіе извѣстнаго, опредѣленнаго закономъ срока, исходатайствовалъ утвержденіе этой мѣры окружнымъ судомъ, то этимъ самымъ значительно упростился бы и ускорился процессъ обезпеченія.

II.

Переходя къ производству уголовныхъ дѣлъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, нельзя не остановиться, прежде всего, на слѣдственной части, о неудовлетворительности которой теперь принято такъ много говорить. При этомъ, большею частью, всѣ придумываемые проекты улучшеній не попадаютъ какъ-то въ цѣль и зло видятъ не тамъ, гдѣ оно дѣйствительно кроется.

Что наша полиція плоха, что она обременена несвойственными ей обязанностями, что розыски ею производятся скверно, объ этомъ никто не спорить. Но, обыкновенно, побранивъ полицію, начинаютъ бранить и слѣдователей: слѣдователи наши плохи; они, будто-бы, нигуда не годятся. Собесѣдникъ спрашиваетъ: почему? А потому, видите, что они не утверждены въ должности, что ихъ угнетаетъ прокурорскій надзоръ, что они назначаются не выслуживъ предварительно четырехлѣтняго срока, требуемаго судебными уставами. По нашему мнѣнію, подобная quasi—либеральная болтовня свидѣтельствуешь лишь о смутномъ пониманіи дѣла.

Безъ хорошей полиціи, безъ успѣшнаго розыска не можетъ быть, конечно, хорошаго и успѣшнаго слѣдствія. И пока полиція будетъ заниматься всевозможными дѣлами, кромѣ огражденія безопасности жителей, до того времени толку не будетъ. Но то обстоятельство, что не всѣмъ слѣдователямъ предоставляется несмѣняемость, въ особенности при самомъ назначеніи ихъ, что не всѣхъ кандидатовъ на судебныя должности заставляютъ непремѣнно выжидать четыре года по поступленіи ихъ на службу до опредѣленія слѣдователями—никакого существеннаго значенія на успѣшность слѣдствій не имѣетъ. Факты эти объясняются условіями нашей русской, провинціальной жизни. Составители судебныхъ уставовъ, конечно, не имѣли въ виду такихъ слѣдователей, которые встрѣчаются теперь въ дѣйствительности. Они желали создать независимыхъ, зрѣлыхъ, опытныхъ слѣдственныхъ судей, которыхъ справедливо было бы облечь въ несмѣняемое званіе. Но такихъ слѣдственныхъ судей, которыхъ рисовало воображеніе

упомянутых почтенных дѣятелей, дѣйствительность не дала. Не одни реакціонныя стремленія бывшаго министра юстиціи, но общія условія нашей дѣйствительности, „недостатокъ людей“, вызвали необходимость поручить слѣдственные должности молодымъ, неискусившимся на житейскомъ поприщѣ людямъ, если непріобрѣтшимъ еще обширной опытности, то за то неутратившимъ энергіи юныхъ лѣтъ жизни. А отсюда невозможность ставить такихъ людей сразу, не испытавъ ихъ на дѣлѣ, въ несмѣняемое положеніе.

Когда говорится о нашихъ слѣдователяхъ, то ненужно забывать, что рѣчь идетъ не о тѣхъ только, которые дѣйствуютъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и другихъ большихъ городахъ. Нужно помнить, какъ велика и неустроенна русская земля,—въ какихъ трущобахъ, захолустяхъ, приходится жить и дѣйствовать слѣдователямъ. Нужно помнить, что кромѣ петербургскихъ, московскихъ и варшавскихъ городскихъ участковъ, существуютъ участки цѣноборскіе, бродокалмыцкіе, царевиковшайскіе и другіе. Нужно имѣть въ виду, что не всѣ наши слѣдователи производятъ себѣ спокойно слѣдствія въ зданіи окружнаго суда, какъ въ Петербургѣ, Варшавѣ и нѣкоторыхъ городахъ, а что они разѣзжаются къ пустынямъ русской земли, съ ея ухабами, съ ея невылазною грязью, съ ея бездорожіемъ и мятелями,—разѣзжаются среди ненастья, среди лишеній всякаго рода для того, чтобы не затрудняя населенія вызовами въ камеру, исполнить тяжелыя обязанности свои на мѣстѣ, гдѣ возникло преступленіе.

Уѣздный слѣдователь—это вѣчный странникъ, возвращающійся домой для того только, чтобы привести въ порядокъ свои бумаги, разнести по дѣламъ составленные имъ протоколы, распечатать и запечатать конверты, „отписаться“ и затѣмъ опять сѣсть въ телѣгу или въ сани и снова пуститься въ путь. Даже становые пристава и тѣ сидятъ теперь въ своихъ квартирахъ и почти никуда не выѣзжаютъ съ тѣхъ поръ, какъ у нихъ завелся урядникъ, съ того времени, какъ на русскій народъ возложено новое, „урядническое иго“. А слѣдователи все путешествуютъ, исполняя долгъ свой.... При-

выбнуть къ такимъ условіямъ чловѣку пожилому, почти невозможно. Невольно приходится назначать большинство слѣдователей изъ людей молодыхъ и отказаться отъ мысли о предоставленіи всѣмъ слѣдователямъ несмѣняемости, которою можетъ пользоваться, безъ вреда для общества, лишь зрѣлый и опытный судья. И люди молодые, неутратившіе энергіи, неизбалованные жизнью, оказываются лучшими слѣдователями, если принять во вниманіе всѣ условія, которымъ имъ приходится удовлетворять. Но изъ того, что теперешніе слѣдователи не назначаются прямо „утвержденными“, а утверждаются когда докажутъ свои способности на дѣлѣ, еще не слѣдуетъ, чтобы они вынуждены были ежечасно дрожать за свое существованіе, преклоняться предъ каждымъ лицомъ прокурорскаго надзора,—чтобы „неутвержденное“ ихъ положеніе вліяло на успѣшность производимыхъ ими слѣдствій. Не говоря уже о томъ, что нашъ прокурорскій надзоръ скорѣе отличается вялостью въ преслѣдованіи преступленій, чѣмъ наоборотъ, и тоже, главнымъ образомъ, занятъ перепискою да отпискою, но даже приказы по вѣдомству министра юстиціи свидѣлствуютъ о крайней рѣдкости отозванія исправляющихъ должность судебныхъ слѣдователей безъ прошеній (отзываются лишь люди совершенно невозможные—пьяницы, скандальники, которымъ нельзя ввѣрять судьбу другихъ людей) и служить хорошимъ отвѣтомъ на quasi—либеральныя разглагольствованія.

Съ другой стороны, требованіе чтобы лицо, окончившее курсъ въ университетѣ, прошло еще другой четырехлѣтній курсъ до назначенія въ слѣдователи, повело на практикѣ лишь къ тому, что число кандидатовъ на судебныя должности уменьшилось до такой степени, что наконецъ становится крайне затруднительнымъ замѣщать должности слѣдователей и чиновниковъ канцелярій судебныхъ мѣстъ, лицами, получившими юридическое образованіе. Кто изъ молодыхъ людей, затратившихъ небольшія имущественныя средства свои и свое время на прохожденіе университетскаго курса, можетъ прожить еще четыре года, не получая никакого вознагражденія за трудъ

или получая самое скудное? Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что не „неутвержденное“ положеніе слѣдователей и не юность ихъ вліяетъ на неудовлетворительность слѣдственной части, о которой толкуютъ преимущественно люди, невдумывающіеся въ условія нашей провинціальной дѣйствительности и воображающіе себѣ каждаго слѣдователя непременно въ образѣ какаго-то Лекока.

Если взять совокупность тѣхъ требованій, которымъ должны удовлетворять наши слѣдователи, именно: крѣпкое здоровье, подвижность, выносливость, неизбалованность удобствами жизни, то нельзя не признать, что молодые люди, находящіеся у начала жизненной карьеры своей, представляютъ еще самый лучший контингентъ и что возвращенію къ свѣтлымъ идеаламъ, носившимся въ умахъ составителей судебныхъ уставовъ, мѣшаютъ не они, а сѣрые колориты русской дѣйствительности.

А дѣйствительность указываетъ на то, что одна изъ главныхъ причинъ, мѣшающая успѣшности дѣйствій слѣдователей, независимо отъ нигуда негодной полиціи, заключается въ томъ, что они слишкомъ обременены работою, ни къ чему неведущею, что они преимущественно занимаются, такъ сказать, толченіемъ воды.

Судебные уставы обязываютъ полицію увѣдомлять слѣдователя о всякомъ происшествіи, заключающемъ въ себѣ признаки преступленія. Но такимъ сообщеніямъ, основаннымъ иногда на самыхъ вздорныхъ указаніяхъ, посылаемыхъ торопливо полиціею съ цѣлью сбыть скорѣе дѣло съ рукъ, — напримеръ, у крестьянина сгорѣла рига и онъ голословно заявилъ о поджогѣ, чтобы освободиться отъ отвѣтственности за неосторожное обращеніе съ огнемъ, — слѣдователь приступаетъ къ слѣдствію, хотя бы полицейскій розыскъ не обнаружилъ лица, на которое могло бы падать основательное подозрѣніе и хотя бы въ сущности и самое совершеніе преступленія было сомнительно. Slѣдователь вынуждаетъ, допрашиваетъ, производитъ осмотры, освидѣтельствованія, — совершаетъ рядъ дѣйствій, которыя въ этомъ періодѣ изслѣдованія могли бы быть съ пользою исполнены полиціею и болѣе соотвѣтствуютъ

ей призванію. Затѣмъ, послѣ всѣхъ этихъ передрагъ, ни къ чему неприведшихъ, слѣдователь „направляетъ“ дѣло по 277 ст. уст. уг. суд. И болѣе половины слѣдственныхъ дѣлъ оканчиваются по этой знаменитой статьѣ. Къ чему же было тревожить слѣдователя, заставлять его ѣздить, допрашивать, осматривать, тратить бесполезно время и трудъ?

Кому это нужно?

Порядокъ возбужденія дѣлъ у слѣдователя требуетъ капитальнаго измѣненія. Слѣдователю должны бы быть передаваемы дѣла только по предложеніямъ лицъ прокурорскаго надзора и уже тогда, когда розыскъ, произведенный полиціею подъ руководствомъ прокурора или его товарища, доставилъ основательныя данныя, указывающія на лицо, которое можетъ быть привлечено въ качествѣ обвиняемаго, и когда устранены всѣ сомнѣнія въ наличности преступленія. Съ другой стороны, полицію слѣдуетъ освободить отъ несвойственныхъ ей фискальныхъ и другихъ обязанностей, чтобы она имѣла возможность дѣйствительно превратиться въ полицію безопасности (Sicherheitspolizei). Подчинивъ серьезно полицію прокурорскому надзору, слѣдуетъ увеличить число лицъ этого надзора, и уменьшить вмѣстѣ съ тѣмъ число слѣдователей такъ, чтобы въ каждомъ уѣздномъ городѣ и въ другихъ большихъ центрахъ уѣзда проживалъ товарищъ прокурора окружнаго суда. На прокурорскій надзоръ необходимо возложить обязанность дѣятельнаго и постояннаго наблюденія за дознаніями, которыя полиція производила бы съ меньшими формальностями, съ меньшимъ бумагописаніемъ, чѣмъ они производятся при теперешнемъ предварительномъ слѣдствіи, которое, большею частью, начинается слишкомъ поздно и ни къ чему не приводитъ.

Слѣдователь, обремененный „направленіемъ“ дѣлъ по 277 ст. не могъ своевременно приступить къ слѣдствію и ограничился тѣмъ, что „завелъ“ дѣло, снабдилъ его обложкою, записалъ его въ настольный реестръ, подписалъ бланкъ о приступѣ къ слѣдственнымъ дѣйствіямъ, которыя *de facto* Богъ знаетъ когда начнутся. Полиція, послѣ сообщенія своего къ

слѣдователю, прекратила свои дѣйствія и успокоилась. Прокурорскій надзоръ строчить свои обвинительные акты и заключенія по другимъ дѣламъ и не заглядываетъ въ производящіяся еще слѣдствія, и все ограничивается одними формальностями, входящими и исходящими бумагами, исписываніемъ бланковъ и отсылкою отношеній, понужденіями и подтвержденіями. А въ это время преступники гуляютъ на свободѣ, благословляя приволье русскихъ пространствъ. „Таскать“ же къ слѣдователю начинаютъ потерпѣвшихъ и свидѣтелей тогда уже, когда и слѣдъ преступления простылъ. Это „тасканіе“ превращается въ одну бесполезную муку для нихъ. Если бы при такихъ условіяхъ посадить на мѣсто нашихъ юныхъ слѣдователей самого Лекова и приставить къ нему даже разныхъ плакальщицъ о томъ, что Лековъ не утвержденъ въ должности, то много ли онъ сдѣлалъ-бы въ такой обстановкѣ?

Не вводя обвинительнаго процесса во всей чистотѣ, въ виду несуществованія въ нашихъ уѣздахъ ни настоящихъ обвинителей, ни защитниковъ, можно было бы безъ сомнѣнія, поставить судебного слѣдователя въ гораздо болѣе выгодное положеніе, болѣе приближающееся къ положенію слѣдственнаго судьи, чѣмъ то, въ которомъ онъ нынѣ находится. Съ передачею розыска въ руки полиціи, дѣйствующей подъ наблюденіемъ прокурорскаго надзора, справедливо было бы нѣсколько расширить право полиціи въ тѣхъ случаяхъ, когда оно замѣняетъ слѣдователя (258 ст.). Такъ, напримѣръ, упомянутая статья воспрещаетъ полиціи производить формальные допросы за исключеніемъ того, когда кто либо оказался опасно бо́днымъ и представляется опасность, что онъ умретъ. Упущенъ изъ виду тотъ, часто встрѣчающійся на практикѣ случай, когда кто либо находится въ пути и долженъ уѣхать до пріѣзда слѣдователя. Это упущеніе чрезвычайно размножаетъ переписку и ведетъ къ тому, что извѣстнымъ слѣдствіямъ не предвидится конца. Вотъ случай изъ практики: дѣйствіе происходитъ въ Пермскихъ лѣсахъ; идетъ по большой дорогѣ длинный обозъ, нагруженный сибирскими товарами; сопровождаютъ его десятка два извозчиковъ; обозъ подвергается

разграбленію; виновные скрываются; является полиція, составляет актъ осмотра мѣстности, повозокъ и пр. объясненія извозчиковъ она записываетъ въ актъ дознанія; дѣло передается слѣдователю; извозчики разѣзжаются по домамъ, по разнымъ губерніямъ. Хотя изъ дознанія видно, что слѣдственные дѣйствія ни къ чему привести не могутъ и что дѣло торжественно завершится все той же 277 статьею, но слѣдователь долженъ неизбѣжно совершить рядъ слѣдственныхъ дѣйствій, прежде всего допросить очевидцевъ происшествія. Начинается бесполезная переписка: составляются вопросные пункты, которые рассылаются къ слѣдователямъ тѣхъ губерній, куда были извозчики. Slѣдователи возвращаютъ требованія безъ исполненія за ненахожденіемъ свидѣтелей въ указанныхъ мѣстахъ; пишется полиціи о розысканіи; вновь посылаются требованія, вновь возвращаются и это безъ конца. Такимъ образомъ, слѣдователь занимается совершеннымъ вздоромъ, дабы удовлетворить формы и привести дѣло въ такое состояніе, чтобы оно могло быть „направлено“ по 277 статьѣ, безъ опасности нѣсколькихъ возвращеній дѣла къ нему для дослѣдованія. Вся эта процедура значительно упростилась бы, если бы полиція могла допросить формально неимѣвшихъ осѣдлости въ мѣстѣ совершенія преступленія и находившихся въ пути свидѣтелей происшествія и затѣмъ передать актъ товарищу прокурора, который — согласно нашему проекту — вовсе не передалъ бы дѣло слѣдователю, такъ какъ розыскъ не обнаружилъ слѣды виновныхъ. И тогда всѣ эти безцѣльные розыски, отдѣльные требованія и послѣдующія подтвержденія, все это бумагомараніе не имѣли бы мѣста. Работа же товарища прокурора нисколько не увеличилась бы, такъ какъ ему и теперь пришлось бы разсматривать это дѣло по поступленіи его отъ слѣдователя. Но сколько слѣдователь сберегъ бы драгоценныхъ часовъ!

Трата времени слѣдователя могла бы быть устранена конечно, не только посредствомъ законодательной мѣры, но и при помощи практики судовъ. Теперь суды весьма неохотно даютъ ходъ дѣламъ, по которымъ не произведено предвари-

тельного слѣдствія (545 и 546 статьи). А между тѣмъ, если бы они сколько нибудь дорожили временемъ слѣдователя, и понимали бы, что центр тяжести уголовного процесса заключается въ судебномъ слѣдствіи, устномъ и гласномъ, основанномъ на состязаніи, а не въ слѣдствіи предварительномъ, то, конечно, поступали бы иначе.

Какія бы возраженія не высказывались противъ мысли о разрѣшеніи слѣдователю записывать въ протоколъ, что такой то свидѣтель показалъ тоже самое, что и предъидущій, съ присовокупленіемъ того-то или безъ присовокупленія, но все таки мы не можемъ не думать, что подобная мѣра значительно сократила бы размѣры протоколовъ и количество испускаемой слѣдователемъ бумаги, безъ всякаго ущерба для дѣла. Какой бы вредъ произошелъ отъ того, -- а на этомъ основывается главное возраженіе, -- если бы на судебномъ слѣдствіи пришлось бы прочитатъ вмѣсто дословнаго показанія какого нибудь неявившагося свидѣтеля, сперва удостовѣреніе слѣдователя, что онъ далъ показаніе совершенно согласное съ показаніемъ такого-то, а затѣмъ и показаніе послѣдняго?

Вообще, при обсужденіи желательныхъ измѣненій въ правилахъ о предварительномъ слѣдствіи, слѣдуетъ оставить въ сторонѣ всякіе смѣшные вздохи о томъ, что дѣйствительность не дала намъ такихъ слѣдственныхъ судей, о которыхъ мечтали составители уставовъ. Личный составъ слѣдователей можетъ быть улучшенъ при дѣйствіи существующихъ правилъ, болѣе внимательнымъ отношеніемъ къ порядку назначенія слѣдователей, въ особенности къ представленіямъ судовъ. А необходимо подумать о томъ, чтобы, поднявъ уровень полиціи и возложивъ на нее производство розысковъ подъ наблюденіемъ прокурорскаго надзора, по возможности съузить розыскъ предварительнаго слѣдствія, довести число слѣдственныхъ дѣйствій до крайняго, необходимаго минимума, отмѣнить все безцѣльное, ненужное, тормозящее; уменьшить размѣры протоколовъ и сократить заѣдающую всѣхъ должностныхъ лицъ, какъ судебного такъ и прочихъ вѣдомствъ, переписку. Если число дѣлъ, возникающихъ у слѣдователей, уменьшится, то и

работа ихъ можетъ быть тщательнѣе. Освобожденіе ихъ отъ многихъ дѣлъ, заканчивающихся по 277 статьѣ, будетъ истиннымъ благодѣяніемъ для нихъ. И сама 277 статья требуетъ измѣненія. Разсмотрѣніе дѣлъ судами по этой статьѣ, такъ сказать въ ревизіонномъ порядкѣ, безъ жалобы съ чьей либо стороны, превращается въ одну вѣлую формальность. Вмѣстѣ съ тѣмъ право, предоставленное окружнымъ судамъ, прекращать слѣдствія безъ возможности обжалованія, слишкомъ широко. Теперь окружный судъ можетъ безапелляціонно усмотрѣть отсутствіе признаковъ преступленія тогда, когда они находятся на лицо;—отсутствіе уликъ тамъ, гдѣ потерпѣвшій убѣжденъ въ возможности установить ихъ;—признать, что давность истекла, когда срокъ ея еще не миновалъ. Слѣдовало бы предоставить прокурору право протеста, а потерпѣвшему право обжалованія опредѣленій окружнаго суда о прекращеніи слѣдствія, отмѣнивъ вмѣстѣ съ тѣмъ основанное на разъясненіяхъ сената представленіе, непосредственно въ судебную палату, извѣстнаго рода дѣлъ по 277 статьѣ, тѣхъ, по которымъ заявлено подозрѣніе. Это въ особенности было бы умѣстно, если бы вмѣстѣ съ тѣмъ былъ измѣненъ существующій порядокъ преданія суду.

По французскому судопроизводству, судебный слѣдователь составляетъ предписаніе о прекращеніи дѣла (*ordonnance de non—lieu*) если усмотритъ, что нѣтъ основанія къ преслѣдованію, что соотвѣтствуетъ нашей 277 статьѣ; или — опредѣленіе о передачѣ дѣла суду простой полиціи или суду первой степени, если обнаружались признаки полицейскаго нарушенія (*contravention*) или проступка (*delit*), что соотвѣтствуетъ 482 статьѣ. Эти опредѣленія могутъ быть обжалованы прокурорами суда первой степени (*prosecuteur de république*) или потерпѣвшимъ, если послѣднимъ предъявленъ гражданскій искъ. Жалобы приносятся обвинительной камерѣ судебной палаты (*chambre de mise en accusation de la cour d'appel*), которая постановляетъ по нимъ окончательныя опредѣленія. Когда слѣдователь усмотритъ, что слѣдствіе установило признакъ преступленія (*crime*) подсуднаго ассизному суду, дѣйствующему

съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, то слѣдственные протоколы отсылаются слѣдователемъ къ прокурору судебной палаты (*prosecut. gènéral*), который предлагаетъ дѣло съ своимъ заключеніемъ обвинительной камерѣ. Это учрежденіе или возвращаетъ дѣло къ дослѣдованію, когда усматриваетъ неполноту, или прекращаетъ дѣло, или измѣняетъ подсудность, или постановляетъ о преданіи суду. Въ послѣднемъ случаѣ прокуроръ палаты обязанъ распорядиться о составленіи обвинительнаго акта и о передачѣ дѣла на разсмотрѣніе ассизнаго суда. На опредѣленіе о преданіи суду можетъ быть принесена жалоба въ кассационный судъ только по слѣдующимъ поводамъ: когда нарушены правила о подсудности; когда въ дѣяніи нѣтъ признаковъ преступленія; когда не выслушано было заключеніе прокурора; когда опредѣленіе состоялось не въ надлежащемъ составѣ.

По австрійскому судопроизводству, предварительное слѣдствіе заключается, когда совершены всѣ дѣйствія необходимыя для открытія судебного засѣданія (*Hauptverhandlung*). О заключеніи слѣдствія объявляется частному обвинителю, гражданскому истцу и обвиняемому. Здѣсь частный обвинитель отдѣляется отъ гражданского иска потому, что потерпѣвшій можетъ самъ вести всякое дѣло, даже такое, которое преслѣдуется въ порядкѣ публичнаго обвиненія, въ тѣхъ случаяхъ, когда, по подачѣ имъ жалобы или по заключеніи слѣдствія, прокуроръ откажется поддерживать обвиненіе. Въ теченіи восьми дней по заключеніи слѣдствія, прокуроръ обязанъ или сообщить слѣдователю обвинительный актъ, или заявить, что онъ не усматриваетъ основаній къ преслѣдованію. Какъ сказано выше, потерпѣвшій вступаетъ во всѣ права прокурора, когда находитъ, что прокуроръ неосновательно отказывается отъ преслѣдованія. Частному обвинителю полагается двухнедѣльный срокъ на предъявленіе обвинительнаго акта; несоблюденіе этого срока равносильно отказу отъ обвиненія. Если предварительнаго слѣдствія не было произведено, то обвинительный актъ предъявляется предсѣдателю того отдѣленія суда первой степени, въ которое подаются жалобы на дѣйствія слѣдователя (*Ratskammer*).

Противъ обвинительнаго акта можетъ быть предъявлена жалоба обвиняемымъ въ восьмидневный срокъ. Жалоба разсматривается судомъ второй степени (по нашему судебному палатой) при участіи прокурора его. Этотъ судъ можетъ найти то, что обвинительный актъ составленъ съ нарушеніемъ формъ и потребовать составленіе новаго, на что полагается трехдневный срокъ или же обратиться дѣло къ преслѣдованію. Онъ можетъ также признать, что есть основанія къ преданію суду; въ этомъ случаѣ судъ опредѣляетъ, какъ сказано въ законѣ, „обвиненію ходу не давать и прекратить дѣло“; въ противоположномъ—онъ даетъ ходъ обвиненію. На упомянутыя опредѣленія суда второй степени можетъ быть принесена кассационная жалоба прокуроромъ суда второй степени (*Oberstaatsanwalt*), частнымъ обвинителемъ или обвиняемымъ, по слѣдующимъ поводамъ: на нарушеніе правилъ относительно составленія и врученія обвинительнаго акта; на нарушеніе правилъ о подсудности; на постановленіе опредѣленія не въ надлежащемъ составѣ (47, 48, 109—112, 207—219 статьи устава уголовного судопроизводства 23 мая 1873 г.).

Что же касается до нашего порядка преданія суду, то нельзя не признать, что онъ тяжелъ, неудобенъ и многосложенъ. Приходится повторять общее мѣсто, говоря, что отсылка всѣхъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію присяжными въ судебную палату, при нашихъ пространствахъ и путяхъ сообщенія, влечетъ за собою бесполезную медленность, только затрудняющую впослѣдствіи раскрытіе истины на судебномъ слѣдствіи. Прошло время и трудно бываетъ розыскать участвующихъ въ дѣлѣ лицъ; допрашивать свидѣтелей приходится тогда, когда изгладилась свѣжесть впечатлѣній ихъ; судить подсудимаго—когда онъ уже долго просидѣлъ подъ стражею, что склоняетъ уже и безъ того снисходительныхъ присяжныхъ къ еще болѣе благодушному отношенію къ нему. Гарантіи правильнаго разрѣшенія вопроса о преданіи суду, представляемая разсмотрѣніемъ дѣла въ палатѣ, являясь, весьма часто чрезвычайно поверхностнымъ, не искупаютъ происходящихъ отъ того неудобствъ. Все это могло бы быть улучшено,

если бы по всѣмъ дѣламъ обвинительные акты и заключенія предлагались прокурорскимъ надзоромъ окружному суду, и если-бы приѣтомъ какъ гражданскій истецъ такъ и обвиняемый имѣли право каждый, въ огражденіи своихъ интересовъ, обжаловать предъ судебною палатою опредѣленія окружнаго суда о прекращеніи дѣла или распоряженіе прокурора о преданіи суду.

Можно навѣрное предсказать, что болѣе половины обвиняемыхъ, желающихъ лишь того, чтобы дѣла о нихъ скорѣе разрѣшились, не приносили бы жалобъ на преданіе ихъ суду. А отсюда ускореніе производства, сокращенія числа дѣлъ въ палатѣ, уменьшеніе числа арестантовъ въ тюрьмахъ, въ виду менѣе продолжительнаго срока содержанія каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, и наконецъ судебное слѣдствіе слѣдующее быстрѣе, чѣмъ теперь, за событіемъ преступленія ¹⁾.

Не останавливаясь на отдѣльныхъ положеніяхъ раздѣла о преданіи суду, мы приходимъ къ общему выводу, что раздѣлъ этотъ требуетъ существеннаго пересмотра. Прекрасное желаніе составителей судебныхъ уставовъ, какъ можно острожнѣе „сжать на скамью подсудимыхъ“, повело на практикѣ лишь къ медленности производства и къ тому, что тюрьма переполнилась лицами, находящимися подъ предварительнымъ задержаніемъ. Укажемъ еще только, на 515 ст. уст. уг. суд. Въ ней постановлено, что при совокупности преступленій обвиняемаго, когда изслѣдовано важнѣйшее преступленіе, а для изслѣдованія преступленія менѣе важнаго необходимо продолжительное время, то первому можетъ быть данъ ходъ, *если по дѣянію менѣе важному нѣтъ въ виду ни*

¹⁾ Мы здѣсь говоримъ о законодательныхъ мѣрахъ, которыя могли бы содѣйствовать ускоренію дѣлъ въ судахъ, но независимо отъ законодательныхъ мѣръ есть и другія, какъ напримѣръ, усиленіе личнаго состава окружныхъ судовъ болѣе равномерное распредѣленіе занятій между ними. Эти мѣры могли бы устранить существующую теперь въ нѣкоторыхъ окружныхъ судахъ медленность, доходящую до того, что арестанское дѣло лежитъ безъ движенія пять, шесть мѣсяцевъ въ ожиданіи сессіи. „Судъ скорый“ напоминаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ суды прежняго времени.

соучастниковъ обвиняемаго, ни гражданскаго иска. Къ чему постановлено это послѣднее ограниченіе—неизвѣстно. Совокупность преступленій можетъ вліять на размѣръ наказанія, но не на время разсмотрѣнія дѣла. Съ скорымъ разрѣшеніемъ „важнѣйшаго“ дѣла могутъ быть связаны не только интересы потерпѣвшаго, но и интересы правосудія, требующія неотложнаго разсмотрѣнія дѣла.

Послѣ длиннаго предварительнаго слѣдствія и длиннаго процесса преданія суду, дѣло наконецъ поступаетъ въ судъ. И дай Богъ чтобы оно тамъ не залежалось, чтобы добродушные присяжные засѣдатели, которые будутъ рѣшать его, не имѣли случая, оправдывая изобличеннаго въ преступленіи, но симпатичнаго подсудимаго, объяснить это тѣмъ, что судьи, прокуроры и слѣдователи заморили обвиняемаго уже до того, пока его притащили въ судъ.

Институтъ присяжныхъ засѣдателей подвергся у насъ участи прочихъ учрежденій, появившихся подъ вліяніемъ свободныхъ вѣяній, столь-же непостоянныхъ, какъ вѣяніе морскаго вѣтра, скользящаго по волнамъ океана. Съ одной стороны, восторженное, отрицающее право критики поклоненіе, восхваленіе всякаго вердикта, хотя бы такового, который былъ продуктомъ невѣжества, тупости, пристрастія, шаткости понятій; превозношеніе суда „по внутреннему убѣжденію“, — причемъ, по понятіямъ хвалителей, подъ внутреннимъ убѣжденіемъ разумѣется какос-то наитіе свыше, подъ вліяніемъ котораго внутренне убѣжденный вѣщаетъ какъ римская пифія, — надъ судомъ по законамъ логики и здраваго смысла, и законамъ, установленнымъ государствомъ. Съ другой стороны, запальчивость, раздраженіе обскурантизма, твореніе оскорбительныхъ эпитетовъ на такое учрежденіе, которое не могло быть лучшимъ, чѣмъ его создали отцы его и то общество, изъ котораго оно исходитъ.

Пора, кажется, перестать восторгаться или ругаться, отбросить въ сторону политическія страсти по отношенію къ этому предмету и предоставить здравому смыслу и критикѣ неотъемлемыя права ихъ.

Не можетъ быть сомнѣнія для людей безпристрастныхъ, что какъ бы ни были плохи иногда рѣшенія нашихъ присяжныхъ засѣдателей; какія неудобства не проявлялись бы тамъ и сямъ при рѣшеніи дѣлъ съ присяжными, но учрежденіе это, разъ введенное у насъ, по примѣру прочихъ образованныхъ народовъ, на основаніи тѣхъ же соображеній, которыя побуждали законодателей другихъ странъ призвать представителей общества къ участию въ отправленіи уголовного правосудія, установить извѣстный контроль общества надъ дѣйствіями уголовныхъ судей, надъ соотвѣтствіемъ уголовныхъ законовъ съ господствующими въ обществѣ нравственными понятіями о справедливости,—что институтъ присяжныхъ засѣдателей не можетъ быть упраздненъ. Не намъ, русскимъ, идти назадъ относительно всего того, что касается призыва общества къ участию въ своихъ собственныхъ дѣлахъ и относительно установленія общественныхъ, контрольных снарядовъ при казенныхъ механизмахъ. Слѣдовательно, рѣчь можетъ идти только объ улучшеніи института, а не о томъ, чтобы его, по негодности, сдать въ архивъ.

Одно изъ коренныхъ неудобствъ, обнаруживающихся при дѣятельности присяжныхъ засѣдателей, то, что личный составъ ихъ нерѣдко бываетъ слишкомъ плохъ, что въ средѣ ихъ встрѣчается слишкомъ значительная доля неграмотности и невѣжества, что отбываніе повинности присяжнаго засѣдателя ложится всею тяжестью на бѣднѣйшіе классы, уже безъ того отбывающіе слишкомъ много повинностей.

Учрежденіе судебныхъ установленій допустило крупную ошибку, не послѣдовавъ примѣру прочихъ европейскихъ законодательствъ при опредѣленіи состава той комиссіи, которой поручено составленіе списка присяжныхъ засѣдателей. Въ нашихъ комиссіяхъ, въ отличіе отъ западно-европейскихъ, не участвуютъ представители судебного вѣдомства. Списки составляются у насъ по канцелярски, лицами, вовсе незаинтересованными въ правильномъ ходѣ судебного дѣла. И при составленіи ихъ нерѣдко допускается небрежность, вумовство и даже взяточничество. Нѣтъ сомнѣнія, что несравненно цѣле-

сообразнѣе было бы, если бы комиссія, составляющая списки находилась при окружномъ судѣ, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя суда, — еслибъ въ составъ ея входили члены суда и — для доставленія свѣдѣній о мѣстномъ населеніи — лица, указанные земскимъ собраніемъ. Участіе судебного вѣдомства устранило бы злоупотребленія и полную небрежность изъ этого дѣла и имѣло бы то послѣдствіе, что никто изъ людей состоятельныхъ, располагающихъ вліяніемъ или деньгами на взятку, и принадлежащихъ, относительно говоря, къ числу людей образованныхъ, не былъ бы освобожденъ отъ исполненія обязанностей присяжнаго.

Затѣмъ, не всякое дѣло можетъ быть правильно рѣшено нашими неграмотными или малограмотными присяжными. Если они хорошо могутъ понять обстоятельства дѣла о кражѣ, поджогѣ, изнасилованіи, скотоложствѣ, происшедшихъ въ селѣ, то пониманію ихъ мало доступны дѣла о подлогахъ, тонкихъ мошенничествахъ, преступленіяхъ по должности и т. п. Что касается собственно преступленій должности, то намъ кажется, что нужно было подлежать сѣченію, въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ сряду, чтобы произносить такіе оправдательные вердикты, какіе нынѣ встрѣчаются иногда при обвиненіяхъ, на примѣръ, въ превышеніи власти съ истязаніемъ.

Весьма полезно было бы образованіе особаго состава присяжныхъ засѣдателей, по особымъ спискамъ, — нѣчто сходное съ англійскимъ спеціальнымъ жури — изъ лицъ, получившихъ по крайней мѣрѣ среднее образованіе — съ тѣмъ, чтобы засѣданія съ такимъ составомъ открывались только въ большихъ городахъ, гдѣ число образованныхъ людей болѣе велико, чѣмъ въ уѣздныхъ. Судебныя власти могли бы, по собственному усмотрѣнію или по предположеніямъ лицъ прокурорскаго надзора, указывать, какія дѣла подлежатъ разсмотрѣнію присяжныхъ особаго состава, а также переносить для этого дѣла, возникшія въ округѣ суда, имѣющаго пребываніе въ уѣздномъ городѣ, въ судъ, находящійся въ губернскомъ.

Отдѣлъ о судебномъ слѣдствіи принадлежитъ къ числу лучшихъ отдѣловъ судебныхъ уставовъ. Практика судовъ

только разъяснила и подтвердила цѣлесообразность изложенныхъ въ немъ положеній. Можно, конечно, замѣтить, что не бесполезно бы расширить нѣсколько дискреціонную власть суда относительно прочтенія бумагъ, приложенныхъ къ предварительному слѣдствію (впрочемъ, сенатъ въ послѣднее время—рѣшеніе угол. кассац. департ. № 47, 1878 г.—довольно широко толкуетъ этотъ вопросъ). Не бесполезно было-бы разрѣшеніе суду, когда онъ признаетъ это нужнымъ, прочесть даже показаніе подсудимаго; разрѣшить суду вызывать для разъясненія дѣла свидѣтелей, по собственному усмотрѣнію, такъ какъ обвинительный процессъ, при отсутствіи защитниковъ въ уѣздахъ, не можетъ быть соблюдаемъ во всей чистотѣ. Наконецъ, какъ это введено въ новомъ германскомъ процессѣ, слѣдовало бы ставить вопросы не послѣ заключительныхъ преній, а до начала ихъ, для того, чтобы судебныя пренія не залетали въ невѣдомую даль и чтобы послѣ окончанія и судебного слѣдствія и судебныхъ преній не возникали вдругъ, неожиданно, препирательства между судомъ и сторонами о томъ, въ чемъ заключается сущность дѣла. Можно еще замѣтить, что постановка вопросовъ не въ видѣ принятыхъ въ законѣ опредѣленій, а непремѣнно въ какихъ-то „общеупотребительныхъ выраженіяхъ“, съ замѣною, положимъ, всѣмъ понятнаго слова „кража“ мало понятными словами „тайное похищеніе съ цѣлью присвоенія“, не менѣе понятнаго слова „грабежъ“ словами „открытое похищеніе съ цѣлью присвоенія“, словъ вполнѣ вразумительныхъ „мошенничество“, „подлогъ“, „изнасилованіе“, „поджогъ“ все такими же замысловатыми „общеупотребительными выраженіями“, — что это ведетъ только къ путаницѣ, среди которой теряются присяжные засѣдатели. Постановка вопросовъ, какъ признано западно-европейскою практикой, одно изъ больныхъ мѣстъ, ахиллесова пята всего производства съ присяжными, которые такъ часто не понимаютъ чего отъ нихъ добиваются судьи. Дѣло это, во всякомъ случаѣ, представляетъ задачу крайне трудную, которую уже никакъ не слѣдовало бы еще искусственно усложнять.

Невредно было бы освободить предсѣдателя суда отъ обя-

занности изложенія предъ присяжными существенныхъ обстоятельствъ дѣла, — какъ дѣйствія, которое большею частью или бесполезно, или порождаетъ нареканія на пристрастіе въ пользу той или другой стороны. Даже во Франціи отмѣнено недавно „резюме“ предсѣдателя, игравшее такую важную роль во французскомъ уголовномъ процессѣ. Простое наставленіе (Belehrung, какъ называютъ нѣмцы) объ относящихся къ дѣлу законахъ и другихъ вопросахъ, затронутыхъ сторонами, для возстановленія истины, столь часто искаженной ими, было бы вполне достаточно.

Все это, конечно, можно было бы пересмотрѣть, обсудить вновь. Но тѣмъ не менѣе предметы эти не имѣютъ столь существеннаго значенія въ практическомъ отношеніи, какъ то, что касается предварительнаго слѣдствія и преданія суду.

Если многое могло бы быть измѣнено къ лучшему въ процессѣ, предшествующемъ постановленію приговора, то что же сказать о послѣдующемъ періодѣ, когда приговоръ обращается къ исполненію, когда начинается дѣйствовать губернское правленіе и главное тюремное управленіе, когда наступаетъ тюрьма и ссылка? Тутъ уже все требуетъ коренной реформы. И отношенія прокуратуры къ административнымъ органамъ, дѣйствующимъ безконтрольно, и тюрьмы наши, грязныя, неустроенныя, переполненныя, развращающія, и ссылка, слишкомъ тяжелая для однихъ, несоставляющая наказанія для другихъ. Это хаосъ, который ожидаетъ устроителя, и который едва-ли разсѣветъ главное тюремное управленіе, такъ усердно подвизающееся при изданіи своихъ разъяснительныхъ, такъ мало пока что-либо разъяснившихъ циркуляровъ.

Въ изыятіяхъ изъ общаго порядка судопроизводства (мы здѣсь не можемъ говорить о судопроизводствѣ по государственнымъ преступленіямъ, такъ какъ предметъ этотъ обусловливается соображеніями не исключительно юридическаго свойства) обращаетъ на себя особенное вниманіе порядокъ возбужденія дѣлъ по преступленіямъ должности. Въ настоящее время все предоставлено произволу начальства (1099 ст. уст. уг. суд.); если оно пожелаетъ, то передаетъ дѣло судеб-

ному слѣдователю, если не пожелаетъ, то прокурорская власть оказывается безсильною. Правда, практика допускала иногда разрѣшеніе 1-мъ департаментомъ сената разномыслія прокурора съ начальствомъ, объ обращеніи дѣла къ предварительному слѣдствію или объ окончаніи его административнымъ порядкомъ. Но практика не можетъ замѣнить собою, въ особенности въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ могутъ быть замѣшаны страсти, яснаго, невозбуждающаго сомнѣній текста закона. Предоставленіе инициативы уголовного преслѣдованія начальству, несогласно не только съ достоинствомъ прокуратуры, какъ органа власти, обязаннаго раскрывать и преслѣдовать всякаго рода преступленія, но и съ интересами государства. Государство заинтересовано въ томъ, чтобы произволъ и хищеніе, въ которомъ оказываются виновными должностныя лица, и такія къ сожалѣнію, которыя занимаютъ высокое положеніе, было преслѣдуемо. Разсчитывать на то, что чиновники одного вѣдомства станутъ преслѣдовать другъ друга за злоупотребленія, безъ всякаго посторонняго контроля, полагаться лишь на всевидящее око начальства, по меньшей мѣрѣ наивно. Гдѣ заведутся произволъ и нечестность, какъ заводятся клопы и тараканы, тамъ они практикуются обыкновенно на нѣсколькихъ ступеняхъ іерархіи. Для обузданія нашихъ держимордъ и взяточниковъ, расходившихся подъ покровомъ канцелярской тайны, при сознаніи своей безответственности, необходимо, чтобы обвинительная власть, представляемая прокурорскимъ надзоромъ, имѣла серьезный голосъ при возбужденіи преслѣдованій противъ должностныхъ лицъ. Гдѣ нѣтъ представительныхъ, учреждений, облеченныхъ правомъ контроля, тамъ тѣмъ нужнѣе такіе органы правительственной власти, которые бы сами исполняли строго подобную обязанность. Нельзя нежелать, чтобы прокурорскому надзору было предоставлено право—своею властью обращать дѣло по преступленію должности къ предварительному слѣдствію, съ правомъ начальства обжаловывать распоряженіе прокурора, не приостанавливая его дѣйствій, и доводить разномысліе до сената.

Повторяемъ, безъ расширенія правъ прокурорскаго надзо-

ра относительно преслѣдованія должностныхъ лицъ и безъ энергическаго примѣненія этихъ правъ лицами прокурорскаго надзора всѣхъ степеней, начиная съ высшей, многія злоупотребленія останутся нераскрытыми. И благія намѣренія правительства относительно водворенія правды и отмѣны хищенія, едва-ли перейдутъ изъ области благихъ, но платоническихъ пожеланій, въ области дѣйствительности.

III.

Тѣ сѣтованія, которыя раздаются въ нашемъ обществѣ относительно дѣятельности гражданскихъ отдѣленій и департаментовъ нашихъ судебныхъ мѣстъ, гораздо болѣе относятся къ проникнутой формализмомъ практикѣ ихъ и нотаріальныхъ учреждений, или къ недостаткамъ матеріальнаго права, чѣмъ къ законамъ о гражданскомъ судопроизводствѣ. Поражаетъ всѣхъ преимущественно то, что „новый, скорый“, всѣмъ доступный судъ, слишкомъ медленъ и дорогъ.

Капитальное упущеніе, сдѣланное при составленіи устава гражданскаго судопроизводства и нотаріальнаго положенія, было то, что не были установлены такіе нотаріальные акты, которые имѣли бы исполнительную силу. Какъ извѣстно, предметъ этотъ былъ отложенъ до изданія нотаріальнаго положенія, а при исполненіи этого труда о немъ забыли. Поэтому, нынѣ со всѣми безспорными требованіями объ исполненіи договоровъ и обязательствъ, совершенныхъ или засвидѣтельствованныхъ „установленнымъ порядкомъ“, приходится обращаться къ суду, подавать исковое прошеніе, вызывать отвѣтчика чрезъ судебного пристава, выжидать рѣшенія первой и второй инстанціи, получить исполнительный листъ и уже послѣ всего этого обратить листъ къ исполненію. Между тѣмъ, все это могло бы быть замѣнено нотаріальнымъ актомъ, по которому взыскивалось бы съ должника по наступленіи указаннаго въ актѣ срока для исполненія обязательства. Выиграли бы отъ этого и тяжущіеся, освобожденные отъ обязанности обращаться безъ нужды въ судъ, и нотаріальное дѣло, которое при плохихъ нотаріусахъ и непривычкѣ нашего общества къ совер-

шенію формальныхъ сдѣлокъ, находится въ жалкомъ положеніи; выигралъ-бы и кредитъ; выиграли-бы, наконецъ, и судьи, которые освобождались бы отъ массы дѣлъ, утомительныхъ по своему однообразію и увеличивающихъ лишь въ отчетныхъ вѣдомостяхъ цифру разрѣшаемыхъ дѣлъ, между тѣмъ какъ въ сущности по этимъ дѣламъ нечего рѣшать, а приходится лишь, вяло и сонно, едва пробуждаться для исчисленія судебныхъ издержекъ и вознагражденія за веденіе дѣла, продѣлывая одни формальности.

Наши юристы настолько убѣждены въ превосходствѣ системы, недопускающей нотаріальныхъ актовъ, обремененныхъ исполнительною силою, что при введеніи реформы въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ эти акты давно существовали, они были уничтожены къ ужасу нотаріусовъ, къ удивленію публики, недоумѣвавшей, почему отминаясь такой удобный, освященный временемъ и обычаемъ порядокъ.

Вызовъ къ суду обходится непомерно дорого. Повѣстки вручаются судебными приставами—особами 8-го класса. Чтобы поднять такую особу, приходится заплатить прогоны въ два пути за три лошади, при соотвѣствующихъ квартирныхъ и суточныхъ. До сихъ поръ не введены, кромѣ Царства Польскаго, судебные разсыльные, которые, не числясь особами 8-го класса, исполняли бы эту обязанность за меньшую плату. Въ Германіи, исходящія отъ суда повѣстки могутъ быть вручаемы даже по почтѣ.

Вызовъ къ суду и публикаціи, печатаемая въ такихъ вѣдомостяхъ, которыхъ никто не читаетъ, превращается въ одну формальность, вредную потому, что всякій можетъ, не читая сенатскихъ прибавленій и не подозревая, что его вызываютъ къ суду. А между тѣмъ послѣ такого вызова постановляется рѣшеніе.

Производство въ окружныхъ судахъ по спору о подлогѣ, заявленномъ въ мировыхъ установленіяхъ, обременяетъ безъ нужды окружные суды и только служитъ искушеніемъ для недобросовѣстныхъ отвѣтчиковъ затянуть дѣло перенесеніемъ его въ окружный судъ. Нѣтъ причины, по которой нельзя

было бы предоставлять мировому суду производство по возникающим у него спорам о подлоге актовъ.

Докладъ дѣла членомъ суда составляетъ скучный, едва-ли приносящій какую либо пользу обрядъ, который могъ бы быть замѣненъ изложеніемъ самими сторонами обстоятельствъ дѣла, при словесномъ ихъ состязаніи. Совершенно ненужное „резюме“ предсѣдателя суда на практикѣ не встрѣчается, и законъ, его устанавливающій (363 ст.), остается мертвою буквою. Члены нашихъ судовъ слишкомъ много пишутъ. Невольно вспоминается замѣненное нашими уставами въ Царствѣ Польскомъ французское судопроизводство, на основаніи котораго судомъ излагались лишь мотивы рѣшенія, а обстоятельства дѣла — сторонами. Возникающіе же между ними при этомъ споры разрѣшались судомъ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нашихъ провинціальныхъ судовъ идутъ далѣе французскаго судопроизводства, не на основаніи закона, а по практикѣ своей, относительно возложенія на тяжущихся обязанности участвовать въ составленіи рѣшенія. Такъ кой-гдѣ и присяжные, и частные повѣренные, сами пишутъ не одни обстоятельства дѣла, но и мотивы, лишь бы какимъ нибудь способомъ добиться рѣшенія въ окончательной формѣ.

Одно изъ большихъ неудобствъ, допущенныхъ уставомъ гражданскаго судопроизводства, заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что всякое рѣшеніе судебной палаты подлежитъ, какъ рѣшеніе, вступившее въ законную силу, немедленному исполненію (3 п. 892 и 924 ст.). Вопросъ о томъ, можно ли считать вошедшимъ въ законную силу рѣшеніе, подлежащее обжалованію въ кассационномъ порядкѣ, былъ предметомъ весьма серьезнаго обсужденія со стороны составителей судебныхъ уставовъ? Существенное соображеніе, по которому вопросъ этотъ рѣшенъ утвердительно, заключается въ томъ, что кассационная жалоба принадлежитъ будто бы къ числу не обыкновенныхъ, а *чрезвычайныхъ* способовъ обжалованія, которые могутъ имѣть успѣхъ, т. е. повлечь за собою отмену рѣшенія, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. „Обыкновенные способы обжалованія“ — говорятъ составители уста-

вовъ ¹⁾—„допускаются безъ всякаго ограниченія. Здѣсь предполагается возможность ошибки со стороны суда первой степени, который могъ постановить неправильное рѣшеніе и возможность ошибки со стороны тяжущихся, которые могли не представить всѣхъ доказательствъ, существенныхъ для разрѣшенія дѣла. Совершенно въ другомъ видѣ представляется рѣшеніе суда второй степени. Здѣсь можно уже предположить, что вторичное разсмотрѣніе дѣла достаточно ограждаетъ интересы тяжущихся. Кромѣ того, тяжущіеся должны винить сами себя, если они не озаботились представленіемъ всѣхъ имѣвшихся у нихъ доказательствъ..... По дѣламъ уголовнымъ срокъ на подачу кассационной жалобы установленъ только двухнедѣльный и, слѣдовательно, пріостановленіе исполненія приговора не представляетъ особенныхъ затрудненій; въ дѣлахъ же гражданскихъ срокъ этотъ продолжается четыре мѣсяца.“

Не говоря уже о томъ, что срокъ на подачу кассационной жалобы по гражданскому дѣлу, можетъ быть сокращенъ до двухъ мѣсяцевъ, безъ всякаго неудобства для кого-либо, капитальная ошибка, заключающаяся въ приведенныхъ разсужденіяхъ, состоитъ въ томъ, что въ нихъ какъ будто бы предполагается, что споръ сторонъ въ гражданскомъ процессѣ можетъ касаться только обстоятельствъ и силы доказательствъ. Между тѣмъ, весьма часто спорны бываютъ не вопросы факта, а вопросы права, которые могутъ быть совершенно различно разрѣшаемы различными инстанціями, безъ всякой ошибки, безъ всякаго упущенія съ чьей либо стороны. Два человека вообще, а два юриста въ особенности, могутъ совершенно иначе взглянуть на одинъ и тотъ же предметъ. Еще не изобрѣтены тѣ химическіе вѣсы, на которыхъ можно точно взвѣшивать юридическую мудрость и силлогизмы, на ней построенныя. Почему же подвергать тяжущагося всѣмъ тягостнымъ, разорительнымъ, быть можетъ, послѣдствіямъ отрицательнаго рѣшенія, вступившаго въ законную силу и приведеннаго

¹⁾ Изданіе государственной канцеляріи ч. 1 стр. 431.

въ исполненіе, когда сама судебная палата, при постановленіи его, была убѣждена въ томъ, что ею разрѣшенъ весьма спорный юридическій вопросъ и что кассационный сенатъ, нисколько не касаясь достовѣрности фактовъ, ею установленныхъ, можетъ придти къ совершенному, окончательному выводу, только вслѣдствіе инаго толкованія „точного разума закона“ и примѣненія его къ обстоятельствамъ дѣла? Кассационная жалоба, которою возбуждается вопросъ права, есть въ сущности ничто иное, какъ юридическая апелляція, разрѣшаемая окончательно сенатомъ и она не можетъ быть отнесена къ числу „чрезвычайныхъ“ способовъ обжалованія. Это не то даже, что просьба о пересмотрѣ рѣшенія, вслѣдствіе открытія подлога или новыхъ обстоятельствъ, или просьбы неучаствовавшего въ дѣлѣ лица. Когда окружный судъ подвергаетъ рѣшеніе свое предварительному исполненію, въ виду безспорности требованій тяжущагося или по другимъ указаннымъ закономъ основаніямъ, или вслѣдствіе представленія обезпеченія на случай измѣненія дѣла палатою, то такое дѣйствіе суда нивакъ не можетъ быть сравнено, по послѣдствіямъ своимъ для тяжущагося, съ тѣмъ, когда палата постановляетъ подлежащее немедленному исполненію рѣшеніе съ полнымъ сознаніемъ, что сенатъ, при иномъ взглядѣ на правовой вопросъ, можетъ легко отмѣнить ея рѣшеніе.

Мы не видимъ другаго исхода изъ затрудненія, какъ предоставленіе судебной палатѣ не обращать по просьбѣ тяжущагося, рѣшенія своего къ исполненію тогда, когда она признаетъ, что рѣшеніемъ ея разрѣшенъ не споръ о фактахъ, о достовѣрности извѣстныхъ обстоятельствъ, а о толкованіи закона и примѣненіи его къ обстоятельствамъ дѣла. Въ этомъ смыслѣ должна бы быть дополнена 924 статья. Вмѣстѣ съ тѣмъ, могъ бы быть сокращенъ срокъ на примѣненіе кассационной жалобы. Съ принятіемъ предлагаемой нами мѣры, одни рѣшенія палаты приводились бы все таки безотлагательно въ исполненіе, — тѣ именно, которыми она установила спорныя обстоятельства; другія же, касающіяся точнаго разума закона, выжидали бы разъясненія сената.

Что касается различных неудобствъ, возникающихъ при исполненіи рѣшенія, то они обстоятельно разобраны въ брошюрѣ г. Шимановскаго ¹⁾).

Въ виду огромнаго значенія, которое имѣютъ судебныя уставы для русской юридической жизни, настало время отнестись къ нимъ критически и согласить, какъ мы сказали въ началѣ статьи, отдѣльныя положенія ихъ съ требованіями дѣйствительности.

Мы указали только на нѣсколько крупныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ практикою, оставивъ незатронутыми многіе другіе. Мы не говорили, напримѣръ, объ охранительномъ судопроизводствѣ, которому посвятили когда-то особый трудъ. Мы не касались порядка дисциплинарнаго судопроизводства, требующаго измѣненія въ смыслѣ большей подробности правилъ и большей строгости взысканія. Мы ничего не сказали о жалкомъ нотаріальномъ положеніи. Всякія взысканія въ уставахъ могли бы быть съ успѣхомъ произведены совмѣстнымъ трудомъ практиковъ, примѣнявшихъ ихъ, въ дѣйствительности и теоретиковъ, способныхъ объяснить историческое происхожденіе отдѣльныхъ положеній и освѣтить ихъ выводами юридической науки. При возложеніи упомянутаго труда на однихъ практиковъ, грозила бы опасность, что они, ради удобствъ, пожертвуютъ иногда тѣмъ, что является результатомъ многолѣтняго опыта и находятся въ связи съ цѣлою судопроизводственною системою.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что когда у насъ заходитъ рѣчь о судебныхъ уставахъ и объ учрежденіяхъ, на нихъ основанныхъ, то съ этими уставами и учрежденіями связываютъ представленія о всемъ хорошемъ и дурномъ, что встрѣчается въ нашей юридической жизни. Забываютъ, что у насъ еще нѣтъ ни гражданскихъ, ни уголовныхъ законовъ, стоящихъ на уровнѣ современной науки, что наша карательная си-

¹⁾ М. В. Шимановскій. О нѣкоторыхъ недостаткахъ, встрѣчающихся на практикѣ при приведеніи рѣшеній въ исполненіе по уставамъ 20 ноября 1864 года Казань. 1881.

стема нѣчто совершенно неустроенное, что наша тюрьмы—вертепы разврата, что послѣ „торжественной обстановки“ гласнаго суда, обвиняемаго опускають въ гнилой острогъ, гдѣ онъ совершенствуется въ преступленіяхъ, или отсылають въ центральную каторжную тюрьму, въ которой онъ съ бритою на половину голову, закованный въ кандалы, изнываетъ среди праздности, не занимаясь даже „каторжными работами“ и мечтая страстно о томъ какъ-бы бѣжать и продолжать преступную жизнь ¹⁾).

Какъ-бы ни было совершенно судоустройство, какъ бы ни были хороши судопроизводственные законы, но если матеріальное право, гражданское и уголовное, и карательная система, стоять на низкой ступени, то рѣшенія и приговоры не стануть удовлетворять настоящимъ нуждамъ общества, а наказанія не будутъ исправлять. Наши судоустройственные и судопроизводственные законы могутъ быть конечно еще улучшены. Но этого мало. Духъ, оживляющій судебныя уставы, долженъ быть приведенъ въ гармонію со всѣмъ остальнымъ окружающимъ. И когда же настанетъ время приложить энергически руку къ этому остальному?

Ии. Закревскій.

¹⁾ При посѣщеніи мною одной каторжной тюрьмы, ко мнѣ подошелъ каторжникъ съ жалобою на то, что его не отправляютъ въ Сибирь, куда онъ долженъ быть отосланъ для полученія ста ударовъ плетей, къ которымъ присужденъ за побѣгъ. Нужно знать, что, по существующимъ порядкамъ, присужденныхъ къ сѣченію розгами, напримѣръ по 952 ст. уложенія, наказываютъ въ предѣлахъ европейской Россіи, а къ сѣченію плетями—въ Азіи. Упомянутое заявленіе мнѣ представилось нѣсколько страннымъ. Но оказалось, что жалоба на не переводъ въ сибирскую тюрьму объясняется не столько желаніемъ быть высѣченнымъ плетью, сколько увѣренностью, что удастся бѣжать съ пути.

ОБЪ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИЛѢ СУДЕБНЫХЪ ОПРЕДѢЛЕНІЙ

ПО НЕИСКОВЫМЪ ДѢЛАМЪ.

Исполненіе рѣшенія или постановленія суда, составляетъ конечную цѣль процесса. Для лица, въ пользу котораго состоялось рѣшеніе или постановленіе о какомъ нибудь правѣ, весьма важна реализація этого права и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Дѣятельность суда, главнымъ образомъ, сосредоточивается или на *разрѣшеніи споровъ* о правѣ гражданскомъ, или на *охраненіи* и освященіи *пріобрѣтенныхъ гражданскихъ правъ*, *никѣмъ не оспариваемыхъ*. Въ первомъ случаѣ, необходимымъ элементомъ процесса является спорное, двухстороннее отношеніе, формулируемое въ видѣ иска и защиты, а самый процессъ возбуждается вслѣдствіе дѣйствительнаго или предполагаемаго правонарушенія. Во второмъ случаѣ, нѣтъ борьбы двухъ противоположныхъ интересовъ, нѣтъ состязанія, а въ виду суда есть одностороннее отношеніе лица къ имуществу, требующее повѣрки и санкции со стороны судебной власти. Въ этомъ заключается принципиальное различіе между двумя типами гражданскихъ дѣлъ: *исковыми* и *неисковыми дѣлами*. Съ формальной стороны эти два типа дѣлъ различаются между собою по тому процессуальному дѣйствию, *воимъ дѣло начинается*. Исковыя дѣла, въ отличіе отъ другихъ дѣлъ, начинаются подачею въ судъ *исковаго прошенія*. Въ ряду дѣлъ охранительнаго или частнаго судопроизводства есть, правда, дѣла, въ которыхъ участвуютъ лица не съ одинаковыми ин-

тересами и въ которыхъ *повидимому* происходитъ споръ объ имуществѣ. Сюда относятся дѣла о раздѣлѣ наслѣдства, о выкупѣ родовыхъ имуществъ, о распредѣленіи денегъ между кредиторами, жалобы и споры по исполненію или толкованію рѣшенія и т. под. (ст. 1408 и слѣд., 1438 и слѣд., 962—967, 1214 и слѣд. уст. гр. суд.). Тѣмъ не менѣе въ этихъ дѣлахъ нѣтъ *спора о правѣ* въ собственномъ смыслѣ. По существу этихъ дѣлъ, задача суда заключается не въ разрѣшеніи спора или возстановленіи нарушеннаго права, а въ констатированіи и охраненіи права, уже установленнаго закономъ или судомъ. Вслѣдствіе такого матеріальнаго, внутренняго признака, дѣла эти производятся въ частномъ или неискovémъ порядкѣ. Они начинаются подачею частнаго прошенія (безъ оплаты его судебною пошлиною) и по нимъ постановляются не рѣшенія въ техническомъ смыслѣ, а опредѣленія, на которыя приносятся не апелляціонныя, а частныя жалобы.

Терминологія устава гражд. судопр. относительно судебныхъ постановленій не отличается особенною опредѣленностью. По общему правилу, постановленія суда относятся или къ существу дѣла, или къ частнымъ вопросамъ, изъ дѣла возникающимъ; въ первомъ случаѣ постановленія суда наз. рѣшеніями, а въ послѣднемъ—частными опредѣленіями (ст. 705 уст. гр. суд.). Это правило, выраженное въ такой категорической формѣ, не обнимаетъ однако всѣхъ судебныхъ постановленій по производящимся въ судѣ дѣламъ. Какъ по мѣсту, занимаемому ст. 705 въ системѣ гражданскаго судопроизводства (въ первомъ раздѣлѣ, въ главѣ XI о рѣшеніи, въ отдѣленіи первомъ о постановленіи рѣшенія), такъ и по внутреннему смыслу означенной статьи, она очевидно относится къ *исковымъ* дѣламъ. Въ отношеніи къ дѣятельности суда по *исковымъ* дѣламъ, законъ различаетъ разрѣшеніе главнаго основнаго вопроса по существу иска, отъ разрѣшенія частныхъ вопросовъ, изъ дѣла возникающихъ. Разрѣшая главный вопросъ, судъ окончательно регулируетъ спорное, гражданское отношеніе, составляющее предметъ иска или спора

и въ этомъ заключается главная и высшая функція судебной власти. Такой финалъ дѣла формулируется въ рѣшеніи суда. Но въ теченіи процесса, до окончанія его, могутъ быть возбуждаемы сторонами или самимъ судомъ частные вопросы (отводы, представленіе доказательствъ, повѣрка ихъ, обезпеченіе иска, участіе третьихъ лицъ и проч.). Эти вопросы образуютъ въ процессѣ так. наз. частныя производства, которыя разрѣшаются частными опредѣленіями. Относительно неисковыхъ дѣлъ въ уставѣ употреблены термины „опредѣленіе“, „постановленіе“, хотя бы дѣло разрѣшалось по существу и получало въ судѣ свое окончаніе. Такъ напр., дѣла по жалобамъ и спорамъ по исполненію рѣшенія, дѣла объ укрѣпленіи за покупщикомъ приобрѣтеннаго съ публичнаго торговаго недвижимаго имущества, о распредѣленіи взысканной суммы между нѣсколькими кредиторами, о личномъ задержаніи, объ охраненіи и раздѣлѣ наслѣдства, о вводѣ во владѣніе, о выкупѣ и мн. др., разрѣшаются „опредѣленіями“ или „постановленіями“ (ст. 967, 1164, 1215, 1218, 1224, 1236, 1406, 1407, 1420, 1425, 1442, 1453 и др. устава гр. суд.). Но и по исковымъ дѣламъ уставъ иногда называетъ опредѣленіемъ то, что по ст. 705 составляетъ рѣшеніе. Такъ, на основаніи ст. 364 устава, по дѣламъ, упомянутымъ въ ст. 352, судъ, если признаетъ представленныя отвѣтчикомъ возраженія незаслуживающими уваженія, постановляетъ „опредѣленіе“ о немедленномъ исполненіи обязательства... По ст. 953, за упущенія при исполненіи рѣшеній, судебный приставъ подвергается по „опредѣленію“ суда, взысканію капитала, процентовъ и другихъ издержекъ... Кассационныя *рѣшенія* названы въ законѣ „опредѣленіями“ (ст. 804, 814 и 815). Иногда законъ наз. „постановленіемъ“ то, что въ техническомъ смыслѣ на основаніи ст. 705 составляетъ „опредѣленіе“ (ст. 730). Отсюда слѣдуетъ, что уставъ во многихъ случаяхъ отступаетъ отъ установленной имъ же терминологіи. Несомнѣнно однако то, что терминъ „рѣшеніе“ употребляется только по исковымъ дѣламъ, а „опредѣленіе“ или „постановленіе“ по неисковымъ дѣламъ.

Обратимся теперь къ занимающему насъ вопросу объ исполнительной силѣ судебныхъ опредѣленій по неисковымъ дѣламъ. Этотъ вопросъ имѣетъ, какъ увидимъ, весьма серьезное, практическое значеніе, въ особенности для нѣкоторыхъ категорій неисковыхъ дѣлъ. Относительно исковыхъ дѣлъ въ законѣ точно опредѣленъ моментъ, съ котораго рѣшенія или частное опредѣленіе подлежатъ исполненію. По общему правилу, исполненію подлежатъ судебныя рѣшенія, вошедшія въ законную силу, или обращенныя къ предварительному исполненію (ст. 736 и 924 уст. гр. суд.). Отсюда слѣдуетъ, что если рѣшеніе суда не подвергнуто предварительному исполненію и до истеченія апелляціоннаго срока оно было обжаловано, то оно не подлежитъ исполненію (ст. 892). Для *частныхъ опредѣленій* существуетъ общее правило, что принесеніе частной жалобы не останавливаетъ ни производства дѣла, ни приведенія обжалованнаго опредѣленія въ исполненіе, кромѣ случаевъ, положительно въ законѣ указанныхъ (ст. 767). По отношенію же къ судебнымъ опредѣленіямъ или постановленіямъ по неисковымъ дѣламъ мы не находимъ въ уставѣ точно формулированнаго правила о томъ, съ какого момента они получаютъ исполнительную силу.

Для разрѣшенія нашего вопроса необходимо выяснить, вступаютъ-ли судебныя опредѣленія по неисковымъ дѣламъ въ законную силу и въ чемъ она заключается. По основному началу гражданскаго процесса, всякое постановленіе окружнаго суда подлежитъ обжалованію въ судебную палату въ теченіи опредѣленнаго срока. Институтъ обжалованія по исковымъ дѣламъ состоитъ въ принесеніи тяжущимися апелляціонной жалобы, а въ нѣкоторыхъ указанныхъ въ законѣ случаяхъ частной жалобы, отдѣльно отъ апелляции. Хотя по общему правилу жалобы на частныя опредѣленія окружнаго суда не допускаются отдѣльно отъ апелляции по существу дѣла (ст. 783), но изъ этого правила сдѣлано много исключеній. Впрочемъ, приносится-ли частная жалоба отдѣльно или вмѣстѣ съ апелляціею по существу дѣла, это безразлично, важно то, что институтъ обжалованія примѣняется,

какъ къ рѣшеніямъ, такъ и къ частнымъ опредѣленіямъ. Если же частныя опредѣленія по исковымъ дѣламъ подлежатъ обжалованію, то тѣмъ болѣе опредѣленія по неисковымъ дѣламъ, разрѣшающія ихъ по существу, должны подлежать обжалованію. И дѣйствительно, во многихъ случаяхъ уставъ прямо устанавливаетъ право и срокъ обжалованія (напр. по дѣламъ объ охраненіи и раздѣлѣ наслѣдства, о выкупѣ родовыхъ имуществъ: ст. 1405, 1406, 1421, 1445, 1446 устава, по дѣламъ о несостоятельности, объ утвержденіи въ исполненіи духовныхъ завѣщаній: ст. 18 прил. къ ст. 223 уст. гр. суд., ст. 32 и 33 прил. къ ст. 1012 X т. 1 ч.) И такъ, между судебными опредѣленіями по неисковымъ дѣламъ и судебными рѣшеніями по исковымъ дѣламъ есть одна общая черта: какъ тѣ, такъ и другія подлежатъ обжалованію; но несмотря на эту аналогію, — между тѣми и другими есть существенное различіе. Рѣшенія вступаютъ въ законную силу безусловно (ст. 893 и 894 устава), опредѣленія же только относительно. Законная сила рѣшенія органически связана съ исполняемостью его: пока рѣшеніе не вступаетъ въ законную силу (ст. 892), оно не подлежитъ исполненію, развѣ судомъ допущено предварительное исполненіе (ст. 736 и 924). Но такой связи между относительно законною силою опредѣленій по неисковымъ дѣламъ и исполнительною силою этихъ опредѣленій въ законѣ не установлено. Мы вправѣ поэтому утверждать, что судебныя опредѣленія по неисковымъ дѣламъ подлежатъ исполненію вскорѣ послѣ ихъ постановленія, хотя бы они еще не вошли въ законную силу. Такое наше положеніе вытекаетъ изъ юридической природы этихъ опредѣленій и составляетъ логическій выводъ изъ указаннаго нами принципиальнаго различія функціи суда въ исковыхъ и неисковыхъ дѣлахъ. Постановляя рѣшеніе, судъ регулируетъ матеріальныя, гражданскія отношенія сторонъ и даетъ отвѣтъ по существу исковыхъ требованій. Рѣшеніе, вступившее въ законную силу, устраняетъ споръ *навсегда* (*bis de eadem re ne sit actio.*) Такое рѣшеніе имѣетъ силу закона для того дѣла, по которому оно состоя-

лось, оно имѣетъ обязательную и исполнительную силу (ст. 893 и 924). Опрежденія же по неискowymъ дѣламъ, не имѣя чисто судебного характера, не исключаютъ возможности спора или иска по тому же предмету, по которому состоялось судебное опредѣленіе. Оно поэтому вступаетъ въ законную силу только относительно: по истеченіи опредѣленнаго срока, оно не можетъ быть обжаловано въ частномъ порядкѣ; но оно можетъ быть измѣнено или отмѣнено рѣшеніемъ, постановленнымъ вслѣдствіе предъявленнаго иска. Такъ напр., лицо утверждено въ охранительномъ порядкѣ въ правахъ наслѣдства и введено было во владѣніе имуществомъ, о чемъ состоялось постановленіе; затѣмъ предъявленъ былъ искъ объ этомъ наслѣдствѣ со стороны ближайшаго наслѣдника. Судъ постановляетъ рѣшеніе, коимъ признаетъ за истцомъ исключительное право наслѣдованія. Этимъ рѣшеніемъ очевидно отмѣняется прежнее судебное постановленіе (ст. 1241 X т. 1 ч.).

Точно также постановленіе суда въ охранительномъ порядкѣ о судебномъ раздѣлѣ, можетъ быть измѣнено или отмѣнено судебнымъ рѣшеніемъ, вслѣдствіе иска о передѣлѣ (ст. 1420 уст. гр. суд.). Опрежденіе суда въ охранительномъ порядкѣ объ утвержденіи духовнаго завѣщанія въ исполненію или объ отказѣ въ утвержденіи можетъ быть отмѣнено рѣшеніемъ, состоявшимся въ исковомъ порядкѣ (ст. 33, 34 прил. къ ст. 1012 X т. 1 ч.). Равнымъ образомъ, опредѣленіе суда объ укрѣпленіи имѣнія за покупщикомъ съ публичнаго торгоа, отмѣняется, когда рѣшеніемъ суда торгъ признанъ недействительнымъ (ст. 1180, 1181.). Такая измѣняемость судебныхъ опредѣленій по неискowymъ дѣламъ ясно показываетъ, что, въ сущности, эти опредѣленія не вступаютъ въ законную силу, а только не могутъ быть обжалованы и отмѣнены по истеченіи опредѣленнаго срока, *въ частномъ, неискowymъ порядкѣ*. Поэтому нельзя согласиться съ выводомъ, изложеннымъ въ кассац. рѣшеніи 1873 г. № 1 по дѣлу Лобри. Въ этомъ рѣшеніи сенатъ утверждаетъ, что опредѣленіе объ укрѣпленіи имѣнія за покупателемъ съ пуб-

личного торго, хотя и постановляется въ частномъ порядкѣ, но оно, касаясь вопроса о пространствѣ правъ приобрѣтателя, равносильно судебному рѣшенію, и въ случаѣ необжалованія его въ установленный для сего срокъ, вступаетъ въ законную силу и не можетъ уже быть измѣняемо ни въ частномъ ни въ *тяжебномъ* порядкѣ. Повторяемъ, въ неискovémъ порядкѣ судопроизводства задача суда заключается въ констатированіи фактовъ, въ признаніи и санеціонированіи гражданскихъ правъ лица, противъ которыхъ не заявленъ *споръ въ установленномъ порядкѣ*. Опреждленія суда и даже судебной палаты по неискovýmъ дѣламъ, не вступаютъ въ *окончательную* законную силу, такъ какъ они могутъ быть уничтожены въ послѣдствіи судебными рѣшеніями, постановленными по предъявленному въ искovémъ порядкѣ спору. Но пока такого спора со стороны другаго лица не предъявлено, право, установленное судебнымъ опредѣленіемъ, какъ безспорное, имѣетъ полную свою реальность, и лицо, за коимъ это право признано, можетъ осуществить его *тотчасъ* послѣ признанія его судомъ. Другими словами, судебныя опредѣленія, состоявшіяся въ порядкѣ безспорномъ, получаютъ исполнительную силу тотчасъ послѣ ихъ постановленія.

Разсмотримъ теперь это положеніе по отношенію къ нѣкоторымъ, болѣе выдающимся категоріямъ неискovýchъ дѣлъ, чаще другихъ встрѣчающихся въ судебной практикѣ. Мы увидимъ, что наше положеніе опирается на разумѣ существующихъ по этому предмету законовъ.—

А) *Дѣла о публичной продажѣ недвижимаго имущества.* По истеченіи семи дней со дня торго, окружный судъ постановляетъ опредѣленіе объ укрѣпленіи имѣнія за покупщикомъ (ст. 1164 уст. гр. суд.). По сему опредѣленію выдается покупщику данная, съ показаніемъ въ оной проданнаго имѣнія на точномъ основаніи описи, по которой производилась продажа (ib. ст. 1165). Въ этомъ и заключается исполненіе опредѣленія суда объ укрѣпленіи имѣнія. На практикѣ, насколько намъ извѣстно, для ускоренія этого производства, въ судахъ заведены печатные „бланки“ въ которыхъ членомъ

докладчикомъ вписываются свѣдѣнія, относящіяся къ данному дѣлу, и излагается *въ окончательной формѣ* опредѣленіе суда. (Такіе „бланки“ заведены и для другихъ неисковыхъ дѣлъ и даже для нѣкоторыхъ исковыхъ дѣлъ. Это обстоятельство, кромѣ сокращенія труда, способствуетъ необыкновенному ускоренію исполненія, такъ какъ опредѣленія по означеннымъ дѣламъ считаются объявленными въ тотъ же или на слѣдующій день послѣ дня засѣданія и по нимъ выдаются копія и исполнительные листы.) На слѣдующій день послѣ дня засѣданія, покупщику, по требованію его, выдается засвидѣтельствованная копія опредѣленія суда и составленной судебнымъ приставомъ описи, по которой имѣніе было продано. По этимъ двумъ копіямъ нотаріусъ совершаетъ на имя пріобрѣтателя данную, которая по отмѣткѣ въ реестрѣ крѣпостныхъ дѣлъ предъявляется въ окружный судъ, для постановленія о вводѣ во владѣніе. Представимъ себѣ, что въ теченіи семи дней со дня торга подана въ судъ должникомъ, взыскателемъ или третьимъ лицомъ, жалоба на неправильное производство торга (ст. 205). Жалобщикъ, положимъ, заявляетъ, что онъ неправильно былъ устраненъ отъ торговли, или что высшая предложенная имъ цѣна была неправильно отвергнута, т. е. въ жалобѣ заявлено о такомъ обстоятельстве, по которому торгъ признается недействительнымъ (п. 2 ст. 1180). Судъ постановилъ опредѣленіе, коимъ жалоба оставлена безъ послѣдствій, а имѣніе укрѣплено за покупателемъ. По вышеприведеннымъ соображеніямъ, и въ этомъ случаѣ копія съ опредѣленія и описи выдается покупщику для совершения данной, *не ожидая истеченія срока на обжалованіе* судебного опредѣленія. Въ справедливости этого положенія убѣждаютъ спеціальныя, относящіяся къ публичной продажѣ статьи закона. Публичная продажа имущества должника на удовлетвореніе взысканія составляетъ одно изъ дѣйствій процесса исполненія. Дѣятельность судебного пристава по исполненію рѣшенія не можетъ быть пріостановлена или прекращена, за исключеніемъ положительно указанныхъ въ законѣ случаевъ (ст. 952, 1091, 1093, 1199 и др.). И это

ж. гр. и уг. пр. кн. II 1882 г.

5

понятно. Въ основѣ процесса исполненія лежитъ судебное рѣшеніе, обратившее спорное отношеніе въ безспорное.

Для прочности юридическаго порядка необходимо, чтобы исполненіе рѣшенія и реализація установленныхъ имъ правъ наступили по возможности скорѣе, чтобы они не зависѣли отъ какихъ либо случайностей. Вотъ почему споры и жалобы по исполненію рѣшеній разрѣшаются въ сокращенномъ порядкѣ, и подача жалобъ на опредѣленіе суда не останавливаетъ приведенія сего опредѣленія въ исполненіе, развѣ бы о томъ послѣдовало опредѣленіе высшаго суда (ст. 966, 967 и мотивы).

Такъ какъ это послѣднее правило помѣщено въ ряду *общихъ правилъ исполненія судебныхъ рѣшеній*, то представляется несомнѣннымъ, что и судебное опредѣленіе, коимъ жалоба на неправильное производство торга оставлена безъ уваженія, а имущество укрѣплено за покупателемъ, приводится въ исполненіе, и подача жалобы на такое опредѣленіе не останавливаетъ исполненія онаго.

При составленіи ст. 1165 уст. гр. суд. признано необходимымъ *по окончаніи продажи*, примѣняясь къ статьѣ 2172 X т. 2 ч. выдавать на купленное имѣніе данную (мотивы въ изд. гос. канц.). По смыслу же ст. 2172 и 2176 X т. 2 ч. (онѣ буквально повторены въ ст. 1507 и 1508 X т. 1 ч.), мѣста и лица, производящія публичную продажу имуществъ, обязаны въ три дня по внесеніи покупателемъ всей покупной цѣны, сдѣлать постановленіе объ утвержденіи за покупателемъ проданнаго недвижимаго имущества, и по сему постановленію *входить немедленно въ сношеніе, съ кѣмъ слѣдуетъ, о написаніи крѣпостнаго акта*; присутственныя мѣста, совершающія крѣпостные акты на проданныя недвижимыя имѣнія, обязаны, по полученіи сообщеній и указанныхъ пошлинъ, *не позднѣе какъ въ три дня* выдать назначенные акты новымъ владѣльцамъ. Отсюда видно, что и при прежнемъ порядкѣ производства взысканій, несмотря на весьма продолжительные сроки, назначавшіеся при исполненіи рѣшенія, опредѣленіе объ утвержденіи за покупателемъ проданнаго имущества приводилось въ исполненіе *немедленно*.

Нерѣдко случается, что на одно и тоже имущество, проданное съ публичнаго торга, обращено нѣсколько взысканій и вырученныхъ за имущество денегъ недостаточно для удовлетворенія всѣхъ взысканій. Тогда деньги представляются судебнымъ приставомъ въ судъ для распредѣленія между кредиторами (ст. 956, 1214). По смыслу ст. 1163, изъ представленной покупщикомъ суммы прежде всего уплачиваются числящіяся на имѣніи по день продажи недоимки въ государственныя податяхъ, земскихъ и городскихъ повинностяхъ всякаго рода, равно издержки по производству описи и продажи имѣнія. А если проданное имѣніе состоитъ въ залогѣ, то по опредѣленію окружнаго суда, *немедленно* уплачиваются претензіи, обезпеченныя залогомъ, по старшинству закладныхъ (ст. 1215). Еслибы опредѣленіе суда объ укрѣпленіи имѣнія за покупщикомъ получило исполнительную силу лишь по истеченіи опредѣленнаго (двухнедѣльнаго) срока на принесеніе жалобы, или еслибы принесеніе жалобы останавливало приведеніе означеннаго опредѣленія въ исполненіе, то представленныя покупщикомъ деньги должны-бы оставаться до того времени неприкосновенными, и судъ не могъ бы удовлетворить ими недоимки, издержки по производству описи и продажи и претензіи, обезпеченныя залогомъ — *немедленно*. Въмѣстѣ съ этимъ въ промежуточномъ періодѣ отъ времени постановленія судомъ опредѣленія до окончанія срока обжалованія, или до разрѣшенія жалобы судебною палатою (въ послѣднемъ случаѣ пройдетъ не мало времени), юридическое положеніе проданнаго имѣнія было-бы неопредѣленно: неизвѣстно было-бы, кому оно принадлежить. Съ одной стороны оно уже продано другому лицу и укрѣплено за нимъ, съ другой — у этого лица нѣтъ акта укрѣпленія на имущество, словомъ имѣніе остается безъ хозяина. Такое положеніе способно вызвать неурядицу въ юридическихъ отношеніяхъ между прежнимъ собственникомъ и новымъ пріобрѣтателемъ имѣнія, уже не говоря о кредиторахъ и о привилегированныхъ долгахъ (недоимки, издержки по производству описи и продажи, закладныя), которые долго не получаютъ удовлетворенія, не смотря

на то, что имѣніе уже продано и деньги выручены. Все сказанное убѣждаетъ, что судебное опредѣленіе объ укрѣпленіи за покупщикомъ проданнаго съ публичнаго торгова недвижимаго имущества приводится въ исполненіе *немедленно*, не ожидая истеченія срока обжалованія, а принесеніе жалобы само по себѣ не останавливаетъ приведенія означеннаго опредѣленія въ исполненіе. Само собою разумѣется, что лицо, права котораго нарушены этимъ судебнымъ опредѣленіемъ, можетъ предъявить искъ о признаніи торговъ недѣйствительными и просить объ обезпеченіи этого иска наложеніемъ запрещенія на проданное имущество или ареста на вырученныя за это имущество деньги. Истецъ можетъ также просить судъ приостановить исполненіе своего опредѣленія объ укрѣпленіи за покупщикомъ имѣнія, и судъ, по нашему мнѣнію, можетъ удовлетворить такое ходатайство (arg. ст. 732, 952, 1093 и 1199 уст. гр. суд.).

Б). *Дѣли о распредѣленіи денегъ между нѣсколькими кредиторами* (ст. 1214—1222 уст. гр. суд.). Когда взысканной съ должника суммы недостаточно для удовлетворенія всѣхъ предъявленныхъ ко взысканію, т. е. присужденныхъ или обезпеченныхъ наложеніемъ запрещенія или ареста (в. р. № 171—78 г.), претензій, то она распредѣляется между кредиторами самимъ судомъ. Такое *судебное* распредѣленіе наступаетъ только въ томъ случаѣ, когда между должникомъ и кредиторами не послѣдуетъ, въ теченіи шести недѣль со дня представленія денегъ къ суду, *добровольнаго* согласія о распредѣленіи причитающейся на удовлетвореніе ихъ суммы (ст. 1216). По истеченіи указаннаго срока, членъ суда составляетъ расчетъ о распредѣленіи, который затѣмъ представляется кредиторамъ. Этотъ расчетъ по истеченіи семидневнаго срока со дня, назначеннаго для его представленія, представляется на утвержденіе окружнаго суда, который постановляетъ по этому предмету опредѣленіе (ст. 1216, 1217 и 1219). Представимъ себѣ, что кредиторы заявили споръ противъ составленнаго членомъ суда расчета и судъ постановилъ опредѣленіе объ утвержденіи или измѣненіи расчета.

Исполненіе этого опредѣленія заключается въ выдачѣ кредитора́мъ причитающихся на долю каждаго изъ нихъ денегъ. Когда наступаетъ подобное исполненіе? Институтъ распредѣленія денегъ между нѣсколькими кредитора́ми входитъ въ составъ процесса исполненія и выражаетъ собою самую реальную часть этого процесса. Въ уставѣ гражданского судопроизводства установлены три способа распредѣленія денегъ: а) если взысканная съ должника или вырученная черезъ продажу его имущества сумма покрываетъ всѣ предъявленныя взысканія (по нѣсколькимъ исполнительнымъ листамъ), то деньги распредѣляются и выдаются *судебнымъ приставомъ* (ст. 955); б) въ случаѣ недостатка взысканной суммы для полного удовлетворенія всѣхъ взысканій, судебный приставъ представляетъ ее въ судъ, и она можетъ быть распредѣлена въ теченіи опредѣленнаго срока между кредитора́ми *по добровольному между ними и должникомъ соглашенію* (ст. 956 и 1216); в) при отсутствіи такого соглашенія распредѣленіе производится судомъ (ст. 1216 и 1219). Въ первомъ случаѣ распоряженіе судебного пристава о распредѣленіи приводится имъ-же въ исполненіе *немедленно* (причемъ остатокъ возвращается по ст. 955 должнику). Это вытекаетъ изъ общаго правила, по которому судебный приставъ не вправе приостановить свои дѣйствія по исполненію, а полученные по исполненіи рѣшенія деньги онъ выдаетъ взыскателю (ст. 952, 954). Объявленіе кредитора́ми спора или подача жалобы на такое распредѣленіе не останавливаетъ выдачи кредитора́мъ причитающихся на ихъ долю денегъ (ст. 965). Во второмъ случаѣ, при добровольномъ распредѣленіи, нѣтъ никакого сомнѣнія, что деньги выдаются кредитора́мъ немедленно, такъ какъ въ виду суда нѣтъ спора или разногласія, ни со стороны кредиторовъ, ни со стороны должника. Точно также и въ случаѣ распредѣленія денегъ самимъ судомъ, опредѣленіе суда по этому предмету должно быть приведено немедленно въ исполненіе, несмотря на то, что кредитора́ми заявленъ споръ противъ расчета. Институтъ распредѣленія, какъ мы сказали, составляетъ часть процесса исполненія. То обстоятельство, что распредѣленіе

производится судомъ, не имѣть существеннаго значенія: судъ въ этомъ случаѣ замѣняетъ судебного пристава, исполняющаго рѣшеніе, въ виду возможныхъ при распредѣленіи споровъ. Эти споры имѣютъ характеръ частныхъ споровъ по исполненію рѣшенія и разрѣшаются, согласно ст. 966 устава, по сообщеніи противной сторонѣ копіи прошенія и по выслушаніи ея, если она явилась къ назначенному для того сроку (к. р. № 823—75 г.). Слѣдовательно, подача жалобы на опредѣленіе суда по предмету распредѣленія денегъ, не останавливаетъ приведенія означеннаго опредѣленія въ исполненіе (ст. 967). Было бы въ высшей степени непослѣдовательно утверждать, что судебное опредѣленіе о распредѣленіи денегъ получаетъ исполнительную силу не ранѣе истеченія опредѣленнаго срока обжалованія, и что подача жалобы останавливаетъ выдачу денегъ. Если распоряженіе судебного пристава о распредѣленіи приводится немедленно въ исполненіе и подача жалобы не останавливаетъ исполненія (ст. 955 и 965), то тѣмъ болѣе опредѣленіе суда къ такому же предмету подлежитъ немедленному исполненію, несмотря на наличность спора и на подачу жалобы. Такое заключеніе подтверждается еще смысломъ ст. 1167, на основаніи которой, въ случаѣ недостатка вырученной продажей суммы на удовлетвореніе всѣхъ предъявленныхъ къ должнику взысканій, купившій имѣніе можетъ замѣнить принадлежащими ему претензіями только ту часть суммы, которая приходится ему по расчету. Эта статья находится въ непосредственной связи съ предъидущею ст. 1166, позволяющею покупщику-взыскателю вмѣсто наличныхъ денегъ внести въ счетъ покупной суммы тѣ взысканія, которыя были обращены на проданное имѣніе. Здѣсь законъ, слѣдовательно, допускаетъ компенсацію. Если же вырученной за имѣніе суммы недостаточно на полное удовлетвореніе всѣхъ взысканій, законъ допускаетъ частичную компенсацію по соразмѣрности. Въ этомъ случаѣ самъ кредиторъ, купившій имѣніе, *еще до распредѣленія денегъ судомъ*, производитъ расчетъ и удовлетворяется частью той суммы, которая ему причитается. Отсюда логически слѣ-

дуетъ, что и остальные кредиторы получаютъ по расчету удовлетвореніе *тотчасъ-же* послѣ распредѣленія денегъ судомъ, иначе кредиторъ, купившій имѣніе, былъ-бы поставленъ, безъ всякаго къ тому основанія, въ несравненно лучшее положеніе, чѣмъ остальные кредиторы, обратившіе взысканіе на проданное имѣніе.

Въ законѣ предусмотрѣнъ случай, когда выдача денегъ кредиторамъ пріостанавливается, а именно, при спорѣ между соучастниками въ общемъ владѣніи имѣнія, проданнаго съ публичнаго торга о количествѣ части, причитающейся на долю должника (ст. 1190). Въ этомъ случаѣ пріостанавливается выдача кредиторамъ той суммы, о которой идетъ споръ, впредь до разрѣшенія сего спора судомъ. Ст. 1190 уст. гр. суд., основанная на 2059 ст. X т. 2 ч, должна имѣть примѣненіе лишь тогда, когда споръ заявленъ въ исковомъ порядкѣ, такъ какъ онъ имѣетъ своимъ предметомъ право на недвижимое имущество или на эквивалентъ его. Если продано съ публичнаго торга лишь право должника на причитающуюся ему долю безъ предварительнаго выдѣла оной (ст. 1188), то споръ можетъ происходить между покупщикомъ и остальными совладѣльцами о пространствѣ принадлежащаго первому права въ общемъ имѣніи. Если-же имѣніе продано въ цѣломъ составѣ (ст. 1189), то споръ можетъ происходить между должникомъ и остальными совладѣльцами о количествѣ причитающейся на долю должника части, отъ какой части зависитъ и размѣръ суммы, слѣдующей къ распредѣленію между соучастниками и кредиторами должника. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ часть денегъ, вырученныхъ за имѣніе, является спорною, и потому она не выдается кредиторамъ до разрѣшенія спора судомъ. При производствѣ дѣла по такому спору могутъ принимать участіе въ качествѣ третьихъ лицъ кредиторы (ст. 1191).

Выдача кредиторамъ денегъ, причитающихся имъ по произведенному судомъ распредѣленію, можетъ быть пріостановлена вслѣдствіе иска, предъявленнаго кѣмъ либо изъ кредиторовъ о количествѣ причитающейся ему суммы, но такое пріостанов-

леніе возможно не иначе, какъ по опредѣленію суда, коему искъ о томъ предъявленъ, о наложеніи ареста на распредѣленную между кредиторами сумму (ст. 602, 633). Точно также выдача денегъ приостанавливается подачею просьбы о признаніи должника несостоятельнымъ, если дѣло о несостоятельности подсудно тому-же суду, въ которомъ производится распредѣленіе денегъ (ст. 6 и 12 прил. къ ст. 223 уст. гр. суд. и касс. рѣш. № 82—1880 г.).

В). Дѣли объ утвержденіи къ исполненію духовныхъ завѣщаній. Дѣятельность суда по этимъ дѣламъ ограничивается преимущественно разсмотрѣніемъ формальной стороны завѣщаній. Судъ наблюдаетъ только за тѣмъ, чтобы въ составѣ завѣщанія были соблюдены установленныя закономъ формы (ст. 22 прил. къ ст. 1012 X т. 1 ч.). Судъ не входитъ въ разсмотрѣніе существа завѣщанія, а удостоверяется только въ подлинности его и въ правоспособности завѣщателя и лицъ, въ пользу которыхъ сдѣланы завѣщательныя распоряженія (ibid. ст. 21 и 22, к. р. № 583—74 г.). Такова роль суда при утвержденіи завѣщанія въ безспорномъ порядкѣ. Уже выраженіе „утвержденіе завѣщанія къ исполненію“ указываетъ на то, что вслѣдъ за утвержденіемъ завѣщанія, оно подлежитъ исполненію. Объ утвержденіи или неутвержденіи завѣщанія судъ, какъ извѣстно, постановляетъ опредѣленіе. На такое опредѣленіе допускается частная жалоба въ мѣсячный срокъ (ibid. ст. 32 и 33). Предположимъ, что судъ утвердилъ завѣщаніе, и на опредѣленіе суда подана частная жалоба со стороны лица, интересы котораго нарушены опредѣленіемъ объ утвержденіи завѣщанія, каковая жалоба, по смыслу ст. 33 прил. къ ст. 1012 X т. 1 ч., допускается. Такая жалоба не ослабляетъ исполнительной силы судебного опредѣленія и не останавливаетъ исполненія завѣщанія. Мы находимъ для этого положенія твердую опору въ законѣ. Во первыхъ, къ частнымъ жалобамъ на опредѣленіе суда объ утвержденіи духовнаго завѣщанія или объ отказѣ въ такомъ утвержденіи примѣняется порядокъ, указанный въ ст. 784—790 уст. гр.

суд. (ст. 32 прил. къ ст. 1012 X т. 1 ч.), а на основаніи ст. 787 устава принесеніе частной жалобы не останавливаетъ приведенія обжалованнаго опредѣленіе въ исполненіе, кромѣ случаевъ, положительно въ законѣ указанныхъ. Во вторыхъ, только *искъ* о признаніи духовнаго завѣщанія недѣйствительнымъ можетъ остановить исполненіе завѣщанія. Это вытекаетъ изъ смысла ст. 37 прил. къ ст. 1012 X т. 1 ч. по которой, если споръ по завѣщанію возникаетъ въ то время, когда завѣщанное имѣніе не поступило ни въ чье владѣніе, то оно отдается въ опекунское управленіе. Сопоставляя эту статью съ предыдущею ст. 36, убѣждаемся, что законъ предусмотрѣлъ предъявленіе иска въ тотъ моментъ, когда завѣщаніе уже утверждено къ исполненію, но оно еще не выдано изъ суда или вообще не приведено еще въ исполненіе, т. е. когда имущество еще не перешло въ обладаніе лицъ, коимъ оно завѣщано (ст. 1098 X т. 1 ч.). Слѣдовательно, когда въ виду суда иска о недѣйствительности завѣщанія нѣтъ, то опредѣленіе объ утвержденіи завѣщанія приводится безусловно въ исполненіе немедленно. На практикѣ, насколько намъ извѣстно, оно такъ и бываетъ. Какъ только опредѣленіе суда объ утвержденіи завѣщанія изложено въ окончательной формѣ (а это бываетъ обыкновенно на слѣдующій день послѣ судебного засѣданія), просителю, по взносу имъ назначенныхъ въ опредѣленіи пошлинъ, выдается духовное завѣщаніе съ подписью на немъ суда объ утвержденіи его къ исполненію и въ тоже время посылается объявленіе въ сенатскую типографію и сообщается, въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, выписка изъ завѣщанія прокурору (ст. 30 и 31 прил. къ ст. 1012 X т. 1 ч.). И такъ, опредѣленіе суда, постановленное въ безспорномъ или неисковомъ порядкѣ объ утвержденіи завѣщанія, получаетъ исполнительную силу немедленно, если только въ виду суда нѣтъ спора или иска о недѣйствительности завѣщанія. Съ этою цѣлью нѣкоторые суды при утвержденіи завѣщанія наводятъ по канцеляріи суда справку, не предъявлено ли кѣмъ либо спора противъ завѣщанія. (Такой приемъ не составляетъ, по мнѣнію многихъ практиковъ, нарушенія

ст. 367 уст. гр. суд., такъ какъ она относится къ исковому порядку производства).

Съ постановленіемъ означеннаго опредѣленія ни отъ душеприкащиковъ, ни отъ наслѣдниковъ по завѣщанію не требуется новаго постановленія суда, утверждающаго ихъ право на приведеніе въ исполненіе духовнаго завѣщанія, и посему, если наслѣдство охранено мировымъ судьей, душеприкащики или наслѣдники имѣютъ право обратиться съ требованіемъ о снятіи мѣръ охраненія и объ отдачѣ имъ имущества (к. р. №№ 277, 885—72 г, 127—74 г.).

Г) *Дѣла объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства.* Институтъ судебного утвержденія въ правахъ наслѣдства въ нашемъ законодательствѣ не развитъ. Ст. 1408, помѣщенная въ отдѣлѣ охранительнаго судопроизводства, предоставляетъ утвержденіе въ наслѣдственныхъ правахъ на волю наслѣдниковъ. Право наслѣдованія по закону наступаетъ со смертью лица, послѣ котораго открылось наслѣдство, и не нуждается въ санкціи суда (ст. 1254 X т. 1 ч.). Но судебная, въ особенности кассационная практика, руководствуясь соображеніями чисто формальнаго свойства, признаетъ судебное опредѣленіе объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства лучшимъ и чуть ли не единственнымъ доказательствомъ наслѣдственныхъ правъ лица. На практикѣ твердо установился взглядъ, что наслѣдничье званіе должно быть легитимировано судебною властью, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда лицо, реализируя свои наслѣдственныя права, приходитъ въ соприкосновеніе съ официальными или quasi—официальными учрежденіями (напр. судебными и присутственными мѣстами, съ казенными и частными кредитными учрежденіями). Такъ напр., въ составѣ открывшагося наслѣдства находятся: недвижимыя имѣнія, которыми наслѣдники желаютъ ввестись во владѣніе, или выданныя на имя наслѣдодателя долговыя обязательства, которыя должны быть предъявлены ко взысканію, или капиталы умершаго находятся вкладомъ въ какомъ нибудь кредитномъ учрежденіи, или наконецъ все наслѣдственное имущество охранено мировымъ судьей. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, для осу-

ществленія права наслѣдованія требуется судебное постановленіе объ утвержденіи лица въ правахъ наслѣдства (к. р. №№ 177—67 г., 15, 612, 801—69 г.; 675—71 г.; 1244 72 г.; 695—73 г.; 569, 1063—75 г.; 302 · 76 г. 310—77 г., 60—76 г. и мн. друг.).

Исполненіе судебного опредѣленія объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства выражается въ томъ, что наслѣдники получаютъ изъ суда засвидѣтельствованную копію опредѣленія и по предъявленіи этой копіи они получаютъ наслѣдственное имущество, гдѣ бы оно ни находилось, и осуществляютъ свои наслѣдственные права. Бываетъ перѣдко,* что одновременно съ просьбою объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства, наслѣдники ходатайствуютъ о введѣ ихъ во владѣніе недвижимымъ имѣніемъ умершаго. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что постановленіе суда, состоявшееся въ безспорномъ порядкѣ судопроизводства, разрѣшаетъ дѣло по существу и составляетъ финалъ охранительнаго процесса. Такое постановленіе окружнаго суда можетъ быть обжаловано въ двухнедѣльный срокъ въ судебную палату на основаніи общаго правила, по которому всякія постановленія окружнаго суда, какъ неокончательныя, подлежатъ обжалованію въ высшую инстанцію (к. р. №№ 1249—71 г., 129—77 г., 30—78 г.). Представимъ себѣ, что на одно и то же наслѣдство явилось нѣсколько претендентовъ. Судъ, разсмотрѣвъ ихъ ходатайства въ охранительномъ порядкѣ, утвердилъ въ правахъ наслѣдства тѣхъ изъ просителей, которые доказали свое ближайшее родство съ наслѣдодателемъ, остальнымъ же отказалъ въ такомъ утвержденіи. И въ этомъ случаѣ опредѣленіе суда подлежитъ немедленному исполненію, и оно не приостанавливается вслѣдствіе принесенія жалобы. Если, какъ мы показали, опредѣленіе суда объ утвержденіи завѣщанія къ исполненію получаетъ исполнительную силу немедленно, то тѣмъ болѣе это должно имѣть мѣсто относительно опредѣленія объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства. При утвержденіи завѣщаній дѣятельность суда заключается въ повѣркѣ акта съ формальной стороны (а формальностей, установленныхъ для составленія духовнаго завѣ-

щанія, немало), въ повѣркѣ его подлинности и правоспособности завѣщателя и лицъ, въ пользу которыхъ сдѣланы завѣщательныя распоряженія. При утвержденіи же въ правахъ наслѣдства судъ удостовѣряется только въ родствѣ наслѣдниковъ съ умершимъ, послѣ котораго открылось наслѣдство, и своимъ опредѣленіемъ освящаетъ то право, которое уже предустановлено въ законѣ. Такимъ образомъ, въ послѣднемъ случаѣ, дѣятельность суда гораздо проще и въ ней ярче выступаетъ бесспорно-охранительный характеръ, чѣмъ въ первомъ случаѣ, и нѣтъ поэтому ни малѣйшаго разумнаго основанія откладывать исполненіе судебного опредѣленія объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства до истеченія срока на обжалованіе или до разрѣшенія дѣла въ судебной палатѣ.

Какъ при утвержденіи духовнаго завѣщанія къ исполненію, такъ и при утвержденіи въ правахъ наслѣдства, судъ можетъ постановить, въ случаѣ заявленія о томъ ходатайства, о вводѣ во владѣніе наслѣдственнымъ имуществомъ. Постановленіе о вводѣ приводится точно также въ исполненіе немедленно по выданному исполнительному листу. Такое постановленіе можетъ быть обжаловано судебной палатѣ, въ предѣлахъ установленнаго закономъ срока, всѣми лицами, права коихъ нарушаются вводомъ, напр. когда лицо введено во владѣніе имѣніемъ, которое находилось въ безспорномъ владѣніи другаго лица (к. р. №№ 129—77 г., 30—78 г.). Но только споръ или искъ, предъявленный установленнымъ порядкомъ, можетъ остановить вводъ во владѣніе, а не возраженіе или жалоба, поданная въ частномъ порядкѣ. Судъ можетъ принять во вниманіе такое возраженіе при удостовѣреніи въ томъ, что актъ укрѣпленія совершенъ по правиламъ, закономъ предписаннымъ, но оно не можетъ само по себѣ остановить ввода во владѣніе (ст. 1098 X т. 1 ч., 1425 уст. гр. суд., к. р. № 368—77 г.).

Д) *Дѣла о несостоятельности.* Къ числу неисковыхъ дѣлъ относятся и дѣла о признаніи кого-либо несостоятельнымъ должникомъ. Въ теченіи конкурснаго процесса могутъ быть постановляемы, какъ частныя опредѣленія по частнымъ вопро-

самъ изъ дѣла возникающимъ, такъ и опредѣленія, коими разрѣшаются по существу вопросы о *правахъ* несостоятельныхъ должниковъ и о правахъ кредиторовъ на получение удовлетворенія изъ имущества должника (к. р. № 543 — 1872 г.). Послѣднія опредѣленія, разрѣшающія вопросы о правѣ, имѣютъ, по разъясненію сената, значеніе рѣшеній и на нихъ могутъ быть подаваемы апелляціонныя жалобы (к. р. №№ 543 — 1872, 520 — 1876 г.). Изъ совокупнаго разсмотрѣнія статей устава о торговой несостоятельности и временныхъ правилъ о производствѣ дѣлъ о несостоятельности нельзя не придти къ убѣжденію, что всякаго рода судебныя постановленія по дѣламъ о несостоятельности приводятся въ исполненіе немедленно, и подача жалобы, какъ частной, такъ и апелляціонной, не останавливаетъ исполненія означенныхъ постановленій. Такъ, съ постановленіемъ опредѣленія объ объявленіи кого-либо несостоятельнымъ торговаго свойства, судъ въ *тотъ же день* отдаетъ должника подъ стражу (ст. 1881 и 1882 т. XI ч. 2 уст. о торг. несост.). Опредѣленіе о несостоятельности лицъ служащихъ сообщается *въ то же засѣданіе*, какъ начальству, такъ и мѣсту служенія должника для необходимыхъ распоряженій и объ увольненіи его отъ должности (тамъ же, ст. 1883). По силѣ того же опредѣленія производится судомъ публикація о несостоятельности, на движимое имущество налагается арестъ *въ тотъ же или на другой день* по открытіи несостоятельности (ст. 1885—1887, 1891, 1894, ст. II прил. къ ст. 223 уст. гр. суд.). Судъ созываетъ наличныхъ кредиторовъ *въ самый краткій срокъ и не далѣе трехъ дней* по открытіи несостоятельности для описи имѣнія и предварительной смѣты долговъ, и отъ должника отбирается подписка въ томъ, что онъ ничего не скрылъ и не скроетъ изъ своего имущества (ст. 1894 уст. о несост. и ст. 7 прил. къ ст. 223 уст. гр. суд.).

Въ нашемъ законодательствѣ о несостоятельности наглядно выступаетъ стремленіе къ тому, чтобы всѣ распоряженія и постановленія конкурснаго управленія и суда приводились немедленно въ исполненіе. Самый главный моментъ конкурс-

наго процесса,—это рассмотрѣніе общимъ собраніемъ заимодавцевъ дѣйствій конкурснаго управленія. По рассмотрѣніи этихъ дѣйствій собраніе приступаетъ къ *окончательнымъ* распоряженіямъ: назначаетъ срокъ и порядокъ продажи остатка не проданнаго имущества и дѣлаетъ *окончательное* постановленіе о долгахъ и ихъ удовлетвореніи. Приведеніе *этихъ окончательныхъ* постановленій въ дѣйствіе собраніе поручаетъ конкурсному управленію и по принятому въ собраніи распредѣленію долговъ *немедленно* производится удовлетвореніе (ст. 1994, 1995 и 1996 уст. о торг. несост.). Определеніе суда объ утвержденіи постановленія общаго собранія заимодавцевъ о свойствѣ несостоятельности имѣетъ своимъ прямымъ послѣдствіемъ приведеніе означеннаго постановленія въ исполненіе и объявленіе о томъ въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ (ibid ст. 2004). Равнымъ образомъ, какъ только состоялось определеніе суда объ утвержденіи мировой сдѣлки, она считается дѣйствительною и тѣмъ самымъ прекращаетъ конкурсъ и всѣ его послѣдствія такъ точно, какъ бы никогда онаго не было (ibid ст. 2015, 2017).

Обжалованію подлежатъ, какъ определенія конкурснаго управленія, такъ и определенія суда (ст. 17 и 18 прил. къ ст. 223 уст. гр. суд.). Но подача жалобы на эти определенія, какъ мы сказали, не останавливаетъ приведенія ихъ въ исполненіе. Конкурсное управленіе составляетъ по вѣреннѣмъ ему дѣламъ, до окончанія ихъ, нижнюю степень суда (ст. 1910 уст. о торг. несост.). На основаніи ст. 17 прил. къ ст. 223 уст. гр. суд., дѣла по жалобамъ на определенія конкурснаго управленія производятся по правиламъ, изложеннымъ въ ст. 784 — 791 устава. Между цитированными статьями помѣщена ст. 787, по которой принесеніе частной жалобы не останавливаетъ приведенія обжалованнаго определенія въ исполненіе. Если такимъ образомъ определенія конкурснаго управленія, составляющаго *нижнюю* степень суда, получаютъ исполнительную силу до истеченія срока обжалованія, то нѣтъ никакого основанія допустить, чтобы исполнительная сила судебныхъ опредѣленій, хотя бы ими разрѣшался окончатель-

но вопросъ о правахъ должника или кредиторовъ, задерживалась принесеніемъ жалобы. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что между конкурснымъ и исковымъ порядкомъ судопроизводства нѣтъ никакой аналогіи. Въ первомъ порядкѣ судъ, открывъ несостоятельность или объявивъ кого-либо несостоятельнымъ должникомъ, заканчиваетъ этимъ свою судебную дѣятельность и сохраняетъ за собою роль инстанціи контролирующей и надзирающей за дальнѣйшимъ движеніемъ конкурснаго процесса. Только нѣкоторые, весьма немногіе моменты въ этомъ процессѣ требуютъ санкціи суда *ex officio*. Во всемъ же остальномъ участіе суда въ конкурсномъ процессѣ вызывается главнымъ образомъ ходатайствомъ или жалобами кредиторовъ или должника (ст. 16 прил. къ ст. 223 уст. гр. суд.). Поэтому къ производству въ судѣ дѣлъ о несостоятельности нельзя примѣнять правила искового судопроизводства объ исполнительній силѣ судебныхъ рѣшеній (ст. 736 и 924 уст. гр. суд.), и принесеніе жалобы не можетъ остановить исполненія судебныхъ опредѣленій по дѣламъ о несостоятельности.

Ограничимся этими пятью категоріями дѣлъ, чаще другихъ встрѣчающихся въ судебной практикѣ, чтобы иллюстрировать прочность выставленнаго нами положенія объ исполнительній силѣ судебныхъ опредѣленій по не исковымъ дѣламъ. Понятно, что есть еще много другихъ не исковыхъ дѣлъ, по которымъ судъ постановляетъ опредѣленіе по существу или, какъ прежде называли „рѣшительное опредѣленіе“, и оно получаетъ исполнительную силу сейчасъ же послѣ того, какъ оно состоялось. Сюда относятся напр. дѣла по жалобамъ на распоряженія или постановленія опекунскихъ установленій, старшихъ нотаріусовъ и нотаріусовъ (Высочайше утв. 17 февр. 1866 г. мнѣніе госуд. сов. въ собр. узак. 1869 г. № 19, пол. о нотар. части ст. 60 — 63). Во всѣхъ указанныхъ и имъ подобныхъ производствахъ нѣтъ борьбы двухъ исключających другъ друга интересовъ, нѣтъ *спора и состязанія* о правѣ. Споръ въ техническомъ смыслѣ предполагаетъ на личность *сторонъ* или тяжущихся: истца и отвѣтника, а самое

возбужденіе дѣла обусловливается предъявленіемъ иска и подачею исковаго прошенія. Въ не исковыхъ дѣлахъ, какъ мы видѣли, судъ, при опредѣленныхъ условіяхъ, даетъ санкцію извѣстному факту, утверждаетъ его и сообщаетъ ему юридическую силу, или, въ качествѣ высшей, надзирающей инстанціи, повѣряетъ дѣйствія подчиненныхъ ему мѣстъ и лицъ. Въ этомъ и выражается специфическій признакъ частнаго или не исковаго порядка процесса, въ отличіе отъ спорнаго или исковаго порядка: въ послѣднемъ случаѣ судъ разрѣшаетъ споръ о правѣ и своимъ рѣшеніемъ при доказанности иска суживаетъ сферу правовыхъ отношеній одной стороны и соответственно расширяетъ кругъ правовыхъ отношеній противной стороны; судебное рѣшеніе получаетъ для даннаго дѣла значеніе закона и истины (*res judicata pro veritate accipitur*). Въ первомъ же случаѣ судъ повѣряетъ извѣстный, неоспоренный фактъ и при извѣстныхъ условіяхъ утверждаетъ его. Но опредѣленіе суда по этому предмету, какъ мы видѣли, не имѣетъ характера абсолютной истины и не устраняетъ возможности спора или иска по тому же предмету и оно, т. е. опредѣленіе, можетъ быть впослѣдствіи уничтожено рѣшеніемъ того же суда. Вотъ почему авторитетность судебного рѣшенія по исковымъ дѣламъ и исполнительная сила его обусловлена по общему правилу *законною силою* рѣшенія, другими словами, рѣшеніе подлежитъ исполненію не прежде, какъ по вступленіи въ законную силу (предварительное исполненіе составляетъ исключеніе изъ общаго правила). Судебныя же опредѣленія по не исковымъ дѣламъ получаютъ исполнительную силу немедленно послѣ ихъ постановленія. Для прочности юридическаго быта весьма существенно, чтобы права лицъ, не подвергающихся спору, осуществлялись немедленно послѣ признанія ихъ судомъ, и чтобы охранительная и санкционирующая дѣятельность суда приносила обществу дѣйствительную выгоду и практическую пользу, а не служила бы тормазомъ, задерживающимъ и останавливающимъ развитіе юридической и экономической жизни.

Г. Вербловскій.

О НЕДОСТАТКАХЪ НАШЕГО СУДА ПРИСЯЖНЫХЪ.

I.

17 апрѣля истекшаго года исполнилось пятнадцать лѣтъ со времени открытія въ Россіи перваго суда, долженствовавшаго дѣйствовать, на основаніи уставовъ 20 ноября 1864 года, съ присяжными засѣдателями. Созданный на прочныхъ началахъ, судъ этотъ, несмотря на то трудное время, въ которое ему приходилось усвоиться, окрѣпнуть и развиваться въ Россіи, несмотря на то недовѣріе, которое слышалось при самомъ зарожденіи его въ одной части нашего общества и даже среди ученыхъ, считавшихъ нашъ народъ слишкомъ нравственно и политически простымъ для такого учрежденія, несмотря на тѣ нападки, которыя сыпались на него съ самаго дня его появленія и все болѣе и болѣе усиливались въ послѣднее время,—судъ этотъ просуществовалъ безъ всякихъ измѣненій по настоящее время. Такой періодъ времени существованія суда присяжныхъ, и притомъ безъ существенныхъ измѣненій, такъ какъ всѣ измѣненія, по отношенію къ самому суду, ограничились лишь изъятіемъ изъ его вѣдомства, по закону 9 мая 1878 года, дѣлъ о преступленіяхъ противъ порядка управленія, нельзя не признать достаточнымъ для того, чтобы въ теченіи его могла всесторонне высказаться дѣятельность нашихъ присяжныхъ засѣдателей и выяснились существенные недостатки этого учрежденія. Пятнадцатилѣтнею практикою судовъ добыто конечно много богатаго матеріала, но для того, чтобы составить себѣ правильное понятіе о дѣятельности на-

шихъ присяжныхъ засѣдателей, для того, чтобы указать на недостатки этого учрежденія и постараться выяснитъ причины этихъ недостатковъ, намъ необходимо имѣть этотъ матеріалъ предъ собою, намъ необходимо чтобы матеріалъ этотъ представлялся намъ въ точныхъ, неподлежащихъ опроверженію данныхъ и притомъ такихъ, которыя относились бы не до одной какой либо мѣстности, а по возможности до всего пространства, на которомъ дѣйствуютъ у насъ суды присяжныхъ. Такими данными, общедоступными для всѣхъ, являются конечно статистическія свѣдѣнія по дѣламъ уголовнымъ, публикуемыя въ сводахъ, издаваемыхъ министерствомъ юстиціи. Правда, эти своды начали издаваться только съ 1873 года и по настоящее время издано ихъ всего 6 томовъ, послѣдній за 1877 годъ, такъ что изъ нихъ мы можемъ почерпнуть свѣдѣнія только немного болѣе, чѣмъ за треть всего времени существованія судовъ, но, за неимѣніемъ другихъ данныхъ, доступныхъ для частныхъ лицъ и публикуемыхъ во всеобщее свѣдѣніе, ограничимся и этимъ матеріаломъ и постараемся поближе познакомиться съ этими сводами. Но прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію ихъ, уяснимъ себѣ какого рода свѣдѣнія необходимы намъ для нашей цѣли, до чего именно они должны относиться и въ чемъ заключаться. Свѣдѣнія эти, по нашему мнѣнію, могутъ быть двухъ родовъ: во первыхъ, относящіяся до состава судовъ присяжныхъ засѣдателей, а во вторыхъ, собственно до дѣятельности этихъ судовъ. Присяжные засѣдатели, на основаніи судебныхъ уставовъ, избираются изъ лицъ всѣхъ сословій (ст. 81 учр. суд. уст.) и всякаго образованія, на нихъ по закону возлагается обязанность постановлять по внутреннему своему убѣжденію (ст. 804 у. у. суд.), несмотря даже на сознаніе обвиняемаго. приговоръ о виновности или невинности его, причемъ имъ предоставлено право въ случаѣ, если они придутъ къ такому убѣжденію, признавъ обвиняемаго виновнымъ, отвергнуть нѣкоторые признаки приписываемаго ему дѣянія и, измѣнивъ такимъ образомъ обвиненіе, признать обвиняемаго виновнымъ въ низшемъ преступленіи, хотя бы судомъ и небыло поста-

новлено отдѣльнаго вопроса по обвиненію въ этомъ низшемъ преступленіи; такъ напр. отъ обвиненія въ кражѣ со взломомъ, отвергнувъ взломъ, перейти къ обвиненію въ простой кражѣ (ст. 812 у. у. суд. и многія рѣшен. уг. кас. депар.), и наконецъ имъ же предоставлено право признавать подсудимыхъ заслуживающими снисхожденія, дѣйствовавшими безъ разумѣнія или безъ полнаго разумѣнія, по крайности и т. п. Въ виду этого, не предъявляя очень строгихъ требованій въ нашей еще слишкомъ молодой статистикѣ, намъ кажется, что было бы достаточно, если бы мы нашли въ нашихъ статистическихъ сводахъ отвѣты на всѣ вопросы, вытекающіе изъ вышеизложенныхъ положеній, т. е. если бы мы могли найти свѣдѣнія, по которымъ могли бы опредѣлить отношеніе обвинительныхъ, измѣненныхъ и оправдательныхъ приговоровъ, постановленныхъ присяжными засѣдателями по каждому изъ преступленій, бывшему въ ихъ разсмотрѣніи, къ общему числу приговоровъ, какъ по всѣмъ преступленіямъ вообще, такъ и по отдѣльнымъ родамъ преступленій; отношеніе къ нимъ приговоровъ, по которымъ обвиняемые признаны заслуживающими снисхожденія или дѣйствовавшими по крайности и т. п., и, еще для болѣе точнаго опредѣленія дѣятельности присяжныхъ засѣдателей, желательно было бы опредѣлить такія же отношенія по приговорамъ о такихъ преступленіяхъ, въ которыхъ на судѣ обвиняемыми было učinено признаніе, особенно когда при этомъ не возбуждалось особаго вопроса о существованіи одной изъ законныхъ причинъ невмѣненія. Послѣднія свѣдѣнія, по нашему мнѣнію, являются существенно необходимыми потому, что по нимъ собственно и можно только съ большею вѣроятностью судить о томъ, насколько законно относятся присяжные засѣдатели къ исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей, такъ какъ большое число оправдательныхъ и измѣненныхъ приговоровъ, постановленныхъ присяжными засѣдателями, вообще, съ одинаковою вѣроятностью можетъ быть объясняемо, какъ небрежнымъ, неумѣлымъ и неправильнымъ отношеніемъ присяжныхъ къ своимъ обязанностямъ, такъ и недостаточностью

уликъ къ обвиненію и преувеличенію или неправильностью самаго обвиненія. Затѣмъ, что касается свѣдѣній, относящихся къ составу присяжныхъ засѣдателей, то, не представляя и въ этомъ случаѣ какихъ либо изысканныхъ требованій, мы желали бы имѣть хотя бы только такія свѣдѣнія, изъ которыхъ можно было бы заключить о мѣрѣ участія, которое принимало общество въ дѣлѣ отправленія уголовнаго правосудія, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, въ отношеніи принадлежности ихъ къ тому или другому сословію, а главное въ отношеніи образованія: свѣдѣнія, изъ которыхъ можно было бы уяснить сколько тѣхъ или другихъ лицъ призывалось къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей, принимало дѣйствительное участіе и уклонилось отъ исполненія этой обязанности и по какимъ причинамъ. Свѣдѣнія эти могли бы служить не только для общей характеристики нашихъ судовъ присяжныхъ и разъясненія того, какъ относится наше общество къ исполненію этой обязанности, но и для опредѣленія удобства и цѣлесообразности самыхъ законоположеній до этого относящихся и правильности примѣненія ихъ.

Своды статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, стали издаваться министерствомъ юстиціи съ 1873 года (первый томъ, вышедшій въ 1873 году, составляетъ сводъ свѣдѣній за 1872 годъ) и явились какъ результатъ Высочайше утвержденныхъ 11 ноября 1871 года правилъ объ отчетности по дѣламъ уголовнымъ, правилъ, совершенно измѣнившихъ нашу прежнюю систему отчетности. Статистическія свѣдѣнія, доставляемыя въ министерство юстиціи прежнимъ порядкомъ, въ ежегодныхъ отчетахъ судебныхъ мѣстъ, дѣйствительно не могли внушать къ себѣ много довѣрія; „изъ этихъ вѣдомостей“, какъ сказано въ краткой запискѣ о дѣятельности судебныхъ мѣстъ въ 1872 году, приложенной къ 1-му тому свода, „не только нельзя вывести полнаго и точнаго понятія о дѣятельности судебныхъ мѣстъ, не только нельзя извлечь никакихъ выводовъ, которые подкрѣплялись бы статистическими данными, но нѣтъ даже никакой возможности провѣрить дѣйствительность показанныхъ въ этихъ отчетахъ цифръ“; въ виду

этого, сознавая, какъ говорится въ той же запискѣ „что установленіе правильной и наиболѣе точной системы собиранія судебно-статистическихъ свѣдѣній, представляется вопросомъ первостепенной важности, такъ какъ, съ одной стороны, вѣрныя и отвѣчающія дѣйствительному положенію дѣла статистическія данныя, одни способны представить полную картину нравственнаго положенія страны и указать на необходимость принятія тѣхъ или другихъ мѣръ, а съ другой, никакая законодательная реформа не можетъ быть съ успѣхомъ принята безъ помощи статистики“, министерство юстиціи и ввело новую систему, на основаніи которой статистическія свѣдѣнія по дѣламъ уголовнымъ стали доставляться въ министерство отдѣльно, по каждому дѣлу. Такимъ образомъ, цѣль министерства юстиціи во введеніи новой системы заключалась не только въ томъ, чтобы имѣть точныя свѣдѣнія, которыя, какъ выше сказано, представляли бы *полную картину нравственнаго положенія страны*, но и въ томъ, чтобы свѣдѣнія эти были настолько полны, что могли бы служить и для законодательныхъ реформъ въ дѣлѣ уголовного правосудія. „Бросая общій взоръ на содержаніе таблицъ предлагаемаго выпуска“, говорятъ составители свода свѣдѣній за 1873 годъ, „нельзя не указать на громадную важность содержащихся въ немъ данныхъ, какъ для правительственныхъ соображеній и мѣропріятій, такъ и вообще для дѣла статистики.... Всякая реформа правительства, въ области уголовного правосудія, *отнынѣ можетъ основываться на точныхъ указаніяхъ статистики*“. Къ такому взгляду министерства юстиціи на дѣло уголовной статистики, конечно слѣдуетъ отнести съ полнымъ сочувствіемъ и нельзя не отдать предпочтенія новой системѣ передъ прежнею, хотя бы уже потому, что по этой новой системѣ является меньшая вѣроятность ошибокъ въ доставляемыхъ свѣдѣніяхъ и безусловно большая полнота такихъ свѣдѣній. Но мы не имѣемъ въ виду входить въ подробное разсмотрѣніе достоинствъ этой системы, равно какъ и указывать на недостатки въ примѣненіи ея, мы коснулись этого вопроса только въ виду того, чтобы уяснить себѣ взглядъ

министерства юстиціи на эту новую систему и тѣ требованія и надежды, которыя оно возлагало на нее, для того, чтобы знать, можемъ ли мы прибѣгнуть къ издаваемымъ имъ сводамъ для нашей цѣли и искать въ нихъ точныхъ данныхъ, относящихся до института присяжныхъ засѣдателей. Выясненный выше взглядъ министерства юстиціи, повидимому, обнадеживаетъ насъ въ этомъ, а потому и приступимъ къ розысканію этихъ данныхъ въ сводахъ.

Своды статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, за исключеніемъ незначительныхъ измѣненій въ частностяхъ, измѣненій, вызванныхъ, говоря языкомъ составителей, *указаніями опыта и статистической науки*, составлены по одной, общепринятой министерствомъ юстиціи системѣ. Каждый сводъ состоитъ изъ трехъ частей: въ первую часть включены вѣдомости о состояніи дѣлопроизводства въ каждой судебной инстанціи, съ указаніемъ подробныхъ свѣдѣній о движеніи дѣлъ по каждому окружному суду и по отдѣльнымъ преступленіямъ; вторая часть заключаетъ въ себѣ статистическія данныя о подсудимыхъ по уголовнымъ дѣламъ, бывшимъ въ разсмотрѣніи общихъ судебныхъ мѣстъ, и третья часть—свѣдѣнія о подсудимыхъ по дѣламъ мировой юстиціи. Кромѣ этого, каждому тому предпосланъ общій обзоръ дѣятельности судебныхъ мѣстъ и статистическихъ свѣдѣній о подсудимыхъ, представляющій выводъ изъ свѣдѣній помѣщенныхъ въ самомъ сводѣ.

Оставляя въ сторонѣ первую часть, какъ составляющую, такъ сказать, служебную статистику, для нашей цѣли непригодную, а равно и третью часть, относящуюся до мировой юстиціи, намъ приходится остановиться на 2 части и на той части общаго обзора, которая касается этой части. Вторая часть состоитъ изъ двухъ отдѣловъ; первый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ общую вѣдомость объ *оправданныхъ и осужденныхъ* по приговорамъ окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ и распределеніе по окружнымъ судамъ оправдательныхъ и обвинительныхъ приговоровъ, результатовъ признанія смягчающихъ вину обстоятельствъ, родовъ наказанія и т. д. второй

же отдѣлъ свѣдѣнія, касающіяся личныхъ качествъ *осужденныхъ*: возраста семейнаго быта, образованія и пр. Такимъ образомъ для нашей цѣли, повидимому, оказывается пригоднымъ только первый отдѣлъ, и дѣйствительно, сами составители свода говорятъ объ немъ такъ: „таблицы 1 отдѣла о подсудимыхъ, съ подробною наменклатурою преступленій, со свѣдѣніями объ оправдательныхъ приговорахъ; родахъ наказанія и съ прочими, касающимися сущности уголовного приговора указаніями, представляютъ *полную картину преступленій въ томъ видѣ, какъ они признаны рѣшеніями присяжныхъ засѣдателей* или приговорами окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ“. Но такъ ли это въ дѣйствительности? Точно ли таблицы эти могутъ намъ представить полную картину преступленій въ томъ видѣ, какъ они признаны присяжными? Къ сожалѣнію отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть данъ отрицательный. Что видимъ мы изъ этихъ таблицъ? Первая графа, самая главная, служащая, такъ сказать, базисомъ для всей таблицы, такъ какъ всѣ свѣдѣнія, помѣщенные въ слѣдующихъ графахъ, представляющихъ различныя подраздѣленія, показаны сообразно съ первою графою, это—общее число подсудимыхъ, затѣмъ слѣдуютъ подраздѣленія; изъ нихъ оправдано, осуждено и проч. Такимъ образомъ оказывается, что таблицы эти составлены и всѣ свѣдѣнія, помѣщенные въ нихъ показаны *по числу подсудимыхъ*, т. е. *лицъ*, бывшихъ подъ судомъ по обвиненію въ томъ или другомъ преступленіи, а потому и узнать изъ нихъ мы можемъ только то, что относится *до лицъ*, такъ напр., сколько ихъ обвинялось въ томъ или другомъ преступленіи, сколько изъ нихъ обвинено или оправдано, сколько признано заслуживающими снисхожденія и т. д., *но сколько было всего преступныхъ дѣяній въ разсмотрѣніи присяжныхъ засѣдателей и какіе по нимъ состоялись приговоры*, мы опредѣлить этого изъ таблицъ не можемъ; не можемъ сдѣлать этого уже потому, что, какъ это всѣмъ хорошо извѣстно, не всегда подсудимый обвиняется въ совершеніи только одного преступленія, но нередко и въ совершеніи нѣсколькихъ преступленій; точно

также какъ нерѣдки случаи обвиненія нѣсколькихъ лицъ въ совершеніи одного преступленія. Положимъ, что когда нѣсколько лицъ обвинялось въ совершеніи одного преступленія, то ихъ можно показать въ таблицахъ каждому, какъ отдѣльнаго подсудимаго, но какъ поступить, когда одно лицо обвиняется въ совершеніи нѣсколькихъ преступленій? Представимъ такой случай: одно лицо обвиняется въ совершеніи, положимъ, пяти однородныхъ преступленій; присяжные засѣдатели признають его виновнымъ въ одномъ, а въ прочихъ четырехъ оправдываютъ; по системѣ, принятой въ сводахъ, онъ долженъ быть показанъ одинъ разъ, какъ подсудимый обвиненный, а куда же дѣнутся четыре оправдательные приговора присяжныхъ засѣдателей? — Для нихъ въ таблицахъ нѣтъ мѣста. Вотъ насколько полна та картина, которую представляютъ намъ таблицы сводовъ и какой-же выводъ о дѣятельности судовъ присяжныхъ засѣдателей можемъ мы сдѣлать по свѣдѣніямъ, доставленнымъ этими таблицами? На первый взглядъ, возможность исчезновенія, такъ сказать, оправдательныхъ приговоровъ, на которую мы сейчасъ указали, можетъ навести насъ на мысль, что, такъ какъ оправдательные приговоры показываются по таблицамъ не всѣ, то дѣйствительное число ихъ должно быть гораздо большее, а разъ увеличится число оправдательныхъ приговоровъ, то должно измѣниться и отношеніе ихъ по обвинительнымъ приговорамъ и притомъ не въ пользу суда присяжныхъ засѣдателей, такъ какъ процентъ оправдательныхъ приговоровъ долженъ сдѣлаться еще болѣе, но такой выводъ будетъ совершенно неправиленъ. Дѣйствительно, безусловно вѣрно, что число оправдательныхъ приговоровъ гораздо болѣе числа оправданныхъ подсудимыхъ, но вѣдь таблицами сводовъ скрадываются не одни только оправдательные приговоры, но и обвинительные; лицо, обвиненное въ двухъ, трехъ, десяти преступленіяхъ, все таки будетъ одинъ подсудимый и объ немъ въ таблицахъ будетъ числиться только одинъ обвинительный приговоръ, а остальные точно также исчезнутъ. Какихъ-же приговоровъ болѣе, обвинительныхъ или оправдательныхъ, не вой-

детъ въ таблицы, еще является вопросомъ спорнымъ, и если при этомъ принять во вниманіе, что въ случаѣ обвиненія лица въ совершеніи нѣсколькихъ однородныхъ преступленій, напримѣръ кражъ, присяжные засѣдатели обыкновенно обвиняютъ его, если не во всѣхъ, то въ большей части преступленій, такъ какъ доказанная виновность лица въ совершеніи одного преступленія, невольно служитъ для нихъ уликою къ обвиненію его въ совершеніи и другаго, съ первымъ однороднаго преступленія, то едва-ли не придется признать, что перевѣсъ въ этомъ случаѣ будетъ скорѣе на сторонѣ приговоровъ обвинительныхъ. Единственно вѣрный выводъ, какой можно сдѣлать изъ разсматриваемыхъ таблицъ, это тотъ, что по нимъ нельзя составить точнаго представленія о дѣятельности судовъ присяжныхъ засѣдателей, напротивъ того, даже можно придти къ ложнымъ выводамъ. Объяснимъ это нагляднымъ примѣромъ: въ судѣ разсматривается три дѣла: по первому подсудимый обвиняется въ четырехъ преступленіяхъ, по второму одинъ подсудимый въ одномъ преступленіи и по третьему тоже; присяжные засѣдатели признаютъ по первому дѣлу подсудимаго виновнымъ во всѣхъ преступленіяхъ, а по двумъ другимъ дѣламъ подсудимыхъ оправдываютъ. Какой выводъ слѣдуетъ сдѣлать изъ этого? Очевидно 4 обвинительныхъ приговора и 2 оправдательныхъ, отношеніе обвинительныхъ къ оправдательнымъ, какъ 4—2, другими словами, обвинительныхъ приговоровъ вдвое болѣе чѣмъ оправдательныхъ, если-же мы станемъ считать по системѣ принятой въ сводахъ, т. е. по числу подсудимыхъ, то придемъ къ діаметрально-противоположному выводу, а именно: 1 обвиненный подсудимый и 2 оправданныхъ т. е. оправдательныхъ приговоровъ вдвое болѣе, чѣмъ обвинительныхъ. Однако посмотримъ, не ошибаемся ли мы сами въ своихъ выводахъ, быть можетъ слово подсудимый, употребляемое сводами, есть просто только неточное выраженіе, что подъ нимъ не слѣдуетъ разумѣть отдѣльную личность, что лицо, обвиняемое въ нѣсколькихъ преступленіяхъ, въ таблицахъ показывается столько разъ подсудимымъ, въ сколько преступленій оно

обвинялось—но это предположеніе оказывается невѣрнымъ и легко падаетъ, при сравненіи таблицъ 1-го отдѣла съ таблицами втораго, въ которыхъ подсудимые распредѣлены по ихъ личнымъ качествамъ, возрасту, образованію, состоянію и проч. Возьмемъ для примѣра хотя сводъ статистическихъ свѣдѣній за 1876 годъ; что же мы увидимъ: въ таблицахъ 1-го отдѣла значится въ итогъ общее число подсудимыхъ муж. 34850 и женщ. 4062, изъ нихъ оправдано муж. 11556 и женщ. 1886, обвинено муж. 23294 и женщ. 2176; тѣ же самыя цифры осужденныхъ муж. 23294 и женщ. 2176 значатся и по всѣмъ таблицамъ 2-го отдѣла, а по этимъ таблицамъ уже конечно показываются отдѣльныя личности, каждая одинъ разъ, а не по числу совершенныхъ ими преступленій. Наконецъ, для того, чтобы окончательно убѣдиться въ томъ, что въ издаваемыхъ министерствомъ юстиціи сводахъ, требуемыхъ нами свѣдѣній нѣтъ, да и быть не можетъ, такъ какъ они вовсе и не получаютъ министерствомъ, обратимся къ разсмотрѣнію самыхъ источниковъ, изъ которыхъ составляются эти своды. Свѣдѣнія, помѣщаемыя въ сводахъ, почерпаются, главнымъ образомъ, изъ двухъ источниковъ, установленныхъ Высочайше утвержденными 11 ноября 1871 года правилами о порядкѣ судебной отчетности по дѣламъ уголовнымъ, изъ вѣдомости подъ литерою Б. и изъ статистическаго листка подъ литер. В. Вѣдомость подъ лит. Б. получаетъ свое начало у судебного слѣдователя, и заводится на основ. § 1 п. 13 означенныхъ правилъ, отдѣльно по каждому, возникшему у судебного слѣдователя *слѣдственному производству*, но такъ какъ слѣдственное производство можетъ возникать одно за разъ по нѣсколькимъ преступленіямъ. то § 16-мъ этихъ правилъ допускается возможность соединенія такихъ отмѣтокъ въ одной вѣдомости, затѣмъ § 25-мъ правилъ, допускается соединеніе судебнымъ слѣдователемъ нѣсколькихъ вѣдомостей въ одну, въ случаѣ совокупности преступленій, и соединеніе нѣсколькихъ слѣдственныхъ производствъ объ одномъ и томъ-же обвиняемомъ во едино, такое же право § 33-мъ предоставлено прокурору и судебной палатѣ, такъ что, когда вѣдомость эта дойдетъ до ок-

ружнаго суда, то въ ней, въ графѣ названій преступленій, можетъ быть означенъ, или цѣлый рядъ преступленій, если они разнородныя или же просто названіе преступленія въ множественномъ числѣ, если они одинаковыя, напр. кражи; и окружной судъ, обязанный въ особой графѣ отмѣтить обвиненъ-ли подсудимый по суду или оправданъ, естественно можетъ сдѣлать только одну общую отмѣтку по всѣмъ преступленіямъ, относительно каждаго изъ подсудимыхъ. Изъ этого очевидно, что вѣдомости эти не могутъ доставить свѣдѣній о томъ, сколько преступленій было въ разсмотрѣніи присяжныхъ засѣдателей по отношенію къ каждому изъ обвиняемыхъ и какіе состоялись по нимъ приговоры присяжныхъ. Еще менѣе свѣдѣній въ этомъ отношеніи могутъ почерпнуть составители сводовъ изъ статистическихъ листковъ, такъ какъ, на основ. § 59 правилъ, статистическіе листки составляются по числу подсудимыхъ по дѣлу, отдѣльно для каждаго, но безъ различія того, въ сколькихъ преступленіяхъ онъ обвиняется, а поэтому и въ нихъ, въ случаѣ совокупности преступленій, дѣлается только одна общая отмѣтка о приговорѣ присяжныхъ, такъ что лицо, обвиняемое напримѣръ въ убійствѣ и нѣсколькихъ кражахъ, въ случаѣ оправданія въ первомъ и обвиненія въ послѣднихъ, или даже въ одной изъ кражъ, будетъ показано въ листкѣ обвиненнымъ вообще, безъ различія въ какомъ именно преступленіи. И такъ оказывается, что сводами статистическихъ свѣдѣній не можетъ быть разрѣшенъ даже самый существенный вопросъ, вопросъ о количествѣ приговоровъ, постановляемыхъ присяжными засѣдателями за извѣстный періодъ времени, а за невозможностью получить отвѣтъ на этотъ вопросъ, очевидно, должны остаться безъ разрѣшенія и всѣ тѣ вопросы, которые были указаны нами въ началѣ нашей статьи и разрѣшеніе которыхъ мы считали необходимымъ для составленія себѣ правильного представленія о дѣятельности присяжныхъ засѣдателей.

Точно также не найдемъ мы въ сводахъ отвѣта и на другой, интересующій насъ, вопросъ о томъ, какое принимало уча-

стіе общество въ дѣлѣ отправленія уголовнаго правосудія. Отсутствіе свѣдѣній о распредѣленіи присяжныхъ засѣдатель по сословіямъ, занятіямъ, образованію, о явкѣ и неявкѣ ихъ къ исполненію своихъ обязанностей и причинахъ такой неявки, какъ весьма существенныхъ, было замѣчено и указано еще вскорѣ послѣ изданія перваго тома свода (смотри журн. гражд. и уг. права за 1873 г. ноябрь „сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, возникшимъ въ 1872—1873 г.“ статья Н. Таганцева). Но къ сожалѣнію, замѣчанія эти, не смотря на неоднократно повторенное въ краткой запискѣ, приложенной къ первому тому, заявленіе, что центральное отдѣленіе неоставитъ безъ вниманія замѣчаній лицъ компетентныхъ, не принесли желаемой пользы. такъ какъ и въ послѣдующихъ затѣмъ сводахъ, свѣдѣній объ этомъ все таки непомѣщалось, да и вообще такими свѣдѣніями министерство юстиціи, повидимому, мало интересуется, что мы позволяемъ себѣ заключить изъ того, что въ установленныхъ имъ особыхъ о каждой уголовной сессіи отчетныхъ вѣдомостяхъ, въ которыхъ требуются такіа подробныя свѣдѣнія объ участіи въ засѣданіяхъ суда, судей и чиновъ прокурорскаго надзора, съ поименнымъ обозначеніемъ въ сколькихъ засѣданіяхъ принимало участіе каждое лицо, вовсе не требуется никакихъ свѣдѣній о присяжныхъ засѣдателяхъ, хотя требованіе такое было бы совершенно умѣстно и помѣщеніе такихъ свѣдѣній въ этихъ вѣдомостяхъ не представило бы никакого затрудненія для составителей ихъ.

II.

Ближайшее знакомство со сводами статистическихъ свѣдѣній, издаваемыми министерствомъ юстиціи, привело насъ къ убѣжденію въ томъ, что въ нихъ мы не можемъ найти такихъ данныхъ, которыя раскрывали бы предъ нами полную и правдивую картину дѣятельности суда присяжныхъ засѣдатель, со всѣми его достоинствами и недостатками, и мы, къ сожалѣнію, должны отказаться отъ мысли провѣрить статистическими данными справедливость тѣхъ нареканій, которыя

дѣлаются на нашъ судъ присяжныхъ; доказать несправедливость ихъ, или же, если эти нападки справедливы хотя отчасти, постараться уяснить себѣ, при помощи статистическихъ свѣдѣній, истинныя причины недостатковъ нашего суда. А недостатки эти существуютъ, мы ихъ ощущаемъ, жалобы на неудовлетворительность нашего суда слышатся весьма нерѣдко и не только изъ лагеря враждебнаго этому учрежденію, но даже изъ среды приверженцевъ его.

Нашъ судъ присяжныхъ засѣдателей обвиняютъ обыкновенно въ излишней мягкости, снисходительности, даже въ ущербъ правосудію, и въ нарушеніе закона. Большое число оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей приводитъ въ смущеніе даже сторонниковъ новаго суда и они, — защищая дорогое имъ учрежденіе и играя на старой стрункѣ: законы святы, да исполнители лихіе супостаты, — стараются всю вину свалить на исполнителей: судей, стороны, администрацію, стараясь въ дѣйствіяхъ ихъ, въ неправильномъ примѣненіи положеній судебныхъ уставовъ, отыскать главную причину недостатковъ и неправильныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей. Въ доказательство справедливости сказаннаго, мы позволимъ себѣ сослаться на помѣщенную въ Русской рѣчи за май и іюль 1879 г. статью подъ заглавіемъ „По поводу оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей.“ Мы ссылаемся на нее какъ на одну изъ лучшихъ по нашему мнѣнію статей, рассматривающую вопросъ объ общихъ недостаткахъ суда присяжныхъ. Въ этой статьѣ, авторъ ея, разбирая весьма подробно причины, которыя по его мнѣнію препятствуютъ правильному произнесенію присяжными засѣдателями приговоровъ, приходитъ къ убѣжденію, что въ этомъ виноваты всѣ, кто имѣетъ какое либо отношеніе къ суду присяжныхъ, но только не они сами и не законъ. Такъ, по его мнѣнію, виноваты прежде всего составители списковъ присяжныхъ, вносящіе въ эти списки людей одного сословія, одного класса, чрезъ что приговоръ присяжныхъ теряетъ характеръ „приговора общественной совѣсти,“ вносящіе въ эти списки чуть ли не нищихъ, которымъ

приходится голодать и просить милостыню слѣдовательно „лицъ, по матеріальному положенію своему и нравственнымъ отъ этого положенія послѣдствіямъ, не стоящихъ въ уровеньъ съ требованіями закона;“ виновата въ этомъ и администрація, незаботящаяся о возможномъ для присяжныхъ засѣдателей комфортѣ, хотя бы на время засѣданія, такъ какъ настоящая матеріальная обстановка присяжныхъ засѣдателей, во время засѣданія, въ душной комнатѣ, съ голодными желудками, *отнимаетъ у нихъ физическія силы, лишаетъ ихъ бодрости духа, ведетъ къ притупленію вниманія*; виноваты и стороны, говорящія на языкѣ для присяжныхъ засѣдателей непонятномъ и нетолько представляющія дѣло въ одностороннемъ видѣ, но и низводящія пренія „до борьбы *самолюбій и личностей*;“ виноваты наконецъ и предсѣдательствующіе. неумѣющіе объяснить присяжнымъ засѣдателямъ все для нихъ непонятное и являющіеся зачастую или стороною, или же только хранителями одной формальности.

Не оспаривая справедливости существованія вышеуказанныхъ причинъ, не отвергая и того, что причины эти дѣйствительно могутъ имѣть вліяніе на приговоры присяжныхъ засѣдателей, мы однако позволимъ себѣ усумниться въ томъ, что они то именно и являются основными причинами излишней снисходительности присяжныхъ, мы позволимъ себѣ усумниться даже въ томъ, что въ этой излишней снисходительности и заключается главный недостатокъ нашихъ судовъ присяжныхъ засѣдателей. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ доказательства этой излишней снисходительности? Гдѣ доказательства того, чтобы число оправдательныхъ приговоровъ было бы чрезмѣрно велико и притомъ въ ущербъ правосудію? Въ статьѣ своей, помѣщенной въ 6 книгѣ журнала гражданскаго и уголовного права за 1879 г. г. Фойницкій, ссылаясь на своды статистическихъ свѣдѣній, издаваемые Министерствомъ Юстиціи, и приводя изъ нихъ свѣдѣнія за 1873, 74, 75, и 76 годы, говоритъ, что число оправдательныхъ рѣшеній представляется огромнымъ, такъ какъ изъ свѣдѣній этихъ оказывается, что *изъ пяти человекъ,*

появляющихся предъ присяжными засѣдателями въ качества подсудимыхъ, почти два выходятъ изъ суда вполне оправданными. Но во первыхъ, по числу оправданныхъ подсудимыхъ, какъ то было указано нами выше, нельзя еще судить о числѣ оправдательныхъ приговоровъ, а тѣмъ болѣе дѣлать сравненія съ приговорами обвинительными, хотя бы уже потому только, что о каждомъ обвиненномъ могло состояться 2, 5, 10 обвинительныхъ приговоровъ, во вторыхъ потому, что оправданія эти могли происходить, какъ то справедливо замѣчаетъ далѣе тотъ же авторъ, и вслѣдствіе неправильнаго привлеченія подсудимыхъ на скамью обвиняемыхъ. Объ излишней снисходительности присяжныхъ, въ ущербъ правосудію и въ нарушеніе закона, о помилованіи, такъ сказать присяжными засѣдателями, дѣйствительно виновныхъ подсудимыхъ, мы могли бы судить съ большею вѣроятностью, какъ то было высказано нами выше, если бы мы имѣли точныя свѣдѣнія о числѣ оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ, по такимъ преступленіямъ, по которымъ на судѣ было сознание подсудимыхъ, но невозбуждалось вопроса ни объ одной изъ законныхъ причинъ невмѣняемости, но такъ какъ мы такихъ свѣдѣній неимѣемъ, то и всякіе выводы наши о приговорахъ присяжныхъ будутъ неправильны. Мы не предполагаемъ доказывать того, чтобы въ нашихъ судахъ совершенно не имѣли бы мѣста случаи помилованія присяжными засѣдателями дѣйствительно виновныхъ подсудимыхъ, напротивъ того, мы вполне согласны, что случаи такіе бываютъ, и быть можетъ перѣдко, и стараемся далѣе указать существенныя, по нашему мнѣнію, причины этого явленія, но мы полагаемъ, что неимѣя вѣрныхъ данныхъ, нельзя утверждать, чтобы число такихъ приговоровъ было бы чрезмѣрно велико, мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы въ этомъ именно и заключался главный и существенный недостатокъ нашихъ судовъ присяжныхъ засѣдателей.

Оправдательные приговоры присяжныхъ, особенно по дѣламъ, по которымъ на судѣ было сознание обвиняемыхъ, потому неблагоприятно дѣйствуютъ на наше общество, что ка-

жущаяся несправедливость ихъ для каждаго представляется очевидною. Возмущаются ими противники новыхъ судовъ, злорадно указывая на нихъ, какъ на неопровержимое доказательство непригодности для насъ этого учрежденія; возмущаются ими и не противники, но люди малосвѣдующіе; помилуйте, говорятъ они обыкновенно, это что то странно, самъ подсудимый говоритъ, что онъ укралъ, а присяжные говорятъ нѣтъ, не укралъ; возмущаются и негодуютъ и приверженцы новыхъ судовъ, боясь потерять дорогое для нихъ учрежденіе и въ негодованіи своемъ, отыскивая причины этого ненормальнаго явленія, стараются всю вину свалить на всѣхъ, кромѣ закона и присяжныхъ, не замѣчая, или же умышленно умалчивая о томъ, что рядомъ съ этими приговорами существуютъ и другіе приговоры, не оправдательные, а обвинительные и не по громкимъ дѣламъ, а по дѣламъ обыденнымъ, какимъ нибудь кражамъ и т. п. приговоры, которые для общества такъ и пройдутъ незамѣченными и о несправедливости которыхъ знаютъ только обвиняемые, да быть можетъ, сознаютъ суды и стороны, участвовавшіе въ дѣлѣ. Мы если и знаемъ о существованіи такихъ приговоровъ, то какъ то несмѣемъ поднять противъ нихъ голоса; мы какъ будто боимся того, чтобы насъ не обвинили въ излишнемъ либерализмѣ. Помилуйте, скажутъ намъ, вы недовольны еще тѣмъ *огромнымъ* числомъ оправдательныхъ вердиктовъ, которые выносятъ наши присяжные, вы желаете еще большей безнаказанности! Или же, напротивъ, мы опасаемся прослыть отстающими, такъ какъ возставать противъ такихъ приговоровъ, значить возставать противъ суда присяжныхъ засѣдателей. Конечно, судъ людской не божій и въ самомъ совершенномъ судѣ, состоящемъ изъ высокоразвитыхъ и опытныхъ юристовъ возможны случаи такъ называемыхъ судебныхъ ошибокъ: чтобы избѣжать ихъ, надо отказаться совсѣмъ отъ суда, но если ошибки эти могутъ имѣть мѣсто и въ такихъ судахъ, то во сколько разъ, возможно ли онѣ и чаще должны повторяться въ судѣ, состоящемъ изъ малоразвитыхъ судей, а какъ не высокъ уровень развитія большинства нашихъ присяжныхъ

извѣстно каждому. кому приходилось имѣть съ ними дѣло. Предвидя возможность такихъ ошибокъ, законъ нашъ старался, по возможности, оградить отъ нихъ учрежденіемъ обвинительной камеры и установленіемъ 818 ст. уст. уг. суд., на основаніи которой „если судъ единогласно признаетъ, что рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей осужденъ невинный, то постановляетъ опредѣленіе о передачѣ дѣла на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ, рѣшеніе которыхъ почитается уже во всякомъ случаѣ окончательнымъ.“ Этими мѣрами законъ, безспорно, уменьшилъ возможность еще большаго повторенія такихъ ошибокъ, но совершенно устранить ихъ не могъ. Основанія для преданія суду и для обвиненія далеко неодинаковы и нельзя требовать, чтобы обвинительныя камеры предавали суду только такихъ лицъ, въ виновности которыхъ онѣ были бы убѣждены, такъ какъ въ такомъ случаѣ самый судъ обратился-бы въ одну только излишнюю формальность; что же касается до 818 ст. уст. уг. суд., то во первыхъ, статья эта, по каждому дѣлу, можетъ быть примѣнена только одинъ разъ, а развѣ не бывало примѣровъ, чтобы судящійся по 818 ст. и вторымъ составомъ признавался виновнымъ? во вторыхъ, чтобы примѣнить ее надо общее согласіе судей, участвующихъ въ дѣлѣ, чего достигнуть иногда невозможно, и въ третьихъ, судьи вообще весьма неохотно и съ крайнею осторожностью прибѣгаютъ къ примѣненію этой статьи, боясь подорвать авторитетъ присяжныхъ, а иногда, смотря по составу, и просто запугать ихъ. Въ подтвержденіе справедливости того, что неправильныя обвиненія со стороны присяжныхъ являются у насъ далеко не рѣдкостью, мы конечно не можемъ сослаться на статистическія данныя, такъ какъ такихъ данныхъ и собрать невозможно, потому что приговоры эти никакими внѣшними признаками неотличаются, но мы позволимъ себѣ въ этомъ случаѣ сослаться на всѣхъ судей, принимавшихъ участіе, особенно въ сессіяхъ въ уѣздныхъ городахъ; мы увѣрены, что большинство изъ нихъ знакомо съ выраженіемъ въ родѣ слѣдующаго: „да, эти присяжные строги, они и безъ уликъ обвиняютъ“; мы убѣждены, что многимъ изъ нихъ и

не разъ приходилось говорить „да, если-бы я былъ присяжнымъ засѣдателемъ, я бы ни за что не обвинилъ“.

Устанавливая судъ присяжныхъ засѣдателей, составители нашихъ уставовъ имѣли въ виду, конечно, создать судъ все-сословный, т. е. такой судъ, въ которомъ бы каждое сословіе принимало, по возможности, одинаковое участіе. Они, при этомъ, безъ сомнѣнія, не могли не предвидѣть, что у насъ по необходимости явится преобладаніе одного сословія, именно сословія крестьянъ, что ясно доказывается уже тѣмъ, что къ исполненію обязанности присяжныхъ засѣдателей призываются не всѣ крестьяне, а только состоявшіе и состоящіе на извѣстныхъ должностяхъ (4 п. 84 ст. учр. суд. уст.), или обладающіе извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ (5 п. 84 ст.), но едва-ли они предполагали, чтобы преобладаніе это явилось такимъ подавляющимъ, какимъ оно является у насъ. въ большей части мѣстностей Россіи. Благодаря этому значительному превосходству крестьянскаго сословія и при самомъ добросовѣстномъ составленіи общихъ, очередныхъ и запасныхъ списковъ присяжныхъ засѣдателей, неговоря уже о возможныхъ въ этомъ случаѣ злоупотребленіяхъ, верѣдько бываетъ то, что при избраніи изъ этихъ списковъ 36 присяжныхъ для сессіи, а уже тѣмъ болѣе 12 для каждаго засѣданія, въ число избранныхъ попадаютъ исключительно только одни крестьяне. Такое преобладаніе крестьянскаго сословія, какъ сословія собственно, немогло бы еще имѣть серьезнаго значенія, если бы наши присяжные засѣдатели изъ крестьянъ не были бы, въ большинствѣ случаевъ, людьми умственно мало-развитыми и безграмотными. Какъ лица малоразвитые, они легко увлекаются вѣщностью; то соображеніе, которое имѣли въ виду составители уставовъ, *„что для каждаго подсудимаго должно служить важнымъ огражденіемъ такой составъ суда присяжныхъ засѣдателей, въ которомъ находились бы люди не слишкомъ самонадѣянныя, не легко поддающіеся впечатлѣніямъ производимымъ доводами обвинителя“* (см. жур. 1862 г. № 65 стр. 316 — 318), по примѣненію къ присяжнымъ засѣдателямъ изъ крестьянскаго сословія, ко-

торыхъ они имѣли въ виду, едва-ли можетъ быть названо правильнымъ. Присяжные засѣдатели изъ такихъ крестьянъ дѣйствительно можетъ быть не увлекаются рѣчами и доводами обвинителя по существу, но они увлекаются его обстановкою. Въ обвинителѣ они видятъ того же судью, царскаго чиновника, тогда какъ защита, являющаяся предъ ними въ лицѣ какого-нибудь мѣстнаго, малограмотнаго ходатая, который тѣмъ же присяжнымъ хорошо извѣстенъ за человѣка способнаго за деньги на всѣ возможныя услуги, не можетъ внушить имъ къ себѣ довѣрія. Обстоятельства не измѣнятся, если предъ присяжными, въ качествѣ защитника, появится какой-либо пріѣзжій адвокатъ. Выраженіе „*выписано изъ Петербурга, Москвы или губерніи* (губернскаго города)“ указываетъ только на большую или меньшую состоятельность обвиняемаго и ничего болѣе, и никакой адвокатъ неизбѣгнетъ предубѣжденнаго взгляда на него, какъ на наемника. При такихъ условіяхъ конечно трудно и предположить, чтобы у такихъ присяжныхъ засѣдателей могло сложиться понятіе о равенствѣ сторонъ передъ закономъ, и если къ этому еще прибавить, что такіе присяжные, какъ непривыкшіе къ слушанію длинныхъ рѣчей и вообще къ продолжительному напряженію своихъ умственныхъ способностей, къ концу засѣданія, когда происходятъ пренія сторонъ, уже окончательно утомлены и едва могутъ ихъ только выслушивать, а не то, чтобы входить въ оцѣнку приводимыхъ въ нихъ доводовъ и вникнуть въ существо ихъ, то станетъ понятнымъ, что перевѣсъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, останется на сторонѣ обвинителя. Вотъ какую картину суда, съ такими присяжными засѣдателями, рисуетъ намъ авторъ статьи, помѣщенной въ Русской рѣчѣ за 1879 г., на которую мы уже ссылались, лицо какъ видно хорошо знакомое съ нашими судами: „Въ концѣ засѣданія, говоритъ онъ, въ особенности засѣданія продолжительнаго, часто утомленные и заспанные лица присяжныхъ засѣдателей громко свидѣтельствуютъ о томъ, насколько ослабѣли физическія ихъ силы и притупилось ихъ вниманіе. Иногда можно замѣтить, въ особенности между присяжными изъ пожилыхъ крестьянъ

или мѣщанъ, и головы вовсе склонившіяся на грудь, а попеременаѣ и легкій храпъ, приводящій въ волненіе почтенныхъ представителей суда, прокуратуры и защиты и скандализующій публику“.

Какъ лица безграмотныя, такіе присяжные засѣдатели, во всемъ томъ, что касается до толкованія и разъясненія предложенныхъ имъ отъ суда на разрѣшеніе ихъ вопросовъ, по необходимости должны полагаться на своего старшину, какъ грамотнаго, а если случится, что старшина этотъ по развитію своему стоитъ выше прочихъ своихъ сотоварищей, то послѣдніе и въ сужденіяхъ своихъ легко подчиняются его вліянію, такъ что судъ двѣнадцати зачастую обращается въ единоличный судъ старшины присяжныхъ засѣдателей; если же старшина присяжныхъ является лицомъ одинаковаго съ прочими развитія, да притомъ, какъ то случается нерѣдко, малограмотнымъ, то положеніе и присяжныхъ и судей становится крайне затруднительнымъ, особенно если по дѣлу обвиняется нѣсколько подсудимыхъ, или же хотя и одинъ, но въ нѣсколькихъ преступленіяхъ, а также, когда суду приходится раздроблять вопросы или ставить дополнительные и условные. Тогда открывается полный просторъ для ошибокъ и ошибокъ не судебныхъ, происходящихъ отъ неправильно сложившагося въ судьяхъ убѣжденія о виновности, а ошибокъ чисто внѣшнихъ, происходящихъ отъ безграмотности судей. Старшина едва едва разбираетъ вопросы, въ средѣ присяжныхъ оказывается еще только одинъ такой же малограмотный, какъ и старшина (двухъ грамотныхъ достаточно для того, чтобы состоялось присутствіе), предсѣдательствующій употребляетъ всѣ усилія съ своей стороны, чтобы разъяснить присяжнымъ значеніе каждаго вопроса и случаи, когда вопросы эти должны быть разрѣшаемы и когда могутъ быть оставлены безъ разрѣшенія; присяжные засѣдатели, въ свою очередь, точно также употребляютъ всѣ усилія, чтобы уразумѣть предсѣдательствующаго, но обоюдныя ихъ усилія оказываются тщетными, присяжные ничего не поняли, судъ съ ужасомъ видитъ изъ возвращеннаго старшиною, послѣ продолжительнаго совѣщанія,

листа, что по всѣмъ вопросамъ какъ главнымъ, такъ и условнымъ, подсудимый признанъ виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденія. И вотъ снова начинаются разъясненія со стороны предсѣдательствующаго и новыя мученія для ни въ чемъ неповинныхъ присяжныхъ засѣдателей. Да, дѣйствительныя мученія, потому что на ихъ страдальческихъ лицахъ написано, какія неимоверныя усилія употребляютъ они для того, чтобы уразумѣть для нихъ непонятное. И хорошо еще, если послѣ втораго совѣщанія присяжные засѣдатели вынесутъ правильные отвѣты, а то бывали примѣры, что, надѣюсь, подтвердятъ и многіе изъ судебныхъ дѣателей, что и по четыре и по пяти разъ возвращали присяжныхъ засѣдателей для новаго совѣщанія, да бывали и такіе примѣры, что присяжные засѣдатели, по ошибкѣ, вмѣсто одного подсудимаго обвиняли другаго, что происходило отъ того только, что вопросы были написаны не въ томъ порядкѣ, какъ сидѣли на скамьѣ подсудимые.

Неприглядна картина такого суда; мало можетъ внушить онъ къ себѣ довѣрія и напрасно мы стали бы указывать на различныя побочныя обстоятельства и на нарушеніе закона, какъ на причины, препятствующія правильному отправленію уголовного правосудія; безспорно такія нарушенія существуютъ, но искорененіемъ ихъ мы все таки не исправимъ дѣло окончательно и непоставимъ судъ присяжныхъ на ту высоту, на которой онъ долженъ стоять, какъ высокогуманное учрежденіе.

Главные и болѣе существенныя нарушенія, на которыя обыкновенно указываютъ, какъ на причины, препятствующія правильному отправленію уголовного правосудія, это небрежность и злоупотребленія, допускаемыя при составленіи списковъ присяжныхъ засѣдателей, какъ общихъ, такъ и очередныхъ и запасныхъ, благодаря которымъ, лица болѣе интеллектныя, имѣютъ возможность не попасть въ эти списки и такимъ образомъ вовсе уклониться отъ исполненія обязанности присяжнаго засѣдателя; но предположимъ, что злоупотребленія эти прекратятся, что списки присяжныхъ будутъ со-

ставляться самымъ правильнымъ образомъ, какія же будутъ отъ этого послѣдствія? Развѣ отъ этого малоразвитые и безграмотные окажутся въ меньшинствѣ, а не останутся почти въ такомъ же подавляющемъ большинствѣ? Попадутъ въ списки нѣсколько лицъ болѣе образованныхъ, которыя прежде уклонялись отъ исполненія обязанностей присяжныхъ засѣдателей, но во первыхъ еще вопросъ, какая будетъ польза для дѣла отъ пріобрѣтенія такихъ лицъ, нежелающихъ добровольно принять участіе въ дѣлѣ суда; они, все равно, и будучи избраны, могутъ не явиться на судъ, на основаніи одной изъ указанныхъ въ законѣ причинъ, или даже заплативши штрафъ, а во вторыхъ, чрезъ это, во всякомъ случаѣ, только уменьшатся шансы на то, что присутствія присяжныхъ засѣдателей будутъ состояться изъ однихъ малоразвитыхъ лицъ, но случаи эти совершенно не уничтожатся. Указываютъ на то, что въ неправильныхъ приговорахъ присяжныхъ нерѣдко виноваты сами стороны и судьи, не только не разъясняющіе присяжнымъ дѣло въ надлежащемъ свѣтѣ, но даже выражающіеся на языкѣ для присяжныхъ засѣдателей непонятномъ. Къ сожалѣнію такое указаніе справедливо, но спрашивается, всегда ли стороны, да и сами предсѣдательствующіе, въ состояніи разъяснить присяжнымъ засѣдателямъ все для нихъ непонятное? Какимъ образомъ, напримѣръ, разъяснить лицамъ вѣрующимъ въ колдуновъ и прибѣгающимъ для исцѣленія своихъ недуговъ къ знахарямъ и заговорамъ, значеніе экспертизы врачей, особенно когда эксперты въ мнѣніяхъ своихъ между собою несогласны? Какъ разъяснить безграмотнымъ людямъ значеніе экспертизы по дѣламъ о подлогахъ, растратахъ и т. п., экспертизы, основанной на сличеніи документовъ и сложныхъ вычисленіяхъ, когда они ни писать, ни считать неумѣютъ? Какимъ способомъ объяснить такимъ малоразвитымъ присяжнымъ значеніе и силу той или другой улики, когда, по ихъ понятіямъ, прежняя судимость обвиняемаго чуть ли не самое совершенное доказательство виновности его и въ данномъ преступленіи, а принадлежность обвиняемаго къ хорошему или къ худому роду, одно изъ самыхъ существенныхъ обстоятельствъ, служащихъ къ оправданію или обвиненію.

Нѣтъ, не въ нарушеніи уставовъ и не въ дѣйствіяхъ нашей администраціи и судовъ, слѣдуетъ искать главную причину неправильныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей; она заключается и не въ нежеланіи самихъ присяжныхъ засѣдателей отнестись вполне добросовѣстно и съ полнымъ вниманіемъ къ исполненію своихъ обязанностей; зная ихъ, мы никогда не позволимъ себѣ бросить въ нихъ такимъ обвиненіемъ; она заключается въ самомъ законѣ, призывающемъ къ исполненію этой высокой и тяжелой обязанности не „лучшихъ людей общества“ какъ то предполагалось законодателемъ, а лицъ настолько малоразвитыхъ, что исполненіе ими этой обязанности, для большинства изъ нихъ, является зачастую трудомъ непосильнымъ, въ умственномъ отношеніи.

Вопросъ о составѣ суда присяжныхъ засѣдателей одинъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ, которые приходится разрѣшать законодателю при учрежденіи этого института. Разрѣшить этотъ вопросъ, такъ сказать сразу, безъ указанія опыта, едва-ли представляется возможнымъ. Доказательствомъ тому могутъ служить примѣры другихъ странъ и особенно Франціи. Нигдѣ, какъ во Франціи, составъ суда присяжныхъ засѣдателей неподвергался такимъ перемѣнамъ; правда, что на перемѣны эти имѣли преимущественно вліяніе измѣняющіяся политическія обстоятельства, но нельзя отвергать и того, чтобы они, въ иныхъ случаяхъ, не были бы вызваны и указаніемъ опыта и вліяніемъ успѣховъ науки, какъ напр. законъ 2 марта 1827 года, расширившій право быть избираемыми въ присяжные засѣдатели и допустившій къ исполненію этой обязанности такъ называемыхъ *sa acités*, т. е. лицъ, хотя и необладающихъ имущественнымъ цензомъ, но признаваемыхъ достойными исполнять эту обязанность по своимъ способностямъ. Немало труда доставило разрѣшеніе этого вопроса и составителямъ нашихъ уставовъ, разрѣшеніе его для нихъ представлялось тѣмъ болѣе затруднительнымъ, что судебная реформа у насъ слѣдовала почти непосредственно за крестьянскою, образовавшею массу полноправныхъ гражданъ, пріобрѣвшихъ право и на участіе въ отправленіи уголовного

правосудія, а потому естественно, что дѣйствуя единственно только на основаніи однихъ теоретическихъ соображеній, составители уставовъ невольно впади въ ошибку, какъ это мы постараемся доказать далѣе.

Для состава суда присяжныхъ засѣдателей предлагалось нѣсколько системъ. Сначала предполагалось обязанность присяжнаго засѣдателя сдѣлать выборною, составить особый комитетъ изъ уѣзднаго предводителя дворянства, городского головы и мирового посредника и на нихъ возложить выборъ лицъ изъ числа всѣхъ землевладѣльцевъ, безъ различія сословій, способныхъ нести эту обязанность. Затѣмъ, когда эта система была признана неудобною, предположено было составлять три отдѣльные списка по сословіямъ: дворянскій, городскихъ жителей и крестьянъ, предоставивъ выборъ въ присяжные засѣдатели представителямъ этихъ сословій по приглашенію съ обществомъ, но такъ какъ и эта система была отвергнута и *„при дальнѣйшемъ обсужденіи этого вопроса признано, что одни изъ условий, опредѣляющихъ законныя качества для назначенія въ присяжные, должны быть внѣшнія, какъ то: опредѣленный возрастъ, жителство въ извѣстной мѣстности, владѣніе имуществомъ и т. п., а другія внутреннія, къ коимъ принадлежатъ: признаки извѣстной степени образованности, заслуженное довѣріе, добрая нравственность и т. п., причемъ внѣшнія качества указываютъ только на способность быть присяжнымъ, а внутреннія, составляютъ самое право быть имъ“* (журн. 4 сент. 1862 г. стр. 5 и 6), то и рѣшено было выборъ присяжныхъ засѣдателей производить посредствомъ двухъ списковъ, первоначального или общаго, въ который вносились бы всѣ лица, обладающія внѣшними качествами, и окончательнаго или очереднаго, въ который вносились бы только лица, обладающія внутренними качествами. Согласно съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ составлены статьи 27—34 основныхъ положеній. Но эта система къ сожалѣнію не была строго выдержана при составленіи уставовъ. Уставы наши, дѣйствительно, тоже различаютъ условія внѣшнія и внутреннія, и тоже вводятъ списки общій

и очередной; къ внѣшнимъ условіямъ они относятся всѣ, перечисленные въ ст. 81, а именно: 1) русское подданство; 2) опредѣленный возрастъ отъ 25 до 70 лѣтъ и 3) жителство не менѣе двухъ лѣтъ въ томъ уѣздѣ, гдѣ производится избраніе въ присяжные засѣдатели, но въ числѣ этихъ условий мы не встрѣчаемъ одного, намѣченнаго основными положеніями, а именно имущественнаго ценза, и вотъ какъ бы въ замѣнъ этого является ст. 84-я, въ которой подробно перечисляются всѣ лица, которыя должны быть внесены въ общіе списки. Всѣхъ перечисленныхъ въ этой статьѣ лицъ, можно раздѣлить на три класса: къ первому относятся всѣ лица, не принадлежащія къ крестьянскому сословію, и состоящія на службѣ государственной или общественной (п. 1, 2 и 3), ко второму крестьяне, избранные въ очередные судьи волостныхъ судовъ или въ добросовѣстные волостныхъ и сельскихъ расправъ и равныхъ съ ними сельскихъ судовъ, а также занимавшіе безпорочно, не менѣе трехъ лѣтъ, должности волостныхъ старшинъ, головъ, сельскихъ старостъ, или другія соотвѣтствующія симъ должности въ общественномъ управленіи сельскихъ обывателей, разныхъ наименованій, или бывшіе церковными старостами и, наконецъ, къ третьему классу отнесены всѣ прочія лица, владѣющія извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ. Положимъ, что лица, не принадлежащія къ крестьянскому сословію и состоящія на службѣ государственной или общественной, еще могутъ считаться обладающими извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ, положимъ, что и крестьяне наши, какъ бывшіе крѣпостные, такъ и государственные и удѣльные, какъ надѣленные землею, точно также должны быть причислены къ лицамъ обладающимъ извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ, но, въ такомъ случаѣ, становится непонятнымъ, почему въ числѣ крестьянъ показаны не всѣ хотя бы домохозяева, а только тѣ изъ нихъ, которые занимали или занимаютъ извѣстныя должности. Такимъ образомъ, становится очевиднымъ, что составители уставовъ при перечисленіи лицъ, которыя, на основ. 84 ст., должны быть внесены въ общіе списки, имѣли въ виду не одни только

ви́шнія качества, но и внутреннія, какъ то: извѣстную степень развитія и образованности. И дѣйствительно, если мы обратимся къ третьему классу лицъ, имѣющихъ по уставу право быть присяжными засѣдателями, вслѣдствіе обладанія извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ, то увидимъ, что и для нихъ цензъ этотъ установленъ, главнымъ образомъ, какъ мѣрило развитія и образованности. Такъ, при опредѣленіи размѣровъ этого ценза было признано: *„что имущественный цензъ, дающій право на внесеніе въ списки присяжныхъ засѣдателей, долженъ быть у насъ, по крайней мѣрѣ на первое время, довольно высокъ; иначе въ присяжные поступили бы лица бѣдныя, неимѣющія достаточно образованія и не довольно развитыя для того, чтобы исполнять важную и трудную обязанность присяжныхъ засѣдателей“* (об. зап. 1863 стр. 42 и 44). Если же это такъ, то нельзя не признать, что мѣрило для развитія и образованности, которое избрали составители нашихъ уставовъ, по отношенію къ крестьянскому сословію, является совершенно ошибочнымъ.

На основаніи общаго положенія о крестьянахъ, вышед. изъ крѣп. зависим. ст. 111, 112 и 114, въ должности волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ и судей волостныхъ судовъ не могутъ быть избраны лица моложе 25 л. возраста и тѣлесно наказанныя по суду, или состоящія подъ судомъ и слѣдствіемъ, а также лица завѣдомо развратнаго поведенія. Отсутствіе этихъ причинъ дѣлаетъ лицо правоспособнымъ въ избраніи въ должность, при чемъ закономъ (ст. 114) не требуется даже того, чтобы избранные непременно принадлежали къ числу домохозяевъ и не указывается никакихъ другихъ условій для избранія. Конечно, законъ при этомъ предполагалъ, что такъ какъ лица избираемыя, будутъ облечены извѣстною властью, то интересъ самихъ избирателей заставить ихъ избирать на эти должности лучшихъ, болѣе развитыхъ людей, но къ сожалѣнію, предположенія закона въ этомъ случаѣ едва-ли оправдались въ дѣйствительности.

Крестьяне наши вообще настолько мало обезпечены въ матеріальномъ отношеніи, что заботясь о насущномъ хлѣбѣ,

они естественно на каждую должность, какъ бы она почетна не была, не могутъ смотрѣть иначе, какъ на лишнюю повинность, отрывающую ихъ отъ работъ, занятій и промысловъ, и, слѣдовательно, причиняющую имъ матеріальный ущербъ. Изъ всѣхъ должностей крестьянскаго управленія развѣ только должность волостнаго старшины можетъ представиться еще нѣсколько привлекательною, по своему почету, и тѣмъ, что должность эта, хотя далеко не во всѣхъ мѣстностяхъ, оплачивается сколько нибудь сноснымъ жалованьемъ, что же касается до прочихъ должностей, то онѣ и этой привлекательности не представляютъ, напротивъ того, каждый, мало мальски развитой крестьянинъ, хорошо понимаетъ, что при добросовѣстномъ исполненіи обязанностей, связанныхъ съ должностью, онъ по необходимости долженъ будетъ придти въ столкновеніе съ *сильными міра его*, что можетъ весьма неблагоприятно отозваться на его домашнемъ благосостояніи, и вотъ, и выходитъ то, что на эти должности избираются *мужики смирные*, т. е. другими словами, неимѣющіе никакого своего мнѣнія и готовые дѣлать все, что имъ прикажутъ; лица же болѣе или менѣе самостоятельныя и состоятельныя, всѣми возможными средствами уклоняются отъ этихъ должностей, не брезгая иногда прибѣгать и къ подкупу міра, въ видѣ угощенія. Мы попросимъ читателя заглянуть съ нами въ тотъ богатый матеріалъ, который собранъ Высочайше утвержденною 16 декабря 1871 г. комиссіею по преобразованію волостныхъ судовъ, дѣйствовавшею подъ предсѣдательствомъ сенатора Любоцинскаго и просмотрѣть тѣ отзывы различныхъ мѣстъ и лицъ, которые даны по требованію комиссіи лицами, близко стоящими къ крестьянскому управленію. Можно смѣло сказать, что изъ числа этихъ лицъ, девять десятыхъ утверждаютъ, что недостатки нашихъ волостныхъ судовъ заключаются въ плохомъ составѣ ихъ, что волостные судьи, за весьма малымъ исключеніемъ, безграмотные, и не потому чтобы въ грамотныхъ крестьянахъ чувствовался недостатокъ, а потому, что лица болѣе развитыя и грамотныя, отъ этой обязанности уклоня-

ются, что въ волостные судьи избираются не лучшіе изъ крестьянъ, какъ по развитію своему, такъ и матеріальному обезпеченію, а напротивъ того, лица малоразвитыя и бѣдныя, лица, накопившія на себѣ значительныя недоимки, которыя въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ судьямъ полагается вознагражденіе и пополняются изъ него, что выборъ въ судьи обыкновенно падаетъ на людей не за ихъ нравственные качества, а по другимъ, чисто матеріальнымъ расчетамъ, какъ напри- мѣръ, на лицъ, семейства которыхъ по какимъ либо причинамъ до того времени не могли отправлять другихъ общественныхъ повинностей, или избавились отъ рекрутчины и т. п.; если же являются охотники къ избранію въ эти должности, то это въ большинствѣ случаевъ лица порочныя, рассчитывающія извлечь себѣ изъ должности матеріальную выгоду. А наши волостные старшины и головы? Они безспорно, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, избираются изъ людей способныхъ и честныхъ, но такими ли они оставляютъ свои должности? Спросите вы старика отца, крестьянина, упорно отказывающагося отъ предлагаемой его сыну чести быть волостнымъ старшиною и недающаго ему на то своего согласія, спросите вы его, почему онъ это дѣлаетъ? Помилуйте, скажетъ онъ вамъ, да онъ теперь вина въ ротъ не беретъ, а тамъ, въ три года, въ конецъ изопьется, мошенникомъ станетъ,—а вѣдь только трехлѣтній курсъ въ этой школѣ и даетъ дипломъ на право быть избираемымъ въ присяжные засѣдатели.

Изъ этихъ то безграмотныхъ, неразвитыхъ, а иногда и нравственно испорченныхъ людей, приходится коммисіямъ избирать лицъ, способныхъ къ отправленію обязанности присяжнаго засѣдателя, и если при этомъ принять во вниманіе, что такихъ лицъ, какъ принадлежащихъ къ самому большому крестьянскому сословію, является громадное большинство, то нечего и удивляться тому, что намъ зачастую приходится встрѣчать на судѣ составъ присяжныхъ засѣдателей, состоящій изъ лицъ безграмотныхъ, неразвитыхъ и неспособныхъ къ исполненію этой священной обязанности.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, одна изъ самыхъ главныхъ существенныхъ причинъ недостатковъ нашего суда присяжныхъ засѣдателей, имѣющихъ вліяніе на правильное отправленіе правосудія, заключается въ томъ, что уставами избрано неправильное мѣрило для опредѣленія нравственныхъ и умственныхъ качествъ лицъ, способныхъ нести обязанности присяжныхъ засѣдателей, мѣрило, благодаря которому мы приходимъ къ совершенію противоположному результату, нежели тотъ, который имѣлся въ виду законодателями и только измѣненіемъ законоположеній до этого относящихся, можно достигнуть лучшаго результата, суда болѣе разумнаго и самостоятельнаго, такого суда, который дѣйствительно являлся бы выраженіемъ общественной совѣсти, общественнаго разума, въ лицѣ лучшихъ изъ своихъ гражданъ. Мы убѣждены, и надѣемся, что съ этимъ согласятся и всѣ, кому пришлось стоять близко къ крестьянскому сословію, что въ этомъ сословіи мы не встрѣтимъ недостатка въ людяхъ развитыхъ, честныхъ, самостоятельныхъ и грамотныхъ, что ихъ найдется не менѣе того числа, которое призывается и теперь къ отправленію обязанности присяжныхъ, но лица эти остаются непризванными къ исполненію этой обязанности, потому что законъ имъ на это права не предоставилъ. И не только по отношенію къ крестьянскому сословію, но и къ прочимъ сословіямъ, существуетъ такой-же недостатокъ, но объ этомъ мы будемъ имѣть случай говорить въ слѣдующей нашей статьѣ.

Н. Пухановъ.

О ВЫЗОВѢ ИСТЦА КЪ СУДУ ВЪ СРОКѢ, НАЗНАЧЕННЫЙ ДЛЯ ЯВКИ ОТВѢТЧИКА.

На практикѣ, вопросъ о вызовѣ истца къ суду въ срокъ, назначенный для явки отвѣтчика, разрѣшается двояко: одни суды (напримѣръ Московскій, Харьковскій, Луцкій и др.) поступаютъ такимъ образомъ, что послѣ подачи въ судъ исковаго прошенія, председательствующій, посылая, при повѣсткѣ, копіи исковаго прошенія и приложений отвѣтчику, вызываетъ послѣдняго къ суду, назначая ему срокъ для явки, и вмѣстѣ съ тѣмъ, посредствомъ же повѣстки извѣщается истецъ, который, такимъ образомъ, получаетъ свѣдѣніе о дачѣ движенія его прошенію и о срокѣ для явки въ судъ отвѣтчика, каковой срокъ, согласно 299 и 350-ст. уст. гр. суд., обязателенъ и для него. Другіе суды (напримѣръ Воронежскій, Полтавскій и др.) держатся инаго взгляда; председательствующій, признавъ исковое прошеніе подлежащимъ принятію, копію этого прошенія и приложений посылаетъ при повѣсткѣ отвѣтчику, котораго, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ извѣстный срокъ вызываетъ къ суду на явку. Затѣмъ, истцу не посылается никакого извѣщенія о томъ, къ какому сроку отвѣтчикъ приглашается явиться въ судъ, такъ что о срокѣ явки, назначенномъ для отвѣтчика и обязательномъ также и для истца, послѣдній долженъ узнать самъ изъ выставляемаго, согласно 291 ст. уст. гр. суд., въ пріемной комнатѣ суда объявленія, о всѣхъ вызываемыхъ лицахъ.

Спрашивается, чѣмъ вызывается такое діаметрально про-

тивоположное примѣненіе однихъ и тѣхъ же правилъ устава о порядкѣ вызова къ суду и назначенія срока явки?

Обратимся къ уставу гражданскаго судопроизводства: 256 ст. этого устава опредѣляетъ, что судъ приступаетъ къ производству дѣла не иначе, какъ по исковому прошенію. Установивъ затѣмъ въ 257—264 ст. рядъ правилъ относительно составленія и подачи исковаго прошенія, законодатель, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣляетъ въ какихъ случаяхъ прошеніе возвращается или оставляется безъ движенія (266 и 269 ст.) и указываетъ, что всѣ распоряженія по поступившимъ въ судъ прошеніямъ производятся предсѣдателемъ суда (265 ст.). И такъ, когда предсѣдатель признаетъ, что исковое прошеніе удовлетворяетъ всѣмъ формальнымъ требованіямъ закона, онъ, согласно 275 ст., дѣлаетъ распоряженіе о вызовѣ отвѣтчика къ суду. Порядокъ вызова отвѣтчика опредѣляется 276—290 и 293—298 ст. Засимъ, 299 ст. говоритъ, что *тяжущимся* назначаются сроки для явки ихъ въ судъ, въ каковой срокъ, согласно 309 ст., они должны явиться лично или прислать повѣренныхъ. Такимъ образомъ, 299 и 309 ст. устанавливается явка въ судъ въ извѣстный срокъ истца и отвѣтчика. Но указывая подробно въ 300—304 ст. порядокъ исчисленія срока для явки отвѣтчика и вызова послѣдняго къ этой явкѣ, законодатель ни однимъ словомъ не обмолвился о томъ, какимъ же образомъ извѣщается истецъ объ обязательномъ и для него срокѣ явки въ судъ и какъ исчисляется для него мѣсячный, четырехмѣсячный и шестимѣсячный сроки явки, о которыхъ говорится въ 299 ст. Точно также и въ сокращенномъ судопроизводствѣ 350 ст. опредѣляется только, что *тяжущимся* предсѣдатель назначаетъ опредѣленный срокъ на явку въ судъ, но нигдѣ не говорится какимъ порядкомъ извѣщается истецъ о назначенномъ для него и отвѣтчика срокѣ явки.

Такимъ образомъ, отсутствіе точной опредѣленности въ уставѣ гражданскаго судопроизводства относительно порядка извѣщенія истца о днѣ, назначенномъ предсѣдателемъ для явки тяжущихся въ судъ, и породило разнообразную въ этомъ отношеніи практику судовъ.

Чтобы разрѣшить надлежащимъ образомъ порядокъ извѣщенія истца о днѣ, назначенномъ для явки въ судъ тяжущихся, рассмотримъ сперва на чемъ основываются тѣ суды (Воронежскій и др.), которые считаютъ необязательнымъ извѣщать истца, посредствомъ повѣстки, о днѣ явки въ судъ, а полагаютъ, что такое извѣщеніе производится посредствомъ выставленнаго въ пріемной суда объявленія о вызываемыхъ лицахъ, остающаго тамъ до минованія срока, назначеннаго для явки тяжущихся (291 и 292 ст.).

1) Прежде всего, послѣдователи этого взгляда говорятъ, что нашъ уставъ, отбросивъ слѣдственный порядокъ производства дѣлъ, положилъ въ основу процесса состязательное начало. Въ силу этого истецъ, толкая самъ судъ къ дѣятельности, признается настолько заинтересованнымъ въ вызовѣ отвѣтчика къ суду и назначеніи ему срока на явку, что не нуждается въ извѣщеніи его по этому предмету посредствомъ повѣстки. Къ этому выводу приводитъ и то различіе, которое существуетъ между вызовомъ къ суду и назначеніемъ срока на явку: вызывается къ суду одинъ отвѣтчикъ, какъ это видно изъ 275—289 и 293—298 ст. уст. гр. суд., а срокъ для явки въ судъ назначается обоимъ тяжущимся на основаніи точнаго смысла 299, 309 и 350 ст. того же устава. Что законодатель ставитъ различіе между вызовомъ къ суду и назначеніемъ срока для явки, это можно заключить и изъ системы изложенія въ уставѣ правилъ по сему предмету. Правила о вызовѣ къ суду помѣщены въ первомъ отдѣленіи пятой главы (275—298 ст.); о назначеніи же сроковъ для явки въ судъ говорится во второмъ отдѣленіи той же главы. Первый отдѣлъ весьма подробно излагаетъ порядокъ вызова къ суду отвѣтчика и ни слова не говоритъ о вызовѣ истца; второй же отдѣлъ говоритъ о назначеніи срока для явки обоимъ тяжущимся, причемъ въ 300 и послѣдующихъ статьяхъ указывается какъ исчисляется срокъ явки для отвѣтчика, по отношенію же къ истцу сдѣлано только указаніе, что онъ обязанъ явиться въ судъ въ срокъ, назначенный для явки отвѣтчика.

Указавъ такимъ образомъ, что вызывается къ суду одинъ отвѣтчикъ и разъяснивъ, какимъ путемъ опредѣляется для послѣдняго срокъ на явку въ судъ, законодатель, своимъ умолчаніемъ о порядкѣ вызова къ суду и опредѣленія срока на явку для истца, поставилъ на видъ, что вызовъ къ суду истца и извѣщеніе его о назначенномъ ему срокѣ на явку представляется излишнимъ.

2) Затѣмъ срокъ на явку тяжущимся въ судъ обусловливается исключительно родомъ дѣла и мѣстожительствомъ отвѣтника, причемъ мѣстоительство истца не принимается во вниманіе при назначеніи такого срока, хотя послѣдній истекаетъ одновременно для истца и отвѣтника. Отсюда также дѣлается выводъ, что законодатель, игнорируя мѣстоительство истца при назначеніи срока, призналъ не нужнымъ вызовъ его къ суду, считая, что истецъ, какъ заинтересованное въ скорѣйшемъ разрѣшеніи дѣла лицо, самъ узнаетъ о времени назначенія тяжущимся срока явки въ судъ.

3) Истецъ не только не вызывается къ суду, но онъ и не извѣщается о срокѣ, къ которому вызывается отвѣтчикъ и къ которому обязанъ явиться также и онъ. Это вытекаетъ, будто-бы, изъ того, что въ уставѣ нѣтъ даже и намека на то, чтобы истецъ извѣщался о срокѣ, назначенномъ для явки въ судъ; а между тѣмъ существуютъ правила, которыя прямо указываютъ на невозможность вызова истца къ суду или извѣщенія его о срокѣ явки. Такъ 305 ст. уст. гр. суд. говоритъ, что всѣ подлежащія предъявленію тяжущимся бумаги доставляются имъ чрезъ судебныхъ приставовъ при повѣсткахъ, а за доставленіе повѣстки взимается извѣстная плата (смотря по цѣнѣ иска), а равно выдаются впередъ приставу прогонныя, суточные и квартирные деньги, если только тяжущійся, которому надлежитъ вручить повѣстку, живетъ въ мѣста постояннаго пребыванія судебного пристава (Высочайше утвержденныя 16 іюня 1866 г. правила). Такимъ образомъ, еслибы законодатель счелъ нужнымъ извѣщеніе истцевъ о срокѣ явки въ судъ, то онъ обязалъ-бы истца представлять при прошеніи необходимыя деньги на вызовъ,

или извѣщеніе его; но онъ этого не установилъ, что видно изъ 5 п. 269 ст. уст. гражд. суд., въ которомъ указывается, что за непредставленіемъ истцемъ денегъ на вызовъ отвѣтника, его исковое прошеніе оставляется безъ движенія. Если законодатель прямо указалъ необходимость представлять деньги на вызовъ отвѣтника и ничего не говоритъ о необходимости представленія денегъ на извѣщеніе или вызовъ истца, допуская при томъ подачу исковаго прошенія и по почтѣ, то, стало быть, онъ призналъ самое извѣщеніе или вызовъ истца не нужнымъ и излишнимъ. Кромѣ того, опредѣляя взысканіе за отступленіе отъ установленныхъ правилъ при вызовѣ отвѣтника, (304 ст.) законодатель ничего не говоритъ о послѣдствіяхъ за отступленіе отъ правилъ при вызовѣ или извѣщеніи истца. И это также, по ихъ мнѣнію, указываетъ на нежеланіе законодателя ставить въ обязанность извѣщеніе истца о днѣ явки къ суду

4) Наконецъ, существованіе въ уставѣ 291 и 292 ст. указываетъ, будто-бы, на то, что составители устава, вводя правило о вывѣшиваніи объявленія въ передней суда о вызываемыхъ къ суду лицахъ, сдѣлали это единственно въ тѣхъ видахъ, чтобы посредствомъ такого объявленія, выставленнаго на видномъ мѣстѣ, истцы могли получать свѣдѣнія сами или чрезъ уполномоченныхъ ими лицъ, о срокѣ назначенномъ для явки въ судъ. Что такое объявленіе предназначалось, по мысли составителей устава, исключительно для оповѣщенія истца о срокѣ явки, это, будто-бы, вытекаетъ изъ того, что объявленіе для отвѣтника не имѣетъ значенія, потому что онъ получаетъ повѣстку и знаетъ о вызовѣ его.

Мы высказали подробно и обстоятельно всѣ тѣ соображенія, которыя легли въ основу практики воронежскаго и другихъ судовъ, въ силу которой все извѣщеніе истца о назначенномъ срокѣ явки въ судъ, ограничивается выставленіемъ объявленія въ передней суда о вызываемыхъ лицахъ.

Разберемъ послѣдовательно, по пунктамъ, всѣ эти основанія.

1) Прежде всего, когда мы желаемъ уяснить себѣ извѣстное законоположеніе, то мы не должны брать и разсма-

тривать его въ отдѣльности, оторваннымъ отъ почвы. Такимъ образомъ, разсматривая законоположенія о вызовѣ къ суду и о срокахъ для явки тяжущихся, слѣдуетъ прежде всего отвѣсти имъ надлежащее мѣсто въ ряду правилъ „о производствѣ до слушанія дѣла.“ Затѣмъ, разсмотрѣвъ всѣ эти правила въ совокупности, разрѣшить вопросъ: провели-ли составители судебныхъ уставовъ въ этой стадіи процесса вполне состязательное начало, предоставивъ истцу полную свободу въ порядкѣ привлеченія отвѣтчика къ суду? Только въ такомъ видѣ поставленный вопросъ даетъ намъ возможность придти къ надлежащему результату.

Французское, женеvское, итальянское, баварское и новонѣмецкое законодательства, проводя послѣдовательно состязательное начало въ процесѣ, предоставили истцу полную свободу въ порядкѣ привлеченія отвѣтчика къ суду и, освободивъ его отъ судебного контроля, указали только ему, что съ своими исковыми требованіями онъ долженъ обращаться, чрезъ извѣстныхъ должностныхъ лицъ, въ формѣ письменной повѣстки, непосредственно къ отвѣтчику, вызывая его въ судъ. При этомъ они возложили на его собственную отвѣтственность всѣ тѣ формальныя упущенія, которыя могли быть допущены въ составленіи исковой повѣстки.

Между тѣмъ, уставъ гражданскаго судопроизводства предписываетъ истцу вызывать отвѣтчика къ суду посредствомъ подачи исковаго прошенія въ судъ. Но и подача прошенія еще не вызываетъ судъ къ дѣятельности, такъ какъ это прошеніе предварительно поступаетъ на основаніи 265 ст. въ распоряженіе предсѣдателя. Послѣдній, согласно 266 и 269 ст., является лицомъ наблюдающимъ, чтобы ни одно изъ существенныхъ требованій закона, относящагося къ составленію и подачѣ исковаго прошенія, не было нарушено. Въ силу этого, едва только истецъ успѣетъ заявить свои исковыя требованія въ судъ, какъ его дѣйствія подпадаютъ контролю предсѣдателя. Не признается возможнымъ предоставить ему полную свободу въ порядкѣ составленія и подачи прошенія. Напротивъ того, за отступленіе отъ извѣстныхъ тре-

8*

бованій закона, предсѣдатель суда, въ силу 266 и 269 ст. уст. гражд. суд., или возвращаетъ прошеніе *истцу, по мѣсту его жительства* (267 ст.), или же *извѣщаетъ его*, что прошеніе оставлено безъ движенія и назначаетъ ему при этомъ *семидневный съ поверстнымъ срокъ*, для доставленія недостающихъ свѣдѣній и приложений.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, посылается ему повѣстка по мѣсту его жительства, указанному имъ въ прошеніи. И такъ, возложивъ на предсѣдателя обязанность производить всѣ распоряженія по поступившимъ въ судъ прошеніямъ, законъ обязалъ его, вмѣстѣ съ тѣмъ, извѣщать истца, посылкою ему на домъ повѣстки объ оставленіи безъ движенія или о непринятіи его прошенія. Законъ не считалъ возможнымъ распоряженія предсѣдателя по сему предмету сообщать истцу посредствомъ выставленія объявленія въ передней суда. Вѣроятно въ виду того, что тяжущимся представлено лично обращаться въ судъ, безъ участія повѣренныхъ, и что въ числѣ ихъ большая часть не обладаетъ никакими юридическими познаніями, законодатель и поставилъ первые шаги тяжущихся подъ контроль суда, въ лицѣ его предсѣдателя. Теперь спрашивается: можно-ли въ производствѣ до слушанія дѣла, по нашему уставу, признать строго проведеннымъ состязательное начало? Можно-ли на такихъ предположеніяхъ основывать далѣе выводъ, что истецъ, какъ вполне заинтересованное лицо, толкающее судъ къ дѣятельности, не нуждается въ извѣщеніи его о назначенномъ ему срокѣ для явки въ судъ? Общія по сему предмету соображенія, напротивъ того, приводятъ къ тому выводу, что истецъ не признается по закону настолько заинтересованнымъ и настолько свѣдущимъ въ знаніи формъ судопроизводства лицомъ, чтобы слѣдить самому за вызовомъ отвѣтника къ суду и отвѣчать затѣмъ за всѣ процессуальныя упущенія въ порядкѣ составленія и подачи исковаго прошенія. Если законодатель предписываетъ извѣщать истца посредствомъ повѣстки тогда, когда прошеніе его не получило движенія, не обязывая его самого узнавать объ этомъ, то будетъ-ли послѣдова-

тельно допустить, что такое-же извѣщеніе истца о назначенномъ для него срокѣ явки въ судъ, признается по закону обязательнымъ, въ виду того, что онъ самъ, какъ заинтересованное лицо, узнаетъ объ этомъ изъ объявленія, выставляемаго въ передней суда. Мы думаемъ, что такое предположеніе единственно основывается на недомолвкѣ закона и на неправильномъ пониманіи порядка вызова къ суду и назначенія срока явки тяжущихся. Просматривая всѣ пять отдѣлений пятой главы устава гражданскаго судопроизводства, мы видимъ, что вызовъ къ суду есть такое процессуальное дѣйствіе, послѣдствіемъ котораго будетъ явка тяжущихся. Что вызовъ къ суду отвѣтчика и назначеніе ему срока явки не представляются уставу совершенно различными процессуальными дѣйствіями, можно видѣть уже изъ 276 ст. уст. гражд. суд., которая стоитъ въ первомъ отдѣленіи 5-й главы „о вызовѣ къ суду“ и которая говоритъ, что вызовъ дѣлается чрезъ повѣстку, въ которой должно быть также обозначено на какой срокъ отвѣтчикъ вызывается въ судъ. *Никакой особой повѣстки о назначенномъ срокѣ явки въ судъ отвѣтчикъ и не получаетъ*, такъ какъ этотъ срокъ указывается въ повѣсткѣ о вызовѣ его къ суду. Затѣмъ, говоря о вызовѣ отвѣтчика къ суду, составители устава не нашли удобнымъ говорить о вызовѣ къ суду, т. е. къ отвѣту, самаго истца, но вмѣстѣ съ тѣмъ они совсѣмъ забыли въ отдѣлѣ-же о вызовѣ къ суду сказать, что и истецъ извѣщается посредствомъ повѣстки о назначенномъ ему и отвѣтчику срокѣ явки въ судъ. Что умолчаніе объ извѣщеніи истца, въ данномъ случаѣ, есть результатъ недомолвки, можно заключить изъ того, что нигдѣ въ уставѣ не говорится, чтобы извѣщеніе истца, относительно какихъ бы то ни было распоряженій предсѣдателя по его прошенію, дѣлалось посредствомъ выставленія объявленія въ передней суда; напротивъ того, мы видимъ рядъ указаній, что такое извѣщеніе во всѣхъ случаяхъ производится посредствомъ повѣстки (267, 270, 310, 317, 319 и 323 ст. уст. гражд. суд.). Да иной формы извѣщенія истца, тамъ гдѣ сношеніе тяжущихся, при подготовкѣ дѣла къ слушанію, произ-

водится посредствомъ суда, мы не найдемъ и въ западно-европейскихъ законодательствахъ. Для насъ особенно поучителенъ въ этомъ отношеніи ганноверскій уставъ гражданскаго судопроизводства, изданный 8 ноября 1850 года и начавшій дѣйствовать съ 1-го октября 1852 года. Хотя въ разсужденіяхъ, на которыхъ основанъ уставъ гражданскаго судопроизводства, и не говорится, что ганноверскій уставъ служилъ во многихъ отношеніяхъ образцомъ, для составителей устава, но въ этомъ я полагаю не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Мы не будемъ входить въ подробное указаніе того, что именно заимствовано составителями изъ ганноверскаго устава, такъ какъ это не входитъ въ предѣлы нашей статьи, но мы остановимся только на предварительномъ производствѣ дѣла въ высшихъ судахъ (Obergerichte), соответствующихъ окружнымъ судамъ. И здѣсь, въ общемъ или обыкновенномъ порядкѣ судопроизводства, дѣло начинается подачею исковаго прошенія въ судъ. Затѣмъ, въ теченіе 24 часовъ послѣ подачи прошенія, оно канцелярією представляется предсѣдателю суда, который назначаетъ по своему усмотрѣнію срокъ для явки отвѣтчика въ судъ и объ этомъ отмѣчаетъ на подлинномъ прошеніи истца. Отмѣтка эта переносится затѣмъ на копію прошенія, которая доставляется судебнымъ приставомъ отвѣтчику; *а подлинное прошеніе, съ означенною отмѣткою, возвращается истцу.* Въ судѣ-же, у предсѣдателя или у члена суда, назначеннаго для завѣдыванія дѣломъ, остается другая копія прошенія ¹⁾.

И такъ, мы здѣсь видимъ значительное сходство съ производствомъ до слушанія дѣла по нашему уставу. Ничего подобнаго въ другихъ западно - европейскихъ законодательствахъ мы не находимъ и такъ какъ составители устава имѣли въ виду всѣ западныя законодательства, въ томъ числѣ и ганноверское, то отсюда прямой и естественный выводъ,

¹⁾ Нужно имѣть въ виду, что истецъ всегда обязывается представлять при исковомъ прошеніи, кромѣ копій для отвѣтчиковъ, еще одну копію для суда.

что они эти правила, о производствѣ до слушанія дѣла, перенесли изъ ганноверскаго устава въ нашъ уставъ граждансудопроизводства. Такимъ образомъ, мы будемъ вполне послѣдовательны, если заключимъ, что и составители устава имѣли въ виду извѣщать истца о назначенномъ срокѣ для явки тяжущихся, посредствомъ особой повѣстки. Кромѣ того, къ такому выводу мы придемъ, если сопоставимъ между собою второе, третье и четвертое отдѣленіе 5-ой главы уст. гражд. суд.. Во 2-мъ отдѣленіи говорится о срокахъ для явки въ судъ; третье-же отдѣленіе трактуетъ о порядкѣ сношенія суда съ тяжущимися, а затѣмъ, въ слѣдующемъ, четвертомъ отдѣленіи 5-ой главы, идетъ рѣчь о самой явкѣ въ судъ тяжущихся. Если мы примемъ во вниманіе, что въ четвертомъ отдѣлѣ 5-ой главы, въ 310 и 311 ст., содержится самостоятельное указаніе на порядокъ сношенія тяжущихся съ судомъ послѣ явки; что затѣмъ, въ пятомъ отдѣлѣ, которымъ оканчивается 5-я глава „о производствѣ до слушанія дѣла“, порядокъ подачи въ судъ и передачи затѣмъ противной сторонѣ отвѣта, возраженія и опроверженія опредѣляется въ точности 313, 317, 318 и 319 ст.; что, наконецъ, шестая глава говоритъ уже о слушаніи судомъ дѣла и начинается 324 ст. о докладѣ дѣла и словесномъ состязаніи тяжущихся,—если мы все это примемъ во вниманіе, то мы увидимъ, что третье отдѣленіе 5-ой главы, содержащее въ себѣ 305—308 ст., имѣетъ цѣлью указать главнымъ образомъ на то, что о вызовѣ отвѣтчика къ суду и о назначеніи ему срока для явки, истецъ долженъ быть извѣщенъ въ формѣ повѣстки чрезъ судебного пристава. Если мы примемъ на видъ, что 305 ст., которою начинается 3-е отдѣленіе, заимствована изъ ганноверскаго устава; что затѣмъ по тому уставу подлинное исковое прошеніе, съ отмѣткою предсѣдателя о вызовѣ отвѣтчика къ суду и о назначеніи ему срока для явки, посылается чрезъ пристава, для предъявленія истцу,—то для насъ станетъ понятнымъ истинный смыслъ 305 ст. и цѣль помѣщенія ея въ уставѣ. Въ противномъ случаѣ 305 и 306 ст. были бы совершенно излишни: о ка-

комъ-бы сношеніи до слушанія дѣла они говорили? О вызовѣ отвѣтчика къ суду и о назначеніи ему срока для явки говорится раньше и вполне опредѣлено въ 275—303 ст. и слѣдовательно здѣсь уже опредѣляется порядокъ сношенія суда съ однимъ тяжущимся—отвѣтчикомъ. Само собою разумѣется, что послѣдующія затѣмъ 305 и 306 ст. имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, указать порядокъ сношенія суда до слушанія дѣла съ другимъ тяжущимся—истцемъ.

2) Обязательность извѣщенія истца посредствомъ особой повѣстки о вызовѣ къ суду отвѣтчика по его прошенію и о назначеніи срока для явки тяжущихся, по нашему мнѣнію, усматривается и изъ того, что составители устава обусловили сроки явки исключительно родомъ дѣла и мѣстожительствомъ отвѣтчика. Здѣсь совсѣмъ нельзя видѣть со стороны законодателя игнорированія мѣстожительста истца, съ цѣлью не извѣщать его особой повѣсткою о срокѣ, назначенномъ для явки тяжущихся въ судъ. Напротивъ того, изъ мотивовъ, на которыхъ основана 300 ст. уст. гр. суд. (суд. уставы изд. государ. канцеляріи ч. 1, стр. 158 и 159), мы видимъ, что побудительныя причины въ опредѣленіи срока на явку тяжущимся по мѣсту жительства отвѣтчика, заключались, съ одной стороны, въ томъ, чтобы повѣстка о вызовѣ въ судъ могла быть своевременно доставлена отвѣтчику, а съ другой, чтобы, со дня врученія этой повѣстки до дня явки, онъ могъ приготовить къ отвѣту противъ исковаго прошенія и собрать надлежащія доказательства. Въ этихъ собственно видахъ и не принимается въ расчетъ мѣстоительство истца, который до подачи еще прошенія собираетъ доказательства по дѣлу и такимъ образомъ не нуждается въ такомъ же раннемъ извѣщеніи, какъ отвѣтчикъ, о срокѣ назначенномъ для явки въ судъ. И такъ, и второе основаніе, для оставленія истца безъ извѣщенія о вызовѣ отвѣтчика къ суду, упадетъ само собою.

3) То соображеніе, что въ уставѣ будто-бы не содержится никакихъ указаній относительно извѣщеній истца о срокѣ, назначенномъ для явки въ судъ, а рядъ правилъ доказываетъ

и невозможность такого извѣщенія, равнымъ образомъ не выполнѣ вѣрно и далеко неубѣдительно. Мы уже указали, что правила, изложенныя въ 305 и 306 ст. устава, даютъ право предполагать о необходимости извѣщенія отвѣтчика о вызовѣ къ суду, но, помимо того, относительно обязанности предсѣдателя извѣщать истца о назначенномъ срокѣ явки въ судъ упоминается, хотя и мимоходомъ, въ мотивахъ на которыхъ основана 300 ст. устава (изд. госуд. канц. стр. 159). Составители устава, разсуждая о необходимости опредѣлить по закону срокъ на явку въ судъ, высказали, между прочимъ, что при оставленіи на произволъ предсѣдателя назначенія сроковъ на явку, истецъ ставится въ затруднительное положеніе и не можетъ располагать своими занятіями, *но долженъ ожидать, когда извѣстятъ его о назначенномъ срокѣ.*

Затѣмъ, указаніе на рядъ правилъ въ уставѣ, доказывающихъ самую невозможность такого извѣщенія истца о срокѣ явки, имѣетъ чисто отрицательное значеніе. Дѣйствительно, изъ 278, 305 и цѣлаго ряда другихъ статей устава видно, что повѣстки тяжущимся вручаются судебнымъ приставомъ, которому за такое врученіе съ каждой повѣстки, на основаніи 1 и 14 §§ Высочайше утвержденныхъ 16-го Іюня 1866 года правилъ, полагается плата отъ 25 коп. до 1 руб., съ присоединеніемъ прогонныхъ и суточныхъ денегъ, въ томъ случаѣ, когда повѣстка должна быть вручена не въ томъ мѣстѣ, гдѣ приставъ имѣетъ постоянное мѣстожителство. При этомъ, въ виду 14 § означенныхъ правилъ, прогонныя и суточныя деньги должны быть представлены приставу на точномъ основаніи 858 и 864 ст. уст. гражд. суд., т. е. впередъ, до врученія повѣстки. Затѣмъ, мы точно также не находимъ ни въ 266, ни въ 269 ст. уст. обязанности истца представлять деньги на извѣщеніе его о вызовѣ отвѣтчика къ суду и о назначеніи срока къ явкѣ. Но что же отсюда слѣдуетъ? По нашему мнѣнію единственный изъ этого выводъ тотъ, что составители устава упустили изъ виду указать на необходимость прилагать при исковомъ прошеніи и деньги на извѣщеніе истца о назначеніи срока явки. Что другаго

вывода сдѣлать невозможно, очевидно изъ того, что указавъ въ 267 и 270 ст. устава на обязанность извѣщать истца по мѣсту его жительства особою повѣсткою о непринятіи или объ оставленіи его прошенія безъ движенія, законодатель точно также упустилъ изъ виду обязать истца представлять при прошеніи необходимыя на это деньги. Возьмемъ примѣръ: подается по почтѣ истцемъ, пребывающимъ внѣ постоянного мѣстожительства судебного пристава, исковое прошеніе въ окружный судъ. При прошеніи не приложена копія для отвѣтчика, но затѣмъ остальные требованія закона соблюдены. Въ силу 2 п. 269, 270, 267 и 305 ст. уст. гражд. суд., прошеніе оставляется безъ движенія и истецъ долженъ быть объ этомъ извѣщенъ чрезъ судебного пристава повѣсткою, по мѣсту своего жительства. Спрашивается, на какія же средства приставъ поѣдетъ, когда въ силу 14 § правилъ 16 іюня 1866 года, 858 и 864 ст. уст. гр. суд., ему должны быть внесены впередъ деньги за повѣстку, а равно прогонныя и суточные по разстоянію отъ его мѣстопробыванія до мѣстожительства истца и обратно? Такимъ образомъ, законодатель не предвидѣлъ и этого случая и оставилъ его безъ разрѣшенія, а между тѣмъ здѣсь онъ категорически предписалъ извѣщать истца. Задача практики помирить между собою существующія въ законѣ противорѣчія, руководствуясь общимъ смысломъ его, а не пользоваться недостаткомъ закона для того, чтобы не совершать такихъ процессуальныхъ дѣйствій, которыя постановлены въ огражденіе самихъ существенныхъ интересовъ тяжущихся. Толкуя буквально 14 § правилъ 16 іюня 1866 года, можно придти къ тому выводу, что, въ приведенномъ выше примѣрѣ, истецъ не долженъ быть извѣщенъ повѣсткою по мѣсту своего жительства, за неимѣніемъ на то денегъ и все извѣщеніе можетъ ограничиться выставленіемъ въ передней суда объявленія объ оставленіи прошенія безъ движенія. Но такой выводъ очевидно неоснователенъ. 269 ст. предусматриваетъ шесть случаевъ оставленія прошенія истца безъ движенія и одинъ изъ нихъ заключается въ необозначеніи истцемъ въ своемъ прошеніи мѣ-

ста своего жительства. Указывая затѣмъ въ 270 ст. на то, что при оставленіи прошенія безъ движенія, истецъ долженъ быть извѣщенъ объ этомъ, съ предоставленіемъ ему права въ 7 дневный срокъ, со дня извѣщенія, доставить суду недостающія свѣдѣнія или приложения, законодатель вмѣстѣ съ тѣмъ въ концѣ этой статьи говоритъ, что, въ случаѣ неуказанія въ прошеніи истцемъ своего мѣстожителства, о непринятіи его прошенія выставляется объявленіе въ приѣмной комнатѣ суда, въ продолженіи одного мѣсяца. Такимъ образомъ, въ одномъ, исключительномъ случаѣ признано возможнымъ ограничиться извѣщеніемъ истца посредствомъ выставленія объявленія въ передней суда, когда самое извѣщеніе посредствомъ повѣстки не можетъ быть ему послано за неимѣніемъ свѣдѣній объ его мѣстожителствѣ. Но и тутъ законодатель остался вѣренъ себѣ; предвидя, что большая часть тяжущихся будетъ несвѣдуща въ законахъ, онъ, въ интересахъ этого большинства, постановилъ, что, за невозможностію послать извѣщеніе истцу по мѣсту его жительства, объявленіе въ передней суда должно быть вывѣшено на цѣлый мѣсяцъ, чтобы истецъ могъ за это время узнать о распоряженіи председателя суда. Какъ же поступать, быть можетъ спросать насъ, въ этихъ случаяхъ? Посылать извѣщеніе по почтѣ чрезъ полицію. Такое распоряженіе будетъ согласно съ общимъ смысломъ устава и можетъ опираться на 267 ст. Въ этой статьѣ предусматривается троякій способъ возвращенія истцу прошенія, въ случаяхъ непринятія его, на основаніи 266 ст. Первый способъ—это непосредственное возвращеніе прошенія истцу, когда онъ находится на лицѣ, самимъ председателемъ, второй, чрезъ судебного пристава и наконецъ третій, возвращеніе по почтѣ. Въ послѣднемъ случаѣ возвращеніе можетъ и должно быть сдѣлано по почтѣ чрезъ полицію, такъ какъ всѣ дѣйствія председателя въ этомъ отношеніи должны быть официальныя и входить въ непосредственныя письменныя сношенія, по поводу возвращенія прошенія, съ истцемъ было бы неудобно и дало-бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ поводъ къ разнаго рода неосновательнымъ жалобамъ.

И такъ, изъ неуказанія въ законѣ на обязанность истца прилагать деньги на извѣщеніе его, посредствомъ повѣстки, о назначенномъ срокѣ для явки, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть выведено то положеніе, что законодатель не призналъ нужнымъ такое извѣщеніе, такъ какъ въ той же стадіи процесса, въ періодѣ производства до слуханія дѣла, положительно предписано извѣщать повѣсткою истца, по мѣсту его жительства, объ оставленіи безъ движенія или о непринятіи прошенія, а между тѣмъ и въ этомъ случаѣ отъ него не требуется необходимыхъ денегъ, вопреки 14 § правилъ 16 іюня 1866 г., 858 и 864 ст. уст. гр. суд. Такимъ образомъ, въ этомъ мы должны видѣть только недомолвку закона и не болѣе. Противъ такого вывода ничего не говоритъ и 304 ст. уст. гр. суд., изъясняющая, что за отступленіе отъ правилъ устава при вызовѣ отвѣтчика, полагается извѣстная отвѣтственность, такъ какъ законодателью не представлялось никакой надобности говорить о взысканіи за отступленіе при извѣщеніи истца о назначенномъ срокѣ явки въ судъ. Непредставлялось необходимости говорить во первыхъ потому, что порядокъ вызова къ суду отвѣтчика долженъ быть обставленъ большими формальностями и строгостями, въ виду возможности уклоненія отвѣтчика отъ полученія повѣстки, чего ни въ какихъ случаяхъ не можетъ быть по отношенію къ истцу, а во вторыхъ и само по себѣ понятно, что при несвоевременномъ извѣщеніи истца должностнымъ лицомъ (приставомъ) о назначенномъ срокѣ явки и причиненіи тѣмъ убытковъ истцу, послѣдній имѣетъ законное основаніе отыскивать эти убытки, въ силу 1331 ст. уст. гр. суд. И такъ, самое существованіе въ уставѣ 304 ст., по нашему мнѣнію, ничего не доказываетъ и должно быть признано вполне излишнимъ въ виду 1331 ст.

4) Наконецъ, послѣдній доводъ о введеніи составителями устава 291 и 292 ст. съ спеціальною цѣлью указать, что извѣщеніе истца о срокѣ явки должно быть дѣлаемо посредствомъ объявленія, выставляемаго въ передней суда на видномъ мѣстѣ, также не можетъ быть признано основатель-

нымъ. Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе, что статьи эти не содержатъ въ себѣ какихъ либо новыхъ процессуальныхъ правилъ, неизвѣстныхъ у насъ до введенія уставовъ 20 ноября 1864 года, а заимствованы цѣликомъ и являются повтореніемъ 271 ст. 2 ч. X т., изд. 1857 г. Такимъ образомъ если эти правила существовали у насъ въ то время, когда процессъ былъ чисто слѣдственный, а не состязательный, когда истцу обязательно было посылать повѣстку о явкѣ въ судъ, — то очевидно нельзя доказывать, что эти правила введены въ уставъ гражданскаго судопроизводства съ цѣлью извѣщенія истца, посредствомъ выставленія объявленія въ передней суда.

Кромѣ того, если обратимъ вниманіе на 271 ст. 2 ч. X т., изд. 1857 г., изъ которой заимствовано правило, постановленное въ 291 ст. уст. гражд. суд., то мы убѣдимся, что выставленіе объявленія въ передней суда служило одною изъ формъ вызова отвѣтчика къ суду и было безусловно обязательно въ томъ случаѣ, когда мѣстожителство отвѣтчика было неизвѣстно. Такимъ образомъ, ссылка на 291 ст. уст. гражд. суд. является неудачною, такъ какъ происхожденіе этой статьи указываетъ, что выставленіе объявленія въ передней суда имѣло цѣлью, главнымъ образомъ, оповѣщеніе отвѣтчика о вызовѣ его къ суду. Что такова именно цѣль 291 ст. уст. гражд. суд. можно видѣть изъ того, что въ уставѣ сдѣлано прямое указаніе на то, что она заимствована изъ 271 ст. 2 ч. X т., которая также находилась въ главѣ о вызовѣ къ суду и что въ томъ единственномъ случаѣ, когда законодатель счелъ возможнымъ извѣщать истца, посредствомъ выставленія объявленія въ передней суда, онъ это прямо высказалъ въ 270 ст. уст. гр. суд.

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, мы должны придти къ тому выводу, что извѣщеніе истца, посредствомъ повѣстки о вызовѣ по его прошенію отвѣтчика и о назначеніи срока для явки въ судъ, обязательно во всякомъ случаѣ. Никогда, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ забывать, что законодатель, допустивъ веденіе процесса непосредственно самими тяжущи-

мися, имѣлъ въ виду, что большая часть послѣднихъ предстанетъ предъ судомъ при полномъ незнаніи законовъ и формъ судопроизводства. Только этимъ и можно объяснить тѣ отступленія въ уставѣ гражд. судопр. отъ общихъ началъ состязательнаго процесса, которыя рельефно оттънены проф. Окольскимъ въ его статьяхъ „Состязательный процессъ по уст. гражд. суд. 20 ноября 1864 г.“. Дѣйствительно, состязательное начало въ нашемъ уставѣ не проведено надлежащимъ образомъ и въ этомъ отношеніи онъ оставляетъ желать многое. Но мы думаемъ, что провести вполне состязательное начало было бы большою ошибкою со стороны составителей судебныхъ уставовъ. Какъ извѣстно, всѣ западныя законодательства, гдѣ строго проведено состязательное начало, обязываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ тяжущихся вести дѣло въ судахъ иначе, какъ чрезъ особыхъ повѣренныхъ, специально для этого подготовленныхъ. При такихъ условіяхъ понятно строгое проведеніе состязательнаго начала, такъ какъ юридически образованные повѣренные не нуждаются въ руководствѣ суда и могутъ быть предоставлены самимъ себѣ. Между тѣмъ у насъ, гдѣ юридическое образованіе не въ большомъ ходу и между юристами практиками, гдѣ вступаютъ въ сношеніе съ судомъ въ большинствѣ случаевъ сами тяжущіеся — люди несвѣдущіе въ законахъ, малограмотные, а часто и совсѣмъ безграмотные, — было бы невозможнымъ предоставить тяжущихся самимъ себѣ и освободить ихъ отъ благотѣльнаго контроля предсѣдателя. Кромѣ того, это пока и практически неосуществимо. Въ настоящее время только такіе центры умственнаго образованія, какъ Петербургъ, Москва и еще нѣсколько университетскихъ городовъ содержатъ въ себѣ болѣе или менѣе значительное число лицъ, достаточно подготовленныхъ къ защитѣ чужихъ интересовъ на судѣ. Между тѣмъ въ большинствѣ городовъ, гдѣ находятся окружныя суды, существуетъ такое ничтожное количество юридически образованныхъ лицъ, что было бы и не мыслимо обязать тяжущихся вести свои дѣла чрезъ повѣренныхъ, уже по одной причинѣ недостатка таковыхъ. Если

затѣмъ мы признаемъ, что тяжущіеся ¹⁾ поставлены подъ контроль предсѣдателя въ своихъ собственныхъ интересахъ, то мы вмѣстѣ съ тѣмъ признаемъ вполне цѣлесообразнымъ и возложеніе на предсѣдателя обязанности извѣщать истца, посредствомъ повѣстки, о назначенномъ срокѣ явки тяжущихся.

Прежде чѣмъ окончить нашу статью, мы не можемъ умолчать и о практическомъ неудобствѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, извѣщать истца о назначенномъ срокѣ явки тяжущихся въ судъ. Какъ извѣстно въ общемъ порядкѣ судопроизводства, согласно 299 и 300 ст. уст. гр. суд., срокъ для явки тяжущихся назначается: 1) мѣсячный, 2) четырехмѣсячный и 3) шестимѣсячный; при чемъ срокъ этотъ исчисляется отъ времени врученія повѣстки о вызовѣ отвѣтника, съ присоединеніемъ поверстнаго. Очевидно, что извѣщеніе въ этомъ случаѣ истца не достигаетъ вполне своей цѣли, такъ какъ истецъ можетъ вычислить только приблизительно время, когда наступитъ срокъ явки въ судъ, какъ для отвѣтника, такъ и для него. Но опять таки это практическое неудобство указываетъ только на недостатокъ закона въ способѣ опредѣленія срока на явку тяжущихся въ дѣлахъ, производящихся общимъ порядкомъ судопроизводства, которыхъ къ счастью, во всѣхъ судахъ несравненно меньше, чѣмъ дѣлъ производящихся сокращеннымъ порядкомъ. Это неудобство совсѣмъ не устраняется тѣмъ, что истецъ не будетъ извѣщаться повѣсткою о срокѣ явки, такъ какъ оно обуславливается исключительно неудачнымъ опредѣленіемъ срока явки и бываетъ и по отношеніи къ отвѣткамъ, если ихъ два или болѣе по одному дѣлу, которые также, въ виду 303 ст. уст. гр. суд., не могутъ явиться въ судъ одновременно и каждый изъ нихъ не будетъ навѣрно знать, когда срокъ явки наступаетъ для

¹⁾ Я говорю тяжущіеся, а не истецъ, на томъ основаніи, что отвѣтникъ въ такой-же мѣрѣ находится подъ контролемъ предсѣдателя, какъ это ясно усматривается изъ 316 и 319 ст. Уст. Гр. Суд., въ силу которыхъ и отвѣтъ, а равно и опроверженіе его, должны быть представлены съ соблюденіемъ требованій предписанныхъ и для исковыхъ прошеній.

другаго. Это неудобство немислимо въ дѣлахъ, производящихся сокращеннымъ порядкомъ, гдѣ, согласно 350 ст. уст. гр. суд., назначается опредѣленный срокъ явки въ судъ, съ указаніемъ года, мѣсяца и числа, такъ что и истецъ и отвѣчикъ могутъ имѣть точныя свѣдѣнія о срокѣ явки. Потому то желательно, чтобы и по дѣламъ, производящимся общимъ порядкомъ судопроизводства, было сдѣлано законодателемъ измѣненіе порядка опредѣленія срока явки въ судъ и принята въ этомъ отношеніи система сокращеннаго судопроизводства, съ сравнительнымъ, разумѣется, увеличеніемъ срока для явки, но съ точнымъ обозначеніемъ года, мѣсяца и числа.

К. Змировъ.

МИРОВАЯ ЮСТИЦИЯ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ И ГМИННЫЕ СУДЫ.

I.

Прошло болѣе пяти лѣтъ со дня введенія въ губерніяхъ Царства Польскаго судебной реформы. Въ этотъ періодъ времени новые суды твердо установились въ краѣ и имѣли возможность обнаружить на практикѣ свои достоинства и недостатки. Изслѣдовать тѣ и другія и вообще ознакомить читателей съ сущностію введеннаго въ Польшѣ судебного преобразованія, составляетъ цѣль настоящей статьи.

Судебная редорма въ Царствѣ Польскомъ, какъ извѣстно, была послѣднею реформою, долженствовавшею закрѣпить объединеніе этого края съ Имперіей, путемъ общности законовъ и учреждений. Будучи послѣднею по времени, реформа эта имѣетъ однако огромное значеніе въ общественномъ бытѣ Польши, и по важности ея для многоразличныхъ сторонъ экономической, общественной и правовой жизни Царства, должна быть поставлена непосредственно за реформой крестьянской, въ конецъ измѣнившей существовавшія въ краѣ до 1863 года, аграрныя отношенія. Если крестьянская реформа въ Царствѣ Польскомъ произвела рѣшительный переворотъ въ экономическомъ быту края, поставивъ сравнительно въ независимые условія всю массу сельскаго населенія, путемъ надѣла его земель и тѣмъ видоизмѣнивъ отношенія къ нему крупныхъ собственниковъ, то судебная реформа, уничтожившая въ Польшѣ послѣднія оставшіяся учрежденія, наминавшія прежній го-

сударственный бытъ, и прежнюю историческую жизнь страны, равнымъ образомъ произвела значительный переворотъ въ складѣ польской народной жизни. Не надо забывать, что въ 1876 году, когда вводилась въ Польшѣ судебная реформа, всѣ реформы административныя были уже окончены и выполнены по предназначеніямъ учредительнаго комитета, дѣйствовавшаго въ направленіи данномъ ему тѣми первыми русскими дѣятелями, которые съ Н. А. Милютинымъ во главѣ, прибыли въ Царство Польское непосредственно за усмиреніемъ, или даже до полного усмиренія повстанія 1863 года.

„Органически слить Царство Польское съ Россіей, путемъ общности законовъ и учреждений“ — такова была цѣль, въ которой стремилась преобразовательная дѣятельность учредительнаго комитета. Для достиженія этой цѣли были послѣдовательно приведены въ исполненіе: выкупъ крестьянскихъ земель, общинное устройство, реформы въ сферѣ духовенства, преобразование городовъ, реформы учебнаго вѣдомства, объединеніе администраціи, преобразование полиціи и другія мѣропріятія, выработанныя тѣмъ-же учредительнымъ комитетомъ. — Всѣ эти реформы, оконченныя уже къ 1876 году, настолько видоизмѣнили вѣншній видъ государственнаго и общественнаго строя Царства, что отъ прежнихъ учреждений, возникшихъ на почвѣ конституціи и административной автономіи не осталось почти и слѣда, только одни суды оставались въ прежнемъ ихъ видѣ и своею организаціей явно напоминали о другихъ историческихъ временахъ, о прежнемъ государственномъ строѣ. — Въ то время, когда во всѣхъ вѣдомствахъ вездѣ и всегда офиціально употреблялся русскій языкъ, только одни суды сохранили за польскимъ языкомъ характеръ языка офиціального и употребляли его въ судоустройствѣ и дѣлопроизводствѣ¹⁾,

Понятно, что одно уже это обстоятельство въ странѣ

¹⁾ Исключеніе составляли IX и X департаменты правительствующаго сената, которые въ дѣлопроизводствѣ употребляли русскій языкъ.

такъ дорожащей и преданной историческимъ традиціямъ, какъ Польша, не могло не затруднить дѣло введенія новой судебной организаціи. Но независимо отъ этого, судебная реформа неминуемо должна была затронуть и другія стороны общественной жизни. Замѣна французскаго судоустройства русскимъ, образованнымъ по уставамъ 20-го ноября, введеніе въ магистратуру русскаго элемента — все это составляло тѣ затрудненія, которые необходимо было преодолѣть, одновременно съ проведеніемъ реформы. Благодаря всѣмъ этимъ затрудненіямъ, съ которыми надо было считаться на первыхъ же порахъ, едва-ли мы ошибемся сказавъ, что проведеніе реформы судебной встрѣчало больше препятствій, чѣмъ всякое другое преобразование. Въ дальнѣйшемъ изложеніи читатели найдутъ этому цѣлый рядъ доказательствъ. — Эти затрудненія, въ весьма лишь незначительной степени, ослаблялись тѣмъ, что новая судебная организація по существу представлялась болѣе совершенною чѣмъ прежняя, польская и что измѣненіе уголовного процесса безспорно составляло значительный прогрессивный шагъ. — Уже одна потеря языка въ судахъ парализировала всѣ свѣтлыя стороны предстоящаго преобразованія, а къ этому присоединилось еще недоувѣріе къ предстоящей реорганизаціи и нѣкоторыя другія опасенія, о которыхъ мы будемъ говорить при разборѣ самаго судоустройства. — Неуспѣхъ судебной реформы могъ бы привести къ послѣдствіямъ гораздо болѣе прискорбнымъ, чѣмъ неуспѣхъ всякаго другаго административнаго преобразованія или мѣропріятія. — Судъ, по свойству своему представляющійся консервативнымъ учрежденіемъ, долженъ стоять внѣ всякихъ политическихъ колебаній, и дискредитированіе суда, потеря въ него вѣры, грозитъ странѣ большими бѣдствіями. Въ настоящее время, по истеченіи пятилѣтія со времени введенія новыхъ судовъ, опасенія въ неуспѣхѣ судебной реформы миновались вполне, новые суды окрѣпли и говоря вообще не возбуждаютъ антагонизма и антипатіи въ населеніи, въ нѣкоторыхъ же отношеніяхъ приобрѣли даже популярность, которой не пользовались прежніе суды. Пос-

лѣднее собственно относится къ гминному суду, по своему устройству и характеру, составляющему особенность Царства Польскаго, неизвѣстную Россіи. Этотъ судъ, по единогласному отзыву Польской прессы, съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ большее и большее довѣріе и уваженіе населенія и несомнѣнно пользуется популярностью, перешедшею даже за предѣлы Царства. Галиційскіе публицисты указываютъ на наши гминные суды, какъ на лучший типъ сельскихъ судовъ и высказываютъ желаніе введенія этого суда въ Галицію. Въ дальнѣйшемъ изложеніи будутъ указаны причины популярности гминныхъ судовъ. Объясненіе этихъ причинъ дастъ отвѣтъ на многіе вопросы вызываемые современнымъ состояніемъ польской интеллигенціи.

Общество наше вообще охотно и много говоря о такъ называемомъ Польскомъ вопросѣ, въ дѣйствительности весьма мало знакомо съ сущностью произведенныхъ въ Царствѣ Польскомъ преобразованій, въ томъ числѣ и съ реформой судебной. — А между тѣмъ судебная организація Царства Польскаго, во многомъ отличающаяся отъ русской, представляетъ значительный интересъ и не только для болѣе полного уясненія нашихъ отношеній къ этой окраинѣ, но и сама по себѣ.

Пріобрѣвшіе такое довѣріе населенія гминные суды представляются весьма интереснымъ и самобытнымъ типомъ простѣйшаго и доступнѣйшаго для населенія суда. У насъ, гдѣ на очереди уже давно стоитъ вопросъ реформы волостныхъ судовъ, а въ связи съ этимъ быть можетъ и всего судебно-мирового института, подробный анализъ гминнаго суда представляется, по нашему мнѣнію, дѣломъ въ высшей степени полезнымъ. То, что оказалось пригоднымъ и удовлетворяющимъ своему назначенію въ Польшѣ, быть можетъ окажется практичнымъ и у насъ и во всякомъ случаѣ, въ ряду разнообразныхъ проектовъ реформы волостнаго суда, не слѣдуетъ упускать изъ виду, провѣреннаго пятилѣтнимъ опытомъ, гминнаго суда.

Въ настоящей статьѣ мы коснемся лишь одной части судебной реформы царства польскаго, именно судебно-мирового

института. Мы ограничиваемъ размѣръ статьи лишь этою частію реформы потому, что именно въ мировой юстиціи царства польскаго проявляется, главнѣйшимъ образомъ, отличіе польскаго судоустройства отъ нашего. Что касается до общихъ судовъ, то въ нихъ мы видимъ безусловное тождество съ судебными учрежденіями, образованными по уставу 20 ноября, съ тѣми лишь измѣненіями, которыя въ процессѣ уголовномъ вызваны отсутствіемъ института присяжныхъ, а въ гражданскомъ — кодексомъ Наполеона, какъ дѣйствующимъ матеріальнымъ правомъ. Тѣ особыя причины, которыя препятствовали при введеніи реформы, ввести для общихъ судовъ — суды присяжныхъ, несомнѣнно будутъ устранены, Присяжные введутся, и затѣмъ общія судебныя мѣста царства не будутъ имѣть существеннаго отличія отъ русскихъ, образованныхъ по уставу 20 ноября 1864 г. Другое замѣчается въ юстиціи мировой. Институтъ этотъ образованъ въ Польшѣ иначе чѣмъ въ Россіи, тамъ введенъ новый совершенно типъ мирового суда, именно коллегіальный — гминный судъ, тамъ проведены свои особенности, совершенно чуждыя русскому мировому институту, но которыя полны глубокаго интереса, и удовлетворяютъ потребностямъ экономической и правовой жизни населенія.

Прежде, однако, чѣмъ перейти къ нашему изслѣдованію, мы должны, хотя въ краткомъ очеркѣ, коснуться прежняго судоустройства Польши въ томъ видѣ, въ которомъ застало ее введеніе новыхъ судовъ. Это необходимо, какъ для тѣхъ читателей, которые незнакомы съ прежней польской судебной организаціей, безъ чего имъ будетъ трудно критически отнестись къ произведенной реформѣ, такъ и для нашихъ собственныхъ выводовъ и заключеній.

II.

Судебная организація Царства Польскаго въ томъ видѣ, въ которомъ застала ее произведенная въ 1876 году реформа, не была самобытною польскою, исторически сложившеюся организаціею. Старые польскіе суды пали вмѣстѣ съ паденіемъ Польши и замѣнены были, въ части отошедшей къ Пруссіи,

прусскимъ судоустройствомъ — въ Австрійской Польшѣ — австрійской судебной организаціей. По образованіи герцогства варшавскаго, въ 1807 году, Наполеономъ I введено, одновременно съ дарованной конституціей, французское гражданское право, процессъ и французское судоустройство, а также и ипотечные уставы. Декретами, изданными въ періодъ времени съ 1807 по 1812 годъ, окончательно установилась та судебная организація, которая, съ нѣкоторыми измѣненіями, сохранилась, въ существенныхъ чертахъ, до введенія послѣдней судебной реформы.

Въ то время учреждены были слѣдующія установленія: мировые суды, общіе, какъ для дѣлъ гражданскихъ, такъ и для уголовныхъ.

Гражданскіе трибуналы первой степени.

Суды исправительной полиціи.

Уголовные суды.

Апелляціонный судъ для дѣлъ гражданскихъ и наконецъ кассационный судъ, наблюдавшій за точнымъ примѣненіемъ законовъ и имѣвшій въ своемъ надзорѣ всѣ судебныя мѣста края. Въ то же время была введена прокуратура и гласность судопроизводства. Лица, поступавшія на службу по судебному вѣдомству, подвергались судебному экзамену.

Въ такомъ видѣ учрежденные суды просуществовали не долго и измѣненія коснулись прежде всего кассационнаго суда, который по тому времени представлялъ собою замѣчательно прогрессивное явленіе, несмотря на то, что кассационное начало и не было въ немъ проведено столь строго, какъ это проводится въ настоящее время. Образованный въ 1810 году, кассационный судъ просуществовалъ всего три года и въ 1813 года, еще до занятія Варшавы русскими войсками, прекратилъ свое существованіе, одновременно съ государственнымъ совѣтомъ. Кассационный порядокъ прекратился и уже въ строгомъ смыслѣ слова не возстановлялся, разсмотрѣніе кассационныхъ жалобъ было предоставлено апелляціоннымъ судамъ, а по конституціи 1815 года былъ учрежденъ особый верхов-

ный трибуналъ, являвшійся смотря по роду поступающихъ дѣлъ и апелляціонною и кассационною инстанціею.

Въ нашу задачу не входитъ слѣдить за всѣми дальнѣйшими измѣненіями или, вѣрнѣе сказать, проектами судебной организаціи царства, со времени конституціи 1815 года.

Судоустройство, проектированное самой этою конституціей, въ значительной своей части осталось лишь въ проектѣ, а въ дѣйствительности, какъ уже сказано выше, судоустройство сохранило тотъ типъ, который былъ введенъ при учрежденіи въ 1807 г. Варшавскаго герцогства. Отмѣтимъ лишь самые выдающіеся моменты въ исторіи польскаго судоустройства. Такъ, въ конституціи 1815 года мы встрѣчаемся впервые съ стремленіемъ законодателя образовать сельскіе суды, близко стоящіе къ населенію и имѣющіе въ своей юрисдикціи первостатейныя нужды этого населенія, именно: были организованы въ каждой гминѣ суды первой инстанціи для гражданскихъ и полицейскихъ дѣлъ. Суды эти, въ которыхъ можно видѣть уже зародышъ гминнаго суда, ни въ какомъ отношеніи не совмѣщали въ себѣ тѣхъ условій, которые предъявляются къ суду, въ строгомъ значеніи этого слова. Вслѣдствіе экономическаго положенія польскаго крестьянства, освобожденнаго безъ земли, власть войта всегда находилась въ рукахъ помѣщика, который такимъ образомъ являлся и судьей живущаго въ его гминѣ населенія. Естественно, что такое устройство сельскаго суда не могло обезпечивать ни правильнаго отправленія правосудія, ни прогресивнаго развитія юридическаго быта. Суды эти, по существу своему, напоминали патримоніальную юрисдикцію шляхты въ старой Польшѣ.

Революція 1830 года, повлекшая за собой, какъ извѣстно, уничтоженіе конституціи 1815 года, непосредственно не повлияла на измѣненіе существовавшаго въ краѣ судоустройства; напротивъ того, органическая грамота 1833 гсда оставила судоустройство и судопроизводство въ прежнемъ видѣ. Несомнѣнно однако, что начавшееся съ означеннаго времени стремленіе къ сліянію царства польскаго съ имперіей, путемъ объединенія законодательства, повлекло за собою изданіе нѣко-

торыхъ законоположеній, направленныхъ повидимому къ достиженію означенной цѣли. Къ числу такихъ законоположеній слѣдуетъ отнести изданное въ 1836 году „Положеніе о союзѣ брачномъ“, составленное подъ сильнымъ вліяніемъ русскаго права, введеніе въ уголовное судопроизводство Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1845 года; наконецъ учрежденіе въ 1842 году въ Варшавѣ IX и X департаментовъ правительствующаго сената, какъ высшей апелляціонной инстанціи для всѣхъ судовъ края. Въ учрежденіи Варшавскихъ департаментовъ сената слѣдуетъ видѣть первую, серьезную попытку реформировать польское судоустройство, въ духѣ сближенія его съ русскимъ. Подтвержденіе этого видно въ совершенной отмѣнѣ существовавшаго еще до того времени въ Польшѣ кассационнаго порядка. Производство этого рода было совершенно чуждо тогдашнему нашему процессу, а потому съ учрежденіемъ въ Варшавѣ сената было отмѣнено, и IX и X департаменты, какъ и всѣ прочіе сенатскіе д-ты, были лишь высшею апелляціонною инстанціею.

Съ того времени однако попытки преобразованія польскаго судоустройства пріостановились, чему конечно въ значительной степени способствовала полная несостоятельность нашей собственной судебной организаціи, уже довольно сильно сознаваемая въ то время. Весьма долго и бесплодно существовавшая „кодификаціонная коммисія по преобразованію права и судоустройства“, издала однако Высочайше утвержденный въ 1856 году, проектъ судебного преобразованія въ царствѣ польскомъ, коимъ весь строй существовавшей въ Польшѣ судебной организаціи уничтожался, и на мѣсто его вводилась система русскаго стараго судоустройства съ уѣздными судами и палатами гражданскаго и уголовного суда ¹⁾.

¹⁾ По означенному проекту учреждались слѣдующіе суды:

- 1) Гминные—на каждую гмину.
- 2) Полицейскія расправы въ городахъ.
- 3) 40 уѣздныхъ судовъ.
- 4) Шесть палатъ гражданскаго и уголовного суда и наконецъ
- 5) Сенатъ, оставался въ прежнемъ значеніи высшаго апелляціоннаго суда.

Проектъ этотъ, къ счастью для насъ, хотя и получилъ силу закона, но никогда въ дѣйствіе введенъ не былъ. Трудно въ настоящее время даже объяснить себѣ возможность появленія подобнаго проекта. Въ 1856 году вся несостоятельность нашего стараго судоустройства уже чувствовалась вполнѣ и не смотря на то, учрежденія обреченныя неминуемому упраздненію, хотѣли ввести въ чужой край, съ тѣми же самыми недостатками, которые дѣлались нетерпимыми на родной почвѣ. — Повторяемъ, къ счастью для Польши и русскаго имени, проектъ этотъ остался лишь проектомъ.

Такимъ образомъ, послѣ 1842 года, дѣйствительное измѣненіе въ существовавшемъ порядкѣ судопроизводства было произведено лишь въ 1864 году, введеніемъ гминнаго суда во многомъ измѣнившую существовавшую организацію.

Образованіе, по указу 19 февраля 1864 года, гминныхъ судовъ, находится въ тѣсной зависимости съ произведенной одновременно съ этимъ аграрной реформой и преобразованиемъ гмины, какъ административной единицы. Этотъ типъ гминнаго суда, съ нѣкоторыми измѣненіями въ предѣлахъ юрисдикціи, сохранился до введенія судебной реформы и уступилъ свое мѣсто новому, нынѣ дѣйствующему гминному суду, а потому и будетъ нами рассмотрѣнъ, болѣе подробно, въ ряду другихъ судебныхъ установленій, существовавшихъ въ царствѣ передъ введеніемъ преобразования.

И такъ, упраздненная 1 іюля 1876 года судебная организація Царства Польскаго, наканунѣ своего закрытія, представлялась въ слѣдующемъ видѣ:

Гминные суды для дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ, по одному на каждую гмину.

Гражданскіе суды.

- 1) 80 мировыхъ судовъ
- 2) 9 гражданскихъ трибуналовъ
- 3) 1 апелляціонный судъ въ Варшавѣ на все Царство Польское.

4) IX департаментъ правительствующаго сената. Кромѣ того, для дѣлъ торговыхъ, въ Варшавѣ существовалъ коммерческій трибуналъ.

Уголовные суды.

- 1) 80 судовъ простой полиціи.
- 2) 18 судовъ полиціи исправительной.
- 3) 4 уголовныхъ суда.
- 4) 1 апелляціонный судъ въ Варшавѣ, на все Царство Польское.

5) X департаментъ правительствующаго сената; кромѣ того, въ Варшавѣ была полицейско-судная управа, а въ провинціи извѣстныя функціи судебно-полицейской власти принадлежали президентамъ и бургомистрамъ городовъ.

Изъ этого перечня, существовавшихъ въ царствѣ судебныхъ установленій, уже видно, насколько вся организація страдала отсутствіемъ какой-либо опредѣленной системы, отсутствіемъ единства и насколько такой агрегатъ учрежденій былъ мало согласованъ, какъ между собою, такъ въ особенности съ требованіями современнаго судоустройства.

Перейдемъ теперь къ болѣе подробному разсмотрѣнію организаціи этихъ судовъ, остановившись преимущественно на судахъ мировой подсудности, имѣющихъ для насъ особое значеніе.

Гминный судъ былъ организованъ слѣдующимъ образомъ. Прежде всего это судъ коллегіальный. Онъ учреждался на каждую гмину и состоялъ изъ войта гмины и двухъ или трехъ лавниковъ. Всѣ эти лица избирались на гминныхъ сходахъ. Всякій житель гмины, имѣющій право участія въ дѣлахъ схода, т. е. всякій совершеннолѣтній домохозяинъ, владѣющій въ предѣлахъ гмины, на правѣ личной собственности, 3-мя моргами земли, могъ быть избранъ въ войты или лавники, если онъ при этомъ обладалъ слѣдующими условіями: былъ христіанскаго вѣроисповѣданія, не моложе 25 лѣтъ, проживалъ въ предѣлахъ гмины не менѣе 3 лѣтъ, по суду не былъ ограниченъ въ правѣ занимать общественныя должности и

не состоялъ подъ судомъ, слѣдствіемъ или полицейскимъ надзоромъ. Имущественный цензъ для войта удвоивался т. е. опредѣлялся въ 6 морговъ. Избраніе производилось простымъ большинствомъ голосовъ присутствовавшихъ на сходѣ домохозяевъ. Срокъ избранія трехлѣтній.

Юрисдикція гминныхъ судовъ, какъ въ отношеніи гражданскихъ, такъ и уголовныхъ дѣлъ, будучи весьма ограничена при ихъ образованіи, постепенно расширялась и ко времени введенія реформы представлялась въ слѣдующемъ видѣ. — По дѣламъ гражданскимъ, гминному суду были подсудны всѣ споры о движимомъ имуществѣ и по личнымъ обязательствамъ и договорамъ до 100 рублей; а также всѣ споры по наслѣдству, раздѣлу и возстановленію нарушеннаго владѣнія земель, поступившихъ въ собственность по указу 19 февраля 1864 года.

По дѣламъ уголовнымъ, гминному суду были подсудны всѣ проступки, предусмотрѣнные изданною въ 1866 году инструкціей гминному суду по дѣламъ судебно-полицейскимъ, и которые по наказуемости влекли за собой, какъ максимумъ, 7 дневный арестъ, и денежный штрафъ до 10 рублей¹⁾. — Сверхъ того, въ завѣдываніи гминнаго суда находились всѣ дѣла по семейнымъ совѣтамъ и опекамъ надъ имуществомъ и личностію малолѣтнихъ жителей гмины, принадлежащихъ въ сельскому состоянію.

Процедура въ гминныхъ судахъ прежняго устройства была самая простая, формъ процессуальныхъ не существовало никакихъ, кромѣ вызова на судъ. Дѣла разрѣшались большею частію мировыми сдѣлками, въ случаѣ же недостиженія таковой, постановлялось рѣшеніе, которое и вписывалось въ существовавшую для того книгу. Эта записка въ книгу была единственнымъ письменнымъ слѣдомъ производившагося дѣла; никакого другаго письменнаго дѣлопроизводства въ гминныхъ

¹⁾ По уставу 19 февраля 1864 года, гминный судъ имѣлъ право подвергать наказанію розгами, до 20 ударовъ. Указомъ 30 августа того-же года тѣлесное наказаніе было отмѣнено.

судахъ прежняго устройства не существовало. Рѣшенія гминныхъ судовъ были окончательныя и могли быть отмѣнены лишь въ кассационномъ порядкѣ крестьянскими комиссіями и замѣнившими ихъ губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями. Комисарамъ по крестьянскимъ дѣламъ принадлежало право ближайшаго наблюденія и руководства гминныхъ судовъ, что не освобождало эти суды и отъ наблюденія со стороны начальниковъ уѣздовъ.

Изъ вышеизложеннаго абриса гминнаго суда, устроеннаго по указу 1864 году, читатели видятъ, совершенное сходство этого суда съ нашимъ волостнымъ судомъ, видоизмѣненнымъ лишь настолько, насколько вообще польская гмина, по своему существу, отличается отъ русской волости.

Не нужно долго доказывать, что такого рода судъ, состоящій изъ войта, являющагося низшимъ органомъ администраціи и представителемъ сельской полиціи, судъ безусловно зависимый и отъ уѣздной администраціи и отъ крестьянскихъ учрежденій, судъ, члены котораго могутъ быть даже безграмотными, не можетъ быть названъ судомъ въ истинномъ смыслѣ. И дѣйствительно, несмотря на стремленіе нѣкоторыхъ русскихъ дѣятелей выставить заслуги гминнаго суда прежняго устройства, свѣжіе люди, которымъ пришлось познакомиться съ дѣятельностію этихъ органовъ правосудія, не могли не поразиться полнѣйшимъ отсутствіемъ въ нихъ всякой идеи о сколько нибудь правильно организованномъ судѣ. Быть можетъ въ ряду мѣропріятій долженствовавшихъ, по предположеніямъ учредительнаго комитета, ослабить значеніе польской шляхты, и тѣмъ поднять значеніе крестьянскаго населенія, такого рода учрежденіе и было цѣлесообразно, но въ качествѣ органа правосудія, польскій гминный судъ прежняго устройства, представлялся не только вполне несостоятельнымъ но и положительно вреднымъ. Тенденціозный самъ по себѣ, находясь въ рукахъ писаря и подъ его безусловнымъ давленіемъ, судъ этотъ весьма часто впадалъ въ полнѣйшую несправедливость. Бывали конечно, какъ и вездѣ, исключенія, и могли быть гминные суды и при прежнемъ устройствѣ

вполнѣ добросовѣстные, но мы говоримъ не объ исключеніяхъ, а объ самой организаціи суда, а организація эта была такова, что давала престоръ произволу и безнаказанному неправосудію. Невозможность обжалованія, рѣшенія гминныхъ судовъ по существу, еще болѣе усиливала тѣ вредныя послѣдствія, которыя могли проистекать отъ дѣятельности этихъ судовъ. Возбуждая противъ себя интеллигенцію вообще, и землевладельцевъ въ особенности, судъ этотъ не пользовался особенною любовью и самого крестьянскаго населенія, хотя права послѣднихъ ограждались этими судами, во всякомъ случаѣ, въ большей степени, чѣмъ прежде.

Мы нарочно остановились дольше на организаціи гминныхъ судовъ прежняго устройства, такъ какъ хотя нынѣшніе гминные суды имѣютъ мало сходства съ прежними, но несомнѣнно, что при образованіи ихъ, при преобразовательныхъ законодательныхъ работахъ, типъ гминнаго суда 1864 года имѣлъ большое, если не первенствующее вліяніе. Во всей прежней судебной организаціи Царства Польскаго гминный судъ былъ единственнымъ судомъ съ выборнымъ началомъ, всѣ остальные суды были коронные и замѣщались должностными лицами, по опредѣленіямъ „правительственной комисіи юстиціи“, замѣнявшей для Царства Польскаго наше министерство юстиціи.

Въ длинной фалангѣ судебныхъ мѣстъ прежняго устройства, суды, разбиравшіе дѣла нынѣшней мировой подсудности, были главнымъ образомъ суды мировые, простой полиціи и исправительные суды. Гражданскіе трибуналы, какъ увидимъ ниже, по дѣламъ этого рода имѣли двоякій характеръ и являлись то въ качествѣ первой инстанціи, то составляли апелляціонную инстанцію на рѣшеніе судовъ мировыхъ.

Находившійся въ каждомъ уѣздѣ мировой судъ и судъ простой полиціи, представлялись въ сущности однимъ и тѣмъ же судомъ; различіе въ названіи обусловливалось разнымъ характеромъ вступавшихъ въ него дѣлъ: какъ судъ для дѣлъ гражданскихъ и ипотечныхъ, онъ назывался судомъ мировымъ, какъ судъ для дѣлъ уголовныхъ — судомъ простой

полиціи. Суды эти находились въ іерархическомъ подчиненіи въ предсѣдателя гражданскаго трибунала; по его представленіямъ замѣщались должностными лицами, опредѣляемыми правительственной комиссіей юстиціи.

Каждый такой судъ состоялъ всегда изъ трехъ лицъ: подсудка, писаря и подписаря. Въ процессуальной дѣятельности этого суда, каждый изъ этихъ должностныхъ лицъ, имѣлъ свои опредѣленные функціи, но судъ этотъ не могъ быть названъ коллегіальнымъ. — Гражданскій отдѣлъ суда, т. е. собственно мировой судъ, состоялъ изъ трехъ отдѣленій: примирительнаго, спорнаго и ипотечнаго. Въ первыхъ двухъ отдѣленіяхъ коллегіальности не требовалось и дѣла рѣшались подсудкомъ единолично; коллегіальность безусловно требовалась только для ипотечнаго отдѣленія. При каждомъ мировомъ судѣ состоялъ одинъ, или болѣе нотаріусовъ (*rejent*), которые и входили въ комплектъ ипотечнаго отдѣленія, такъ что составъ такового образовывался изъ подсудка, писаря и нотаріуса. Уголовное отдѣленіе суда, т. е. такъ называемый судъ простой полиціи, также не носилъ характера строго выдержаннаго коллегіальнаго суда. За отсутствіемъ при этихъ судахъ лицъ прокурорскаго надзора, писаря судовъ, въ уголовномъ процессѣ, были облечены нѣкоторыми функціями прокурорскихъ обязанностей. — Независимо отъ этого состава оплачиваемыхъ коронныхъ судей, при каждомъ мировомъ судѣ было по нѣскольку мировыхъ судей. Судьи эти назначались, по представленію предсѣдателей гражданскихъ трибуналовъ, изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, при чемъ выбирались наиболѣе зажиточные и интеллигентные, такъ какъ должность эта считалась почетною. Прежніе польскіе мировые судьи только по одному названію имѣютъ сходство съ нашими мировыми судьями, въ томъ видѣ, какъ должность эта поставлена у насъ. Прежніе мировые судьи царства не принимали, и въ сущности даже не могли принимать какого либо участія въ правосудіи; они никогда и никого не судили, на мировой судъ не вліяли и являлись лишь предсѣдателями семейныхъ совѣтовъ. Послѣдняя обязанность испол-

нялась ими вполне добросовѣстно, но такъ какъ семейные совѣты собираются вообще не часто, и притомъ засѣданія семейныхъ совѣтовъ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ происходили въ помѣщеніи судовъ, то міровые судьи могли даже и не бывать въ судахъ, при которыхъ состояли, что нерѣдко и случалось. — Въ такомъ видѣ представлялась организація прежнихъ польскихъ мировыхъ судовъ. Недостатки этой организаціи, общіе съ недостатками всѣхъ другихъ судовъ, будутъ нами рассмотрѣны позднѣе, при рассмотрѣніи общихъ недостатковъ прежняго польскаго судоустройства и судопроизводства.

Другія судебныя мѣста нынѣшней мировой подсудности, были: суды исправительной полиціи, гражданскіе трибуналы и отчасти, какъ апелляціонныя инстанціи, судъ уголовный и апелляціонные суды царства. Останавливаясь подробно на устройствѣ этихъ судовъ мы не будемъ, скажемъ только, что всѣ они ровно, какъ и Варшавскіе департаменты сената, были коллегіальныя, уже съ строго проведеннымъ принципомъ коллегіальности и всѣ они были въ извѣстномъ іерархическомъ подчиненіи другъ къ другу. Подчиненность эта была скорѣе фиктивная, чѣмъ дѣйствительная и мало вліяла на ходъ правосудія, сводилась къ простому чинопочитанію.

Института слѣдователей не существовало: уголовныя слѣдствія производились ассесорами исправительныхъ судовъ, а иногда подсудками мировыхъ судовъ.

При всѣхъ судахъ находились прокуроры и адвокаты, исключеніе въ этомъ отношеніи представлялъ судъ мировой, при которомъ, какъ мы уже сказали, прокуроровъ не было. Прокуратура, являющаяся необходимой принадлежностію французскаго гражданского процесса, была введена въ Царство Польское одновременно со введеніемъ французскаго права, въ 1808 году; позднѣе, декретомъ 1810 года, прокуратура была введена и въ уголовные суды. — Несмотря на то, что прокуратура царства была заимствована изъ Франціи и введена одновременно съ французскимъ правомъ, она никогда не развилась въ сильную и самобытную организацію, проник-

нутую единствомъ и дисциплиной, какою она является во Франціи. Совершенное отсутствіе единства и строгой іерархической подчиненности, крайне ограниченное поле дѣятельности, ограниченность права инициативы, все это неблагоприятно вліяло на развитіе польской прокуратуры, которая, при прежнемъ судеустройствѣ, имѣла ничтожное значеніе.

Другое мы замѣчаемъ въ развитіи польской адвокатуры. Насколько блѣдна и неудовлетворительна была прокуратура, настолько же сильна и блестяща была польская адвокатура. Организациа этой адвокатуры, имѣющей свою исторію, вступившей въ шестое столѣтіе ¹⁾ своего существованія, давшей странѣ множество образцовыхъ юристовъ и высокоинтеллигентныхъ и талантливыхъ дѣятелей, къ сожалѣнію не можетъ быть нами изложена подробно, такъ какъ это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ цѣли нашей статьи. Скажемъ только, что сложившись исторически, пройдя длинный рядъ всякихъ измѣненій, объясняющихся политическими переворотами страны, польская адвокатура сохранила свой самобытный характеръ и если организациа ея не чужда была нѣкоторыхъ недостатковъ, то таковыя восполнялись вполне тѣми достоинствами, благодаря которымъ она приобрѣла довѣріе и уваженіе общества. Прежняя польская адвокатура чужда была началу корпоративнаго устройства, и въ этомъ справедливо видятъ коренной недостатокъ ея организации. Адвокаты состояли при судахъ, въ тѣсной отъ нихъ зависимости, и будучи органически съ ними связаны. — Столь тѣсная связь объяснялась и свойствами французскаго процесса, въ которомъ адвокатъ является однимъ изъ необходимыхъ органовъ въ процессѣ.

Строй адвокатуры былъ іерархическій, адвокаты послѣдовательно поднимались въ званіяхъ, переходя отъ низшихъ судовъ къ высшимъ. При Варшавскихъ департаментахъ сена-

¹⁾ Первое законодательное признаніе адвокатуры въ Польшѣ, мы встрѣчаемъ въ Вислицкомъ статутѣ, изданномъ въ 1342 году.

та были меценаты ¹⁾, при судахъ апелляціонныхъ—адвокаты, при гражданскихъ трибуналахъ — патроны и наконецъ, при судахъ мировыхъ—защитники (*obronca*). Адвокаты высшихъ судовъ имѣли право веденія дѣлъ и въ низшихъ судахъ. Частной адвокатуры не допускалось и стряпческая дѣятельность не была отдѣлена отъ адвокатской, въ тѣсномъ смыслѣ. —Для исполненія судебныхъ рѣшеній и порученій при судахъ были судебные пристава (*komornik*) и судебные разсылные (*wozny*). Лица эти, стоявшія въ тѣсной зависимости отъ судовъ, при которыхъ состояли, не получали ни какого опредѣленнаго содержанія, а служили изъ доходовъ приносимыхъ имъ ихъ дѣятельностью, по особо существовавшей таксѣ.

Таковъ былъ строй польской судебной организаціи въ томъ видѣ, какъ ее застало введеніе судебной реформы.

III.

Если изъ краткаго очерка польскаго судоустройство вполне обнаружилось отсутствіе единства и какой либо строго проведенной системы, то въ процессуальномъ правѣ, дѣйствовавшемъ въ Польшѣ до введенія уставовъ 20-го ноября 1864 года, замѣчалось еще большее отсутствіе всякаго однообразія и единства. Гражданскій процессъ опредѣлялся французскимъ кодексомъ гражданскаго судопроизводства, введеннымъ одновременно съ кодексомъ Наполеона, какъ матеріальнымъ правомъ и за все время своего дѣйствія почти неподвергшимся измѣненіямъ. —Процессъ этотъ, въ которомъ состязательное начало проведено въ самой полной степени, съ научной точки зрѣнія, несомнѣнно представляется весьма прогрессивнымъ, и въ принципіальномъ отношеніи долженъ быть поставленъ выше нашего гражданскаго процесса, введеннаго уставами 20-го

¹⁾ По указу объ учрежденіи IX и X департаментовъ сената, названіе меценатовъ было уничтожено и адвокаты при этихъ судахъ были названы защитниками при Варшавскихъ правительствующаго сената департаментахъ, но практика продолжала присвоивать имъ прежнее названіе меценатовъ.

ж. гр. и уг. пр. кн. II 1882 г.

ноября 1864 года,—однако практическое примѣненіе этого устава въ Польшѣ, далеко несоотвѣтствовало его теоретическимъ достоинствамъ.—Дѣло въ томъ, что какъ матеріальное, такъ и формальное право каждой страны, будучи вызываемо потребностями жизни, не можетъ быть обречено на неподвижность, а развивается по мѣрѣ развитія разнообразныхъ потребностей гражданскаго оборота.—Такъ оно и было во Франціи. Тамъ гражданскій процессъ, служа предметомъ научнаго изученія и изслѣдованія, развивался и дополнялся, по указаніямъ опыта и науки, такъ что сохранивъ неприкосновенными основные принципы, подробности процесса, въ теченіи нынѣшняго столѣтія, были значительно измѣнены изданными законоположеніями и интерпретаціей кассационнаго суда. Въ Царствѣ Польскомъ этого не было, движеніе французскаго законодательства не коснулось процесса, введеннаго въ 1808 году, а тѣ весьма незначительныя измѣненія и дополненія къ нему, которыя были введены въ послѣдствіи, не оказали существеннаго улучшенія. Наконецъ, обширная и высоко развитая юриспруденція французскаго кассационнаго суда, хотя и была извѣстна польскимъ юристамъ, но практическаго вліянія на судебную практику имѣть не могла, такъ какъ не существовало кассационной инстанціи, которая могла-бы выработать однообразную и научную юриспруденцію. Прямымъ послѣдствіемъ такого положенія вещей было то, что само по себѣ весьма прогрессивное законодательство, въ послѣднее время существованія прежней судебной организаціи, представлялось въ нѣкоторомъ отношеніи отсталымъ и обнаруживало на практикѣ значительныя неудобства и несовершенства. Многія процессуальныя формы, уничтоженныя, или видоизмѣненныя во Франціи, сохранились въ Польшѣ въ первоначальномъ видѣ. Судебная практика не всегда находилась въ рукахъ образованныхъ юристовъ, а потому ввела нѣкоторые обычаи и толкованія, чуждыя научнаго характера, а при крайней наклонности польскихъ судовъ къ воспріятію судебныхъ традицій, эти ошибки повторялись и приобрѣтали почти законную силу.—Позднѣйшіе законы, несогласован-

ные съ духомъ французскаго устава, тоже вносили немалую путаницу и неопредѣленность въ строй гражданскаго процесса. — Стоитъ вспомнить только всю неопредѣленность, которая существовала къ самому опредѣленію подсудности гражданскихъ исковъ различнымъ судамъ; а извѣстно, что неопредѣленность въ законахъ о подсудности представляется недостаткомъ, оказывающимъ особенно вредное вліяніе на правильный ходъ правосудія. Юриспруденція IX департамента сената, старалась устранить нѣкоторыя изъ этихъ неудобствъ и ввести болѣе опредѣленную практику, но судъ апелляціонный никогда не можетъ исполнить то, что составляетъ достояніе кассации. Но какъ бы то ни было, несмотря на указанныя нами недостатки, бывшія въ гражданскомъ процессѣ Польши, — недостатки, которыя главнымъ образомъ проявлялись въ практикѣ судовъ мировыхъ, какъ укомплектованныхъ несомнѣнно худшими юристами, — благодаря принципу, лежащему въ основаніи французскаго процесса, жалобъ на гражданскую процедуру, говоря вообще, было мало.

Другое должны мы сказать о судопроизводствѣ уголовномъ. Это самая большая и самая неудовлетворительная сторона прежней польской организаціи. Начинаясь того, что если въ гражданскомъ процессѣ замѣчалось разнообразіе въ судебной практикѣ, то по отношенію къ уголовному процессу было уже разнообразіе въ самомъ законодательствѣ. Въ нашей Польшѣ дѣйствовали два устава уголовного судопроизводства: австрійскій и прусскій, введенные тамъ немедленно послѣ раздѣла Польши, такъ что соотвѣтственно принадлежности извѣстныхъ мѣстностей тому или другому государству, въ нихъ дѣйствовалъ тотъ или другой процессъ. — Именно: австрійскій уставъ дѣйствовалъ въ губерніяхъ: Петроковской, Радомской, Кѣлецкой, Люблинской и Сѣдлецкой, а прусскій — въ губерніяхъ: Варшавской, Плоцкой, Калишской, Сувалкской и Ломжинской. Уставы эти со времени ихъ введенія были дополнены декретами Герцога Варшавскаго, Короля Саксонскаго, и законоположеніями нашего правительства, изданными по присоединеніи Польши къ Россіи.

Уже изъ одного того страннаго факта, что въ мѣстности, связанной между собою политически и въ особенности экономически, — мѣстности, представляющей единой въ полномъ значеніи этого слова — наконецъ, въ мѣстности, имѣющей одинъ общій апелляціонный судъ, дѣйствовали два различные устава судопроизводства, нельзя не вывести заключенія о жалкомъ положеніи уголовной юстиціи. Но эта печальная картина уголовного правосудія усилится еще больше, если прибавить къ этому несовершенство и крайнюю отсталость самихъ этихъ уставовъ судопроизводства. — Оба процесса и австрійскій и прусскій, были чисто слѣдственные, основанные на теоріи формальныхъ уликъ и доказательствъ, совершенно чуждые всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ къ уголовному процессу новѣйшею наукою и практикою. У себя на родинѣ, въ Австріи и Пруссіи, уставы эти, въ томъ видѣ какъ были введены въ Польшу, давно уже перестали существовать, и были замѣнены новою, болѣе совершенною системою процесса, а въ нашей Польшѣ они сохранили полную свою силу въ первоначальномъ видѣ. Это было историческое воспоминаніе, крайне вредно отражавшееся на цѣляхъ правосудія.

Мы не будемъ долго останавливаться на всѣхъ недостаткахъ уголовного процесса, устанавливаемого этими уставами. Несостоятельность эта опредѣляется самымъ характеромъ этого процесса, какъ процесса инквизиціоннаго, отвергнутаго наукою и современными законодательствами. — Для нашей цѣли достаточно указать на то, что всѣ недостатки, свойственные вообще всякому слѣдственному процессу, были присущи и этимъ уставамъ. Неопредѣленность въ законахъ о подсудности, участіе въ разрѣшеніи дѣла судьи, производившаго слѣдствіе, формальная система доказательствъ, отсутствіе обряда преданія суду, многочисленность судебныхъ инстанцій, стѣсненія права защиты, — все это составляло ихъ безусловную принадлежность. Австрійскій уставъ былъ еще сравнительно удовлетворительнѣе, но въ прусскомъ уставѣ начало инквизиціоннаго процесса проявлялось во всей своей силѣ. Трудно

повѣрить, что до 1864 года, въ прусскомъ уставѣ уголовного судопроизводства, была неотмѣненная статья, устанавливавшая положительную пытку для несознающихся обвиняемыхъ. Именно: статьи 293—296 устава постановляли, что „если упорный преступникъ дерзкою ложью, упрямымъ заперательствомъ или молчаніемъ, будетъ въ состояніи избѣгнуть заслуженнаго наказанія, то судья, производящій слѣдствіе, обязанъ донести объ этомъ суду, членомъ котораго онъ состоитъ, или же высшему суду, съ приложеніемъ актовъ слѣдствія и съ добросовѣстнымъ изложеніемъ свѣдѣній о здоровьи обвиняемаго. Согласно такому донесенію, можетъ быть выданъ указъ о тѣлесномъ наказаніи обвиняемаго. На такой указъ жалоба не допускается. Тѣлесное наказаніе состоитъ изъ опредѣленнаго указомъ числа ударовъ кнутомъ или розгами“. Этотъ чудовищный законъ, представляющійся остаткомъ варварскихъ временъ, былъ отмѣненъ указомъ 30-го августа 1864 года, о смягченіи уголовныхъ наказаній въ Царствѣ Польскомъ. Изъ вышеизложеннаго оказывается очевидно вся несостоятельность польскаго уголовного процесса. Недостатки его не могли быть восполнены даже и самой лучшей судебной практикой. Это составляетъ свойство всякаго слѣдственнаго процесса: добросовѣстнѣйшіе и ученѣйшіе судьи не въ состояніи исправить органическихъ недостатковъ закона. Естественно, что такого рода процессъ не могъ внушить къ себѣ расположенія, и образованная часть польскаго общества, уже давно сознававшая несостоятельность своего уголовного процесса, еще задолго до введенія судебной реформы, громко заявляла о необходимости кореннаго преобразованія уголовного судопроизводства.

IV.

Теперь бросимъ бѣглый взглядъ на служебное положеніе польской магистратуры, въ послѣднее время существованія прежней судебной организаціи. Лучшіе юристы Польши, среди которыхъ можно насчитать нѣсколько именъ, сдѣлавшихъ, болѣе или менѣе, цѣнные вклады въ науку права, получили

юридическое образование, частью въ русскихъ, частью въ заграничныхъ университетахъ, но число такихъ лицъ было весьма ограничено; огромное же большинство польскихъ юристовъ, бывшихъ дѣателями въ прежнихъ судебныхъ мѣстахъ, получало образование въ варшавской главной школѣ, бывшей единственнымъ разсадникомъ высшаго образованія въ краѣ. — Юридическій отдѣлъ главной школы, и по крайней ограниченности учебныхъ программъ, и по недостаточности существовавшихъ въ немъ кафедръ, и въ особенности по крайней научной несостоятельности корпуса профессоровъ, не могъ быть признанъ заведеніемъ, могущимъ выпускать серьезно образованныхъ юристовъ. Дѣйствительно, непродолжительное существованіе главной школы убѣдило, что изъ стѣнъ ея не вышло ни одного, сколько нибудь замѣчательнаго юриста. Въ лицахъ, выходившихъ изъ главной школы, поражало отсутствіе серьезной теоретической подготовки и крайняя неразвитость юридическаго мышленія. Получавшееся ими громкое званіе магистра правъ и администраціи, звучало нѣкоторой ироніей надъ слабостію вынесеннаго ими юридическаго образованія. За всѣмъ тѣмъ главный контингентъ лицъ, занимавшихъ должности въ магистратурѣ, а равно и другихъ судебныхъ дѣателей, пополнялся лицами, выходившими изъ этой школы. Собственно безъ всякой юридической подготовки, безъ квалификаціи, какъ это называлось въ Польшѣ, нельзя было вовсе служить въ судебныхъ учрежденіяхъ; лица неполучившія юридическаго образованія должны были подвергаться судебному экзамену. Къ сожалѣнію это, въ существѣ прекрасное и въ высшей степени полезное, требованіе, сводилось на практикѣ къ простой формальности, приносившей иногда болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Такимъ образомъ мы видимъ, что уровень юридическаго образованія, среди польской магистратуры, не могъ быть высокимъ, и если среди судебныхъ дѣателей, встрѣчались иногда дѣйствительно образованные юристы, то это было не болѣе, какъ исключеніе. Само собой разумѣется, что чѣмъ ниже судъ, тѣмъ менѣе имѣетъ онъ шансовъ на привлеченіе къ себѣ образо-

ванных дѣателей, вслѣдствіе чего въ Царствѣ Польскомъ особенная слабость въ юристахъ замѣчалась въ судахъ мировыхъ, большинство дѣателей которыхъ, были люди безъ теоретическаго образованія, а получившіе квалификацію путемъ судебныхъ экзаменовъ.

Если уровень юридическаго образованія, какъ мы видѣли, былъ не сильно развитъ въ членахъ прежней польской магистратуры, то не лучше этого было и ихъ служебное положеніе.

Несмѣняемость судей, составляющая неминуемую принадлежность всякаго правильнаго судоустройства, въ Польшѣ не существовала. Члены всѣхъ судебныхъ мѣстъ, не исключая и высшихъ, находились въ прямой зависимости отъ опредѣлявшей ихъ коммисіи юстиціи, и не пользовались никакими гарантіями въ сохраненіи занимаемыхъ ими должностей. — Отсутствіе несмѣняемости судей, столь вредно вліяющее на судейскую независимость вообще, должно была оказывать еще болѣе вредное вліяніе въ Польшѣ, въ которой исключительныя политическія условія и безъ того мало обезпечиваютъ частную жизнь и общественное положеніе гражданъ. Матеріальное обезпеченіе польскихъ судебныхъ дѣателей было еще неудовлетворительнѣе. Трудно даже представить себѣ, болѣе ничтожныя оклады, чѣмъ тѣ, которые получали судебныя чины прежняго польскаго судоустройства. Предсѣдатели гражданскихъ трибуналовъ получали не болѣе 1300 рублей въ годъ, подсудки мировыхъ судовъ получали 500 рублей, однимъ словомъ не было ни одного должностнаго лица, который бы получалъ содержаніе, въ достаточной степени обезпечивающее даже самыя скромныя потребности жизни. — Что должно было произойти отъ такого положенія вещей, представляется слишкомъ извѣстнымъ, чтобы объ этомъ распространяться.

Неудовлетворительное положеніе магистратуры довершало собою ту отжившую, лишенную опредѣленной системы и какаго либо общаго руководящаго принципа, судебную организацію, которая сложившись на почвѣ чужеземной, подъ вліяніемъ различныхъ историческихъ и политическихъ условий, была перенесена завоевателями въ Польшу и тамъ вла-

чила свое существованіе, почти не обновляясь новыми законоположеніями, согласованными съ требованіями времени и науки.

Такое состояніе судоустройства, очевидно не могло удовлетворять потребностей жизни. Тѣ условія, которыя неизбѣжно должны быть предъявляемы ко всякой правильно организованной юстиціи, быстрота и доступность суда для населенія, далеко не были соблюдены. Многочисленность судебныхъ инстанцій и неопредѣленность правилъ о подсудности, влекли за собою большую медленность въ производствѣ. Гражданскіе иски, которые въ настоящее время не выходятъ изъ предѣловъ даже нынѣшней мировой подсудности Царства Польскаго, могли доходить въ извѣстныхъ случаяхъ до разсмотрѣнія апелляціоннаго суда Царства ¹⁾; естественно, что дороговизна и медленность въ этомъ случаѣ особеннымъ бременемъ ложились на небогатое или мелкопромышленное населеніе, преимущественно нуждавшееся въ близкомъ и дешевомъ судѣ.

Разноплеменные и разноязычные уставы, дѣйствовавшіе въ Польшѣ, съ отвергнутымъ наукой инквизиціонно-слѣдственнымъ процесомъ, очевидно, не могли содѣйствовать правильному теченію правосудія. Положеніе въ значительной степени ухудшалось, благодаря жалкому положенію прокуратуры. Мы говорили уже о несостоятельности этого учрежденія въ Царствѣ, прибавимъ къ этому, что если вообще современные законодательства считаютъ необходимымъ правильную постановку и организацію прокуратуры, болѣе или менѣе обеспечивающую успѣшный ходъ правосудія, то въ странѣ, въ которой частнаго обвиненія не существовало никогда, въ которой администрація и полиція находятся въ исключительномъ положеніи къ населенію, вслѣдствіе политическихъ причинъ, на-

¹⁾ Нынѣшнимъ судебно-мировымъ установленіямъ Царства Польскаго, подсудны гражданскіе иски до 250 рублей, а прежніе гражданскіе трибуналы рѣшали окончательно лишь до 240 рублей, но и по этимъ дѣламъ могли быть подаваемы такъ называемыя оппозиціонныя жалобы.

конецъ въ странѣ, въ которой экономическія отношенія не могутъ быть признаны нормальными,—необходимость сильно организованной прокуратуры представляется еще болѣе настоятельною.

Этимъ мы окончимъ указанія длиннаго ряда недостатковъ прежней польской судебной организаціи. Если слѣдствіемъ этихъ недостатковъ являлось несовершенство самаго правосудія, то справедливость заставляетъ сказать, что въ этомъ виновны болѣе учрежденія, чѣмъ люди.—Сдѣланный нами краткій очеркъ прежняго судоустройства, былъ бы однако не полонъ, если бы не указали и на нѣкоторыя хорошія стороны старой организаціи. Мы уже говорили о томъ высокомъ положеніи, въ которомъ находилась исторически сложившаяся адвокатура.—Эта адвокатура, притягивавшая къ себѣ многихъ талантливыхъ и образованныхъ дѣятелей, составляетъ свѣтлую страницу въ исторіи польскаго судоустройства. Еще большими достоинствами запечатлѣны были при прежнемъ судоустройствѣ ипотечныя учрежденія. Ипотека, введенная въ Польшу вмѣстѣ съ французскимъ правомъ, замѣчательно привилась въ этой странѣ; практика весьма тщательно и подробно разработала это учрежденіе, такъ что во многихъ отношеніяхъ оно представлялось образцовымъ. По отношенію къ этому учрежденію задача дѣятелей новаго суда была чрезвычайно легка и состояла лишь въ томъ, чтобы не испортить существующее.

Оканчивая очеркъ прежняго польскаго судоустройства, мы не можемъ не высказать, что неудовлетворительность и органическіе недостатки существовавшаго порядка, вполне сознавались интеллигентною частію польскаго общества. Въ литературѣ, еще за долго до введенія новыхъ судовъ, раздавались голоса, о недостаткахъ существовавшаго порядка. Польскіе юристы настоятельно указывали на необходимость реформы.—Почва для предстоящаго преобразованія, была приготовлена, надлежало ея воспользоваться.

V.

Положеніе 19 февраля 1875 года, о примѣненіи судебныхъ уставовъ къ Царству Польскому, въ основныхъ своихъ чертахъ, было выработано существовавшей въ Варшавѣ юридической комиссіей. Комиссія эта, учрежденная при учредительномъ комитетѣ въ 1864 году, получила въ слѣдующемъ году подробную инструкцію для своей дѣятельности, и приступивъ по ней къ работамъ, въ 1865 году, къ концу слѣдующаго года окончила первоначальный проектъ судебного преобразованія въ Царствѣ. — Проектъ этотъ былъ переданъ на обсужденіе учредительнаго комитета, и затѣмъ, пройдя длинный рядъ комиссій и комитетовъ, подвергшись въ нихъ болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіямъ, вылился въ утвержденное въ 1875 году „Положеніе“. Мы не будемъ слѣдить за длинными перепитіями, которымъ подвергались первоначальныя предначертанія юридической комиссіи; не будемъ останавливаться и на длинныхъ спорахъ, порожденныхъ въ законодательныхъ сферахъ предстоящимъ преобразованіемъ. Для цѣлей нашей статьи будетъ достаточно указать, что вслѣдствіе утвердительно разрѣшеннаго принципіальнаго вопроса о томъ, что судебныя уставы должны быть введены въ дѣйствіе, лишь съ тѣми измѣненіями, которыя вызываются мѣстными особенностями края, споры и разногласія должны были сосредоточиваться только на тѣхъ частяхъ проекта преобразованія, которыя отличаются отъ русскихъ. Въ ряду такихъ особенностей первое мѣсто несомнѣнно принадлежитъ судебно-мировому институту, организованному въ Польшѣ иначе, чѣмъ въ Имперіи. И дѣйствительно, большинство споровъ было вызвано устройствомъ мировой юстиціи и преимущественно гминныхъ судовъ.

Читатели помнятъ, что гминный судъ, введенный въ 1864 году, явился прямымъ слѣдствіемъ произведенной аграрной реформы и находился въ тѣснѣйшей зависимости отъ общей цѣли, преслѣдовавшейся проведеніемъ крестьянскаго преобразованія въ опредѣленномъ направленіи.

Устройство сельскаго сословія, такъ сказать, довершалось

введеніємъ гминнаго суда 1864 года, такъ что судъ этотъ являлся орудіемъ тѣхъ же политическихъ цѣлей, къ достиженію которыхъ были направлены всѣ произведенные преобразования. Эта политическая точка зрѣнія на гминные суды, породившая безконечные о немъ споры, непрекратившіеся еще и въ настоящее время, сильно отразилась, какъ увидимъ ниже, на теперешней его организаціи. Лица, вводившія прежній гминный судъ и смотрѣвшія на него исключительно, какъ на одинъ изъ оплотовъ русской власти, опасались какимъ-бы то ни было образомъ тронуть его организацію. Опасенія, что гминный судъ, при иной организаціи, перестанетъ служить предназначеннымъ цѣлямъ, или даже явится орудіемъ совершенно противоположныхъ стремленій, заставило учредительный комитетъ высказаться противъ реформы этого суда. (Журналъ засѣданія учредительнаго комитета 21 марта 1865 года). Хотя при дальнѣйшемъ законодательномъ разсмотрѣніи гминные суды и подверглись коренному преобразованію, но недоувѣріе къ нимъ государственной власти слишкомъ ясно проглядываетъ, какъ въ самой ихъ организаціи, такъ и въ предѣлахъ ихъ компетенціи. На это недоувѣріе мы будемъ многократно указывать при разсмотрѣніи теперешняго ихъ положенія ¹⁾.

Благодаря господству политической точки зрѣнія, при обсужденіи проектовъ преобразованія не было обращено должнаго вниманія на значеніе мирового института, съ точки зрѣнія общественной и юридической, вообще было слишкомъ мало обращено вниманіе на качественную сторону правосудія; при другомъ, болѣе объективномъ отношеніи къ дѣлу, многіе недостатки и несообразности положенія, не могли бы въ него войти. Указаній на то, чтобы составители проекта воспользовались опытомъ уже существовавшаго въ Россіи мирового института, мы не встрѣчаемъ.

¹⁾ Лица, желающія болѣе подробно ознакомиться съ путемъ законодательнаго утвержденія судебного преобразованія въ Царствѣ Польскомъ, могутъ найти интересные матеріалы въ Журналахъ учредительнаго комитета за 1867 годъ, а также и въ трудахъ Варшавской юридической комиссіи.

Между тѣмъ, необходимо имѣть въ виду, что если мировой институтъ, стоящій въ наиболѣе близкихъ условіяхъ къ населенію, и рассматривающій дѣла ежедневныхъ, самыхъ первостепенныхъ потребностей общества, самъ по себѣ имѣетъ весьма важное значеніе въ общей системѣ государственнаго судоустройства, то въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ вслѣдствіе указанныхъ нами особенныхъ условій, именно: густаго еврейскаго населенія, огромное большинство гражданскихъ правонарушеній, не выходитъ изъ предѣловъ мировой юрисдикціи, институтъ этотъ приобретаетъ еще большее значеніе. Почти шестилѣтній опытъ существованія новыхъ судовъ въ Царствѣ, съ очевидностію доказалъ, какое важное для края значеніе имѣетъ мировая юстиція. Но это можно было предвидѣть и прежде. Довольно хорошая и полная статистика, ведшаяся въ прежнихъ судебныхъ установленіяхъ, ясно указывала на количество дѣлъ, могущихъ вступать въ мировыя учрежденія, на ту роль, которая будетъ принадлежать ему въ общей системѣ органовъ правосудія.—Обратимся же теперь къ разсмотрѣнію фактической стороны этого учрежденія.

VI.

Судебно-мировой институтъ въ Царствѣ Польскомъ состоитъ изъ гминныхъ судовъ, члены которыхъ избираются населеніемъ, мировыхъ судей, назначаемыхъ правительствомъ и мировыхъ съѣздовъ, составляющихъ апелляціонную инстанцію для тѣхъ и другихъ. Такимъ образомъ, главное отличіе польской организаціи мирового института отъ нашей заключается въ томъ, что тамъ, рядомъ съ выборными судами, дѣйствуютъ коронныя суды, такъ что въ сущности одно и то же учрежденіе вмѣщаетъ въ себѣ два начала: выборное и коронное. Коллегіальность гминныхъ судовъ составляетъ второй отличительный признакъ польской мировой юстиціи. При исполнѣ одинаковой юрисдикціи, въ городахъ дѣйствуетъ единоличный коронный мировой судья, за предѣлами городской территоріи — въ уѣздѣ, дѣйствуетъ коллегіальный гминный судъ, организованный на выборномъ началѣ. На устройствѣ гминнаго суда мы первоначально и остановимся.

„Положеніе 19 февраля 1875 года“ устанавливаетъ, что гминный судъ состоитъ изъ гминнаго судьи и лавниковъ и учреждается на одну или нѣсколько гминъ. При соединеніи нѣсколькихъ административныхъ гминъ въ одинъ гминный судебный округъ, наблюдается чтобы гмины не были раздробляемы, чтобы въ составъ гминнаго округа входило не болѣе 4 гминъ, и чтобы разстояніе между гминнымъ судомъ и отдаленнѣйшимъ изъ подсудныхъ ему поселеній, не превышало 20 верстъ. Мѣстопробываніе для гминнаго суда опредѣляется постоянное и не можетъ быть измѣняемо иначе, какъ въ установленномъ порядкѣ.

На основаніи правилъ о введеніи въ дѣйствіе „Положенія о судебной реформѣ въ Царствѣ Польскомъ“, первоначальное распредѣленіе уѣздовъ на судебно-гминные округа, лежало на уѣздныхъ присутствіяхъ, состоявшихъ подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго начальника уѣзда, изъ комисара по крестьянскимъ дѣламъ и одного изъ должностныхъ лицъ прежнихъ судебныхъ мѣстъ, по назначенію Варшавскаго генераль-губернатора.

Предположенія уѣздныхъ комиссій поступали на разсмотрѣніе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, которое уже составляло окончательный проектъ распредѣленія судебно-гминныхъ округовъ, а также и раздѣленіе губерніи на два судебныхъ округа и предположенія свои представляло Варшавскому генераль-губернатору, а сей послѣдній на утвержденіе 1-го департамента правительствующаго сената. Въ засѣданіяхъ какъ уѣздныхъ комиссій, такъ и губернскихъ присутствій, могли принимать участіе и предсѣдатели мѣстныхъ мировыхъ сѣздовъ. Послѣднее обстоятельство, осталось неосуществившимся, вслѣдствіе того, что предсѣдатели сѣздовъ были назначены поздно и прибыли въ край уже по окончаніи этихъ работъ.

Росписаніе судебно-гминныхъ округовъ было въ большинствѣ случаевъ составлено такимъ образомъ, что въ составъ судебно-гминнаго округа входило 4, и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ три административныхъ гмины, причемъ для мѣстопре-

быванія гминнаго суда выбирался по преимуществу самый центральный, хотя бы и мало населенный пунктъ. Составленное распредѣленіе страдало главнымъ образомъ тѣмъ, что комиссія единственнымъ основаніемъ для него приняла разстояніе подсудныхъ поселеній отъ мѣстонахожденія суда, не принявъ въ расчетъ густоту населенія и скученность еврейскаго элемента. Вслѣдствіе этого, произведенное распредѣленіе, на практикѣ, съ самаго уже начала, высказало свои слабыя стороны, крайне неравномѣрнымъ распредѣленіемъ дѣлъ между судебнo - гминными округами. Такъ, существуютъ случаи, что въ двухъ сосѣднихъ гминныхъ судахъ количество вступленія дѣлъ поражаетъ своею разницею. Въ одинъ судъ вступаетъ не болѣе 700 дѣлъ въ годъ, тогда какъ въ другомъ вступленіе превышаетъ почтенную цифру 2000. Такіе недостатки, хотя и крайне вредно вліяющіе на ходъ правосудія, въ сущности представляются вполнѣ понятными и возможными при новизнѣ дѣла, и мы бы объ нихъ и не упоминали, если бы не существовало особенныхъ трудностей въ измѣненіи границъ однажды утвержденнаго распредѣленія. Затрудненія эти настолько велики, что въ сущности преграждаютъ всякую возможность исправленія однажды допущенныхъ неправильностей.

Составъ каждаго гминнаго суда образуется изъ гминнаго судьи и лавниковъ, въ числѣ не менѣе трехъ. Лица эти избираются гминными сходами на три года. Цензовыя условія для избранія въ гминные судьи и лавники не одинаковы. Для лавниковъ сохранены были тѣ же условія избранія, какія существовали по указу 1864 года, съ присоединеніемъ лишь требованія простой грамотности, причемъ на практикѣ не дѣлается различія между грамотностью русской и польской, тогда какъ для гминнаго судьи, сверхъ тѣхъ же условій избранія, которыя существуютъ для войта, требуется извѣстный образовательный цензъ, именно: 3 п. 10 ст. пол. о суд. реф. устанавливаетъ, что „въ должности гминныхъ судей могутъ быть избраны тѣ изъ жителей гминъ, которые получили образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая и народныхъ учи-

лицъ, или выдержали соотвѣтствующее сему испытаніе, или же прослужили не менѣе трехъ лѣтъ, въ такихъ должностяхъ, при исправленіи которыхъ могли пріобрѣсти практическія свѣдѣнія въ производствѣ судебныхъ дѣлъ“. Имущественный цензъ для гминнаго судьи требуется тотъ же, какъ и для войта, т. е. 6 морговъ земли ¹⁾). Мы не будемъ останавливаться подробно на разсмотрѣніи всѣхъ цензовыхъ условій, требуемыхъ отъ кандидата на должность судьи, замѣтимъ только, что если нельзя въ принципѣ возражать противъ ничтожности имущественнаго ценза, то въ связи съ такимъ условіемъ должна находиться и матеріальная обезпеченность выборной должности, чего, какъ увидимъ, по отношенію къ гминнымъ судамъ соблюдено не было. Перейдемъ прямо къ образовательному цензу, требуемому для членовъ гминнаго суда.

У насъ раздаются нерѣдко голоса противъ недостаточности образовательнаго ценза, требуемаго отъ лицъ выступающихъ кандидатами на должность мировыхъ судей, но при сравненіи этихъ цензовыхъ условій съ тѣми, которыя требуются отъ гминныхъ судей, разница оказывается столь значительною, что нельзя даже провести паралели. Для мирового судьи, какъ минимумъ образованія, требуется окончаніе курса средняго учебнаго заведенія, тогда какъ для гминнаго судьи этотъ минимумъ низведенъ до начального училища, т. е. въ сущности до простой грамотности, съ присоединеніемъ 4 правилъ ариѳметики. Судебная юрисдикція гминныхъ судовъ царства, въ сущности та же, какъ и русскихъ мировыхъ судей; дѣйствующее въ царствѣ матеріальное гражданское право, хотя и гораздо совершеннѣе 1 ч. X т. св. зак., но для своего примѣненія требуетъ если не спеціально юридическаго образованія, то высокаго умственнаго развитія, такъ какъ это законодательство начало, а не казусовъ, а между тѣмъ цензовыя условія образованія сведены почти на нуль, къ отсутствію всякаго образованія. Напрасно бы мы стали искать этому объ-

¹⁾ Польскій моргъ, почти равняется половинѣ нашей десятины.

ясненія въ недостаткѣ образованныхъ людей въ Польшѣ, напрасны были бы предположенія, что требованіе отчетливаго знанія русскаго языка и безъ того уменьшило количество кандидатовъ на судебныя должности, а возвышеніе образовательнаго ценза еще болѣе способствовало-бы этому уменьшенію, — всѣ такія предположенія представляются безусловно неумѣстными для всякаго, знакомаго съ положеніемъ вещей въ нашей Польшѣ, и конечно не въ нихъ слѣдуетъ искать причину столь низкаго образовательнаго ценза, требуемаго отъ судьи. У насъ вѣдь несомнѣнно общій уровень образованія не выше чѣмъ въ Польшѣ, и однако же образовательный цензъ для мировыхъ судей признано было возможнымъ установить, сравнительно съ гминными судьями, весьма высокій.

Причина столь малаго образовательнаго ценза, установленнаго 10 ст. положенія, невытекающая вовсе изъ какихъ либо мѣстныхъ или внутреннихъ причинъ, должна быть объяснена лишь тою политическою точкою зрѣнія, которая господствовала при обсужденіи предстоящей реформы этихъ судовъ и которая, какъ мы сказали, отразилась на всей организаціи этого суда. Мы знаемъ то положеніе, которое занималъ и цѣли къ достиженію которой былъ направленъ гминный судъ 1864 года. Отъ членовъ того суда не требовалось даже простой грамотности, слѣдовательно, крестьянскій составъ его былъ обезпеченъ вполнѣ. Опасеніе, что при болѣе высокомъ образовательномъ цензѣ, гминные суды выйдутъ изъ рукъ крестьянскаго сословія, было единственною причиною установленія столь низкаго образовательнаго ценза.

То обстоятельство, что въ каждомъ гминномъ судѣ находятся лавники, которые и по ограниченности цензовыхъ требованій и по другимъ причинамъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, будутъ принадлежать къ крестьянской средѣ, и тѣмъ самымъ будутъ обезпечивать его интересы, казалось недостаточнымъ для составителей положенія. Насколько возможно сохранить въ гминныхъ судахъ преобладаніе крестьян-

скаго сословія, вотъ цѣль, въ которой было направлено стремленіе закона.

. Недовѣріе въ польской интеллигенціи составителей и лицъ разсматривавшихъ законопроектъ, было другой тому причиной. Въ одномъ изъ журналовъ учредительнаго комитета мы встрѣчаемъ любопытные по этому предмету указанія: „введеніе мировыхъ учреждений въ той формѣ, въ какой они созданы въ Имперіи,—читаемъ въ этомъ журналѣ,—не соответствовало бы ни политическому, ни общественному положенію края, предоставить же единоличную власть выборнымъ отъ высшихъ сословій, подходящихъ подъ цензъ, принятый для мировыхъ судей уставами Имперіи, невозможно уже и потому, что правительство не имѣетъ ручательства въ томъ, чтобы въ Царствѣ Польскомъ, лица подъ возвышенный цензъ подходящія, были наиболѣе заинтересованы въ сохраненіи общественнаго порядка, наиболѣе связаны съ большинствомъ народа тождествомъ общихъ интересовъ и что они не обратятъ власть и вліяніе имъ предоставленныя, въ политическое орудіе противъ законнаго правительства и во вреду народа. Напротивъ того, при современномъ положеніи Царства, большая часть вышеупомянутыхъ гарантій сосредоточивается главнымъ образомъ въ сельскомъ населеніи, вызванномъ къ новой гражданской жизни послѣдними правительственными реформами. Поэтому, при введеніи мировыхъ учреждений слѣдовало бы принять цензъ весьма умѣренный, а вмѣстѣ съ тѣмъ мировая юстиція, естественнымъ образомъ, перешла бы въ руки къ тѣмъ же поселянамъ, которые уже имѣютъ свои гминные суды“. (т. 9 стр. 618).

Недостаточность столь ограниченного образовательнаго ценза была указываема и во время законодательнаго обсужденія предстоявшаго въ Польшѣ судебного преобразованія. Министръ юстиціи (графъ Паленъ), на заключеніе коего былъ переданъ проектъ Варшавской юридической комиссіи, высказался въ смыслѣ совершенной невозможности установить столь низкія цензовыя требованія для судовъ, обложенныхъ столь значи-

тельною юрисдикціей. Мнѣніе это, какъ извѣстно, не было принято въ уваженіе.

Совершенная недостаточность установленнаго закономъ образовательнаго ценза для должности гминнаго судьи, вполнѣ сознается не только польскимъ образованнымъ обществомъ, но самимъ крестьянскимъ населеніемъ и въ огромномъ большинствѣ случаевъ устраняется на практикѣ. Огромное большинство выборныхъ гминныхъ судей, какъ дѣйствовавшихъ въ истекшее первое трехлѣтіе существованія гминнаго суда, такъ и избранныхъ на второе трехлѣтіе и дѣйствующихъ нынѣ, принадлежатъ къ интеллигентному классу общества, и между ними встрѣчается не мало людей высшаго образованія. Гминные сходы здраво относятся къ серьезности судейскихъ обязанностей, при существующей компетенціи, и несмотря, какъ увидимъ ниже, на чрезмѣрное стараніе нѣкоторыхъ администраторовъ провести крестьянскій элементъ, почти всегда высказываются за избраніе образованныхъ кандидатовъ. Въ этомъ отношеніи довольно замѣчателенъ фактъ, что при избраніи извѣстнаго кандидата на должность судьи, гминные сходы мало обращаютъ вниманія на его общественное положеніе, а исключительно руководствуются личностію и образованіемъ. Такое отношеніе гминныхъ сходовъ къ выборамъ судей, находитъ свое объясненіе въ томъ, что прежніе гминные суды, — суды войтовъ, вопреки увѣреніямъ дѣятелей крестьянскихъ учреждений, не пользовались любовью крестьянскаго населенія. Послѣдствіе безграмотности судей, проявлявшееся въ томъ, что даже при самомъ несложномъ механизмѣ прежняго суда, вся дѣятельность его сосредоточивалась въ рукахъ писаря, была слишкомъ хорошо извѣстна населенію для того, чтобы оно добровольно рѣшилось повторить вновь тоже прискорбное явленіе.

Что касается до лавниковъ, то, за самымъ малымъ исключеніемъ, они принадлежатъ къ крестьянскому сословію или къ мелкой шляхтѣ, живущей въ деревнѣ и мало чѣмъ отличающейся отъ обыкновенныхъ хлѣбопашцевъ. Каждая гмина, входящая въ составъ гминнаго судебного округа, имѣетъ своего представителя въ судѣ, въ качествѣ судьи или

лавника; ¹⁾ эти то лавники, принадлежащіе къ простому рабочему классу сельскаго населенія, являющіеся полноправными членами гминнаго суда и должны бы были стоять на стражѣ интересовъ своихъ избирателей, если уже непременно предусматривать тенденціозность судьи.

Въ какихъ условіяхъ находится коллегіальность гминнаго суда въ дѣйствительности, мы увидимъ ниже, а теперь обратимся къ порядку составленія избирательныхъ списковъ и самому избранію членовъ гминныхъ судовъ.

Списки лицъ, имѣющихъ право быть избранными въ гминные судьи и лавники, составляются по каждой гминѣ отдѣльно гминными войтами, по совѣщанію съ солтысами (сельскими старостами).

Въ эти списки вносятся состоящіе въ должностяхъ гминныхъ судей и лавниковъ, и всѣ прочія проживающіе въ гминѣ лица, имѣющіе право на занятіе означенныхъ должностей.— Составленные такимъ образомъ списки, представляются уѣздному начальнику для повѣрки правильности и полноты каждаго списка и разрѣшенія жалобъ и заявленій на неправильное внесеніе въ списокъ, или же на сдѣланные въ немъ пропуски.— По надлежащей повѣркѣ и исправленіи списковъ, таковыя препровождаются въ гмины, для производства по нимъ выборовъ. (ст. 11 и 12 полож.) На незаконныя дѣйствія начальника уѣзда, жалобы приносятся губернатору. При самомъ введеніи судебной реформы, слѣдовательно при составленіи первыхъ списковъ кандидатовъ на судебно-гминныя должности, на основаніи правилъ о введеніи въ дѣйствіе Положенія, существовалъ нѣсколько иной и отчасти лучшій порядокъ. Именно эти списки составлялись уѣздными присутствіями, образованными для распредѣленія судебно—гминныхъ округовъ и затѣмъ, для повѣрки правильности и полноты, представлялись на разсмотрѣніе губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Кромѣ обыкновенной

¹⁾ Въ случаѣ болѣзни или отсутствія лавника, должность его заступается кандидатомъ, такъ какъ къ каждому лавнику избирается по одному кандидату.

проѣрки, губернскія присутствія имѣли безапелляціонное право исключать изъ списковъ всѣхъ тѣхъ лицъ, къ избранію которыхъ представлялись особыя препятствія. (ст. 20) Какого рода должны были быть эти препятствія, указано не было, но это дѣлается очевиднымъ при существовавшемъ правительственномъ недоверіи къ новой гминной организаціи. Какъ въ этомъ послѣднемъ, такъ сказать экстраординарномъ порядкѣ составленія списковъ, такъ и въ нормальномъ, установленномъ Положеніемъ и примѣненнымъ впервые въ 1879 году, насъ поражаетъ прежде всего совершенное отсутствіе всякаго общественнаго контроля надъ дѣломъ, которое ближе всего касается его интересовъ. — Страннымъ оказывается, что избиратели лишены права проѣрять права тѣхъ лицъ, которыхъ должны избирать. Но если уже допустить возможность устраненія самаго общества въ проѣркѣ списковъ, то во всякомъ случаѣ необходимо по крайней мѣрѣ обставить это дѣло такими условіями, при которыхъ правильность составленія списковъ представляла хотя нѣкоторыя гарантіи. По меньшей мѣрѣ слѣдовало бы составленные списки оглашать путемъ публикаціи, и назначить срокъ для заявленій о неправильности внесенія или невнесенія извѣстнаго лица, причемъ это право заявленій должно быть самое широкое и принадлежать не только непосредственно заинтересованнымъ лицамъ, но и каждому избирателю. — При этомъ самое разсмотрѣніе такихъ заявленій и вообще жалобъ на неправильность составленія списковъ, необходимо предоставить болѣе компетентному и безпристрастному учрежденію, чѣмъ начальникъ уѣзда. — Это надлежало бы передать коллегіи, въ которой могли бы засѣдать лица, стоящіе наиболѣе близко къ гминной юстиціи, именно: представители короннаго мирового института, администраціи и крестьянскихъ учреждений. — При такихъ условіяхъ существовало бы дѣйствительное вѣроятіе полноты и правильности списка, и не встрѣчалось бы фактовъ, которые сплошь и рядомъ повторяются нынѣ, что отставные унтеръ-офицеры, небывшіе никогда въ начальныхъ училищахъ, вносятся въ списокъ кандидатовъ на должность

судьи, а доктора философіи пропускаются, какъ неимѣющіе образовательнаго ценза. Существующій нынѣ порядокъ составленія списковъ, неудовлетворительность котораго мы изложили довольно подробно, порождаетъ множество нареканій, и безусловно осужденъ, какъ обществомъ, такъ и судебными дѣятелями. Будемъ надѣяться на скорое его измѣненіе къ лучшему.

Самые выборы производятся гминными сходами, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ одного изъ органовъ администраціи (начальника уѣзда, начальника земской стражи или комиссара), съ соблюденіемъ при этомъ слѣдующихъ правилъ: въ должность гминнаго судьи избирается каждою гминою по одному кандидату изъ числа лицъ, внесенныхъ въ списокъ, но если всѣми гминами будетъ избрано одно и то же лицо, то для избранія втораго кандидата назначаются дополнительные выборы. — На практикѣ обыкновенно бываетъ такъ, что всѣ гмины, входящія въ составъ судебно-гминнаго округа, созываются въ какой либо центральный пунктъ, и тамъ предварительно сговорившись, избираютъ членовъ суда, съ общаго такъ сказать согласія.

Производство выборовъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ органовъ мѣстной администраціи, даетъ въ результатъ широкій просторъ давленію на избирателей. Мы не хотимъ сказать, чтобы всегда выборы производились подъ болѣе или менѣе сильнымъ давленіемъ администраціи, но говоримъ лишь, что существующій порядокъ даетъ для этого полную возможность. Все сводится на практикѣ къ личности администратора. Если послѣдній, человѣкъ безпристрастный, то и выборы оказываются вполне правильные и въ результатъ всегда даютъ болѣе или менѣе интеллигентныхъ кандидатовъ для судебныхъ должностей, если же администраторъ принадлежитъ къ крайнимъ *обрусителямъ* или желаетъ проявить въ этомъ отношеніи особенное рвеніе передъ начальствомъ, то давленіе на избирателей принимаетъ размѣры и характеръ самые безцеремонные.

Мы лично близко стояли къ этому дѣлу и въ 1879 году

въ одной изъ губерній царства польскаго присутствовали при производствѣ выборовъ, при чемъ не могли не убѣдиться въ подавляющемъ значеніи, которое можетъ оказать на результаты выборовъ присутствующій администраторъ.*

Списки избранныхъ гминами кандидатовъ на должности гминныхъ судей и лавниковъ, представляются уѣздными начальниками губернатору, который лавниковъ и кандидатовъ къ нимъ утверждаетъ собственною властью, по предварительному соглашенію съ прокуроромъ окружнаго суда, а списки кандидатовъ на должности гминныхъ судей представляетъ министру юстиціи. Утвержденіе избранныхъ гминами лавниковъ, для губернатора представляется не безусловно обязательнымъ, а лишь при неимѣніи къ тому особыхъ препятствій. — Очевидно, слѣдовательно, что избирательное начало въ значительной степени суживается такимъ правомъ губернатора, и дѣйствительно практика показываетъ, что весьма часто лица, избранныя въ лавники, попадаютъ въ кандидаты, т. е. въ дѣйствительности устраняются отъ судебной дѣятельности и обратно. Кромѣ того, здѣсь поражаетъ участіе въ утвержденіи лавниковъ со стороны прокурора мѣстнаго окружнаго суда. Прокуроръ слишкомъ далеко стоитъ отъ мировой юстиціи и успѣшнымъ ходомъ ея заинтересованъ мало, тогда какъ существуетъ специальный органъ, имѣющій главнымъ образомъ обязанность надзора за гминными судами, — это предсѣдатель мирового съѣзда. Не цѣлесообразнѣе было бы перенести на него то право, которое въ настоящее время совершенно бесполезно и бесплодно принадлежитъ прокурору. Это постановленіе закона является отраженіемъ стремленія составителей проекта преобразованія, дать особенно сильное развитіе учрежденію прокурорскаго надзора.

Несравненно серьезнѣе парализуется выборное начало по отношенію къ гминнымъ судьямъ.

По ст. 17 полож. министру юстиціи предоставлено право или утвердить избранныхъ на должности гминныхъ судей кандидатовъ, или же назначить помимо ихъ, до слѣдующихъ выборовъ, другихъ лицъ. — Тутъ уже выборное начало не стѣс-

няется только, какъ по отношенію къ лавникамъ, ибо губернаторъ во всякомъ случаѣ долженъ избрать для своего утвержденія кандидатовъ изъ лицъ, избранныхъ гминами, а поражается безусловно, уничтожается принципиально. Недовѣріе въ новой гминной организаціи и къ населенію особенно сильно высказывается на этомъ постановленіи закона. Несомнѣнно, что на практикѣ это право министра юстиціи практикуется не часто ¹⁾, и въ случаяхъ исключительныхъ, но самое существованіе такого положенія отнимаетъ у гминнаго суда, какъ суда выборнаго, всякую устойчивость. — Частому примѣненію этого права препятствуютъ и финансовыя соображенія, такъ какъ назначенные правительствомъ гминныя судьи получаютъ добавочное жалованье, а министр юстиціи не можетъ выйти изъ смѣты предназначеннаго на этотъ предметъ ассигнованія, но часто ли примѣняется этотъ законъ въ сущности неважно, гораздо важнѣе то значеніе, которое благодаря этому закону, приобретаютъ мѣстные органы министра, каковыми являются председатели мировыхъ сѣздовъ и прокуроры окружныхъ судовъ, атествующие предъ министромъ избранныхъ кандидатовъ. Несомнѣнно, что эти лица приобретаютъ такимъ образомъ непосредственное вліяніе на составъ юстиціи, что, во первыхъ, нежелательно, а во вторыхъ, идетъ совершенно въ разрѣзъ съ выборнымъ началомъ, стѣсняя или даже уничтожая избирательное право.

Что касается до порядка увольненія членовъ гминныхъ судовъ отъ должностей, то и въ этомъ отношеніи выборное начало является не болѣе обеспеченнымъ. Несмѣняемости до истеченія срока избранія не существуетъ и, согласно ст. 26 полож., гминныя судьи и лавники могутъ быть во всякое время увольняемы министромъ юстиціи отъ должностей, или же временно устранимы. При такомъ увольненіи не тре-

¹⁾ На каждый мировой округъ, имѣющій въ себѣ отъ 15 до 20 гминныхъ судовъ, обыкновенно приходится два или три судьи, назначенныхъ отъ правительства.

буется преданія суду. Это чисто административное увольненіе, безъ объясненія поводовъ и причинъ.

Таковы стѣсненія, которымъ подвержено выборное начало въ нынѣ дѣйствующихъ гминныхъ судахъ. Стѣсненія эти, вытекающія изъ той предвзятой точки зрѣнія на эти суды, отъ которой не могли отрѣшиться составители проекта, обнаружались въ сожалѣнію и на тѣхъ условіяхъ, которыми обставлена дѣятельность этихъ судовъ.

Гминный судъ—судъ коллегіальный и какъ мы сказали состоитъ изъ судьи и лавниковъ. Въ коллегіальности гминнаго суда заключается то коренное отличіе его отъ существующихъ въ Россіи органовъ мировой юстиціи, которое, какъ мы видѣли, было присуще гминному суду и при прежнемъ его устройствѣ. Много раздавалось голосовъ противъ коллегіальнаго устройства гминной юстиціи. На теоретической сторонѣ вопроса, о пригодности вообще коллегіальнаго начала въ органахъ мировой юстиціи, мы останавливаться не будемъ. Скажемъ только, что несомнѣнно въ дѣлахъ порождаемыхъ немногосложными потребностями обыденной жизни, каковыми представляется большинство дѣлъ, подлежащихъ разрѣшенію мировой юстиціи, сложный хотя и болѣе совершенный коллегіальный порядокъ представляется излишнимъ. Не менѣе справедливо и то, что быстрота производства особенно нужна въ дѣлахъ, невыходящихъ изъ предѣловъ мировой юрисдикціи, и что быстрота эта никогда не можетъ достигнуть той степени въ судѣ коллегіальномъ, какъ въ единоличномъ, вслѣдствіе чего и коллегіальное производство гминнаго суда, несомнѣнно, должно представляться болѣе медленнымъ. Но разсматриваемый нами вопросъ, имѣетъ и другую сторону, часто забываемую противниками коллегіальнаго начала.—Въ судѣ, имѣющемъ въ своей подсудности исключительно сельское населеніе, а вслѣдствіе этого неминуемо обреченномъ на разрѣшеніе дѣлъ, невыходящихъ изъ предѣловъ сельско-хозяйственныхъ и аграрныхъ интересовъ, въ мѣстности, въ которой уровень образованія сельскаго рабочаго люда находится на низкой степени, наконецъ въ судѣ,

который по роду поступающихъ въ него дѣлъ, чаще всего, долженъ прибѣгать къ примѣненію обычая, предоставленіе всей судебной власти въ руки образованнаго класса, представляющагося крупными собственниками, нежелательно и едва ли полезно для цѣлей правосудія. Сельское населеніе, т. е. та темная масса, которая составляетъ главное ядро подсуднаго населенія, должно имѣть въ судѣ своего представителя. Недостатокъ образованія не долженъ лишать массу населенія права принимать непосредственное участіе въ правосудіи. Опасенія, что члены такого суда, при ничтожномъ образовательномъ цензѣ, не будутъ въ состояніи разрѣшать подлежащіе ихъ суду дѣла, представляются неосновательными. Тамъ, гдѣ возникнутъ вопросы права, гдѣ потребуются извѣстныя спеціальныя свѣдѣнія, такой судья неминуемо воздержится отъ проявленія самостоятельности, но тамъ, гдѣ явятся вопросы факта, вопросы права обычнаго, тамъ онъ явится вполне компетентнымъ судьей.—Практика гминныхъ судовъ Царства Польскаго, безусловно подтверждаетъ это положеніе.—Того, чтобы лавники, не принимали непосредственнаго участія въ рѣшеніи дѣлъ, чтобы коллегіальность гминнаго суда была такъ сказать фиктивная, еще болѣе того, чтобы лавники являлись тормазомъ, вредно вліяющимъ на ходъ правосудія, мы не замѣчали. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ лавники являлись вполне сознательными судьями факта, и вносили свѣжій и крайне полезный элементъ въ общій ходъ гминнаго правосудія. Разница, существующая между гминнымъ судьей и лавникомъ по образованію и общественному положенію, причемъ первый, въ большинствѣ случаевъ, является образованнымъ паномъ, а послѣдній простымъ крестьяниномъ, не вліяетъ на самостоятельность убѣжденій. Бывали нерѣдко случаи, что дѣло рѣшалось большинствомъ голосовъ лавниковъ, противъ мнѣнія судьи, и такіе рѣшенія были утверждаемы съѣздомъ. Конечно, главная заслуга въ этомъ отношеніи падаетъ на самихъ гминныхъ судей, которые устранивъ всякое давленіе на робкихъ и бѣдныхъ членовъ своего суда, умѣли поднять въ нихъ судейское сознаніе и поставить ихъ на почву самостоятельности.

Обратимся теперь въ другимъ сторонамъ служебнаго положенія членовъ гминныхъ судовъ. Прежде всего замѣтимъ, что въ отличіе отъ служебнаго положенія мировыхъ судей, гминнымъ судьямъ не присвоено правъ государственной службы, должности гминнаго судьи не присвоено никакого класса, не дано судейскаго мундира, но это конечно неважно. Гораздо больше значенія имѣютъ матеріальныя условія, въ которыя поставлена служба въ гминной магистратурѣ.

Нельзя ни въ какомъ случаѣ сравнивать условія коронной и выборной службы, всякая выборная должность должна неминуемо оплачиваться дешевле должности коронной. Уже одно то, что правительственный чиновникъ весьма часто, а на окраинахъ всегда, является отдѣленнымъ если не отъ семьи, то отъ мѣстности, въ которой у него сосредоточены всѣ общественныя и личныя связи, тогда какъ выборной дѣятель всегда дѣйствуетъ въ родной ему мѣстности, — даетъ основаніе къ значительному различію въ ихъ содержаніи. Говоря вообще, если среднимъ мѣриломъ для опредѣленія содержанія правительственнаго чиновника, должна служить возможность удовлетворенія жизненныхъ потребностей, свойственныхъ общественному положенію служащаго, то для дѣятеля выборнаго вполне достаточно, если получаемое имъ вознагражденіе будетъ покрывать расходы, сопряженные съ принятой на себя выборной службой. Если и это требованіе несоблюдено, то нельзя не признать, что положеніе выборной службы представляется уже ненормальнымъ. По положенію 1875 года сумма, необходимая на содержаніе гминнаго суда, назначается изъ гминнаго сбора, для чего и производится надлежащая между гминами раскладка. На основаніи правилъ о введеніи въ дѣйствіе Положенія, опредѣленіе размѣра этой суммы было возложено на губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Размѣръ этого содержанія слѣдующій. Для гминнаго судьи содержанія—400 рублей, для лавника 100 руб., для писаря суда—350 руб., и на наемъ сторожа, отопленіе освѣщеніе и канцелярскіе расходы 350 руб. Нечего распространяться о безусловной ничтожности этихъ цифръ. — Весь вредъ

и всѣ прискорбныя послѣдствія, которыя могутъ произойти отъ столь ничтожнаго вознагражденія, сдѣлаются вполне понятными и еще болѣе осязательными, если мы припомнимъ себѣ тотъ ничтожный имущественный цензъ, который требуется не только отъ лавника, но и отъ гминнаго судьи. — 6 морговъ земли, это такое имущество, которое не можетъ дать средствъ къ жизни даже въ томъ случаѣ, если обрабатывать ихъ собственноручно, а такой способъ очевидно не представляется возможнымъ для лица, занимающаго судейскую должность. Незначительность имущественнаго ценза, требуемаго отъ судьи, казалось должна была бы привести къ заключенію о необходимости обставить эту должность лучшими матеріальными условіями. Трудъ, сопряженный съ занятіемъ должности гминнаго судьи, довольно большой; онъ требуетъ отъ лица, посвятившаго себя этой дѣятельности, столько времени, что почти не оставляетъ возможности занятія собственными дѣлами, сама служба соединена съ извѣстными по ней расходами, вызываемыми поѣздками въ мировой сѣздъ, иногда отстоящій довольно далеко отъ мѣстожителства судьи, а также и другими служебными разъѣздами, и столь ничтожный окладъ содержанія преграждаетъ небогатымъ людямъ возможность принимать судейскія должности. Сравнительно болѣе богатые гминные судьи изъ помѣщиковъ, иронизируютъ надъ этой суммой и отдаютъ ее на усиленіе канцелярскихъ средствъ, но недостаточнымъ гминнымъ судьямъ, какъ видятъ читатели, приходится не до ироніи.

Еще въ худшемъ положеніи, по отношенію къ вознагражденію своего труда, находятся лавники. Разъѣзды лавниковъ, изъ коихъ $\frac{2}{3}$ живутъ за предѣлами той гмины, въ которой помѣщается судъ, гораздо значительнѣе чѣмъ судьи, а 100 руб. получаемые ими въ годъ, конечно недостаточны на покрытіе этихъ расходовъ, о возмѣщеніи же упущеній, неминуемо происходящихъ въ домашнемъ хозяйствѣ, вслѣдствіе частыхъ отлучекъ, не можетъ быть и рѣчи. Такая ничтожность вознагражденія неминуемо привела на практикѣ къ тому, что крестьяне отбываютъ службу лавника какъ повинность,

съ крайнею неохотою и всѣми средствами отъ нея уклоняются. Какими соображеніями руководствовались при опредѣленіи столь низкаго размѣра вознагражденія, намъ неизвѣстно, вѣроятно же всего желаніемъ не обременять гмины усиленными налогами. Вполнѣ соглашаясь съ необходимостью избѣгать обремененія польскихъ гминъ излишнимъ обложеніемъ, мы находимъ, что сумма, идущая на содержаніе гминныхъ судовъ, можетъ быть увеличена въ нѣсколько разъ, безъ всякаго увеличенія существующаго налога, только путемъ болѣе уравнительной раскладки требуемой суммы, между всѣми элементами, входящими въ составъ гмины. Еврейское населеніе, составляющее самый большой процентъ дѣлъ, находящихся въ разсмотрѣніи гминной юстиціи, совершенно не привлечено къ обложенію, тогда какъ оно одно могло-бы дать значительныя средства для увеличенія нынѣ получаемаго гминными судами содержанія, наконецъ и сумма, образуемая путемъ взиманія судебныхъ сборовъ, равнымъ образомъ представляется немаловажнымъ источникомъ увеличенія этихъ средствъ. Таково положеніе гминнаго суда съ точки зрѣнія матеріальной оплачиваемости его членовъ; обратимся теперь къ другимъ условіямъ дѣятельности этого суда.

Печать недоувѣрія правительственной власти къ этимъ судамъ, проявляется и здѣсь въ той же, если еще не въ болѣе степени. Надзоръ, который по закону принадлежитъ предсѣдателю мирового съѣзда, по отношенію ко всѣмъ судьямъ округа, въ отношеніи гминныхъ судовъ доведенъ до степени полнѣйшей опеки. Столь развитое и сильное право надзора, которое принадлежитъ предсѣдателямъ съѣздовъ Царства, не распространено на дѣятельность мировыхъ судей, и принадлежитъ имъ исключительно лишь въ отношеніи гминныхъ судовъ. До чего сильна предсѣдательская опека видно изъ того, что на основаніи полож. 19 февраля 1875 года (ст. 53) состоящій при гминномъ судѣ писарь опредѣляется не гминнымъ судьей, а предсѣдателемъ съѣзда. Самое естественное и обыкновенное право, принадлежащее каждому учрежденію, избирать себѣ письмоводителей, составители проекта признали

необходимымъ изъять изъ гминнаго суда. Другое важное право, которымъ предсѣдатели сѣздовъ облечены для того, чтобы имѣть постоянное и сильное вліяніе на ходъ правосудія въ гминныхъ судахъ — право ревизіи. По силѣ 28 ст. полож. предсѣдатели мировыхъ сѣздовъ, обязаны не менѣе одного раза въ годъ производить ревизію каждаго изъ состоящихъ въ ихъ округѣ гминныхъ судовъ.

Предоставленіе этого права предсѣдателямъ сѣздовъ т. е. такимъ лицамъ, которыя въ сущности являются лишь первыми между равными, той коллегіи, членами которой состоятъ и гминные судьи, несомнѣнно не можетъ быть допущено съ точки зрѣнія правильного судоустройства и безусловно должно колебать самостоятельное значеніе суда. Къ чести большинства предсѣдателей Царства Польскаго слѣдуетъ отнести, что жалобъ на злоупотребленіе правомъ ревизіи слышалось такъ мало, что онѣ могутъ быть разсматриваемы какъ исключенія. Несомнѣнно однако, что при другомъ отношеніи къ дѣлу, широкое право ревизіи могло бы низвести гминные суды на степень покорныхъ исполнителей предсѣдательской воли. То же недовѣріе къ гминнымъ судамъ, но на этотъ разъ объясняющееся уже не политической стороною, а установленнымъ низкимъ образовательнымъ цензомъ, служить причиною ограниченія права гминныхъ судовъ въ направленіи поступающихъ на его разсмотрѣніе дѣлъ, и нѣкоторыхъ другихъ ограничительныхъ постановленій.

Разрѣшеніе вопроса о подсудности вступившихъ въ гминный судъ дѣлъ, не принадлежитъ суду, а предоставлено предсѣдателю сѣзда. Вообще, вся дѣятельность гминной юстиціи поставлена подъ непосредственное давленіе правительственнаго органа, какимъ является предсѣдатель сѣзда.

Не надо однако предполагать, что столь строгій контроль, въ зависимость отъ котораго поставлена дѣятельность гминнаго суда, самимъ закономъ избавляетъ по крайней мѣрѣ эти суды отъ надзора, такъ сказать экстраординарнаго, состоящаго въ наблюденіи со стороны администраціи — наблюденіи весьма тщательномъ и назойливомъ.

Ни одно засѣданіе гминнаго суда необходимо безъ присутствія нѣсколькихъ представителей земской стражи и жандармскаго вѣдомства. Объ извѣстныхъ, въ судебной практикѣ, случаяхъ перехода этого негласнаго надзора въ прямое насиліе и оскорбленіе суда, мы пройдемъ молчаніемъ, какъ о явленіяхъ исключительныхъ, замѣтимъ только, что если гдѣ можно съ полною справедливостію примѣнить афоризмъ, что „отда на юстицію подѣ надзоръ полиціи“, то это именно къ гминнымъ судамъ Царства Польскаго. Комическая сторона такого положенія совершенно однако исчезаетъ, если принять въ соображеніе, что органы полиціи являются прямыми исполнителями требованій судебной власти и неисправностью исполненія этихъ требованій, могутъ оказать самое вредное вліяніе на ходъ правосудія. А можно-ли ожидать усерднаго исполненія судебныхъ порученій отъ лицъ, облеченныхъ правомъ негласнаго надзора за дѣятельностію того же самаго суда.

Мы изложили, въ сжатомъ очеркѣ, организацію и теперешнее положеніе гминныхъ судовъ, остановившись съ особеннымъ вниманіемъ на тѣхъ стѣсненіяхъ, которыми обставлены въ законѣ ихъ устройство и дѣятельность. Создавшись подѣ господствомъ идеи, руководившей дѣятелями 1864 года, гминные суды несутъ на себѣ всѣ тяжелыя послѣдствія этой идеи и ей обязаны ненормальнымъ строемъ своей организаціи. Стремленіе законодателя сохранить, по возможности, въ новомъ гминномъ судѣ, личный составъ прежняго гминнаго суда т. е. составъ преимущественно крестьянскій, какъ извѣстно не осуществилось на практикѣ; огромное большинство гминныхъ судей принадлежитъ къ образованному классу общества, имѣется лишь самый незначительный процентъ судовъ съ составомъ чисто крестьянскимъ. Тѣ опасенія, которыя вызывались преобладаніемъ въ гминной юстиціи интеллигентнаго класса, намъ извѣстны; учредительный комитетъ высказалъ ихъ съ полнѣйшей откровенностію, однако прошло болѣе пяти лѣтъ со времени судебного преобразованія и всѣ опасенія рушились, опытъ показалъ, что онѣ были неосновательны. Гминный судъ въ Царствѣ Польскомъ, въ настоя-

щее время, не может уже порождать какихъ либо опасеній политическаго свойства; судъ этотъ вполне созналъ свое значеніе суда, и какъ всякій судъ, стоитъ въ сторонѣ отъ всякаго политическаго движенія. Не болѣе можно упрекнуть гминные суды въ тенденціозности, проявляющейся въ стремленіи поддерживать крупныхъ собственниковъ передъ прочими членами сельской общины. Тенденціозности этой, которой такъ опасались, которую находили столь сродною польскому помѣщику, въ дѣйствительности не обнаружилось. Само собою разумѣется, что мы не говоримъ объ исключеніяхъ, которые могутъ быть вездѣ и всегда, а о большинствѣ; въ громадномъ большинствѣ случаевъ, правосудіе гминныхъ судовъ стоитъ въ положеніи, удовлетворяющемъ потребностямъ населенія, обеспечивающемъ ему дѣйствительно скорый, близкій и правый судъ и во всякомъ случаѣ не въ худшемъ положеніи чѣмъ у мировыхъ судей, дѣятельность которыхъ обставлена неизмѣримо лучшими условіями. Общественное мнѣніе Польши, слѣдя съ напряженнымъ вниманіемъ за ходомъ гминной юстиціи, остается ею вполне довольно. Судъ существуетъ для общества и если общество имъ довольно, то это лучшая для него аттестація. На обязанности нашей лежитъ лишь указаніе на причины, обусловливающія такое отрадное явленіе, — такое вполне удовлетворительное состояніе гминнаго суда, дѣятельность котораго обставлена условіями, способствующими скорѣе паденію, чѣмъ развитію учрежденія. — Причины эти немногосложны. Первая изъ нихъ заключается въ томъ отношеніи къ гминнымъ судамъ польской интеллигенціи, которое возникло еще до введенія реформы, немедленно по утвержденіи Положенія. Видя въ учрежденіи гминныхъ судовъ первый, дѣйствительный проблескъ самоуправленія, польская интеллигенція вполне сознала всю важность этого перваго опыта и направила всѣ стремленія къ тому, чтобы стать въ уровень съ требованіями, которыя вправѣ заявить общество, жаждущее праваго суда.

Не такими оказались дѣятели гминныхъ судовъ, какими предполагалъ ихъ учредительный комитетъ въ 1864 году; бо-

лѣе трезвое, болѣе спокойное, и болѣе вѣрное отношеніе къ дѣлу обнаружили дѣятели гминной юстиціи. Трудныя преграды предстояло преодолѣть имъ на тернистомъ пути служенія правосудія, но тѣмъ важнѣе ихъ заслуги передъ обществомъ.

Другая, быть можетъ болѣе важная причина успѣшнаго хода судебна-гминнаго института, заключается по нашему мнѣнію въ самомъ типѣ этого суда.

Судъ сельскій, близко стоящій къ населенію, вѣдающій многочисленныя, но немногосложныя интересы сельскаго, аграрнаго быта, долженъ быть иначе организованъ, чѣмъ органы остальной юстиціи. Изъ всѣхъ извѣстныхъ типовъ такого суда, гминный судъ, въ которомъ, въ помощь къ образованному судѣ, принадлежащему всегда къ другому классу, чѣмъ масса сельскаго населенія, придаются члены (лавники), по незначительности требованій образовательнаго ценза могущіе выйти изъ крестьянской среды, представляется намъ самымъ удачнымъ, наиболѣе обезпечивающимъ успѣшный ходъ правосудія. Необходимо устранить тѣ искусственныя стѣсненія, которыми обставлена организація и дѣятельность гминнаго суда; необходимо поставить его въ болѣе нормальныя условія и тогда результаты, къ которымъ приведетъ коллегіальное устройство гминнаго суда, обнаружатся въ несомнѣнно болѣе полной и совершенной степени. Такіе судьи факта, какъ лавники, представляющіе и сами принадлежащіе къ тому населенію, которое болѣе всего нуждается въ судѣ, будутъ всегда охранять правосудіе лучше, чѣмъ всякія регламентаціи закона и самый сильный правительственный надзоръ. Такія лица, проникнувшись въ судѣ сознаніемъ права, будутъ воспитательно вліять на народныя массы и въ самыя темныя стороны народной жизни внесутъ понятіе справедливости, гуманности и милосердія.

Е. Карцевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НОВѢЙШАЯ ПОПЫТКА УПРАЗДНЕНІЯ ПОНЯТІЯ ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦА.

Dr. A. Bolze. Der Begriff der Juristischen Person. Stuttgart 1879.

Нѣтъ такого предмета на земномъ шарѣ, который бы не оспаривался юристами! — воскликнулъ покойный Ферстеръ, въ пылу негодованія на современныхъ ему ученыхъ, пытавшихся упразднить понятіе юридическаго лица. Негодованіе это навлекъ на себя прежде всего Бринцъ, поставившій на мѣсто понятія юридическаго лица, понятіе цѣлеваго имущества. Бринцъ проводитъ ту мысль, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда мы говоримъ о юридическомъ лицѣ, мы имѣемъ передъ собою известное имущество, которое предназначено служить известной цѣли; само оно никому не принадлежитъ; положительное право указываетъ, какой цѣли оно должно служить и ради возможности достиженія этой цѣли приписываетъ ему права. Не требовалось большаго труда доказать неосновательность возрѣній Бринца. Какимъ образомъ, спрашиваетъ Больце, положительное право можетъ приписывать цѣли известные права, какъ формулировать содержаніе нормъ, опредѣляющихъ эти права? Затѣмъ, какимъ образомъ что либо и въ частности право, можетъ принадлежать цѣли? Только лицо является носителемъ правъ; выдавать безсубъектныя права, какъ замѣчаетъ Іерингъ, за права, тоже самое, что выдавать ножъ безъ лезвія за ножъ. Какъ быть спрашиваетъ Дернбургъ, съ такими юридическими лицами, которые хотя и обладаютъ имущественною правоспособностью, но имущества не имѣютъ? Развѣ не всякое имущество, спраши-

ж. гр. и уг. пр. кн. II 1882 г.

ваеть Унгеръ, служить цѣлямъ того лица, которому оно принадлежитъ? Каждое имущество есть цѣлевое. Возраженія посыпались и понынѣ сыпятся на Бринца со всѣхъ сторонъ; онъ остался почти одинокимъ. Послѣдователи его, Беккеръ, Демеліусъ, Шейерль и др. скорѣе схоронили, чѣмъ поддерживали его воззрѣнія; особенно Беккеръ договорился до слѣдующаго абсурда: право, говорить онъ, можетъ принадлежать не только *ad aliquem*, кому либо, но и *ad aliquid*, ради чего либо; что сто талеровъ могутъ принадлежать не только лицу А, В и т. д. но также ради „щенка Тюраса“, „кобылы Белоны“ (т. е. цѣли); отъ имени послѣднихъ можетъ быть веденъ процессъ и т. д. На смѣну Бринцу, на поприщѣ упраздненія юридическаго лица, являлись другіе, съ другими суррогатами, но теорій, принципиально упраздняющихъ понятіе юридическаго лица, не появлялось; одни отрицали юридическую личность корпораціи, другіе—учрежденій, третьи—лежащаго наслѣдства и т. д., четвертые—имѣнія, пользующагося сервитутомъ, пятые—бумагъ на предъявителя, шестые—государственныхъ или общественныхъ должностей и т. д. Въ результатѣ получилось, что юридическихъ лицъ нѣтъ.

Сальковскій считаетъ въ корпораціяхъ субъектомъ правъ—членовъ ея; по его мнѣнію совокупность всѣхъ наличныхъ членовъ, какъ коллективное единство ихъ, противопоставляется членамъ ея, какъ отдѣльнымъ лицамъ; совокупность пріобрѣтаетъ права отдѣльно отъ единицъ, но правовая сфера цѣлаго, прикасается частей его. Но это коллективное единство членовъ корпораціи, говоритъ Сальковскій, есть нѣчто весьма бѣдное юридическими результатами—это абстрактный способъ выраженія, сложившійся и понятный въ обыденной жизни. Юридически, всѣ права корпораціи принадлежатъ физическимъ лицамъ, ее оставляющимъ, но разсматриваемымъ именно въ качествѣ членовъ корпораціи; они являются субъектами правъ и обязанностей корпораціи, насколько они представляются таковыми. Взглядъ Сальковского не былъ принятъ наукою, благодаря очевидной ошибочности. Лица, входящія въ составъ корпораціи, могутъ быть разсматриваемы или въ качествѣ членовъ корпораціи или не

зависимо отъ этого качества, или же въ ихъ соединеніи въ *корпорацию*. Если непременно желательно считать субъектомъ правъ корпорации лицъ, входящихъ въ составъ ея, то уже никакъ нельзя брать ихъ порознь, хотя бы и въ ихъ качества членовъ корпорации, а непременно въ соединеніи, въ совокупности. Что касается лежачаго наслѣдства, то Савиньи считаетъ самымъ естественнымъ взглядъ на него, какъ на имущество, хозяинъ котораго неизвѣстенъ въ настоящее время, но впослѣдствіи станетъ извѣстнымъ. Имущество имѣетъ своего хозяина, но въ нашемъ сознаніи его не имѣется (*in unserem Bewusstsein ist er nicht vorhanden*); право его разсматривается такъ, какъ будто оно возникло въ его лицѣ въ моментъ смерти наслѣдодателя. Словомъ, субъектомъ правъ является наслѣдникъ. Мнѣніе это не стало господствующимъ; возраженія и положительныя воззрѣнія Пухты были приняты. Пухта говоритъ, что субъектомъ является не наслѣдникъ, а юридическое лицо наслѣдодателя, являющееся продолженіемъ личности послѣдняго; имущество подлежитъ такому-же господству этого лица, какому оно подлежало со стороны физической личности умершаго. Далѣе, Цительманъ отрицаетъ юридическую, личность, какъ лежачаго наслѣдства, такъ и учрежденія. Отправною точкою его теоріи является понятіе личности т. е. способности обладать правовою волею. Субъектомъ правъ можетъ быть только обладатель правовой воли; въ лежачемъ наслѣдствѣ и въ учрежденіяхъ, проявляется воля наслѣдодателя и учредителя, слѣд. *они* являются субъектами правъ. Работа Цительмана осталась почти незамѣченной; о принятіи его воззрѣній кѣмъ-либо не можетъ быть и рѣчи. И дѣйствительно, нужно замѣтить, что Цительманъ не отрицаетъ понятіе юридическаго лица принципиально, но считаетъ лишь невозможнымъ примѣнить его къ лежачему наслѣдству и учрежденіямъ. Еслибъ онъ отрицалъ самое понятіе, то естественно долженъ-бы былъ указать на иной субъектъ правъ лежачаго наслѣдства и учреждений; его понятіе юридическаго лица, какъ лица, обладающаго правовою волею, онъ, чтобы быть послѣдовательнымъ, долженъ былъ примѣнить къ этимъ явленіямъ. Послѣдовательность привела

бы его къ тому, что въ лежачемъ наслѣдствѣ и учрежденіяхъ, юридическое лицо есть субъектъ права, а не наслѣдователь и учредитель, т. е. къ господствующему воззрѣнію. Изложенныя нами попытки упраздненія или ограниченія области примѣненія понятія юридическаго лица, не въ силахъ подорвать вѣрность господствующей доктрины, которая признаетъ всѣ три вида юридическихъ лицъ и притомъ только три вида ихъ. Мнѣніе Гейзе и Бекинга, что имѣніе, пользующееся сервитутомъ, мнѣніе Гассе, что должности и бумаги на предъявителя суть юридическія лица, никѣмъ не были приняты. Во всѣхъ этихъ случаяхъ физическое лицо является субъектомъ права.

Въ 1879 году появилось въ Штутгартѣ сочиненіе Больце (юриста-практика), въ которомъ снова возбужденъ вопросъ о понятіи юридическаго лица. Авторъ приходитъ къ тому, что понятіе это безусловно должно быть упразднено; юридическія лица, по его мнѣнію, костыли, на которыхъ ходитъ хромая юриспруденція; здоровый человѣкъ не нуждается въ костыляхъ, здоровая юриспруденція не нуждается въ фикціяхъ вообще и въ юридическихъ лицахъ въ частности.

Считаемъ нелишнимъ, въ сжатомъ очеркѣ ознакомить читателей съ трудомъ Больце, поставившимъ вопросъ на новую почву и идущимъ новымъ, оригинальнымъ путемъ, къ заветной цѣли упомянутыхъ нами знаменитыхъ упразднителей юридическаго лица.

Насколько правовой порядокъ существуетъ не ради самаго себя, настолько-же всякое право несамоцѣльно, а существуетъ ради того, чтобы обезпечить за человѣкомъ его обладанія. Правовой порядокъ упорядочиваетъ отношенія, возникающія между людьми по поводу хозяйственныхъ благъ; эти бытовыя, жизненныя отношенія обращаются въ отношенія юридическія; они складываются сами собою, право ихъ лишь признаетъ. Тѣлесная и духовная неприкосновенность суть блага, присущія человѣку самому по себѣ; они ему не даны правовымъ порядкомъ, напротивъ, человѣкъ имѣетъ право требовать, чтобы правовой порядокъ призналъ и охранилъ эти блага. Точно также

блага, продуцированныя человѣкомъ, не даны ему правовымъ порядкомъ. И тутъ онъ имѣетъ право требовать признанія и охраненія за собою этихъ благъ. Это признаніе и охрана благъ человѣка выражается въ томъ, что произволъ другихъ людей обуздывается, ограничивается. Всѣ вещи годныя, полезныя, необходимыя для человѣка, признаются за обладателемъ ихъ именно въ томъ смыслѣ, что они не признаются за другими; они охраняются въ томъ смыслѣ, что не охраняются за другими. Насколько каждый изъ насъ имѣетъ данное право, настолько другіе не имѣютъ его, или какъ говорить Іерингъ, что я имѣю, того другой не имѣетъ. Можно сказать, что каждое право имѣетъ двѣ существенныя черты: положительную и отрицательную; возможность дѣйствовать—въ лицѣ обладателя, необходимость подчиниться—въ лицѣ другихъ лицъ, опредѣленныхъ или неопредѣленныхъ заранее. Въ обязательственныхъ правахъ лицо, обязанное не нарушать права, опредѣлено, въ вещныхъ—всякое постороннее лицо обязано воздерживаться отъ посягательства, такъ что каждое право есть отношеніе человѣка къ человѣку, людей между собой. Существованіе такъ назыв. непосредственныхъ правъ человѣка на вещи, напр. права собственности, указываетъ только на то, что могутъ быть весьма тѣсныя отношенія лица къ вещи, но тѣмъ не менѣе эти права суть лишь отношенія человѣка къ другимъ людямъ, по поводу вещи.

Если право есть отношеніе людей между собою, то оно касается не только интереса обладателя, но и другихъ людей, общества, всего правового порядка.

Этотъ интересъ правового порядка отражается, между прочимъ, на преемственномъ движеніи правъ. Нельзя сказать, что преемство есть послѣдствіе признанія личнаго авторитета правообладателя, хотя нонечто часто передача права въ интересѣ лица, совершается при его посредствѣ, по его желанію. Но въ переходѣ права заинтересованъ и правовой порядокъ, иногда даже его интересъ преобладаетъ надъ интересомъ правообладателя. Широкая свобода лица въ области хозяйственныхъ отношеній, не даетъ намъ права забывать, что

всякій обладатель права есть членъ общества, въ которомъ онъ живетъ. Переходъ благъ совершается ежедневно, согласно закону, дѣйствующему въ данномъ обществѣ. То обстоятельство, что единичное лицо пріобрѣтаетъ права есть ничто иное, какъ послѣдствіе сожитія его съ другими людьми, подъ господствомъ однихъ и тѣхъ же законовъ. Третьи лица, отъ которыхъ каждый требуетъ признанія своего права собственности, образуютъ, вмѣстѣ съ собственникомъ, общество; это общество вправе требовать отъ каждаго члена, чтобы распредѣленіе благъ, совершенное согласно съ закономъ, было признаваемо.

Далѣе, если право не есть нѣчто, служащее только для квалификаціи личности, если оно касается не только интереса обладателя, но и всего общества, если эта двойственность отражается и на преемствѣ, то при перемѣнѣ субъекта, право, именно въ силу этого, сохраняетъ свое тождество.

По существующему правовому порядку, большинство хозяйственныхъ благъ раздѣлено между отдѣльными лицами. Призваніе на пользованіе ими принадлежитъ каждому изъ нихъ. Такъ какъ поколѣнія смѣняются одно другимъ, то только такой правовой порядокъ можетъ считаться прочно установившимся, который даетъ свободный доступъ въ существующій правовой порядокъ лицамъ, вновь прибывающимъ и идущимъ на смѣну живущимъ; который даетъ имъ возможность пріобрѣтать уже существующія права на блага, уже распределенныя. Еслибы, при переходѣ уже распределенныхъ благъ къ новымъ пріобрѣтателямъ, каждый разъ создавалось новое право, то пришлось бы признать, что каждый разъ необходимо создать новый правовой порядокъ, на новыхъ основаніяхъ. Свобода правообладателя въ измѣненіи своего права, въ распоряженіи имъ, *пока оно находится въ его обладаніи*, можетъ продолжаться весьма долго, но непремѣнно долженъ наступить моментъ, когда оно перейдетъ къ другому лицу, развѣ бы содержаніе права исключало возможность перехода. Понятно, что если оно перешло къ другому, то перешло такимъ, какимъ было въ лицѣ предшественника. Оно, какъ отношеніе

правообладателя къ обществу и его членамъ, застываетъ; смѣняется субъектъ его, смѣняются члены общества—оно остается неизмѣннымъ; оно не измѣняется даже въ томъ случаѣ, когда право переходитъ помимо воли обладателя къ другому лицу, напр., при продажѣ имущества въ силу судебного рѣшенія; нельзя признать, что право на имущество, которое должно быть продано съ публичнаго торга, сначала прекращается, а затѣмъ судъ передаетъ пріобрѣтателю уже новое право.

Нормальными можно считать тѣ случаи, когда право соединяется непосредственно со своимъ субъектомъ. Но верѣдько бываетъ, что право приведено въ связь съ другимъ фактическимъ или юридическимъ отношеніемъ, вступая въ которое, лицо пріобрѣтаетъ право; чтобы сохранить за собою право, лицо должно оставаться въ этомъ фактическомъ или юридическомъ отношеніи. Къ разряду этихъ правъ можно отнести право на сервитутъ, право, основанное на бумагѣ на предъявителя, право, связанное съ извѣстною должностью и другія. Право на сервитутъ принадлежитъ собственнику имѣнія, какъ таковому; онъ можетъ имъ распорядиться по усмотрѣнію, можетъ путемъ договора его измѣнить, можетъ отказаться отъ него, но онъ не можетъ отчудить его третьему лицу, отдѣльно отъ имѣнія,—оно переходитъ къ его преемникамъ. Владѣлецъ бумаги на предъявителя пріобрѣтаетъ съ бумагою право, на ней основанное; онъ теряетъ его съ переходомъ права на бумагу къ другому лицу. Наконецъ, нѣкоторыя гражданскія права связываются съ извѣстною должностью; всякое лицо, занимающее эту должность, пользуется и даннымъ правомъ, конечно, покуда должность имъ занимаетъ. Жизнь создала эти отношенія, важныя хозяйственныя и социальныя причины вызвали ихъ. Постоянная хозяйственная потребность каждаго изъ наличныхъ владѣльцевъ имѣнія, пользующагося сервитутомъ, постоянная надежда государства и предпринимателей на возрастающій притокъ денежныхъ средствъ, достигаемый легкимъ переходомъ бумагъ, постоянная увѣренность, что должность будетъ занята достойнымъ ли-

домъ, суть такіа цѣли, достиженіе коихъ должно быть обезпечено. Соотвѣтственно этимъ цѣлямъ конструируются самыя отношенія; правовой порядокъ ихъ признаетъ и охраняетъ. Характерная особенность ихъ заключается только въ томъ, что они связаны съ другимъ юридическимъ или фактическимъ отношеніемъ. Во всемъ остальномъ они такіа же отношенія, права, какъ и другія. О нихъ можно сказать тоже, что и о всякомъ другомъ правѣ—перемѣна въ субъектѣ т. е. въ лицѣ собственника имѣнія, владѣльца бумаги и должностнаго лица, не нарушаетъ тождества права, связаннаго съ качествомъ этихъ субъектовъ. Тутъ имѣется не субъектъ самостоятельнаго права, тутъ съ перемѣною субъекта даннаго фактическаго или юридическаго отношенія, мѣняется и субъектъ даннаго права. Это не нарушаетъ тождества права. Если правовой порядокъ признаетъ данное право за наличнымъ обладателемъ его, въ силу того, что онъ находится въ данномъ фактическомъ или юридическомъ отношеніи, съ которымъ право связано, то нѣкимъ образомъ нельзя не признавать за другимъ лицомъ, находящимся *въ тѣхъ же самыхъ* фактическихъ или юридическихъ отношеніяхъ, *того же самаго* права. Съ этой точки зрѣнія не представляется необходимости признавать имѣнія, пользующіяся сервитутомъ, бумагу на предъявителя и должностно-юридическими лицами. Фикція эта создана въ виду длящагося характера отношеній при смѣнѣ субъектовъ ихъ. Но такой длящійся характеръ присущъ всякому праву, и всякое право остается, такъ сказать, равнодушнымъ къ смѣнѣ своего субъекта.

При преемствѣ правъ иногда наступаетъ промежуточный періодъ времени, въ теченіи котораго нѣтъ субъекта права. Предшественникъ выбылъ, преемника еще нѣтъ. Это мы видимъ при такъ называемомъ лежачемъ наслѣдствѣ. Нить, соединявшая субъекта съ правомъ его, порвалась; она можетъ быть связана только при вступленіи новаго лица, въ качествѣ субъекта права. Благодаря именно отсутствію субъекта, правовой порядокъ конструируетъ это промежуточное состояніе. Ему

необходимо сдѣлать это. Блага умершаго должны быть охранены; на всѣхъ членовъ общества должна быть возложена обязанность считать блага умершаго чужими, не нарушать ихъ. Общество выработало и крѣпко держится за принципъ наследственности имущества; нормы, направленные на охрану наследства, вытекаютъ непосредственно изъ этого принципа. При жизни наследодателя общество было связано тѣмъ, что онъ обладалъ имуществомъ, оно не смѣло нарушать его правъ. По смерти, въ интересъ будущаго наследника, имущество это должно быть охранено до вступленія наследника. Таковы возрѣнія самого общества—они должны быть признаны правовымъ порядкомъ. Но какъ конструировать это промежуточное состояніе? Кладъ въ основаніе этой конструкции понятіе права въ томъ смыслѣ, какъ оно приписывается человѣку—невозможно по слѣдующимъ основаніямъ. То, что является правомъ по отношенію къ обладателю его, является обязанностью по отношенію къ другимъ людямъ или обществу, причемъ обязанности эти могутъ лежать только на человѣкѣ или обществѣ, по отношенію къ человѣку или обществу. Быть обязаннымъ передъ наследствомъ—это то же, что быть обязаннымъ передъ животнымъ, имѣніемъ. Наследство не состоитъ изъ правъ въ томъ смыслѣ, какъ они приписываются человѣку. Когда издается новый законъ, то, какъ извѣстно, онъ не поражаетъ уже приобретенныхъ правъ. Спрашивается, если измѣняются законы, опредѣляющіе порядокъ наследованія, то чьи права затрагиваетъ законъ? Если право наследника считается приобретеннымъ, то новый законъ его не касается; если не считается таковымъ, то оно обсуживается по новому закону. Пока наследство не принято, завѣщаніе не признано недѣйствительнымъ, условіе, подъ которымъ признанъ наследникъ, не исполнено, нѣтъ приобретенныхъ правъ; законы о порядкѣ наследованія могутъ быть измѣняемы. Но если законъ опредѣляющій, что отнынѣ казна наследуетъ всѣ наследства, еще непринятъ, некасается ничьихъ правъ, то чьи права нарушаются, если выразить этотъ законъ въ другой формѣ: частная собственность всѣхъ умершихъ, наследство коихъ еще не

принято, отходить въ пользу государства. Ни чьи права не нарушаются, оставляя, конечно, въ сторонѣ права кредиторовъ. Ни чьи права вообще, и въ частности *права наслѣдства* не нарушаются. Такъ что о правахъ наслѣдства не можетъ быть рѣчи. Право имѣло лицо, оставившее наслѣдство, права имѣютъ кредиторы, получающіе удовлетвореніе изъ наслѣдства, право имѣетъ наслѣдникъ, принявшій наслѣдство. Если нельзя при конструированіи упомянутого промежуточнаго состоянія исходить изъ понятія права, то какимъ-же образомъ его конструировать? Какъ вообще въ правоотношеніяхъ фигурируютъ живые люди, точно такъ же и въ правоотношеніяхъ, касающихся наслѣдства, фигурируютъ только послѣдніе. Благодаря тому, что имущество лишилось своего субъекта и не приобрѣло новаго, другія люди, члены общества, вступаютъ въ опредѣленные отношенія; существующія отношенія ихъ сохраняются или видоизмѣняются. Правовой порядокъ, не можетъ поставить другое лицо на мѣсто, оказавшееся пустымъ, благодаря тому, что правообладатель выбылъ. Правовой порядокъ, признавъ разъ необходимость охраны чужаго наслѣдства, создаетъ правила, для отношеній членовъ общества между собою или по отношенію къ обществу, по поводу лежащаго наслѣдства; на отдѣльныхъ лицахъ лежатъ и извѣстныя обязанности, но не по отношенію къ наслѣдству, какъ къ чему-то безправому, а къ обществу, правовому порядку; законъ предписываетъ разсматривать имущество, оставленное умершимъ, какъ будто-бы оно принадлежитъ живому лицу. Законъ запрещаетъ присвоивать вещи, входящія въ составъ наслѣдства; законъ предписываетъ, чтобы въ отношеніи къ вѣрителямъ, должникамъ наслѣдства, третьимъ лицамъ, наступили тѣже послѣдствія, какъ будто-бы наслѣдство было имуществомъ живаго человѣка. При этомъ отнюдь не создается субъекта правъ; его невозможно создать, такъ какъ этотъ субъектъ остался-бы безъ правъ; правъ наслѣдство, какъ сказано выше, не имѣетъ; его невозможно создать, такъ какъ право мыслимо лишь между людьми, его нѣтъ надобности создавать, такъ какъ и безъ того наслѣдство

будетъ охранено и обезпечено за наслѣдникомъ. Положеніе, что къ лежащему наслѣдству слѣдуетъ относиться такъ, какъ къ имуществу, якобы имѣющему собственника, на самомъ дѣлѣ несуществующаго, — вполне достаточно для конструирования промежуточнаго состоянія между открытіемъ и принятіемъ наслѣдства. — Изъ того, что наслѣдство не состоитъ изъ правъ, не слѣдуетъ однако выводить, что между правами, принадлежащими наслѣдодателю и правами, принадлежащими наслѣднику, теряется тождество т. е. не слѣдуетъ думать, что изложенный взглядъ на лежащее наслѣдство вызываетъ обстоятельство, противорѣчащее тому общему положенію, что перемѣна въ субъектѣ права не нарушаетъ его тождества. Противорѣчія нѣтъ. Тождество права наслѣдодателя и наслѣдника не нарушается, благодаря наступленію періода исчезновенія ихъ, какъ таковыхъ: когда разорванная по листамъ книга снова сшивается, она остается тою-же книгою; когда развинченные часы снова свинчиваются, они остаются тѣми же часами.

Господствующая доктрина считаетъ и учрежденія юридическими лицами, между тѣмъ, по отношенію къ нимъ слѣдуетъ сказать тоже, что было сказано о лежащемъ наслѣдствѣ т. е., что конструировать это явленіе, положивъ въ основаніе его понятіе права, невозможно.

Учрежденія создаются волею учредителя; послѣдніе предназначаютъ извѣстныя денежные средства и вообще имущество на цѣли благотворительныя, цѣли постоянно достигаемыя и за предѣлами жизни самаго учредителя. Лица, пользующіяся благами учрежденія, хотя иногда, по волѣ учредителя, и имѣютъ права на имущество, лица, управляющія учрежденіемъ, хотя тоже могутъ имѣть ихъ, но разсматривать ихъ какъ субъектовъ имущества учрежденія — нельзя; а они суть единственные лица, близкостоящіе къ учрежденію. Для сохраненія имущества учрежденія вовсе не требуется искать субъекта его. Правовой порядокъ долженъ его охранять также, какъ охраняетъ лежащее наслѣдство. Произвольное присвоеніе его запрещается; имущество это стоитъ въ кругу людскихъ отношеній; эти отношенія регу-

лируются правомъ; они слагаются изъ ряда дѣйствій, благодаря которымъ имущество можетъ стать полезнымъ. Подобно тому, какъ государство, по отношенію къ своему имуществу, должно вступать въ тѣ-же сдѣлки, должно совершать тѣ-же дѣйствія, въ какія вступаютъ, какія совершаются въ мѣновомъ оборотѣ между людьми, такъ и управленію учрежденія должно быть предоставлено право функціонировать въ мѣновомъ оборотѣ. Управление должно покупать, продавать, владѣть и т. д. должно обязываться и обязывать; правовой порядокъ не создалъ для отношеній, въ которыхъ вступаетъ учрежденіе, новыхъ формъ и новыхъ правоотношеній. Въ отношеніяхъ учрежденія къ третьимъ лицамъ, правовой порядокъ связываетъ съ дѣйствіями управленія послѣдствія, подобныя послѣдствіямъ, связываемымъ съ дѣйствіями, совершаемыми обладателемъ частнаго имущества. Но изъ этого не слѣдуетъ, что учрежденіе пріобрѣтаетъ или имѣетъ права; подобно лежащему наслѣдству оно правъ не имѣетъ. Права, повторяемъ, могутъ имѣть только люди. Юридическія послѣдствія тутъ наступаютъ въ силу закона. Законъ охраняетъ то фактическое состояніе, которое соотвѣтствуетъ волѣ учредителя, онъ даетъ управителю тѣ же средства защиты ради учрежденія, которыя предоставлены всякому правообладателю для возстановленія нормальнаго правосостоянія, если оно будетъ нарушено. Для этого нѣтъ надобности въ существованіи правъ учрежденія, — для этого нужны лишь обязанности отдѣльныхъ лицъ по отношенію къ правовому порядку, осуществляемые принудительнымъ путемъ, управленіемъ учрежденія. Если законъ желаетъ, и насколько онъ желаетъ, эти юридическія послѣдствія могутъ быть вполне достигнуты примѣненіемъ нормъ гражданского права. *Механизмъ*, созданный закономъ, остается тотъ-же, несмотря на то, что изъ него выброшено *право лица*. Всѣ права, вещныя и обязательственныя, предполагаютъ извѣстное, опредѣленное, фактическое состояніе. Если состояніе это окажется въ наличности въ пользу обладателя извѣстнаго имущества, то онъ можетъ въ конкретномъ случаѣ виндигировать вещь, требовать уплаты и т. д. Закону приходится, лишь относительно управленія

учрежденія и въ интересѣ послѣдняго, связать съ извѣстнымъ фактическимъ состояніемъ послѣдствія, имѣющія наступить по отношенію къ третьимъ лицамъ и ... учрежденіе гарантировано. Представители учрежденія осуществляютъ чужой интересъ, они отправляютъ тѣ-же функціи, какъ и представители частнаго лица или лицъ, облеченныхъ извѣстною должностію. Общее между ними то, что съ ихъ дѣйствіями связываются послѣдствія, касающіяся непосредственно не ихъ самихъ, а сферы, ими представляемой. Въ связи съ этимъ находится и то, (общая черта съ обладателемъ должности) что различные управители или управленія, завѣдывающіе, одни за другими, учрежденіемъ, представляютъ собою единство. Единство это ограничивается не только тѣмъ, что намъ представляется правомъ—оно касается управительской дѣятельности, насколько съ нею связаны права другихъ людей. То, что третьи лица, вслѣдствіе дѣйствій управленія, могутъ требовать изъ имущества учрежденія, они могутъ требовать не только отъ него, но и отъ управленія его смѣниваемаго. Такъ что не только въ этомъ отношеніи, но и относительно тѣхъ правоотношеній, которые связаны съ имуществомъ учрежденія, въ фивціи юридическаго лица не представляется надобности; юридическая конструкція учреждений ясна и безъ того.

Остается третій изъ общепризнанныхъ видовъ юридическихъ лицъ—личныя единенія, союзы. Сначала слѣдуетъ остановиться на тѣхъ юридическихъ отношеніяхъ, которые близко подходятъ въ этихъ единеніяхъ, союзамъ. Прежде всего, возьмемъ общую собственность. Соотвѣтственно римскимъ воззрѣніямъ, лицо, въ области частныхъ отношеній, не теряло своей самостоятельности, а потому, въ случаѣ общей собственности, римляне считали, что каждый собственникъ имѣетъ свое право на идеальную часть вещи; пріобрѣта право собственности, вмѣстѣ съ другими лицами, лицо, по мнѣнію римлянъ, вступало съ ними въ особое правоотношеніе по поводу собственности; оно пріобрѣтало его, самостоятельно отчуждало, передавало по наслѣдству, непосредственное и вещное, частичное право; соб-

ственники были соединены связью обязательственного характера, имѣющею въ своемъ основаніи соглашеніе. Между тѣмъ, съ современной точки зрѣнія, общая собственность представляетъ соединеніе лицъ, соединенныхъ связью вещнаго характера, такъ что собственность принадлежитъ всѣмъ имъ, взятымъ вмѣстѣ, въ соединеніи; нельзя сказать, что каждый имѣетъ право на идеальную часть, частичное право, всѣ они имѣютъ нераздѣльное право. Тоже мы видимъ въ полномъ товариществѣ; каждый товарищъ имѣетъ не право на идеальную часть товарищескаго имущества, а онъ, вмѣстѣ съ другими товарищами, имѣетъ право на него. Соединяя свои имущественныя средства на общее дѣло, всѣ товарищи вмѣстѣ, въ соединеніи, являются передъ лицомъ публики, пользуются кредитомъ; они приобрѣтаютъ на пользу товарищества. Вполнѣ согласно съ существомъ дѣла, что всѣ правоотношенія ставятся въ непосредственную связь съ неразбитымъ на части товариществомъ. Понятно, само собою, что при такой конструкціи товарищи достигаютъ экономической цѣли своихъ правъ, какъ въ отношеніи къ собственности, такъ и къ другимъ имущественнымъ правоотношеніямъ, возникшимъ при посредствѣ товарищества. Товарищи имѣютъ вмѣстѣ, сообща, вещныя и обязательственныя права, они могутъ, доколѣ совокупное правоотношеніе существуетъ, располагать этими правами, *но только въ формѣ, обусловленной существомъ этого правоотношенія*; во время существованія этого совокупнаго правоотношенія, каждый изъ товарищей извлекаетъ пользу изъ общаго имущества. Выгода распределяется между товарищами согласно товарищескому договору или закону. Каждый отдѣльный товарищъ считаетъ своимъ имуществомъ долю своего участія въ общей выгодѣ. Когда общность прекращается, то никто другой, какъ товарищи, имѣютъ право на имущество товарищества, ибо они имѣли, хотя и въ совокупности, но каждый, свои права на вещи и требованія товарищества. Это право отдѣльнаго товарища на общую вещь, не есть право на чужую вещь; оно является послѣдствіемъ общаго, совокупнаго права, содержаніе коего именно въ томъ и состоитъ, что оно

принадлежитъ всѣмъ товарищамъ вмѣстѣ, но въ пользу, въ выгодахъ каждаго въ отдѣльности. По изложеннымъ основаніямъ могутъ быть конструированы всѣ личныя единенія, которыя считаются юридическими лицами. Юридическую личность тутъ главнымъ образомъ видятъ въ томъ, что имущество, напр., торговаго товарищества, стоитъ отдѣльно отъ имущества товарищей въ томъ смыслѣ, что долги товарища неуплачиваются товариществомъ, товарищъ можетъ быть должникомъ или кредиторомъ товарищества и т. д.; что смѣна субъектовъ, членовъ, если таковая допустима, не разрушаетъ товарищества и т. д. Эти и другіе признаки не даютъ основанія признать въ этихъ случаяхъ существованіе какихъ то фиктивныхъ лицъ. Каждое товарищество организовано сообразно соглашенію товарищей и требованіямъ правоваго порядка; и первое и послѣдній опредѣляютъ совокупное отношеніе товарищей; изъ этихъ правоотношеній уже, между прочимъ, выводится, что имущество товарищества отдѣлено отъ имущества товарищей, что смѣна членовъ не разрушаетъ товарищества и т. д. То, что товарищество напр. не уплачиваетъ долговъ товарища, вытекаетъ изъ того, что долгъ возникъ, благодаря тому, что обязался одинъ товарищъ, а не всѣ они въ совокупности; товарищъ можетъ быть кредиторомъ или должникомъ товарищества, потому что, какъ кредиторъ и должникъ, онъ дѣйствуетъ отдѣльно, несовокупно съ товарищами и т. д. То, что смѣна товарищей не разрушаетъ товарищества, тоже не даетъ намъ возможности признать юридическую личность его. Мы видѣли выше, что имущественное право не разрушается, благодаря смѣнѣ субъекта; тождество права сохраняется — точно также и тутъ: новое лицо вступаетъ на мѣсто выбывшаго и сохраняетъ тоже право.

Обращаясь къ государству, общинѣ, церкви, корпораціи, артели, мы видимъ тоже самое, что видѣли выше. Право этихъ личныхъ союзовъ, единеній, на ихъ имущество, принадлежитъ всѣмъ членамъ, взятымъ въ совокупности, на условіяхъ вытекающихъ изъ существа союза.

Государство или городъ, община, ставятъ себѣ задачей заботиться объ отдѣльныхъ лицахъ такимъ образомъ, чтобы они могли ѣздить, ходить, выгонять скотъ и т. д., чтобы были общественныя дороги и площади, чтобы послѣднія, а равно и общественныя рѣки были годны для пользованія и т. д. Отдѣльныя лица пользуются всѣмъ этимъ иногда при исполненіи своихъ обязанностей по отношенію къ государству, городу, общинѣ, но въ большинствѣ случаевъ ради личныхъ цѣлей. Можно сказать вся совокупность гражданъ, общинниковъ, имѣетъ право собственности на общественныя дороги, рѣки, площади и т. д., и каждый въ отдѣльности имѣетъ право пользованія. (Въ Римѣ, это положеніе было проведено съ полною послѣдовательностью: гражданинъ имѣлъ право иска, если его лишали возможности пользоваться этимъ правомъ). Тутъ право также конструировано, какъ и само государство. Государство—это всѣ граждане въ соединеніи; право собственности государства на государственное имущество есть право собственности всей совокупности гражданъ, какъ государства; каждый отдѣльный гражданинъ пользуется ими. Нельзя сказать, что каждый имѣетъ вещное право въ имуществѣ, принадлежащемъ какому-то юридическому лицу; всѣ они, въ совокупности, какъ государство, имѣютъ право собственности. Государство, какъ соединеніе всѣхъ наличныхъ гражданъ, не слѣдуетъ себѣ представлять, какъ воображаемое единство гражданъ, государство образуютъ наличные граждане, государь и народъ; наличный государь и наличный народъ. Атрибуты государства отличаются дѣющимся, преемственнымъ характеромъ. Эти атрибуты связаны не съ отвлеченнымъ существомъ, единствомъ, а съ наличнымъ составомъ государства. Государство со своими правами, обязанностями, господствомъ, цѣлями, стремленіями, переносится отъ поколѣнія къ поколѣнію. Единство гражданъ не есть нѣчто идеальное, а какъ совокупность наличныхъ гражданъ, есть нѣчто отличное отъ отдѣльныхъ лицъ; но эти послѣднія не суть ни управители, ни представители, ни опекуны другаго лица; они входятъ, какъ части, въ составъ совокупности; интересы ихъ

лежать въ ней, также какъ и права. — Все сказанное о государствѣ примѣняется и ко всякаго рода другимъ корпорациямъ. Такъ, имущество акціонерной компаніи принадлежитъ совокупности наличныхъ акціонеровъ; права, обязанности, дѣли компаніи, связаны не съ отвлеченнымъ существомъ, — они принадлежатъ и продолжаютъ принадлежать совокупности, несмотря на смѣну акціонеровъ; въ любой моментъ наличные акціонеры, всѣ въ совокупности, являются компаніею, обладателемъ имущества.

Государство, чтобы существовать и выполнять свои функціи, требуетъ извѣстнаго круга правъ; ему должно принадлежать имущество; оно вступаетъ въ сдѣлки, собираетъ подати, содержитъ войско и т. д.; кругъ этихъ правъ хотя и касается каждого изъ гражданъ, но непосредственно касается ихъ всѣхъ, взятыхъ въ совокупности. Если эта совокупность имѣетъ свои интересы, если она, какъ таковая, проявляетъ свою дѣятельность даже тогда, когда это противно интересу отдѣльнаго лица, то ничто не мѣшаетъ признать, что кругъ этихъ правъ, принадлежащихъ нераздѣльно гражданамъ, въ ихъ соединеніи, сплоченіи въ государство, отдѣляется рѣзкими чертами отъ круга правъ, принадлежащихъ отдѣльному лицу. Нѣтъ надобности, чтобы права, принадлежащія человѣку, какъ гражданину, совокупно, нераздѣльно съ другими т. е. совокупностью гражданъ, непременно считались принадлежащими каждому гражданину; съ выходомъ изъ государственнаго союза лицо ничего съ собою не уноситъ. Такое разъединеніе правъ совокупности наличныхъ членовъ и правъ отдѣльнаго члена, не даетъ основанія предположить, что совокупность есть отдѣльное, юридическое лицо; права этого лица суть права всѣхъ отдѣльныхъ членовъ въ соединеніи, отдѣльныя отъ правъ, принадлежащихъ лицамъ, какъ единицамъ дѣлаго. Съ другой стороны, нельзя сказать, что совокупность противопоставляется отдѣльному лицу. Отношеніе членовъ къ имуществу совокупности, повидимому, стоитъ на второмъ планѣ, но оно тотчасъ же выступаетъ впередъ, когда, наприм., община раздѣлится, или

нѣсколько общинъ соединятся въ одну. Послѣ заключенія мира, въ силу котораго часть государственной территоріи съ ея населеніемъ, присоединяется къ территоріи побѣдителя, къ послѣднему переходитъ соотвѣтствующая часть государственнаго долга. Когда часть общины выдѣляется и образуетъ собою самостоятельную единицу, то общинная земля дѣлится на части. Еще рѣзче выступаетъ значеніе отдѣльнаго лица въ тѣхъ личныхъ союзахъ, корпораціяхъ, цѣль которыхъ заключается въ извлеченіи имущественныхъ выгодъ. Акціонерная компанія берется за извѣстное предпріятіе ради прибыли акціонеровъ. Отдѣльный акціонеръ, покуда компанія существуетъ, имѣетъ только право участія въ прибыляхъ; распоряженіе имуществомъ остается за совокупностью, организованною уставомъ; отдѣльное лицо можетъ продать свое право, выбытіе его не разрушаетъ компаніи. Совокупность наличныхъ акціонеровъ является обладательницею имущества, собственницею движимаго и недвижимаго имущества; акціонеръ пользуется выгодами этого имущества; доля его участія можетъ быть выражена цифрою. Наконецъ, еще рѣзче выступаютъ на первый планъ члены совокупности въ тѣхъ случаяхъ, когда они осуществляютъ права, принадлежащія самой совокупности. Это мы видимъ въ артельныхъ товариществахъ (*Genossenschaft*). Вообще считается возможнымъ, что право, принадлежащее нѣсколькимъ лицамъ сообща, осуществляется каждымъ отдѣльно. Собственники дома живутъ въ немъ со своими семьями; каждая семья занимаетъ особый этажъ; каждый изъ нихъ отдѣльно осуществляетъ общее право. Осуществленіе и распредѣленіе правъ не идутъ параллельно. Если это возможно по отношеніямъ къ такимъ правамъ, которыя принадлежатъ нѣсколькимъ лицамъ, то не менѣе возможно въ тѣхъ случаяхъ, когда права принадлежатъ многимъ въ совокупности, въ соединеніи, причемъ каждому члену предоставляется осуществленіе его. Словомъ, то обстоятельство, что совокупность представляетъ собою нѣчто отдѣльное отъ членовъ, не даетъ основанія видѣть въ совокупности членовъ и отдѣльныхъ членахъ, нѣчто противоположное одно другому.

Люди соединяются, вступаютъ въ союзы и остаются въ нихъ, ради общихъ цѣлей, достиженіе коихъ невозможно или не столь удобно каждому въ отдѣльности; эти цѣли, какъ цѣли человѣческія, конечно, могутъ быть достигаемы только дѣйствіями людей. Слѣдов. личные союзы, корпораціи, должны дѣйствовать сами, т. е. вся совокупность членовъ, или же они должны быть такъ организованы, чтобы именно такимъ путемъ достигнуть этихъ цѣлей. Въ этомъ смыслѣ говоримъ: *корпорация тѣлесноспособна*. Необходима извѣстная организація, обеспечивающая возможность достиженія этихъ цѣлей, упорядочивающая отношенія органовъ къ совокупности, совокупности къ вѣчно смѣняющимся членамъ. — Какъ по отношенію къ правамъ, такъ точно и по отношенію къ дѣйствіямъ, можно спросить: могутъ-ли люди, направляясь къ одной цѣли, дѣйствовать въ *соединеніи* и *одинъ послѣ другаго*. И то и другое возможно. Что касается возможности дѣйствовать одному послѣ другаго, то она очевидна въ жизненныхъ отношеніяхъ вообще и въ юридическихъ въ частности. Отношеніе остается тѣмъ-же, несмотря на смѣну субъектовъ; въ нашемъ представленіи тождественны вещи и люди, благодаря тому, что мы имѣемъ передъ собою тѣ-же отношенія. Мы говоримъ напр. о четырехъчасовомъ поѣздѣ, какъ будто-бы четырехъчасовой поѣздъ, отправляющійся сегодня, тотъ-же самый, который отправился вчера и отправится завтра; персоналъ, локомотивъ, вагоны, конечно, не тѣ-же самые, но функція та-же; говоря о почтальонѣ, газетчикѣ, сторожѣ, мы оставляемъ въ сторонѣ индивидуальность и имѣемъ въ виду тождество функціи. Это естественное воззрѣніе проявляется и въ области права. Преемникъ въ данной должности, продолжаетъ дѣйствіе своего предшественника; несмотря на преемство, тутъ имѣется одно и то-же дѣйствіе; то-же самое мы видимъ въ дѣйствіяхъ корпораціи. Точно также вполне естественно, что люди могутъ дѣйствовать совмѣстно; они сами становятся въ извѣстныя отношенія другъ къ другу и ставятъ себѣ общую цѣль. Въ соединеніи люди дѣйствуютъ иначе, чѣмъ въ одиночку; является иной результатъ ихъ дѣйствій; чтобы явил-

ся такой результатъ, они должны дѣйствовать вмѣстѣ. Это соединеніе нельзя игнорировать, ни по отношенію къ правамъ, ни по отношенію къ дѣйствіямъ. Насколько несомнѣнно, что права, принадлежащія совокупности лицъ, какъ таковой, имѣютъ иное отношеніе къ послѣднимъ, чѣмъ если бы права эти относились къ этимъ лицамъ непосредственно, настолько-же внѣ сомнѣнія, что дѣйствія людей различны, смотря потому находятся они въ соединеніи или нѣтъ. Въ совокупности, напр. воля лица никогда никѣмъ не подавляется, никому не подчиняется. Совокупность же требуетъ, чтобы разногласія, возможные внутри ея, были или примирены или же преодолены. Вполнѣ согласная воля всѣхъ членовъ корпораціи есть воля самой корпораціи; если же согласія нѣтъ—воля большинства считается волею корпораціи; меньшинство подавляется, подчиняется.

Большія массы людей, если они призываются къ дѣятельности, не могутъ дѣйствовать безъ опредѣленнаго плана, опредѣленнаго порядка. Но невозможно, чтобы всѣ дѣйствія, приписываемыя этимъ массамъ, исходили отъ нихъ непосредственно: предметы дѣятельности корпораціи распредѣляются между общимъ собраніемъ, рѣшающимъ болѣе общіе, главные вопросы и правленіемъ, исполнительнымъ органомъ или управителемъ. Начало раздѣленія труда неизбѣжно примѣняется къ корпораціямъ. Если соединить дѣйствія отдѣльныхъ членовъ корпораціи, направленныхъ къ общей цѣли, то получимъ одно совокупное дѣйствіе, комплексъ дѣйствій, направленныхъ къ одной цѣли. Но этимъ неисключается возможность и необходимость приписывать отдѣльные моменты этого совокупнаго дѣйствія ихъ виновникамъ. Въ жизни, отдѣльное дѣйствіе выступаетъ столь рельефно на первый планъ, что необходимо тщательное изслѣдованіе связи однородныхъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ съ общею причиною, связи цѣли отдѣльнаго дѣйствія съ общею цѣлью. Дѣятельность суда, прокуратуры, полиціи, имѣетъ одну опредѣленную, общую цѣль; каждое отдѣльное дѣйствіе ихъ согласуется съ общею цѣлью; всѣми ихъ

дѣйствіями, согласными съ этою цѣлью (совокупность ихъ дѣйствій), общая цѣль достигается. Отношеніе отдѣльнаго дѣйствія лица къ совокупности заключается въ томъ, что лицо дѣйствуетъ, какъ членъ сложнаго организма. Причинная связь, въ которую поставлены отдѣльныя дѣйствующія лица къ общей цѣли, взаимодѣйствіе, въ которомъ находятся отдѣльныя дѣйствія между собою и съ совокупностью — характеризуютъ собою совокупное дѣйствіе. Подобно тому, какъ члены нашего тѣла являются орудіями, средствами поддержанія, существованія организма, такъ точно и отдѣльныя лица суть органы корпорации, благодаря которымъ послѣдняя достигаетъ своей цѣли. Дѣйствія этихъ органовъ совершаются отъ имени совокупности, юридическая сила ихъ дѣйствій переносится на совокупность, если они дѣйствовали въ предѣлахъ власти, предоставленной имъ правовымъ порядкомъ союза, корпорации. Они являются представителями не одного фиктивного, юридического лица, а всѣхъ членовъ союза, въ ихъ совокупности, представителями совокупности.

Правовой порядокъ личнаго союза слагается изъ нормъ, опредѣляющихъ внутренній строй его; имъ опредѣляется: какъ общее собраніе членовъ постановляетъ рѣшенія, какъ управляются дѣла союза, какіе органы могутъ дѣйствовать отъ имени его, какъ поступаютъ новіе члены, насколько тѣсно они связаны съ союзомъ, какъ и насколько они могутъ выступить изъ союза, какія права они имѣютъ на имущество, въ какомъ отношеніи находится право совокупности къ праву отдѣльныхъ членовъ, является-ли право члена на имущество союза отчуждаемымъ или переходящимъ по наслѣдству, или оно остается за наличными членами. Существеннымъ моментомъ въ правовомъ порядкѣ союза является цѣль его, но, конечно, не сама по себѣ, а насколько ею опредѣляется внутренній юридическій строй союза. Какъ цѣль, такъ и правовой порядокъ союза, могутъ быть чрезвычайно разнообразны. Такъ, подъ понятіе корпоративнаго союза подойдутъ: государство, церковь, община, всевозможныя благотворительныя, ученыя, хозяйственныя и др. общества, артели и т. п. Но нельзя сказать, что толь-

ко правовой порядокъ cadaго отдѣльнаго союза, опредѣляетъ строй его: нѣкоторые союзы являются низшими по отношенію къ другимъ, высшимъ и правовой порядокъ послѣднихъ опредѣляетъ тѣ или другія стороны внутренняго быта первыхъ; напр., вопросъ о судьбѣ имущества, прекратившагося союза. Правовой порядокъ союза опредѣляетъ собою одну внутреннюю сторону его жизни, но одною внутреннею стороною не исчерпывается жизнь союза: онъ, какъ совокупность, вступаетъ въ отношенія съ третьими, сторонними лицами; лица эти вступаютъ съ нимъ въ отношенія, именно какъ съ совокупностью, они признають его таковою. Спрашивается, понимается-ли само собою, что корпорація, совокупность, являясь таковою съ внутренней стороны, является таковою-же со стороны внѣшней? (прежде этотъ вопросъ ставился такъ: необходимо-ли разрѣшеніе государства для возникновенія юридическаго лица). Необходимо разрѣшеніе со стороны государства, необходимо, чтобы союзъ лицъ былъ признанъ корпоративнымъ союзомъ; недостаточно, что всѣ отдѣльные члены желаютъ создать корпорацію; необходимо, чтобы воля эта была признана правомъ, — была волею правовою. • \

О. Р.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ал. Савельевъ — Юридическія отношенія между супругами по законамъ и обычаямъ великорусскаго народа. Нижній-Новгородъ. 1881 г. стр. 91.

Избранная авторомъ тема весьма сложна и обширна; тщательная научная разработка ея дала-бы въ результатъ весьма объемистое сочиненіе. Между тѣмъ г. Савельевъ посвятилъ ей 91 страницу разгонистой печати, причемъ не ограничился догматическою стороною вопроса, а отвелъ, сравнительно, много мѣста исторіи законодательства; благодаря такому расширенію темы, авторъ о каждомъ частномъ вопросѣ говоритъ весьма немного; строго - научнаго анализа, уже по самому объему работы, напрасно стали-бы искать. Послѣ трудовъ Оршанскаго, Пахмана, Горчакова и др. къ изслѣдованіямъ брачнаго права слѣдуетъ предъявлять болѣе строгія требованія, чѣмъ прежде. Названнымъ ученымъ пришлось обрабатывать новъ; благодаря ихъ трудамъ задачи послѣдующихъ изслѣдователей измѣнились; измѣнилась, сообразно съ тѣмъ, и задача критики. Отъ изслѣдователя требуется не только знакомство съ трудами предшественниковъ и тѣмъ матеріаломъ, надъ которымъ они оперировали, но и новое научное освѣщеніе этого матеріала, новая аргументація и т. п. Книжка г-на Савельева, какъ мы постараемся доказать, не можетъ удовлетворить самага снисходительнаго критика.

Что такое семья, съ какимъ характеромъ этотъ институтъ представляется намъ по воззрѣнiямъ народа? Этотъ вопросъ долженъ стоять во главѣ изслѣдованiя о семейныхъ правахъ вообще, или юридическихъ отношенiяхъ между супругами по обычаямъ и закону велико-россiйскаго народа, въ частности. Г. Савельевъ приходитъ къ тому, что „крестьянской семьѣ присущъ (стр. 46), во всякомъ случаѣ, характеръ артели, съ тѣми лишь измѣненiями, которыя вносятъ въ нее влiянiе элемента родственнаго.“ При этомъ онъ ссылается на статьи Оршанскаго, г. Ефименко, г. Матвѣева. Послѣднiе выводы наиболѣе яркаго представителя артельной теорiи уже отмѣчена (Пахманъ. Обычн. право II, 6—24 Матвѣевъ. Рецензiя на книгу Пахмана. Журн. гр. и уг. пр. 1880 г. № 4, стр. 173) и во всякомъ случаѣ теорiя эта не получила дальнѣйшаго прочнаго распространенiя. Даже г. Матвѣевъ, придерживавшiйся ея раньше, склоняется, въ толькo что указанной рецензiи, къ мнѣнiю проф. Пахмана. Наконецъ, если ужъ теорiю артели и поддерживать, то не такими, болѣе чѣмъ легковѣсными доводами, какъ это дѣлаетъ авторъ. Онъ ссылается на двѣ статьи г. Ефименко, изъ которыхъ беретъ два слѣдующiя мѣста: въ наслѣдствѣ, напр., далеко не всегда принимается въ соображенiе близость родства, по отношенiю къ пасынкамъ и другимъ лицамъ, несвязаннымъ кровнымъ родствомъ съ наслѣдователемъ. Мы попросимъ автора заглянуть на стр. 320 и слѣд. II т. Обыч. пр. Пахмана, гдѣ приведены выписки, и далеко немалочисленныя, изъ рѣшенiй волостныхъ судовъ. На второй же доводъ автора, взятый изъ статьи опять г. Ефименко, что женщина въ большинствѣ случаевъ входитъ въ семью какъ трудовая рабочая сила, мы имѣемъ точно также совершенно противоположныя свидѣтельства (Пах. II, 29, 63—67). Что же касается до ссылки на авторитетъ Макэнзи Уоллэси, изъ сочиненiя котораго о Россiи, авторъ сдѣлалъ выписки въ цѣлую страницу (45), то пользоваться *фактами*, сообщаемыми иностранцемъ, хотя бы и пожившимъ въ Россiи, мы еще понимаемъ, но принимать на вѣру выводы

автора, для юридическаго сочиненія представляется намъ, по меньшей мѣрѣ, рискованнымъ.

Но, вообще, наше народно-обычное право является настолько еще необслѣдованнымъ, что приходится къ столь рѣшительнымъ выводамъ, какъ это дѣлается въ названномъ сочиненіи и подерѣплять ихъ такими доводами—крайне неосмотрительно.

Замѣчательно, что въ своей теоріи артели и самъ авторъ далеко не послѣдователенъ. „Хотя, говорится на 70--71 стр., въ те-перешнемъ крестьянскомъ обществѣ тоже существуетъ понятіе главенства мужа въ семьѣ, но оно основано на соображеніяхъ практическихъ, на *преимущественной физической силѣ мужа*, на большей его полезности, и большемъ значеніи въ хозяйственномъ быту“. Какимъ образомъ, спрашивается, согласить это очевидное противорѣчіе, когда по артельной теоріи власть главы обуславливается лишь общностью хозяйства и потому, самъ домохозяинъ, не исключая отца или матери семьи, есть не болѣе какъ распорядитель общаго хозяйства, какъ бы на правахъ артельного старосты? Самъ авторъ незамѣтно для себя выдвинулъ элементъ власти на первый планъ, между тѣмъ какъ, если даже онъ и допускаетъ вліяніе на артельный характеръ семьи, то развѣ лишь элемента родственнаго (стр. 46). Далѣе, на стр. 84 находимъ, что въ смыслѣ имущественныхъ отношеній супруговъ, въ крестьянскомъ великороссійскомъ быту, хотя и замѣчается раздѣльность имущества, но рядомъ съ нею замѣтно вліяніе общности хозяйственныхъ интересовъ семьи и существованіе общности имущества. Но если, спросимъ, признано существованіе раздѣльности имущества, хотя-бы и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, то какимъ образомъ допустимо представлять какъ общій принципъ — артельный характеръ семьи?

Если-бы авторъ былъ болѣе внимателенъ къ литературѣ по обычному праву, то избѣжалъ бы, помимо названныхъ, и другихъ противорѣчій, которыя будутъ сейчасъ нами указаны. Немного странно, что авторъ знакомъ съ Оршанскимъ

лишь только по первой его книгѣ (Исслѣд. по сем. праву и наслѣдств. 77 г.), другая же, новѣйшая (Исслѣд. по обычному и брачному праву 79 г.) ему совсѣмъ, какъ замѣтно, неизвѣстна. Незнакомо ему и изслѣдованіе проф. Азаревича (Журн. гр. и уг. пр. 1880 д. № 5—6). Оршанскій и Азаревичъ весьма наглядно изобразили ту борьбу новыхъ началъ со старыми, ту двойственность, которая замѣчается въ современномъ быту крестьянъ и которою объясняются нѣкоторыя противорѣчія разбираемаго сочиненія. Напр. на стр. 38 авторъ говоритъ: „вообще, при заключеніи договора о вступленіи въ бракъ необходимо согласіе брачующихся (обычай крестьянъ) но, въ *большинствѣ случаевъ*, браки заключаются родителями брачующихся; дѣти-же выходятъ даже иногда противъ своего желанія“... Очевидно, противорѣчіе на первый взглядъ необъяснимое, устраняется вышепозваннымъ объясненіемъ. И нельзя не сказать, что во всемъ изложеніи автора проглядываетъ какая-то неустойчивость въ этомъ отношеніи.

Не недостаточное знакомство съ литературой приводитъ его даже и къ сильнымъ промахамъ. Съ тономъ полнымъ авторитета, авторъ на стр. 11, а затѣмъ и на 29, повторяетъ, что оглашеніе, входящее и теперь въ составъ заключенія брака, производилось и *прежде, въ до-петровскій періодъ*. Оно появилось лишь въ XVII вѣкѣ, вмѣстѣ съ Кормчей, такъ какъ 50-я глава, въ которой оно заключается, была отпечатана вмѣстѣ съ Кормчей въ 1649—1653 г., раньше же оглашеніе потому не могло быть извѣстно, что заимствовано съ запада и переведено на слав. языкъ около половины XVII вѣка, вмѣстѣ съ 50 главой,—но какимъ образомъ оно могло быть извѣстнымъ, когда Петръ вступилъ на престолъ въ 1689 г.? Оглашеніе, актъ гражданскаго происхожденія, даже въ западной Европѣ, введено церковно-обязательнымъ Н. Латеранскимъ соборомъ лишь въ 1216 г. (Encyclop. Erschu. Gruber. Bd. 31, 306. Горчаковъ „О тайнѣ супружества“ 314). Затѣмъ, на стр. 11 авторъ утверждаетъ, что „въ теченіи всего до-петровскаго періода церковь ратовала за заключеніе браковъ съ церковнымъ благословеніемъ и, въ

концѣ концовъ, подчинила ихъ себѣ. *Вслѣдствіе* этого появляются т. н. „вѣчные памяти или знамя“. Почему-же *вслѣдствіе* этого? Кажется правильнѣе было бы отнести происхожденіе „вѣчныхъ памятей“ къ тому обстоятельству, что первоначально совершителемъ брака являлся самъ епископъ, *впослѣдствіи* же, такъ какъ опредѣленнаго совершителя не было, то онъ опредѣлялся епископомъ каждый разъ отдѣльною „вѣчною памятью“, (Горчаковъ. „О тайнѣ супружества“ стр. 308). Авторъ, какъ видно, незнакомъ непосредственно съ трудомъ профъ Горчакова, — онъ счелъ достаточнымъ для себя ограничиться прочтеніемъ только рецензіи г. Соловьева, въ Юридическомъ Вѣстникѣ 1881 г. № 3, на что находимъ ссылку на стр. 40.

Крайне поверхностно отношеніе автора и къ сенатской практикѣ. Что касается до личныхъ отношеній супруговъ, то, по мнѣнію автора, сенатъ выставилъ общимъ правиломъ, что судъ можетъ принудить мужа давать содержаніе женѣ лишь при совмѣстномъ ихъ сожителствѣ (стр. 65). Дѣйствительно, это было такъ первоначально, но *впослѣдствіи* (см. Боровиковскій, Гражд. зак. стр. 21) сенатомъ разъяснено, что женѣ можетъ быть присуждено содержаніе, если она не живетъ съ мужемъ по его винѣ (кас. рѣш. 1876 г. № 41). Но выдача содержанія не можетъ быть присуждена, — коль скоро мужъ заявляетъ желаніе, чтобы жена возвратилась къ нему (кас. рѣш. 1873 г. № 1385). Мы нарочно привели оба рѣшенія, такъ какъ у автора они отсутствуютъ.

Тоже находимъ и въ главѣ, трагующей объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ. „По толкованію сената, утверждаетъ авторъ (стр. 79), который бы изъ супруговъ не нанималъ квартиру, имущество, находящееся въ ней, должно считаться общимъ и доказательства на принадлежность той или другой вещи должны быть представлены особо“. Между тѣмъ, въ 1880 г. за № 122 (Боровиковскій, стр. 22) сенатъ высказалъ слѣдующее мнѣніе: „въ случаѣ смерти одного изъ супруговъ, охранительной описи можетъ быть подвергнуто только его имущество, а не вся движимость, находящаяся въ

общей квартирѣ супругов; къ этому случаю не можетъ имѣть примѣненія 976 ст. уст. гр. суд., предусматривающая исключительно случай взысканія съ одного изъ супругов“. И затѣмъ, въ 1874 г. за № 377, „Имущество жены можетъ отвѣчать за долги мужа — только въ случаѣ объявленія мужа должникомъ несостоятельнымъ“. На той же страницѣ авторъ и самъ сомнѣвается въ возможности толковать законъ въ пользу общности, но для этого предположенія слѣдовало только тщательно просмотрѣть кассационную практику.

Нѣсколько странно авторъ относится и къ сочиненіямъ, которыя находились у него подъ рукой. Напр., „вообще, говорится на стр. 84, имущество семьи считается общимъ, принадлежащимъ супругамъ“, причемъ дѣлается ссылка на сочиненіе проф. Пахмана. Между тѣмъ, проф. Пахманъ, на стр. 114, констатируетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оно общее, а затѣмъ на 117, что въ другихъ опять раздѣльное, такъ что предпочтенія не отдается ни одному началу. За одно укажемъ на то курьезное обстоятельство, что хотя авторъ и озаглавилъ свое сочиненіе „О юридическихъ отношеніяхъ между супругами по законамъ и обычаямъ великорусскаго народа“, но на дѣлѣ оказывается, что къ Великороссіи онъ причисляетъ Малороссію (стр. 32), Подольскую губернію, Донъ (стр. 33), Бѣлоруссію (стр. 40), Югозападную Россію (стр. 49).

Внутреннихъ противорѣчій въ книгѣ великое множество; напр., „общность имущества, говорится на той же 84 стр., вытекаетъ изъ понятія крестьянъ о семьѣ, какъ хозяйственной единицѣ, въ которой распоряженіе общими дѣлами принадлежитъ старшему или болѣе способному члену“. Но, да позволено будетъ спросить, какимъ образомъ, въ такомъ случаѣ, согласить увѣреніе автора, что принципъ раздѣльности имущества существовалъ уже въ древней жизни и получилъ затѣмъ дальнѣйшее развитіе? Одно изъ двухъ — или раздѣльность имущества, или артельный принципъ, но соглашаться съ тѣмъ и другимъ затруднительно.

На стр. 4 говорится, что втеченіи всего до - петровскаго періода, церковь продолжая борьбу противъ заключенія бра-

ковъ помимо церковнаго вѣнчанія, подъ конецъ добилась своего—подчинила его себѣ. Но затѣмъ, стр. 40 увѣряетъ уже насъ, что только лишь съ XVIII вѣка начинается вліяніе на заключеніе брака каноническихъ правилъ или, даже, неканоническихъ правилъ, а духовенства? Далѣе, стр. 12: „первобытные способы заключенія брака (похищеніемъ и покупкою) имѣли результатомъ полное подчиненіе личности жены мужу“; на стр. же 18: „съ другой стороны, личныя отношенія мужа и жены, будучи въ самый древнѣйшій періодъ болѣе или менѣе свободными, ко времени Петра получаютъ и т. д.“. На стр. 27 говорится: „уже ко времени Петра начинается созрѣвать убѣжденіе въ необходимости оградить личность жены отъ произвола мужа“; а на стр. 53: „со времени Петра, жена и дѣти, въ ихъ личныхъ отношеніяхъ къ мужу и отцу, сдѣлались совершенно безправны.“

Наконецъ, на стр. 25, говоря о женщинахъ въ древнюю эпоху, что онѣ были существами совершенно безличными, авторъ продолжаетъ: „правда, онѣ, будучи похищены или куплены, подчинялись мужу, но не какъ существа совершенно безправныя, а напротивъ, только какъ болѣе слабый членъ общества—сильнѣйшему.“

Необходимый параллелизмъ при изложеніи писаннаго закона и обычнаго права, авторомъ не выдержанъ: при перечисленіи условій дѣйствительности брака, мы не находимъ указанія на возрѣнія народа относительно вступленія въ бракъ, при существованіи нерасторгнутаго; такъ-же и на счетъ возраста.

По мнѣнію автора, въ высшихъ судебныхъ учрежденіяхъ и, вообще, въ правительствѣ, взглядъ на бракъ, какъ на исключительно религіозный институтъ, начиная съ 18 ст., упрочился и остался послѣдовательнымъ; между тѣмъ, есть данныя, удостоверяющія, что усвоенная кассационнымъ сенатомъ доктрина не всегда раздѣлялась нашими высшими государственными учрежденіями; существуетъ мнѣніе Государственнаго Совѣта отъ 26 марта 1819 г., изъ котораго видно, что бракъ есть не только религіозный, но и гражданскій институтъ; далѣе,

мнѣніе отъ 4 іюня 1836 г. (Оршанскій. Исслѣдов. по общ. праву. 79 г. стр. 288—289). Помимо полноты, упомянуть объ этомъ было-бы весьма кстати въ виду будущей судьбы нашего брачнаго права; тѣмъ болѣе, что авторъ высказывается въ пользу гражданскаго элемента брака.

Подведя итоги всему сказанному, заключаемъ: неосторожное въ обращеніи съ матеріаломъ, поверхностное, наконецъ туманное настолько, что нельзя себѣ составить вѣрнаго представленія объ юридическихъ обычаяхъ крестьянъ, небрежное сочиненіе разбираемаго нами автора, затруднительно рекомендовать тому, кто пожелалъ бы въ живомъ, ясномъ, точномъ очеркѣ, ознакомиться съ юридическими отношеніями великорусскаго народа между супругами, по обычаямъ и закону.

В. Адамовичъ.

I.

СИСТЕМАТИЗИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

КЪ ЖУРНАЛУ ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА

за 1881 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И СУДОПРОИЗВОДСТВО

- 1) Очеркъ системы приобрѣтенныхъ правъ. Фердинанда Лассаля. **М. Моргулиса.** Кн. 6.
- 2) О естественныхъ обязательствахъ въ гражданскомъ правѣ. **А. Евецкаго.** Кн. 2.
- 3) О лихвѣ. **А. Пестржецкаго.** Кн. 4, 5.
- 4) Товарищества на вѣрѣ по русскому и иностранному торговому праву. **А. Тютрюмова.** Кн. 3.
- 5) О подсудности гражданскихъ дѣлъ крестьянъ. **Г. Вербловскаго.** Кн. 4, 5.
- 6) О нотаріально-явочныхъ обязанностяхъ мировыхъ судей. **А. Лонгинова.** Кн. 1.
- 7) Прокураторія въ царствѣ польскомъ. **Н. Рейнке.** Кн. 6.

ОТДѢЛЪ II.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И СУДОПРОИЗВОДСТВО.

- 1) Происхожденіе воинскихъ артикуловъ и изображенія процессовъ Петра Великаго, по воинскому уставу 1716 года. **П. Вобровскаго.** Кн. 3.

2) Ссылка и высылка, какъ уголовное наказаніе. **Н. Таганцева.** Кн. 4.

3) О тѣлесныхъ поврежденіяхъ, преслѣдуемыхъ лишь по жалобѣ потерпѣвшаго (къ гл. 3, разд. X ул. о нак). **А. фонъ-Резона.** Кн. 3.

4) Характеристика военного процесса и главнѣйшія системы военного права въ западной Европѣ, въ началѣ XVIII вѣка. **П. Бобровскаго.** Кн. 2.

5) О недостаткахъ слѣдственной части по судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 года. **Н. Харизоменова.** Кн. 2.

6) Урядники и институтъ сельской полиціи. **К. Анциосова.** Кн. 1.

7) Судебный слѣдователь по судебнымъ уставамъ и въ дѣйствительности. **Н. Т.** Кн. 3, 4.

8) Объ обвинительныхъ камерахъ. **А. Лонгинова.** Кн. 3.

9) Къ вопросу о судѣ присяжныхъ (о временной особой подсудности преступленій противъ порядка управленія, по закону 9 мая 1878 года. **Н. Муравьева.** Кн. 2.

ОТДѢЛЪ III.

СУДОУСТРОЙСТВО.

1) О прусскихъ судахъ. **А. фонъ-Резона.** Кн. 5, 6.

2) О международномъ третейскомъ судѣ. **Н. Храбро-Василевскаго.** Кн. 2.

ОТДѢЛЪ IV.

СТАТЬИ ОБЩАГО ХАРАКТЕРА.

1) О задачахъ и цѣляхъ нашихъ юридическихъ обществъ и отношеніи ихъ къ судебной реформѣ. **А. Кистяковскаго.** Кн. 1.

2) Судьбы привилегированныхъ и непривилегированныхъ юристовъ (къ статистикѣ юридическаго образованія въ Россіи съ 1863 г. **Н. Ренненкампа.** Кн. 1.

ОТДѢЛЪ V.

Замѣтки.

По гражданскому праву и судопроизводству.

- 1) О наслѣдованіи по законамъ царства Польскаго кн. 5.
2) О порядкѣ производства въ окружномъ судѣ дѣлъ по спору о подлогѣ, заявленному у мирового судьи **В. Иванова**. кн. 6.

3) Практическія замѣтки по вопросамъ гражданского права и судопроизводства: 1) примѣненіе 9 ст. Высочайше утвержденныхъ правилъ 27 іюня 1867 г., на практикѣ. 2) Какое значеніе имѣетъ постановленіе прежняго судебного мѣста, о вводѣ во владѣніе, при неимѣніи у владѣльца крѣпостнаго акта? 3) Обязаны ли были нотаріусы и маклера, дѣйствовавшіе до введенія нотаріальнаго положенія, удостовѣряться въ правоспособности лицъ, являющихъ акты къ засвидѣтельствуванію? 4) Имѣютъ ли право, въ западномъ краѣ, лица польскаго происхожденія, на основаніи 2 прим. къ 773 и 1028 ст. 1 ч. X т. принимать въ залогъ помѣщичьи имѣнія? 5) Согласно 1554, 1573. и 1583 ст. 1 ч. X т. неустойка допускается только въ видѣ обезпеченія договоровъ и въ подкрѣпленіе ихъ силы, неустойка же направленная къ разрѣшенію силы обязательства, непокровительствуется нашими законами. 6) Можетъ ли третейскій судъ, на основаніи 1368 ст. у. г. с. разрѣшать споры о правѣ собственности на движимое имущество и признавать таковое право за лицомъ, неимѣющимъ никакихъ актовъ укрѣпленія? **К. Змирлова**. Кн. 1.

4) Практическія замѣтки по вопросамъ гражданского права и судопроизводства: 1) Имѣетъ ли право, на основаніи 19 ст. уст. гражд. суд. и 282 ст. 1 ч. X т., отъ имени малолѣтняго искать и отвѣчать на судѣ, одинъ изъ опекуновъ послѣдняго, безъ вѣдома и участія другихъ? 2) Имѣетъ ли право, согласно 245 ст. уст. гр. суд. т. X, ч. 2 изд. 1876 г. 383 и 384 ст. учр. суд. устан. (1077 и 1078 ст.

ж. гр. и уг. пр. кн. II 1882 г

общ. губ. учр. т. II, ч. 1, изд. 1876 г.), присяжный повѣренный округа одной палаты, заниматься постояннымъ веденіемъ гражданскихъ дѣлъ въ округѣ другой палаты? 3) Имѣеть ли право окружный судъ, по дѣламъ, производящимся порядкомъ сокращеннаго судопроизводства, за неявкою обѣихъ сторонъ въ день словеснаго состязанія, объявлять о прекращеніи дѣла, согласно 358 ст. уст. гр. суд., или же обязанъ, согласно 3 п. 718 ст. того же устава, исключить дѣло изъ очереди? 4) Имѣютъ ли право неграмотные повѣренные, въ виду 1 п. 246 ст. уст. гр. суд., передовѣрять свое полномочіе на веденіе дѣла другому грамотному лицу, совмѣщающему въ себѣ всѣ условія для производства и защиты дѣла въ судѣ? 5) Можно ли признать, въ виду 1 п. 1259 ст. 1 ч. X т., что долги наслѣдователя непользуются правомъ преимущественнаго удовлетворенія изъ имущества послѣдняго, предъ личными долгами наслѣдника? 6) Если въ исполнительномъ листѣ о взысканіи съ двухъ лицъ определенной суммы, не указана доля отвѣтственности каждаго изъ нихъ, то является ли, согласно 931 ст. уст. гр. суд., отвѣтственность ихъ солидарною предъ взыскателемъ? 7) Имѣеть ли примѣненіе 959 ст. уст. гр. суд. къ тѣмъ случаямъ, когда приводится въ исполненіе рѣшеніе суда объ изъятіи изъ владѣнія отвѣтчика имущества, принадлежащаго истцу? 8) Можетъ ли, само по себѣ, постановленіе суда о раздѣлѣ наслѣдственнаго недвижимаго имѣнія, служить для наслѣдниковъ, въ виду 1419 и 1420 ст. уст. гр. суд., актомъ укрѣпленія, замѣняющимъ раздѣльную запись? 9) Могутъ ли быть свидѣтелями на домашнемъ духовномъ завѣщаніи лица неграмотныя? 10) Какимъ порядкомъ должны быть совершаемы акты о переуступкѣ чиншевыхъ правъ отъ одного лица другому? 11) Могутъ ли подлежать публичной продажѣ въ порядкѣ, указанномъ 1094—1208 ст. уст. гр. суд., дома, выстроенные на чужой землѣ, состоящей въ арендѣ у собственника дома? К. Змирова. Кн. 3.

ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ И СУДОПРОИЗВОДСТВУ

- 1) Психіатрическіе этюды **П. К.** Кн. 1.
- 2) Эпилепсія и аффектъ (судебно-психіатрическій этюд) **П. Ковалевскаго.** Кн. 5.
- 3) О примѣненіи ст. 97 и 98 уст. уголовн. судопр. **П. Лякуба.** Кн. 5.
- 4) Совмѣстимо ли добровольное пополненіе растраты съ отрицаніемъ виновности? **Л. Городыскаго.** Кн. 6.
- 5) Полагается ли срокъ административному аресту? Кн. 2.
- 6) Первый съѣздъ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній (кор. жур. гражд. и уг. права) Кн. 6.
- 7) Одна изъ причинъ медленности производства по уголовнымъ дѣламъ **Н. Г—съ.** Кн. 1.
- 8) Реформа предварительнаго слѣдствія. **В. Володимірова.** Кн. 1.
- 9) Двѣ замѣтки по поводу статьи г. Мальчевскаго: О мѣрахъ къ устраненію главнѣйшихъ недостатковъ слѣдственной части гг. **Лакатошъ и Голубова.** Кн. 2.
- 10) Какъ улучшить закавказскія слѣдствія? Кн. 3.
- 11) Нужна ли у насъ защита на предварительномъ слѣдствіи? **Г. Томашинскаго.** Кн. 1.
- 12) О завѣдомой беззащитности уѣздныхъ подсудимыхъ, вопреки закону. **Члена суда.** Кн. 3.
- 13) Къ вопросу о правѣ окружнаго суда возбуждать уголовныя преслѣдованія **К. Змирлова.** Кн. 3.
- 14) Подлежать-ли прекращенію дѣла о преступленіяхъ, совершенныхъ въ самооборонѣ? Кн. 5.
- 15) Привлеченіе къ обвиненію состоящаго на дѣйствительной службѣ офицера (этюдъ изъ слѣдственной практики) **Я. Городыскаго.** Кн. 5.
- 16) Порядки усть-медвѣдickaго окружнаго суда (кор. жур. гражд. и угол. права). Кн. 5.
- 17) Дѣло г. Савицкаго. **В. Володимірова.** Кн. 4.
- 18) Злополучный судья. **В. Володимірова.** Кн. 1.

ПО СУДОУСТРОЙСТВУ

1) Больныя мѣста новаго судебного устройства **К. Мальчевскаго**. Кн. 2.

2) Признаки времени въ мірѣ новыхъ судовъ. (Общій и особые наказы 'судебнымъ мѣстамъ'). **И. С. Члена новаго суда**. Кн. 1.

3) Признаки времени въ мірѣ новыхъ судовъ (по поводу проекта общаго наказа судебнымъ установленіямъ) **С. И. Члена новаго суда**. Кн. 4, 6.

4) О судѣ въ военное время **И. Ахшарумова**. Кн. 5.

5) Къ вопросу о рѣшшихъ отношеніяхъ магистратуры къ адвокатурѣ **И. С.** Кн. 2.

6) Къ вопросу объ открытіи совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ **В. Володимірова**. Кн. 5.

ОВЩАГО ХАРАКТЕРА.

1) Историко-юридическая семинарія въ Пизѣ (кор. жур. гр. и уг. права). **Д. Азаревича**. Кн. 3.

2) Учебный планъ юридическихъ факультетовъ въ Италіи и Россіи (кор. жур. гр. и уг. права) **Д. Азаревича**. Кн. 4.

3) Геффтеръ, Вальтеръ, Вехтеръ и Редеръ **А. Кистяковскаго**. Кн. 2.

4) Юридическіе журналы на Кавказѣ. Кн. 5.

5) Систематизированный указатель къ журналу гражданского и уголовного права за 1880 годъ. Кн. 2.

УЧЕННЫЕ ДИСПУТЫ

1) Докторскій диспутъ **И. Я. Фойницкаго** въ Петербургскомъ университетѣ. Кн. 2.

2) Диспутъ г. Тальберга въ Киевскомъ университетѣ. Кн. 2.

3) Диспуты гг. Бѣлогрицъ-Котляревскаго въ Киевскомъ и Чижова въ Варшавскомъ университетахъ Кн. 1.

ЮБИЛЕИ

1) Пятидесятилѣтній юбилей профессора **С. И. Баршева** (кор. жур. гражд. и угол. права). Кн. 6.

2) Двадцятипятилѣтній юбилей Владиміра Дмитріевича Философова. Кн. 5.

НЕКРОЛОГИ.

1) Некрологъ Д. Н. Замятина Кн. 6.

2) Некрологъ Петра Яковлевича Оцтовцова. Кн. 3.

3) Памяти профессора Лешкова. Кн. 1.

ОТДѢЛЪ VI.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) Право и судъ въ Черногоріи. Соч. Георгія Поповича. Пер. съ нѣм. А. Фелькнера Кн. 1, 2, 3.

2) Уѣздное положеніе для провинцій: Пруссіи Бранденбурга, Помераніи, Познани и Саксоніи. Законъ 13 декабря 1872 года. Переводъ В. Голубева и В. Сабанина. Кн. 5, 6.

ОТДѢЛЪ VII.

ХРОНИКА.

1) Жизнь и законъ. Григорія Градовскаго. Кн. 1.

2) Иностранная судебная хроника. Женская самозащита (По поводу недавнихъ французскихъ процессовъ: Маріи Бьеръ, Виргиніи Дюмеръ, Маріи Мойенъ, графини Тилли и Схоласстикъ Шодесонъ). II. II. Кн. 1.

3) Иностранная юридическая хроника. Законодательныя работы во Франціи.—Новый законъ объ устройствѣ магистратуры.—Судебное сословіе и правительство.—Парламентскія пренія.—Законъ объ отмѣнѣ предсѣдательскаго резюме. Проектъ закона о печати.—Достоинства доклада и недостатки проекта.—Процессъ Парпелля въ Лондонѣ; положеніе Ирландіи и политическія преступленія въ Англіи. Л. Слонимскаго. Кн. 1.

4) Иностранная юридическая хроника: Вопросъ о правѣ убѣжища и о выдачѣ политическихъ преступниковъ.—Законодательныя реформы въ Англіи.—Законъ „объ охранѣ личности и собственности въ Ирландіи“.—Земельный билль Гладстона.—Судебныя преобразованія: Споры о причинахъ чрезмѣрной дороговизны судопроизводства.—Адвокатскій гонораръ.—Законъ объ устройствѣ „окружныхъ судовъ“.—Билль

о правахъ женщинъ и проектъ устава о несостоятельности. — „Первый шагъ“ къ улучшенію быта рабочихъ въ Германіи Проектъ взаимнаго страхованія отъ несчастныхъ случаевъ. — Широкія намѣренія и маленький результатъ. **Л. Слонимскаго** Кн. 3.

5) Иностранное юридическое обозрѣніе: Послѣдняя законодательная сессія въ Англіи. — Земельная реформа въ Ирландіи. — Парламентскія пренія о смертной казни. — Проекты сэра Леббока и министра торговли Чамберлена. — Судебное преобразование. — Законодательное движеніе въ Германіи. — Еще о проектѣ страхованія рабочихъ. — Новые судебные порядки и верховный судъ въ Лейпцигѣ. — Прусскій отчетъ о судѣ присяжныхъ. — Международная коммисія въ Висбаденѣ и съѣздъ „общества реформы и кодификаціи международнаго права“ въ Кельнѣ. **Л. Слонимскаго**. Кн. 5.

ОТДѢЛЪ VIII.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

1) Практика гражданскаго суда *А. Гольмстена*. Кн. 2.

2) Юридическіе вопросы, разрѣшенные Варшавскою судебною палатою за 1878 и 1879 годъ — по гражданскому праву, ипотечному праву, торговому праву, прежнему судопроизводству, судебнымъ уставамъ 1864 года и другимъ постановленіямъ *І. Карпинскаго*. Кн. 4.

3) Юридическіе вопросы, разрѣшенные Варшавскою судебною палатою за 1880 годъ — по гражданскому праву, ипотечному праву, торговому праву, прежнему судопроизводству, судебнымъ уставамъ 1864 года и другимъ постановленіямъ *І. Карпинскаго*. Кн. 5.

4) Десятилѣтіе мировой юстиціи Керченскаго округа (судебно-статистическій очеркъ) *Н. Холева*. Кн. 4.

ОТДѢЛЪ IX.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ СПБ. ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Протоколы общаго собранія спб. юридическаго общества:

XI Годовое общее собраніе 3 февраля 1880 г. (отчетъ за

1879 г. и рѣчь *Н. И. Стояновскаго*). Кн. 1. Годовое общее собраніе 2 февраля 1881 г. (отчетъ; рѣчь *А. Ф. Кони* — Достоевскій какъ криминалистъ; рѣчь *В. Д. Спасовича* — О языкѣ въ области судопроизводства). Кн. 2.

Протоколы гражданскаго отдѣленія: XIX. (окончаніе преній по реферату *І. И. Карнишкаго*. Приложение къ IX протоколу: сообщеніе *А. П. Башилова*—О швейцарскомъ желѣзнодорожномъ законѣ 1875 г. съ точки зрѣнія торговаго права). Кн. 1. Приложение къ XI протоколу (сообщеніе *А. П. Башилова*—О швейцарскомъ желѣзнодорожномъ законѣ 1875 г. (окончаніе). XX. Засѣданіе 22 декабря (рефератъ *А. Ф. Брандта*—О прекращеніи дѣйствіемъ давности исковъ о вознагражденіи за убытки, причиненные преступленіями и проступками и пренія по реферату). Кн. 2. 1880 годъ. XXIII. Засѣданіе 26 января (рефератъ *А. О. Гордона*—Логическій способъ толкованія законовъ и ст. 1068 т. X ч. 1). XXIV. Засѣданіе 16 февраля (пренія по реферату) Кн. 3. (окончаніе преній по реферату г. *Гордона*). XXV. Засѣданіе 15 марта. (Рефератъ *С. Ф. Платонова*—Объ условіяхъ примѣненія мировыми судьями мѣстныхъ обычаевъ, при разрѣшеніи гражданскихъ дѣлъ и пренія по реферату). XXVI. Засѣданіе 16 апрѣля. (Рефератъ *Т. Д. Андреева*—О правѣ несостоятельнаго искать и отвѣчать на судѣ и о лицахъ, его замѣняющихъ). Кн. 4. XXVII. Засѣданіе 10 мая (пренія по реферату *Т. Д. Андреева*). XXVIII и XXIX. Засѣданія 1 и 22 ноября (рефератъ *П. А. Юренева*—О различіи между договорами продажи и купли - продажи движимаго имущества и договоромъ поставки по русскимъ законамъ и контръ - рефератъ *А. К. Рихтера*). Кн. 5. (окончаніе преній по рефератамъ—О различіи между договорами запродажи и купли-продажи и договоромъ поставки). Кн. 6. Указатель къ I тому протоколовъ гражданскаго отдѣленія за 1877—1879 года. Кн. 2. Оглавленіе къ протоколамъ 1880 года. Кн. 6.

ОТДѢЛЪ Х.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

По гражданскому праву и процессу.

РУССКАЯ.

1) Новое нравственно-юридическое міросозерцаніе (по поводу книги Н. Чижова—элементы понятія права) **А. Блоки**. Кн. 2. 2) Положительное направление въ разработкѣ общаго ученія о правѣ (по поводу книги г. Муромцева—Опредѣленіе и основное раздѣленіе права) **Н. Звѣрева**. 3) Отвѣтъ автора. **С. Муромцева**. Кн. 2. 4) **К. Малышевъ**. Курсъ гражданского права Россіи. Особое приложение **С. Бр.** Кн. 1. 5) **А. Борзенко**—Сборникъ переводныхъ и оригинальныхъ статей **Н. Коркунова**. Кн. 2. 6) **Боголюбовъ**. Нормальныя ограниченія свободы завѣщаній въ римской классической юриспруденціи. 7) **А. Заурскій**. Личныя отношенія между родителями и дѣтьми по римскому и французскому праву. **Д. Азаревича**. Кн. 6. 8) **М. Андреевъ**—Сборникъ рѣшеній гражд. кас. деп. прав. сената за 1879 годъ **А. Гольмстена**. Кн. 2. 9) **М. Шимановскій**. О нѣкоторыхъ недостаткахъ встрѣчающихся на практикѣ при приведеніи рѣшеній въ исполненіе. **А. Гольмстена**. Кн. 5. 10) **Г. Бертильдъ**—Охранительное судопроизводство по рѣшеніямъ гражд. кас. д-та прав. сената (1867—1879 годовъ). Кн. 2.

ИНОСТРАННАЯ.

1) **A. Grawein**. Verjährung und Gesetzliche Reffristung. 2) **J. Kohler**. Civilprocessualische Rechtsumfagen. 3) **E. Schrutka-Rechtenstamm**. Die Compensation im Concourse. Кн. 5. 4) **P. Schelling**. Lehrbuch des deutschen Civilprocesses. 5) **Meyer**. Der Processgang nach der Civilprocessordnung. 6) **K. Kanstein**. Anerkennung und Geständniss im Allgemeinen und nach der deutsch. Civilprocessordnung. 7) **E. Schrutka-Rechtenstamm**. Zeugnisspflicht und Zeugniszwang im österreichischen Civilprocess. **А. Гольмстена**. 8) **Pravo pravnicko upravni list**. **С. Бр.** Кн. 1.

По уголовному праву и судопроизводству.

РУССКАЯ.

1) Обзоръ польской литературы за 1874—77 гг. преимущественно по уголовному праву. **В. Микляшевскаго.** Кн. 6. 2) *И. Фойницкій*, Ссылка на западъ въ ея историческомъ развитіи и современномъ состояніи. **И. Таганцева.** Кн. 3. 3) *И. Соболевъ*. Оскорбленіе должностныхъ лицъ дѣйствіемъ, при отправленіи должности, по русскому праву. **В. Володимірова.** Кн. 6. 4) *І. Юзовъ*. Русскіе диссиденты старовѣры и духовные христіане. 5) *Айрлендъ*. Идіотизмъ и тупоуміе. Пер. **И. Томашевскаго.** 6) *П. Ковилевскій*. Судебно-психіатрическіе анализы. *Его-же*. Первичное помѣшательство. **Л. Слонимскаго.** Кн. 1.

ИНОСТРАННАЯ.

1) *Rechtsprechung des deutschen Reichsgerichts in Strafsachen* Herausgegeben von den Mitgliedern der Reichsanwaltschaft. **А. Фомъ-Резона.** 2) *Albert Desjardins. Etudes sur l'immovibilité de la magistrature.* Paris, ed. 1880 г. **Л.** Кн. 3.

По другимъ отдѣламъ права.

1) *В. Майдель и В. Блюстинъ*. Систематическій сборникъ рѣшеній правительствующаго сената и распоряженій правительства, разъясняющихъ городовое положеніе. 2-е изданіе. **М. Коркунова.** Кн. 6.

Сверхъ того, въ каждой книгѣ журнала печатались: 1) Полное извлеченіе изъ собранія узаконеній, всѣхъ, безъ исключенія, постановленій правительства, имѣющихъ юридическій интересъ. 2) Указы и опредѣленія правительствующаго сената. 3) Циркуляры министра юстиціи и другихъ властей, что составляетъ особый томъ въ 240 стр. или 15 листовъ, къ которому, въ II книгѣ 1882 г. приложенъ подробный указатель и 4) отдѣлъ *личнаго состава*, обнимающій собою важнѣйшіе приказы о производствѣ, наградахъ и назначеніяхъ по судебному и военно-судебному вѣдомствамъ.

II.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

СПИСОКЪ

ПОДПИСЧИКОВЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

I. Правительственныя, общественныя и частныя установленія.

II Отдѣленіе С. Е. И. В. К.

Главное тюремное управленіе.

Коммисія для изслѣд. жел. дор. дѣла въ Россіи.

Департаментъ Министерства Юстиціи.

— Полиціи Исполнительной.

— Удѣловъ.

— Таможенныхъ сборовъ.

— Шоссейныхъ и водяныхъ сообщеній.

Сенатская типографія.

Правленіе рос. общ. транспортированія владѣй.

II. Библіотеки, клубы и собранія.

Библіотека г. Комарова.

— г-жи Макалинской.

Собраніе Сельскихъ Хозяевъ.

— Купеческое.

— Благородное.

Книжный маг. Эггерса.

III. Учебныя заведенія

Университетъ.

Военно-Юридическая Академія.

2-е Военное Константиновское Училище.

IV. Периодическія изданія 10

V. Профессора юридическихъ наукъ. 11

VI. Высшія государственныя установленія.

Государственный Совѣтъ.

Членъ Государственнаго Совѣта.

II Отдѣленіе С. Е. И. В. К.

Главнуправляющій II Отдѣленіемъ.

Товарищъ главнуправляющаго II Отдѣленіемъ.

Состоящій при II отдѣленіи.

Министерство Юстиціи.

Министръ Юстиціи.

Товарищъ Министра Юстиціи.

Директоръ Департамента Министерства.

Членъ консультаціи.

Состоящій при Министерствѣ.

Чиновникъ Межеваго Департамента.

Прочія Министерства.

Юрисконсультъ Министерства Госуд. Имуществъ.

— Святѣйшаго Синода.

— Министерства Путей Сообщенія.

VII. Судебныя установленія.

Сенатъ.

Сенаторы 18

Прокуратура 14

Секретаріатъ 9

Судебная палата.

Предсѣдатели и члены 3

Прокуратура 3

Присяжные повѣренные	41
Помощники прис. пов.	3

Окружный судъ.

Предсѣдатель, товарищи его и члены	4
Прокуратура	5
Нотаріатъ	5

Мировые Суды.

Мировой Съѣздъ	1
Участковый судья.	1

Коммерческіе Суды.

Предсѣдатель	1
Присяжные стряпчіе	9

VIII. Военно-судебныя установленія.

Главный Военный Прокуроръ	1
Товарищъ Главнаго Воен. Прокурора	1

IX. Лица необозначившія своихъ званій	19
--	-----------

СПИСОКЪ.

ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ.

1. Правительственныя, общественныя и частныя установленія.

Главное управленіе Восточной Сибири.

Штабъ главнаго командира полковъ въ Владивостокѣ.

Управленіе горнаго начальн. Пермскихъ пушечныхъ заводовъ

• ——— государ. имуществъ Намѣстника Кавказскаго.

Ферганское областное правленіе.

Канцелярія туркестанскаго генераль-губернатора.

Оренбургская городская управа.

Канцелярія Елисаветпольскаго губернатора.

Одесское городское кредитное общество.

Туркестанскій окружный штабъ.

Елисаветпольское губерн. управленіе.
Московская биржа.
Центральное управ. юго-запад. желѣзн. дорогъ.
Правленіе Харьковскаго земельн. банка.
Кіевское юридическое общество.
Контора бр. Александровыхъ въ Слободскѣ.
— Гр. Браницкаго въ Бѣлой Церкви.
Вексельное Бюро въ Тифлисѣ.

II. Библіотеки, книжные магазины, клубы и собранія.

Библіотеки Виленская пуб.

- Житомирская пуб.
- Кіевская пуб.
- Каменецъ-Подольская пуб.
- Ростовская Купріянова.
- Одесская пуб.
- „ г. Ярошевича.
- Распопова.
- Харьковская пуб.
- Самарская общ.
- Новочеркасская пуб.
- Симбирская общ.
- Пермская общ.
- Московская Отта.
- Симферопольская г. Спиро.
- Русская въ Парижѣ.

Книжные магазины Кирпиченко въ Житомирѣ.

- — Дейбнера въ Одессѣ.
- — Распопова въ —

Собранія Ахалцыхское.

- Варшавское.
- Владикавказское.
- Кіевское
- Казанское.
- Костромское.
- Кронштадское (морское, офиц.).

- Николаевское (морское. офиц.).
- Рязанское.
- Тульское.
- Тифлисское.
- Херсонское.

III. Учебныя заведенія.

Студенческая читальня Ярославскаго лицея.

Университеты Варшавскій.

— Кіевскій.

— — (студ. биб.).

— Московскій.

— Одесскій.

— Казанскій.

Студ. читальня.

— Харьковскій.

Лицеи Демидовской въ Ярославлѣ.

— Цесаревича Николая въ Москвѣ.

Институтъ Сельск. хозяйства въ Ново-Александровскѣ.

IV. Периодическія изданія 15.

V. Профессора юридическихъ наукъ 8.

VI. Судебныя установленія.

Судебныя палаты.

Варшавская	.	.	.	.	.	.	.	1.
Саратовская	.	.	.	.	.	.	.	1.
Харьковская	.	.	.	.	.	.	.	3.
Тифлисская	.	.	.	.	.	.	.	1.
Одесская	.	.	.	.	.	.	.	1.
Всего								7.
Предсѣдатели палатъ	.	.	.	.	.	.	.	5
Члены палатъ	.	.	.	.	.	.	.	10
Прокуратура палатъ	.	.	.	.	.	.	.	8
Секретаріатъ	.	.	.	.	.	.	.	1

Окружные суды.

Бавинскій	1
Великолуцкій	1
Варшавскій	2
Верхнеднѣпровскій	1
Владикавказскій	1
Воронежскій	1
Владимірскій	1
Вятскій	1
Елецкій	1
Елисаветградскій	1
Екатеринославскій	1
Екатеринбургскій	1
Житомирскій	1
Изюмскій	1
Каменецъ-Подольскій	1
Кѣлецкій	1
Калишскій	1
Кашинскій	1
Кишиневскій	1
Кіевскій	1
Костромской	1
Ломжинскій	1
Люблинскій	1
Луцкій	1
Нѣжинскій	1
Нижегородскій	1
Орловскій	1
Острогожскій	1
Пензенскій	1
Петроковскій	1
Самарскій	1
Симферопольскій	1
Сарапульскій	1
Суваляскій	1
Ставропольскій	1

Стародубскій	1
Симбирскій	1
Сѣдлецкій	1
Саратовскій	1
Рязанскій	1
Уманскій	1
Усть-Медвѣдицкій	1
Тифлисскій	1
Череповецкій	1
Эриванскій	1

Всего 47

Предсѣдатели	6
Товарищи предсѣдателей	9
Члены	38
Прокуроры	26
Товарищи прокуроровъ	25
Судебные слѣдователи	28
Судебные пристава	4
Кандидаты на судебныя должности	15

Нотариатъ.

Старшіе нотаріусы	2
Нотаріусы	18

Соединенныя палаты.

Оренбургская	1
Астраханская	1
Гродненская	1

Всего 3

Окружные и губернскіе суды.

Бійскій	1
Тюкалинскій	1

Всего 2

Члены соединенныхъ палатъ	1
Уѣздные судьи	2
Засѣдатели окружныхъ судовъ	1
Губернскіе прокуроры и стряпчіе	6

Коммерческіе суды.

Варшавскій	1
Кишиневскій	1
Московскій	1
Одесскій	1
Таганрогскій	1

Всего 5

Чины коммерческихъ судовъ	1
Присяжные стряпчіе	5

Военно - окружные суды.

Харьковскій	1
Оренбургскій	1

Всего 2

Военные судьи	4
Военные прокуроры	5

VII. Мировыя учрежденія.

Мировые съезды.

Ананьевскій	1
Александровскій—став. г.	1
Бердянскій	1
Борзненскій	1
Броницкій	1
Белебеевскій	1
Бѣльскій, смол. г.	1
Богучаровскій	1
Виленскій	1
Волчанскій	1
Горскій	1
Грайворонскій	1
Донецкій обл. в. дон.	1
Дмитріевскій	1

къ 14 л.

Екатеринодарскій	1
Елисаветградскій	1
Замостьскій (2-го окр.)	1
Измаильскій	1
Калязинскій	1
Камышловскій	1
Карачевскій	1
Корсуньскій	1
Каргопольскій	1
Константиноградскій	1
Кузнецкій сар. губ.	1
Красноуфимскій	1
Лебядинскій	1
Маріупольскій	1
Мензелинскій	1
Миусскій	1
Миргородскій	1
Мелетопольскій	1
Н. Новгородскій	1
Одесскій	1
Оргѣвскій бес. г.	1
Орловскій вят. губ.	1
Оренбургскій	1
Павлоградскій	1
Пирятинскій	1
Псковской	1
Петроковскій	1
Сердобскій	1
Сапожковскій	1
Свіязскій	1
Ставропольскій.	1
Спасскій	1
Соликамскій	1
Темниковскій там. г.	1
Хвалынскій	1
Чимпринскій	1
Челябинскій орен. г.	1
Чухломской	1

Всего 53 изъ 463

Мировые отѣлы.

Очемчирскій	1
Зугдидскій кут. г.	1
Квирильскій	1

Всего 3

Предсѣдатели мировыхъ съѣздовъ	19
Почетные мировые судьи	5
Участковые мировые судьи	35
Помощники мировыхъ судей	2
Секретари	1

IX Адвокатура.

Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ.

Московскій	1
----------------------	---

Кабинеты и консультаціи присяжныхъ повѣренныхъ.

Въ Житомирѣ	1
„ Казани	1
„ Курскѣ	1
„ Москвѣ (каб. прис. стряпчихъ)	1
„ Нижнемъ-Новгородѣ	1
„ Новочеркасскѣ	1
„ Саратовѣ	1
„ Симбирскѣ	1
„ Симферополѣ	1
„ Черниговѣ	1

Присяжные повѣренные.

Въ округѣ пет. суд. пал.	12
„ округѣ москов. суд. пал.	55
въ окр. харьк. суд. пал.	25
„ округѣ одес. суд. пал.	22
„ округѣ казан. суд. пал.	8
„ округѣ сарат. суд. пал.	16
„ округѣ тифлис. суд. пал.	12
„ округѣ варш. суд. пал.	8
„ округѣ кiev. суд. пал.	12
Помощники присяж. повѣренныхъ	20

Частные повѣренные.

Кабинеты и консультации част. пов.

въ Кіевѣ	1
„ Москвѣ	1
Частные повѣренные	40
Х. Лица необозначившія своиѣ званія	83

Всего выписывалось въ 1881 году.

<i>Въ Петербургѣ</i>	<i>170 экз.</i>
<i>Въ Петербургѣ</i>	<i>805</i>
	<i>Итого 975 экз.</i>

ЗАМѢТКИ.

ПИСЬМО РУДОЛЬФА ІЕРРИНГА

КЪ РУССКИМЪ ИЗДАТЕЛЯМЪ ЕГО КНИГИ „ЦѢЛЬ ВЪ ПРАВѢ.“

Мм. гг.

По возвращеніи изъ довольно продолжительнаго, во время вакацій, путешествія, я получилъ вашу посылку и письмо, доставившее мнѣ главнѣйшее удовольствіе. Предположеніе ваше перевести мое сочиненіе на русскій языкъ, о чемъ вы своевременно меня извѣстили, осуществилось, и я поздравляю себя съ тѣмъ, что трудъ мой сдѣлался доступнымъ русскимъ юристамъ на ихъ отечественномъ языкѣ, а васъ съ разрѣшеніемъ первой части, предпринятой вами, безъ сомнѣнія, нелегкой задачи. Русскій языкъ является первымъ, на который переведенъ мой трудъ и этотъ фактъ служитъ для меня новымъ доказательствомъ того высокаго интереса, съ коимъ относится русская юриспруденція къ иностранной литературѣ и который, по отношенію къ моимъ сочиненіямъ, выразился уже и ранѣе, въ переводѣ моей „Борьбы за право“ и первой части „Духа Римскаго права“, а также нѣкоторыхъ изъ моихъ мелкихъ работъ. Мнѣ кажется, что мое направленіе и мои идеи нигдѣ не встрѣчаютъ столь воспріимчивой почвы, какъ въ Россіи: русскіе слушатели были первыми, явившимися изъ за границы въ мою аудиторію, и между ними я насчитываю нѣсколько лицъ, уже успѣвшихъ составить себѣ почетное имя; русскому правительству я обязанъ первыми знаками вниманія за границею къ моимъ трудамъ; нѣкоторые русскіе университеты, а также московское юридическое общество, оказали мнѣ честь избраніемъ меня въ свои

ж. гр. и уг. пр. кн. II 1882 г.

2

почетные члены. Такимъ образомъ я могу сказать, что ни съ какою другою странюю меня не связываютъ столь тѣсные узы, какъ именно съ Россіей и мнѣ было пріятно воспользоваться дружескими отношеніями, установившимися между мною и кн. Львомъ Голлицкимъ, во время полугодового пребыванія его въ Геттингенѣ, чтобы посвященіемъ ему моей книги „О цѣли въ правѣ“, съ своей стороны засвидѣтельствовать мои близкія отношенія къ Россіи. Россія имѣетъ для меня значеніе дѣйственной научной почвы, воспринимающей насаждаемыя мною сѣмена науки легче, чѣмъ всякая иная, издавна воздѣлываемая, на которой могущество традиціи и вкоренившихся научныхъ идей и направленій, противятся всему новому, что по преимуществу замѣчается въ Германіи, гдѣ я лишь съ трудомъ сталъ твердою ногою и гдѣ сначала мои стремленія вызвали на меня немало нападокъ и встрѣтили скорѣе непріязнь, чѣмъ признательность.—Я никогда не забуду, что признаніе моихъ заслугъ за границею, мощно подняло мои силы и подкрѣпило меня именно въ то время, когда въ Германіи я долженъ былъ вести борьбу за свое положеніе и когда за всякій ободряющій меня въ этой борьбѣ сочувственный мнѣ отзывъ, я былъ особенно благодаренъ. И моей „Борьбѣ за право“ въ Германіи предстоитъ еще проложить себѣ путь; догматики встрѣтили этотъ трудъ довольно холодно и если-бы я писалъ только для нихъ, я могъ бы и не приступать къ этому труду; въ ихъ глазахъ я могъ бы оказать несравненно большую услугу объясненіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ пандектъ, бывшихъ до того непонятными. Поэтому то я особенно радуюсь, что трудъ почти неоцѣненный и едва, можетъ быть, читаемый въ Германіи людьми, наиболѣе близкими къ нему, пользуется ожидавшимися мною для него успѣхами за границею, и въ особенности, кромѣ Россіи, въ Сѣверной Америкѣ; и въ этомъ случаѣ я долженъ рассчитывать, что заграничное общественное мнѣніе благопріятно для меня отразится на мнѣніи моего отечества.

Вслѣдствіе сего, Мм. Гг., я долженъ съ благодарностію признать, что вы оказали мнѣ вашимъ переводомъ большую услугу; да вознаградить васъ за нее пріемъ, какого я желаю вашему труду, со стороны вашихъ соотечественниковъ.

Окончаніе моей книги по необходимости замедлилось; хотя я почти невыпускаю пера изъ рукъ, но едва ли я могу обѣщать окончить ее ранѣе 1883 г. При разработкѣ размѣры моего труда значительно расширились,—онъ явится изложеніемъ философіи права

и даже этики; одна проблема вызывает другую, и разъ начавъ ставить вопросы, я считаю себя обязаннымъ представить на каждый изъ нихъ отвѣтъ.—До сихъ поръ напечатано 17 листовъ—значительно меньшая часть сочиненія и вы можете рассчитывать на тяжелый предстоящій вамъ трудъ.

Примите и пр.

Р. Ф. Іерингъ.

Геттингенъ, 1 октября 1881 г.

КЪ ВОПРОСУ О ЧИНШЕВОМЪ ВЛАДѢНІИ.

Въ губерніяхъ западныхъ и югозападныхъ существуютъ, историческою жизнью завѣщанныя, особыя правоотношенія между вотчинными владѣльцами и людьми, поселенными на ихъ земляхъ, извѣстныя подъ названіемъ *чиншеваго владѣнія*, т. е. оброчнаго владѣнія (чиншъ-оброкъ). Недостатокъ регламентаціи въ русскомъ положительномъ законодательствѣ для чиншевыхъ отношеній, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ рядъ сомнѣній и вопросовъ, рѣшаемыхъ различнымъ образомъ на практикѣ, въ судахъ и въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ юристовъ. Тѣ и другіе стараясь приискать по чужимъ кодексамъ извѣстныя нормы и путемъ аналогіи примѣнить ихъ къ лишенному у насъ всякой опредѣлительности чиншовому владѣнію ¹⁾, создали такимъ образомъ искусственное чиншевое право, неоправдывающееся ни исторіей, ни современными обычаями. Литовскій статутъ и вообще польскіе законы не упоминаютъ о вещномъ чиншовомъ правѣ, ²⁾ оно чуждо и позднѣйшему русскому законодательству. Такимъ образомъ, въ строгомъ смыслѣ слова нѣтъ *чиншеваго права*, какъ особаго правоваго института, есть только *чиншевое владѣніе*. Основаніемъ для него, какъ и для всякаго владѣнія чужимъ недвижимымъ имуществомъ, служилъ

¹⁾ Такъ сенатъ, въ рѣшеніяхъ своихъ 1877 г. создаетъ извѣстную теорію чиншеваго владѣнія, построенную на основаніяхъ римскаго эмфитевтическаго права. Авторъ статьи «чиншевое право» въ Судебномъ Вѣстн. 1876 г. № 18 выводитъ начало чиншевыхъ отношеній изъ магдебурскаго права.

²⁾ См. «О чиншовомъ владѣніи въ западныхъ губерніяхъ.» проф. Незабитовскаго, прот. Кіев. юрид. общ. 1879 г.

договоръ, которымъ оно опредѣлялось въ своемъ существѣ, а не *ipso jure*.

Договорное основаніе чиншеваго владѣнія оправдывается между прочимъ во 1-хъ тѣмъ, что по Литовскому статуту не было опредѣлено установленнаго срока для аренды, договоръ могъ быть безсрочный и во 2-хъ, что въ прежнее время, а отчасти даже и теперь, въ западныхъ губерніяхъ и Царствѣ Польскомъ употребляется слово „чиншъ“, въ формальныхъ срочныхъ договорахъ, въ значеніи оброка, арендной платы. Срочные чиншевые договоры за истеченіемъ срока прекратились и могли исчезнуть безслѣдно; безсрочные дожили до настоящаго времени и служатъ предметомъ неразгаданной загадки. Подобные договоры по Лит. ст. обязательно облекались въ письменную форму и были свидѣтельствуемы въ присутственныхъ мѣстахъ (повѣтовыхъ судахъ, магистратахъ, ратушахъ), въ противномъ случаѣ они не имѣли обязательной силы и считались недействительными (разд. VII, арт. 1 и 2). Но рядомъ съ этимъ довольно распространенъ другой, нелегальный способъ чиншеваго землевладѣнія, безъ всякихъ учредительныхъ актовъ. Въ послѣднемъ случаѣ, чиншевыя отношенія не имѣли строго юридическаго характера, а держались только силою взаимнаго согласія сторонъ, *bona-fide*, или на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, по разнообразію которыхъ трудно пріискать положительныя данныя для точнаго опредѣленія свойствъ этого своеобразнаго способа землевладѣнія.

Эти послѣднія чиншевыя отношенія, не имѣя легальной подкладки въ моментъ возникновенія, остались таковыми и по настоящее время, такъ какъ Высочайшимъ указомъ 25 іюня 1840 года, уничтожившимъ дѣйствіе Литовскаго статута, оставлены въ силѣ только тѣ „акты и документы,“ которые были совершены по законамъ своего времени. Казалось-бы, что со введеніемъ свода законовъ, безусловно воспрепятствующаго безсрочную аренду недвижимыхъ имуществъ (1692 ст. 1 ч. X т.), положенъ конецъ для новыхъ чиншевыхъ отношеній; но юридическое сознаніе не такъ скоро проникаетъ въ народныя массы и на дѣлѣ мы видимъ много безсрочныхъ чиншевыхъ сдѣлокъ, письменныхъ и устныхъ, возникшихъ уже послѣ 1840 года. Интересны въ этомъ отношеніи статистическія данныя о чиншевикахъ Волынской губерніи, съ распредѣленіемъ ихъ по времени поселенія („Отголоски,“ 1880 г. № 79).

Съ незапамятныхъ временъ, болѣе 100 лѣтъ .	72211 душъ
Отъ 100—50 лѣтъ	16432 —
Отъ 50—25 лѣтъ	12114 —
Отъ 25—10 лѣтъ	15441 —
Менѣе 10 лѣтъ	14846 —
Всего	131044 —

Подраздѣленіе это произвольное и мало соотвѣтствуетъ существу дѣла; болѣе цѣлесообразнымъ было-бы раздѣленіе чиншеви-
ковъ на два разряда: 1) поселенныхъ до 1840 года: а) на осно-
ваніи учредительныхъ актовъ и б) безъ таковыхъ и 2) поселен-
ныхъ послѣ 1840 г. в) по договорамъ и г) безъ всякихъ письмен-
ныхъ сдѣлокъ.

Чиншевики, приобрѣвшіе свои права во времена Литовскаго
статута, принадлежали къ сословію людей вольныхъ, свободныхъ
отъ барщины. Со введеніемъ свода законовъ они, подъ названіемъ
«однодворцевъ», сохранили свои личныя права; причемъ, взаимныя
отношенія однодворцевъ и владѣльцевъ, на земляхъ коихъ они по-
селены, должны были опредѣляться на точномъ основаніи заклю-
ченныхъ между ними условій (ст. 766 т. IX зак. о сост.). Такой
же порядокъ земельныхъ отношеній подтвержденъ и позднѣйшимъ
узаконеніемъ, именно въ 9 п. Высочайше утв. 19 февраля 1868 г.
мин. госуд. сов. сказано: «причисленные къ крестьянскому сословію
однодворцы, которые проживаютъ на владѣльческихъ земляхъ,
остаются по прежнему свободными сѣмщиками земель по догово-
рамъ, заключеннымъ на основаніи общихъ законовъ и по добро-
вольному соглашенію сторонъ.» Законъ этотъ очевидно имѣлъ цѣлью
поддержать status quo въ чиншевыхъ отношеніяхъ. Но гдѣ въ осно-
ваніе отношеній положено только взаимное согласіе или добрая
воля сторонъ, тамъ никакой прочности и бытъ не можетъ; попытки
же со стороны мѣстной администраціи (циркуляръ Киев. губерна-
тора отъ 29 апр. 1868 г.) склонять какъ владѣльцевъ, такъ и чин-
шевиковъ, къ заключенію формальныхъ договоровъ, остались безъ
успѣха. И неудивительно: договоры письменные, на основаніи
общихъ законовъ, могли быть только срочные, а чиншевики не
могли примириться даже съ мыслью, чтобы ихъ право на землю
было ограничено предѣлами времени; къ другой стороны, менѣе
уступчивые собственники крѣпко стояли на почвѣ формальной
легальности Какъ бы то ни было, но въ настоящее время мы
видимъ или чиншевиковъ безъ земли, или имѣющихъ землю (уса-

дебную и даже полевою) безъ всякой за нее платы въ пользу собственника, въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ. Отсюда справедливое недовольство обѣихъ сторонъ, недовольство, выражающееся въ формѣ многочисленныхъ процессовъ. Любопытно было-бы знать, какой процентъ составляютъ чиншевыя дѣла въ практикѣ нашихъ новыхъ судовъ. Кажется онъ очень великъ.

Практическія затрудненія, возникающія по поводу неопредѣленности чиншевыхъ отношеній, могутъ быть устранены только законодательнымъ порядкомъ: или посредствомъ изданія закона о вѣчной арендѣ, или путемъ выкупа чиншевыхъ земель въ собственность чиншевиковъ. Первый изъ этихъ способовъ не искореняетъ совершенно зла; вѣчная рента, какъ особый видъ неполной собственности, чужда нашему законодательству и въ экономическомъ отношеніи представила бы такія-же невыгоды, какъ и чиншевое владѣніе. Никакой билль въ родѣ Ирландскаго не рѣшитъ удовлетворительно вопроса. Выкупъ становится неизбежнымъ. Выкупная же операція можетъ совершиться только при матеріальномъ содѣйствіи правительства, такъ какъ чиншевики вообще люди крайне бѣдные и для своекошного выкупа у нихъ не найдется средствъ.

Не всѣ однако именуемые чиншевиками, какъ пояснено выше, имѣютъ неоспоримое право на выкупъ. Право это строго юридически можетъ быть примѣнено только къ чиншевикамъ 1-го разряда, то есть поселившимся до 1840 г. ¹⁾ и притомъ на основаніи данныхъ имъ „привилегій“ (учредительныхъ актовъ). Число ихъ самое незначительное и потому едва ли можно руководствоваться въ данномъ случаѣ исключительно юридическимъ основаніемъ. Принимая во вниманіе политическія и экономическія условія, а также и то обстоятельство, что нерѣдко документы тамъ, гдѣ они и были, затрачены неграмотными чиншевиками, слѣдовало бы распространить право выкупа на всѣхъ вообще чиншевыхъ владѣльцевъ, поселенныхъ до 1840 г., хотя-бы и безъ письменныхъ договоровъ, а также на тѣхъ позднѣйшихъ поселенцевъ 2-го разряда, у коихъ окажутся письменные чиншевые договоры, неоспариваемые сторонами. Липа-же, поселившіяся послѣ 1840 г. безъ всякихъ актовъ, очевидно лишаются права на выкупъ, такъ какъ

¹⁾ См. „О чиншовомъ владѣніи“. Д. И. Шихо, прот. Киев. юр. общ. 1877 года.

между ними и собственниками существуют только фактическія отношенія, которыя ни въ какомъ случаѣ не должны имѣть своимъ послѣдствіемъ созданіе новаго права въ ущербъ собственности, охраняемой самимъ закономъ ..

В. Малевскій.

Нѣсколько замѣчаній по поводу статьи г. Змирлова о вызовѣ истца въ срокъ, назначенный для явки отвѣтчика въ судъ.

Мы считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по вопросу, возбужденному г-мъ Змирловымъ, въ напечатанной выше статьѣ его о „Вызовѣ истца“, въ виду того, что наши окружные суды разрѣшаютъ вопросъ этотъ различно, одни, вмѣстѣ съ авторомъ, утвердительно, другіе отрицательно. Мы придерживаемся средняго мнѣнія.

Содержаніе статьи г-на Змирлова можетъ быть сведено къ тремъ положеніямъ: 1) по уставу гр. суд. судъ, какъ въ общемъ, такъ и въ сокращенномъ порядкѣ производства, долженъ вызвать истца въ срокъ, назначенный для явки отвѣтчика; 2) вызовъ этотъ нынѣ не достигаетъ своей цѣли, въ общемъ порядкѣ производства, такъ какъ срокъ явки опредѣляется извѣстнымъ періодомъ времени (въ теченіи 1, 4 и 6 мѣсяцевъ) и 3) желательно измѣненіе способа опредѣленія срока явки, т. е. опредѣленіе его точнымъ моментомъ времени (день, часъ), какъ это принято при сокращенномъ производствѣ дѣлъ.

Обратимся къ первому положенію. Прежде всего намъ кажется, что почтенный авторъ и противники его смѣшали два, совершенно различныхъ института: явку въ канцелярію суда для указанія мѣста пребыванія въ томъ городѣ, гдѣ находится судъ, съ явкой въ судъ для объясненій съ предсѣдателемъ. Эти два института ничего общаго между собою не имѣютъ. Явка въ канцелярію суда для указанія мѣста пребыванія требуется въ общемъ порядкѣ производства, а не въ сокращенномъ. Установлена она только для удобства сношеній суда и тяжущихся. Въ виду быстроты процесса, лучше отправлять бумаги, исходящія отъ суда, въ опредѣленное мѣсто, въ

томъ городѣ, гдѣ находится судъ, чѣмъ присылать ихъ въ мѣсто-жительство тяжущихся, внѣ города. Касается она только тѣхъ тяжущихся, которые живутъ внѣ города, гдѣ находится судъ. Если тяжущійся живетъ въ самомъ городѣ, то и въ явкѣ не представляется никакой надобности. Срокъ этой явки опредѣляется періодомъ времени въ 1, 4 и 6 мѣсяцевъ; въ теченіе этого періода, въ любой моментъ, истецъ и отвѣтчикъ могутъ явиться въ судъ; являются они одновременно—въ одновременной явкѣ не представляется никакой необходимости; заявленіе о мѣстѣ пребыванія не есть такое обстоятельство, которое требуетъ одновременнаго присутствія сторонъ въ судѣ. Если стороны неявятся, то это влечетъ за собою то послѣдствіе, что бумаги оставляются въ канцеляріи, а не препровождаются въ ихъ мѣсто жительства или пребыванія. Совсѣмъ иное значеніе и иной характеръ имѣетъ явка въ судъ для объясненій съ предсѣдателемъ. Она требуется только въ дѣлахъ, производящихся сокращеннымъ порядкомъ и установлена ради того, чтобы предсѣдатель суда, путемъ объясненій съ обоими тяжущимися, могъ рѣшить вопросъ о степени безотлагательности и простоты дѣла. Если дѣло требуетъ безотлагательнаго разрѣшенія и несложно, то при наличности согласія тяжущихся, предсѣдатель немедленно назначаетъ засѣданіе, въ противномъ случаѣ онъ опредѣляетъ срокъ для представленія письменныхъ объясненій и назначаетъ день засѣданія. Для надлежащаго разрѣшенія этихъ вопросовъ ему нужно выслушать обѣ стороны. Срокъ этой явки опредѣляется опредѣленнымъ моментомъ времени: предсѣдатель назначаетъ годъ, мѣсяцъ, число. Эта опредѣленность необходима, въ виду того, что обѣ стороны должны явиться одновременно. Истецъ всегда заинтересованъ въ томъ, чтобы дѣло его было рѣшено немедленно, безъ письменныхъ объясненій; отвѣтчику это часто неудобно, онъ заинтересованъ въ большемъ выясненіи дѣла; предсѣдатель долженъ рѣшить чей интересъ долженъ быть удовлетворенъ. Это возможно всего лучше при одновременной явкѣ въ судъ. Если истецъ неявится, то дѣло никакимъ образомъ не можетъ быть рассмотрѣно въ день, назначенный для явки; если онъ желаетъ этого немедленнаго рассмотрѣнія дѣла, то долженъ явиться. Если отвѣтчикъ неявится, то предсѣдатель назначаетъ день засѣданія для слушанія дѣла и уже письменный обменъ бумагъ до засѣданія не имѣетъ мѣста. Если онъ желаетъ этого обмена, то долженъ явиться.

Понятно само собой, что смѣшивать эти два института невоз-

можно. Если такъ, то возможно различное разрѣшеніе вопроса о вызовѣ истца въ срокъ явки отвѣтчика, смотря потому о какой явкѣ идетъ рѣчь. Обратимся сначала къ вопросу о вызовѣ истца въ общемъ порядкѣ производства. Авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что въ законѣ прямаго требованія этого вызова не выставлено, тѣмъ не менѣе онъ необходимъ. Необходимость его доказывается парю положительныхъ аргументовъ и рядомъ отрицательныхъ, т. е. рядомъ опроверженій аргументовъ противниковъ. Но вся эта аргументація направлена къ убѣжденію въ томъ, что въ законѣ нѣтъ препятствій признавать вызовъ истца необходимымъ. Намъ кажется, что въ виду молчанія закона, вопросъ долженъ быть поставленъ на иную почву. Имѣетъ ли какое нибудь серьезное значеніе подобный вызовъ истца, въ общемъ порядкѣ производства? Если мы отвѣтимъ на этотъ вопросъ отрицательно, то опять таки, въ виду молчанія закона, намъ незачѣмъ искать въ уставѣ или въ мотивахъ намековъ на то, что вызовъ этотъ необходимъ или не противенъ уставу; незачѣмъ объяснять это молчаніе недомолвкой, не зачѣмъ видѣть пробѣлъ въ законѣ и стараться его восполнить. Чего ради вызывать истца къ сроку, назначенному для явки отвѣтчика? Г. Змирловъ не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ. Онъ говоритъ, что необходимо вызвать истца въ виду того, что вообще у насъ судъ является органомъ, контролирующимъ дѣйствія сторонъ; истецъ не предоставляется собственнымъ своимъ силамъ; уставъ считаетъ тяжущихся людьми, необладающими юридическими свѣдѣніями и даетъ имъ въ руководители судью. Съ этимъ положеніемъ нельзя согласиться. Судья руководитель и контролеръ, есть нѣчто совершенно непохожее на нашего судью; въ кодексѣ, гдѣ состязательное начало не проводится достаточно послѣдовательно, какъ это было напр. въ старомъ прусскомъ уставѣ, тамъ дѣйствительно судья и руководить тяжущимися и контролируетъ ихъ дѣйствія. У насъ судья или судъ есть посредникъ между тяжущимися; въ германскомъ и французскомъ правѣ эта посредническая дѣятельность судьи развита далеко не такъ, какъ у насъ, благодаря тому, что тамъ существуетъ обязательная адвокатура: адвокаты сторонъ вступаютъ въ сношенія непосредственно. У насъ судья, кромѣ того, при принятіи исковаго прошенія входитъ въ разсмотрѣніе формальной стороны прошенія; это ему предоставляется не въ силу того, какъ думаетъ авторъ, что законодатель рассматриваетъ тяжущихся, какъ лицъ, несвѣдущихъ въ за-

конѣ. Этотъ „контроль“ суда, какъ выражается авторъ, требуется и тѣми кодексами, которые авторомъ противопоставляются нашему уставу, напр. новымъ германскимъ. Этотъ „контроль“ необходимъ въ силу того, 1) что, признавъ разъ необходимою посредствующую дѣятельность суда, законодатель естественно долженъ былъ предоставить суду право удостовѣриться въ томъ, имѣются ли въ прошеніи всѣ данныя, необходимыя для возможности дальнѣйшаго движенія дѣла и 2) съ моментомъ предъявленія иска связаны важныя юридическія послѣдствія: перерывъ давности, опредѣленіе требованія и т. д.; въ виду этого необходимо, чтобы судъ разсмотрѣлъ прошеніе и призналъ его *поданнымъ*. Я иду еще далѣе: въ вызовѣ отвѣтчика тоже нельзя видѣть желаніе законодателя поставить несвѣдущихъ въ правѣ тяжущихся, подъ контроль суда. Хотя крайне неудобный терминъ „вызовъ“, даетъ основаніе предположить, что это дѣйствіе суда имѣетъ исключительно значеніе по отношенію къ явкѣ въ судъ—„вызовъ къ суду для явки“. Между тѣмъ въ этомъ моментѣ процесса важнѣе не вызовъ, а „извѣщеніе и пересылка копій прошенія.“ Въ повѣсткѣ о вызовѣ конечно указывается на срокъ явки, но изъ этого нельзя вывести, что вызовъ и назначеніе срока, суть безразличныя дѣйствія; по моему это совершенно различныя дѣйствія — вызовъ имѣетъ смыслъ извѣщенія, а назначеніе срока явки, есть относительно этого извѣщенія нѣчто второстепенное, несущественное, различное. Повѣстка имѣетъ для отвѣтчика не то значеніе, что изъ нея онъ усматриваетъ желаніе суда видѣть его въ канцеляріи, она имѣетъ для него то значеніе, что изъ нея онъ узнаетъ, что противъ него начато дѣло. Онъ самъ знаетъ въ какой срокъ или къ какому сроку ему слѣдуетъ явиться въ судъ; если бы о явкѣ и не было упомянуто въ повѣсткѣ, то она, повѣстка, для него сохраняла бы важный смыслъ и значеніе. Если такъ, то вызовъ отвѣтчика требуется не въ силу того, что тяжущіеся не могутъ быть предоставлены собственнымъ силамъ, онъ т. е. вѣрное извѣщеніе отвѣтчика, требуетъ начало *adiatur et alteri pars*,—отвѣтчикъ долженъ быть извѣщенъ. Изъ начала руководительства и контроля нельзя, кажется, вывести необходимость извѣщенія истца, разъ потому, что такое начало неизвѣстно нашему уставу, другое, что даже если-бы оно было извѣстно уставу, то, понятнo, примѣненіе его было-бы возможно и необходимо, только въ такомъ случаѣ, если бы истцу было неизвѣстно, въ какой срокъ, и если бы суду было извѣстно, къ какому сро-

ку явится отвѣтчикъ и 2) если бы истецъ имѣлъ хоть какой нибудь интересъ (въ общемъ порядкѣ производства) знать это.

1) Истцу, даже когда прошеніе прислано по почтѣ, извѣстно, въ какой срокъ явиться отвѣтчикъ. Сроки эти опредѣлены уставомъ—1, 4 и 6 мѣсяцевъ; такъ какъ и истецъ можетъ явиться, то, можно сказать, и ему извѣстно, когда ему слѣдуетъ явиться, но ему неизвѣстно къ какому сроку, въ какой моментъ, въ указанномъ періодѣ, отвѣтчикъ явится; это также неизвѣстно суду. Отвѣтчику предоставляется выбрать любой моментъ въ этомъ періодѣ.

2) Явка отвѣтчика, для истца, нѣчто совершенно безразличное. Явится-ли отвѣтчикъ для указанія мѣста своего пребыванія или неявится—истцу дѣла нѣтъ до этого. Да никто, кромѣ самаго отвѣтчика, не исключая и судъ, не знаетъ, когда наступитъ самая явка. Еслибы это даже и было извѣстно суду, то сообщать объ этомъ истцу, а тѣмъ болѣе вызывать его, не представляло бы необходимости. Какой интересъ истцу встрѣтиться съ отвѣтчикомъ въ канцеляріи суда? Никакого нѣтъ. Ни съ судомъ, ни другъ съ другомъ, стороны ни въ какія объясненія не входятъ—вовсе не таковъ смыслъ явки; заявленіе объ избранномъ мѣстѣ пребыванія, повторяемъ, не есть такое обстоятельство, которое требуетъ одновременнаго пребыванія въ судѣ. Могутъ возразить, если такъ, то и въ вызовѣ отвѣтчика нѣтъ надобности. Это совсѣмъ другое дѣло. Я уже сказалъ, что не вызовъ отвѣтчика важенъ, а извѣщеніе его о томъ, что дѣло начато противъ него. И въ вызовѣ отвѣтчика *для явки* не представляется надобности, но такъ какъ у насъ вызовомъ называется собственно извѣщеніе, то вызовъ, въ смыслѣ извѣщенія о предъявленномъ искѣ, необходимъ.

По отношеніи къ истцу вызовъ, какъ извѣщеніе, не имѣетъ значенія потому, что извѣщать его собственно не о чемъ. Могутъ замѣтить, что срокъ явки отвѣтчика есть вмѣстѣ съ тѣмъ срокъ подачи отвѣтной бумаги (въ первомъ случаѣ онъ опредѣляется періодомъ, во второмъ моментомъ времени) истцу интересно знать, когда срокъ этотъ наступитъ. Положимъ такъ, ему это интересно, но онъ это узнаетъ самъ изъ устава, гдѣ указаны эти сроки; если онъ указалъ на свое мѣстопробываніе и если живетъ въ городѣ, гдѣ находится судъ, то черезъ 1, 4 или 6 мѣсяцевъ и нѣсколько дней, онъ можетъ поджидать пристава съ отвѣтной бумагой; дождется—прекрасно, не дождется или не указалъ мѣста пребыванія,—можетъ смѣло идти въ судъ и просить о назначеніи дня засѣданія для слу-

шанія дѣла. Такъ что и съ этой стороны его незачѣмъ извѣщать, а тѣмъ болѣе вызывать.

Вотъ почему мнѣ кажется, что не представляется надобности для разрѣшенія вопроса о вызовѣ истца, искать почвы въ законодательствѣ. Законодатель намѣренно умолчалъ объ этомъ вызовѣ, считая его бесполезнымъ. Вводить—же бесполезныя формальности законодатель не долженъ, а судъ не имѣетъ права.

Доводовъ автора о наблюдательной и руководительной дѣятельности суда и о безразличіи между вызовомъ и назначеніемъ срока явки, мы уже коснулись. Обратимся къ другимъ доводамъ. Ссылка на гановерскій уставъ неудачна: неизвѣстно имѣли ли редакторы въ виду этотъ уставъ, но главное авторъ впалъ въ ошибку; по его мнѣнію, по этому уставу, председатель отмѣчаетъ на исковомъ прошеніи срокъ для явки отвѣтчика въ судъ, т. е. для явки съ цѣлью указанія на мѣсто пребыванія, а между тѣмъ, по § 381 этого устава, председатель отмѣчаетъ срокъ для явки въ засѣданіе, назначенное для слушанія дѣла. Это совсѣмъ иная вещь. Тутъ важно чтобы обѣ стороны явились и слѣд., чтобы они были вызваны. Далѣе, не менѣе удачна ссылка на мотивы нашего устава. Редакторы говорятъ, что необходимо опредѣлить въ законѣ сроки явки, а не предоставлять председателю право назначать ихъ по усмотрѣнію; въ последнемъ случаѣ истецъ былъ бы стѣсненъ, *онъ долженъ былъ бы ожидать, когда его извѣстятъ о назначенномъ срокѣ.* Изъ этихъ послѣднихъ словъ я вывожу то заключеніе, что по мнѣнію редакторовъ, если срокъ явки будетъ опредѣленъ въ законѣ, то истцу незачѣмъ ждать извѣщенія отъ суда; предполагается, что онъ изъ закона знаетъ, въ какой срокъ отвѣтчикъ долженъ явиться. Въ уставѣ сроки опредѣлены, ерго: извѣщать истца незачѣмъ.

Мнѣніе автора и противниковъ его о значеніи вывѣшиванія объявленія въ передней суда, кажется могутъ быть примирены такимъ образомъ: этотъ способъ вызова, есть способъ дополнительный; объявленія вывѣшиваются о всѣхъ лицахъ, вызываемыхъ въ судъ; нельзя сказать, что этотъ способъ введенъ только съ цѣлью извѣщенія истца о срокѣ явки отвѣтчика, также, какъ нельзя сказать, что онъ введенъ съ цѣлью извѣщенія отвѣтчика (въ болѣшинствѣ случаевъ отвѣтчику извѣстно, что онъ вызывается въ судъ). Объявленіе вывѣшивается съ цѣлью извѣщенія всѣхъ лицъ, интересующихся знать, кто и къ кому сроку вызывается къ суду; отвѣтчики, истцы, стороннія лица, могутъ этимъ интересоваться.

Считая такимъ образомъ излишнимъ вызовъ истца въ назначенный для явки отвѣтчика срокъ, въ общемъ порядкѣ производства, мы понимаемъ, что въ сокращенномъ порядкѣ вызовъ этотъ необходимъ, необходимъ уже въ силу особеннаго значенія явки въ этомъ случаѣ. Тутъ, какъ мы уже упоминали, тяжущіеся являются для объясненій съ предсѣдателемъ, тутъ происходитъ (въ кабинетѣ предсѣдателя, какъ говоритъ г. Вербловскій) маленькое состязаніе: истецъ заинтересованъ въ явкѣ. Тутъ судъ назначаетъ „положительный“ срокъ явки. Суду извѣстно, когда отвѣтчикъ долженъ явиться; онъ имѣетъ возможность вызвать истца къ данному дню. Истецъ, напр. когда прошеніе прислано по почтѣ, даже приблизительно не знаетъ, какой срокъ (отъ 7 дн. до 1 мѣс.) назначенъ на явку, а между тѣмъ ему нужно знать его въ точности. Въ этомъ то случаѣ мы готовы допустить пробѣлъ въ уставѣ и вполне согласны съ авторомъ, что соображенія противниковъ относительно непредставленія денегъ на вызовъ и т. п. не выдерживаютъ критики. Мы не можемъ лишь согласиться съ авторомъ, что редакторы устава имѣли основаніе не касаться вопроса объ отвѣтственности за отступленія отъ правилъ о вызовѣ истца — это весьма важный пробѣлъ.

Но признавая необходимымъ вызовъ истца въ сокращенномъ порядкѣ производства, мы далеки отъ того, чтобы и тутъ требовать выполнения этой формальности въ тѣхъ случаяхъ, когда это излишне. Дѣло въ томъ, что когда истецъ лично или черезъ повѣреннаго подаетъ исковое прошеніе, то предсѣдатель объявляетъ ему о назначенномъ срокѣ; тутъ уже, понятно, вызовъ былъ-бы бесплодною формальностью; истецъ знаетъ, когда ему слѣдуетъ явиться. Остается слѣдовательно лишь случай, когда прошеніе пересылается по почтѣ; только тогда и необходимъ вызовъ въ сокращенномъ порядкѣ производства.

Обратимся ко второму и третьему положеніямъ, высказаннымъ авторомъ въ заключеніи статьи. Считая необходимымъ вызовъ истца и въ общемъ порядкѣ производства, онъ говоритъ, что при способѣ вычисленія срока явки, принятомъ уставомъ, вызовъ не достигаетъ своей цѣли, такъ какъ истецъ только приблизительно можетъ вычислить, когда наступить срокъ явки отвѣтчика. Авторъ требуетъ законодательнаго измѣненія способа вычисленія срока явки въ томъ смыслѣ, чтобы на явку былъ опредѣленъ положительный срокъ (годъ, мѣсяцъ, число) какъ это требуется при сокращенномъ производствѣ дѣлъ. Съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Авторъ

упускаетъ изъ виду различіе между явкой для указанія мѣста пребыванія въ городѣ, гдѣ находится судъ, и явкой для объясненія съ предсѣдателемъ. Если-бы различія этого не было, если-бы явка въ первомъ смыслѣ требовалась бы одновременная, т. е. сторонамъ было-бы, въ виду недостиженія нынѣ цѣли вызова, необходимо встрѣтиться въ судѣ и сдѣлать свои заявленія, то конечно слѣдовало-бы назначить точный, положительный, общій срокъ на явку. Этого не требуется, это было-бы чрезвычайно затруднительно для тяжущихся; имъ нужно было-бы въ опредѣленный день бросить свои дѣла и ѣхать въ судъ, и для чего? А чтобы заявить объ адресѣ. Заявленіе это можно кажется сдѣлать съ такимъ же успѣхомъ въ любой, удобный для тяжущихся, день, въ предѣлахъ даннаго періода—какъ это дозволяется уставомъ.

А. Голыстень.

ЗАПИСКА СОВѢТНИКА ДИРЕКЦИИ ПРАВОСУДІЯ, ВОСТОЧНОЙ РУМЕЛИИ, П. А. МАТВѢЕВА О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЕГО ПО ТЕКУЩИМЪ ДѢЛАМЪ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫМЪ ВОПРОСАМЪ ¹⁾.

Дѣятельность моя, по прибытіи въ Восточную Румелию, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, была посвящена знакомству съ дѣлопроизводствомъ и дѣйствующими въ Восточной Румелии законами, т. е. съ органическимъ статутомъ и оттоманскими законами, собранными и изданными Аристархи-беемъ въ 5-ти томахъ. Кромѣ того, мнѣ пришлось дать заключенія по многимъ во просамъ, предложеннымъ на мою консультацию г. директоромъ, какъ словесно такъ и письменно.

Распоряженіе о назначеніи меня предсѣдателемъ законодательной комиссіи послѣдовало 16-го мая. Комиссія была организована въ слѣдующемъ составѣ:

Предсѣдатель—совѣтникъ дирекціи.

Члены: Главный прокуроръ—Пжевлоцкій,
Генеральные адвокаты—д-ръ Турнъ-Таксисъ и д-ръ Хитиль,
Пловдивскій прокуроръ—г. Сочинскій,
Предсѣдатель угол. камеры верхов. суда—г. Георгій Груевъ,
Предсѣдатель гражд. камеры того же суда г. Ненчо Крестъевъ,
и Предсѣд. I гражд. камеры Пловдивскаго департ. суда—
г. С. Бобчевъ.

¹⁾ Считаю не безполезнымъ ознакомить читателей, съ дѣятельностью одного изъ нашихъ соотечественниковъ, приглашеннаго румелійскимъ правительствомъ, въ неприглядными ея условіями.

Прим. ред.

По первоначальному предположенію г. директора правосудія, эта комиссія должна была составить, въ теченіи лѣта, срокомъ до 30-го августа, 2 кодекса, уголовнаго и гражданскаго судопроизводства и законопроектъ объ ипотекахъ. Но этимъ не ограничивались желанія дирекціи, и въ предложеніи 16-го мая высказалось еще желаніе, чтобы къ тому же времени я приготовилъ еще, если можно, уголовный кодексъ и наказъ для внутренняго устройства судебныхъ мѣстъ. Это предложеніе, ясно обнаружившее отсутствіе определенныхъ понятій какъ о свойствѣ законодательныхъ работъ вообще, такъ и объ объемѣ и характерѣ этихъ работъ въ Восточной Румелии, вызвало съ моей стороны какъ словесныя разъясненія, такъ и письменное заключеніе отъ 28-го мая, съ указаніемъ необходимости раздѣленія законодательной комиссіи по специальнымъ отдѣламъ; при этомъ, я объяснилъ очевидную невозможность выполненія той мало-обдуманной программы занятій, которая была изложена въ предложеніи дирекціи. Вслѣдъ за тѣмъ директоръ Кесляковъ уѣхалъ въ заграничный отпускъ, также какъ и нѣкоторые изъ членовъ комиссіи, собраніе которой, такимъ образомъ, пришлось отложить сначала до конца іюня, а затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ, безуспѣшныхъ попытокъ ее удалось собрать только 19-го іюля. Въ приглашеніи же изъ Россіи двухъ молодыхъ юристовъ, на которыхъ я указалъ, для составленія спеціальной законодательной комиссіи, мнѣ было отказано постояннымъ комитетомъ. Дѣятельность комиссіи, въ вышеуказанномъ составѣ, представлялась мнѣ съ самаго начала невозможной, по крайней разнородности и даже разноязычности ея членовъ, которые, притомъ, всѣ безъ изъятія, были обременены своими прямыми служебными обязанностями и на дѣятельное участіе которыхъ, въ трудахъ комиссіи, рассчитывать было совершенно напрасно, такъ какъ одно лишь созываніе въ засѣданіе было сопряжено съ немалыми хлопотами и требовало значительныхъ усилій и переписки; притомъ, всѣ старанія собрать членовъ комиссіи въ засѣданіе, нерѣдко оставались безуспѣшными. Однако, такое заключеніе, съ моей стороны, о безнадежности комиссіи, требовало фактическихъ доказательствъ опыта, а съ самаго же начала я не могъ отказаться отъ возложенной на меня обязанности предсѣдателя законодательной комиссіи. Во время такихъ безуспѣшныхъ попытокъ созвать комиссію, т. е. въ теченіи іюня мѣсяца, я успѣлъ ознакомиться съ 2-мя проектами устава уголовного судопроизводства, изъ которыхъ одинъ былъ составленъ

генеральнымъ прокуроромъ Пжевлоцкимъ и представлялъ. крайне поспѣшно и небрежно сдѣланную передѣлку французскаго кодекса, причемъ составитель не далъ себѣ даже труда согласовать статьи этого проекта, какъ между собой, такъ и съ дѣйствующими въ Восточной Румелии законами. Этотъ проектъ не имѣлъ не только объяснительной записки (*exposé des motifs*), но даже простаго оглавленія его содержанія.

Второй проектъ былъ составленъ на основаніи австрійскаго кодекса уголовного судопроизводства 1873 года, также крайне поспѣшно и въ томъ же видѣ, какъ и первый, хотя съ тѣмъ преимуществомъ, что составитель его, д-ръ Турнъ-Таксисъ, хотя и не имѣлъ времени, но очевидно желалъ согласовать правила процесса, заимствованнаго имъ изъ австрійскаго кодекса, съ дѣйствующими въ области учрежденіями, органическимъ статутомъ и оттоманскимъ уголовнымъ кодексомъ.

Хотя въ цѣломъ и этотъ проектъ оказался совершенно несостоятельнымъ, но по заявленію самаго составителя, сдѣланному въ одномъ изъ засѣданій комиссіи, многіе недостатки этого проекта были увеличены поспѣшностью работы и ошибками переводчика. Проектъ былъ составленъ по нѣмецки и представленъ мнѣ на разсмотрѣніе въ болгарскомъ переводѣ.

Къ первому засѣданію комиссіи, 19-го іюля, я представилъ членамъ ея докладъ о проектѣ д-ра Таксиса, а во второмъ засѣданіи, комиссія единогласно рѣшила, что въ виду необработанности этого проекта, представляющаго неудовлетворительную и механическую передѣлку австрійскаго кодекса угол. судопр. 1873 года, прекратить его разсмотрѣніе и заняться составленіемъ отдѣльныхъ законопроектвъ, вслѣдствіе невозможности изготвить цѣлый проектъ кодекса къ предстоящей, въ октябрѣ, сессіи областного собранія.

Продолжая вести засѣданія комиссіи, которыя нерѣдко приходилось откладывать за неявкой членовъ, я съ перваго же засѣданія увидѣлъ, что дѣятельность комиссіи останется безъ практическихъ результатовъ и что мнѣ придется взять это дѣло исключительно на себя, чтобы возможно было приготовить какія-нибудь законодательныя работы, къ октябрю истекшаго года. Я рѣшился тогда же дать моимъ работамъ такое направленіе, хотя формальное согласіе на это, со стороны и. д. директора правосудія, Г. Груева, было мнѣ заявлено лишь 22-го августа, т. е. собственно

говоря уже слишкомъ поздно для поправленія дѣла, если-бы я не принялъ своевременно своихъ мѣръ.

Я воспользовался присутствіемъ въ комисіи представителей высшаго судебного персонала области, чтобы выяснить себѣ какіе изъ отдѣльныхъ законопроектовъ и притомъ такихъ, изготовленіе которыхъ возможно въ теченіи двухъ или трехъ мѣсяцевъ, представляются наиболѣе необходимыми, согласно указаніямъ практик.

Такой выборъ былъ труднѣе, чѣмъ это можетъ казаться съ перваго взгляда, потому *во первыхъ*, что настойчиво сказывалась потребность во многихъ законахъ, основательный выборъ между которыми требовалъ извѣстнаго знанія страны; *во вторыхъ*, благодаря крайней шаткости, чтобы не сказать отсутствію общихъ началъ въ оттоманскихъ законахъ, дѣйствующихъ въ области,—выдѣленіе нѣкоторыхъ частей съ цѣлью разработки ихъ въ видѣ отдѣльныхъ законопроектовъ, крайне затруднительно. Повидимому несложная и легко выполняемая работа, какова, напримѣръ, обработка вопроса о правѣ суда понижать наказаніе, — постепенно разрастается и принимаетъ серьезные размѣры, когда приступаютъ къ дѣйствительному исполненію этой работы, и это — благодаря вышеуказаннымъ свойствамъ турецкихъ законовъ и отсутствію определенной лѣстницы наказаній. Задавшись мыслью составить нѣсколько статей, въ видахъ предоставленія суду права понижать наказаніе, я долженъ былъ, въ силу необходимости, значительно расширить эту работу и составить первый изъ приготовленныхъ мною законопроектовъ, именно законопроектъ:

1) *о правахъ суда въ отношеніи отмыкъ, пониженія и замѣны наказаній*, потребовавшій тщательной обработки и многихъ подготовительныхъ работъ. Постановленія оттоманскаго уголовного кодекса о компетенціи суда смягчать примѣненіе наказаній, при обстоятельствахъ уменьшающихъ или исключаяющихъ вину и наказаніе, составляютъ конечно одну изъ худшихъ и наименѣе терпимыхъ частей оттоманскаго уголовного кодекса. Права суда, въ этомъ отношеніи, крайне стѣснены 2 п. 47 статьи сказаннаго кодекса, который гласитъ: „*nulle peine ne peut-êtré excusée, ni commuée, ni mitigée, qu'en vertu d'une ordonnance spéciale et dans les cas, où la loi l'aura expressément édictée.*“ Расширеніе правъ суда, въ этомъ отношеніи, есть такой „*correctif pratique.*“ Безусловная необходимость котораго бросается въ глаза всякому, кто хоть сколько нибудь вни-
ж. гр. и уг. пр. кн. II 1882 г. 2

мательно присмотрится къ условіямъ мѣстной судебной практики по уголовнымъ дѣламъ. Это—наущная и существенная потребность.

II) *Законопроектъ объ адвокатахъ.* Отсутствие правилъ, опредѣляющихъ права и обязанности лицъ, занимающихся ходатайствомъ по чужимъ дѣламъ представляетъ также одинъ изъ немаловажныхъ недостатковъ настоящаго положенія судебной части въ Вост. Румелии. Отсутствие такихъ правилъ не только даетъ мѣсто многимъ злоупотребленіямъ со стороны лицъ, занимающихся адвокатурой, но кромѣ того крайне затрудняетъ правильное отправленіе правосудія, отнимая у судовъ немало времени и притомъ совершенно напрасно. Во всѣхъ судахъ области, не исключая и верховнаго суда, можетъ являться, въ качествѣ повѣренныхъ и зашитниковъ, всякій, кто называетъ себя адвокатомъ, т. е. весьма часто люди безъ всякой подготовки и образованія, и наконецъ даже вовсе безграмотные. Участіе такихъ лицъ въ разсмотрѣніи дѣлъ и судебныхъ пренійхъ—не только бесполезно, но и положительно вредно, потому что отнимаетъ много лишняго времени у суда. Составленный мною законопроектъ ограничиваетъ извѣстными условіями занятіе адвокатурой и ставитъ извѣстные предѣлы той неурядицѣ и безтолковому ораторству, которые внесли въ судебную практику эти адвокаты—добровольцы.

III) Наконецъ, по особому распоряженію Его Сіятельства Господина Генераль-Губернатора Восточной Румелии, за отказомъ и. д. Генеральнаго Прокурора, д-ра Хитиля, исключительно на меня было возложено, и притомъ въ самое короткое время, составленіе правилъ, для опредѣленія *порядка преданія суду должностныхъ лицъ судебного вѣдомства.*

Всѣ три вышеозначенные проекта составлены мною къ началу октября, и виѣстъ съ „*exposé des motifs*,“ согласно указанію 54 ст. орг. статута, переданы директору правосудія. Приложение къ законопроектамъ „*exposé des motifs*,“ хотя и есть общепринятый обычай въ законодательной практикѣ европейскихъ государствъ, требуемый притомъ органъ статутомъ (ст. 54), но практикуется, какъ мнѣ это положительно извѣстно, въ первый разъ въ Восточной Румелии, при внесеніи законопроектовъ въ областное собраніе.

Въ заключеніе, считаю нелишнимъ сдѣлать краткій перечень наиболѣе крупныхъ вопросовъ по текущимъ дѣламъ, изъ судебной практики, которые присылались мнѣ на разсмотрѣніе. Для соста-

вления письменных заключений, которыя мною и были представлены:

1) По вопросу о примѣненіи амнистіи, дарованной Санъ-Стефанскимъ трактатомъ, въ отношеніи преступленій, совершенныхъ въ Восточной Румелии, до введенія въ дѣйствіе органическаго статута и вступленія въ свои права нынѣ установленныхъ властей.

2) По вопросу о порядкѣ исполненія, въ предѣлахъ Румелійской территоріи, рѣшеній турецкихъ судовъ, по гражданскимъ дѣламъ.

3) По вопросу о предѣлахъ вѣдомства дирекціи внутреннихъ дѣлъ и правосудія, вслѣдствіе пререканія въ Сливнѣ между префектомъ и прокуроромъ, въ отношеніи надзора за тюрьмами.

4) По вопросу объ опредѣленіи подсудности брачныхъ дѣлъ въ Восточной Румелии, вслѣдствіе вопроса, возбужденнаго Околийскимъ судьей въ Татаръ-Базарджикѣ.

5) О порядкѣ свидѣтельствванія духовныхъ завѣщаній, а именно: подлежатъ ли они утвержденію духовныхъ властей или гражданской судебной власти.

6) По вопросу объ учрежденіи въ Восточной Румелии обвинительной камеры.

7) По вопросу о допущеніи къ свидѣтельскимъ показаніямъ родственниковъ обвиняемаго. — Кромѣ того, мною велась переписка съ дирекціей по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ, напр. *о замѣнѣ заключенія въ крѣпость* (за неимѣніемъ крѣпостей въ Вост. Рум.); наконецъ, мною былъ составленъ, по предложенію директора, письменный и подробный критическій разборъ — *административныхъ пратей для взиманія прямыхъ налоговъ*, составленныхъ дирекціей финансовъ

МНѢНІЕ ФАКУЛЬТЕТА ОБЪ УЧЕНЫХЪ ТРУДАХЪ Г. ТАРАСОВА ¹⁾.

Ординарный профессоръ Ярославскаго юридическаго лица, докторъ полицейскаго права И. Т. Тарасовъ, принадлежитъ къ числу весьма трудолюбивыхъ и плодovitыхъ писателей. Еще будучи про

¹⁾ Въ виду возбужденныхъ въ печати сомнѣній въ степени основательности отзыва, принятаго, по большинству голосовъ, юридическимъ факультетомъ Кіевскаго университета (Св. Владиміра) объ ученыхъ трудахъ г. Тарасова, имѣвшего своимъ послѣдствіемъ устраненіе кандидатуры г. Тарасова на кафедру полицейскаго права, считаемъ уместнымъ содѣйствовать появленію этого отзыва въ печати.

Прим. ред.

фессорскимъ стипендіатомъ при университетѣ Св. Владиміра, онъ отпечаталъ въ 1874 году объемистую работу: „Основныя положенія Лоренца Штейна по полицейскому праву, въ связи съ его ученіемъ объ управленіи;“ затѣмъ, въ слѣдующемъ году, онъ напечаталъ свою магистерскую диссертацию „Личное задержаніе, какъ полицейская мѣра безопасности, ч. 1 (Кіевъ, 1875 г.), а черезъ два года появилась и вторая часть этого труда „Полицейскій арестъ въ Россіи“ (Кіевъ, 1877 г.). Черезъ годъ г. Тарасовъ успѣлъ напечатать большое изслѣдованіе „Ученіе объ акціонерныхъ компаніяхъ,“ (Кіевъ, 1878 года) которое въ 1880 году вышло въ переработанномъ видѣ и было принято въ Московскомъ университетѣ, какъ докторская диссертация автора. Кромѣ этихъ большихъ трудовъ, профессоръ Тарасовъ напечаталъ нѣсколько журнальныхъ статей, монографій и брошюръ, какъ то: „Будущая участь малолѣтнихъ преступниковъ и безпріютныхъ дѣтей“ (Кіевъ, 1875 г.), „Отвѣтъ профессору Кистяковскому“ (Кіевъ, 1875 г.), „Опытъ разработки программы и конспекта общей части науки полицейскаго права“ (Ярославль 1879 г.) „Объ уваженіи къ женщинѣ“ (Ярославль 1880 г.), „Финансы и исторія,“ „Очерки желѣзнодорожной политики“ и др. Кромѣ того, въ 1877 году онъ перевелъ брошюру г. Кавелина „Общинное владѣніе“ на нѣмецкій языкъ и издалъ въ Лейпцигѣ. Болѣе серьезными трудами г. Тарасова являются: его магистерская и докторская диссертации. Что касается первой, „Личное задержаніе, какъ полицейская мѣра безопасности,“ то достоинства и слабыя стороны этого труда хорошо извѣстны юридическому факультету, такъ какъ магистерскій диспутъ г. Тарасова происходилъ въ университетѣ Св. Владиміра. Вотъ отзывы професоровъ Н. Х. Бунге и А. О. Кистяковского, объ этой работѣ. Профессоръ Н. Х. Бунге, изложивъ содержаніе сочиненія г. Тарасова, говоритъ: „переходя къ оцѣнкѣ его, слѣдуетъ замѣтить, что едва ли третья часть книги посвящена главному предмету—вопросу о личномъ задержаніи, какъ полицейской мѣрѣ безопасности. Это, впрочемъ, не составляло бы еще существеннаго недостатка, если бы содержаніе отличалось болѣе строгою послѣдовательностію. Книга г. Тарасова не представляетъ стройнаго цѣлаго—это подтверждается не только отсутствіемъ подраздѣленія ея на главы и параграфы, но и самымъ оглавленіемъ, въ которомъ есть крупныя рубрики въ родѣ: „Кодексы полицейскаго карательнаго права,“ безъ какого либо соотвѣтствующаго заголовку содержанія. Отсутствіе опредѣленнаго плана

можно замѣтить во многихъ мѣстахъ сочиненія. Авторъ нерѣдко возвращается къ предметамъ, о которыхъ онъ уже говорилъ прежде, иногда приводитъ цѣлый рядъ законовъ по извѣстному вопросу, иногда только часть какого либо закона, а иногда, вмѣсто положительнаго права, излагаетъ мнѣнія замѣчательнѣйшихъ писателей. Такъ напр., говоря объ органахъ полицейской власти, онъ излагаетъ одинъ только прусскій общинный законъ 1850 г.

Другой недостатокъ сочиненія г. Тарасова—это противорѣчія, въ которыя впадаетъ авторъ съ самимъ собою. Если нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. признаніе науки полицейскаго права и наименѣе разработанною, и чѣмъ то постояннымъ и твердо установленнымъ (см. предисловіе (стр. 1—11), еще могутъ быть объяснены неточностію изложенія, то подобное оправданіе, въ другихъ случаяхъ, едва ли можетъ быть допущено. Такъ, напр. порядокъ преслѣдованія преступленій въ Швейцаріи, авторъ находитъ на стр. 14 нестерпимымъ, а на стр. 17 удовлетворительнымъ. Такъ, суды исправительной юстиціи во Франціи составляютъ, по словамъ автора, и старину, разукрашенную новыми блестками, и устройство вполне цѣлесообразное (стр. 28—29). Такъ, ратуя во многихъ мѣстахъ своей книги за личную свободу, г. Тарасовъ перечисляетъ случаи ареста (стр. 149), изъ которыхъ видно, что полиція, по его мнѣнію, можетъ арестовать по довольно слабымъ поводамъ (стр. 149—150).

При пользованіи источниками, г. Тарасовъ дѣлаетъ немало ошибокъ и не всегда вѣрно передаетъ текстъ. Такъ, на стр. 11 авторъ говоритъ, что „преслѣдованіе преступленій и проступковъ, нарушающихъ не одинъ только частный интересъ, поставлено (въ Англіи) въ зависимость „отъ благоусмотрѣнія частныхъ лицъ“ и ссылается на § 105 Глазера; но въ § 105 сказано объ обязательствѣ, которое можетъ требовать мировой судьи или отъ чиновника полиціи, или отъ пострадавшаго, или отъ свѣдущаго свидѣтеля, явиться обвинителемъ.

Такъ, на стр. 49, авторъ говоритъ о границѣ между дознаніемъ и слѣдствіемъ и ссылается на Бертрана (стр. 27), у котораго на стр. 27 вовсе не упоминается о дознаніи. Такъ, на стр. 73, авторъ несовсѣмъ точно понимаетъ различіе между *arrestation preventive* и *detention preventive*, переводя первое словомъ полицейскій, а второе словомъ судебный арестъ (ср. Bertrand p. 5).

Такъ, на стр. 97 авторъ говоритъ о дознаніи и слѣдствіи, а Бертранъ, на котораго онъ ссылается, о допросѣ въ 24 часа.

Такъ, на стран. 99, передано содержаніе § 175 Глазера неполнѣ точно, своими словами, и ошибочно объяснено значеніе англійскаго термина и warrant to-remand (Bertrand p. 15).

Подобныхъ неточностей и ошибокъ можно найти у г. Тарасова довольно много.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть о достоинствахъ книги г. Тарасова. Главная заслуга автора состоитъ въ томъ, что онъ извлекъ изъ разсмотрѣнныхъ имъ сочиненій довольно много свѣдѣній. Книга его знакомитъ съ законами о личномъ задержаніи въ разныхъ государствахъ, (преимущественно съ изданными начиная съ конца прошлаго столѣтія) и съ мнѣніями значительнаго числа писателей о предметѣ его изслѣдованій. Хотя г. Тарасовъ жалуется на скудость матеріаловъ, на то, что ему пришлось прочесть цѣлую массу книгъ, часто для того, чтобы убѣдиться въ ихъ бесполезности для него, но именно извлеченія изъ нихъ составляютъ главный интересъ его книги, которая, какъ сводъ матеріала, относящагося къ полицейскому праву и въ значительной мѣрѣ къ уголовному судопроизводству, можетъ быть допущена къ защитѣ для полученія степени магистра.

Второй officialный оппонентъ, профессоръ Кистяковскій, напечаталъ рецензію диссертации г. Тарасова въ 5-й книжкѣ „Журнала гражданского и уголовного права“ за 1875 г. Указавъ на то, что отъ работъ, представляемыхъ для полученія высшихъ ученыхъ степеней, требуется строго научный методъ, обстоятельная обработка избраннаго предмета и умѣнье выбирать наиболѣе годный и наиболѣе достовѣрный матеріалъ, такъ какъ „работы подобнаго рода должны представлять образцы тѣхъ качествъ, которыми должно отличаться университетское преподаваніе,“ профессоръ Кистяковскій говоритъ: „примѣняя эти общепринятые требованія къ разсматриваемой работѣ г. Тарасова, нельзя незамѣтить, прежде всего, что въ методологическомъ отношеніи она страдаетъ весьма существенными и весьма крупными недостатками. Начать съ того, что въ ней есть много такого матеріала и такихъ общихъ мѣстъ, которые не идутъ къ дѣлу, а съ другой стороны, многое кажется несдоказаннымъ, неисчерпаннымъ, изъ того, что прямо относится къ предмету (стр. 256). Тѣ общія понятія о полиціи, которыя авторъ предпосылаетъ своей спеціальной работѣ, съ такимъ же удобствомъ могутъ занять мѣсто въ любой диссертации по полицейскому праву. Это то, что называется общимъ мѣстомъ, нисколько неуясняющимъ из-

браннаго авторомъ предмета. Неменѣе излишне все то, что авторъ говоритъ по поводу предварительнаго слѣдствія въ Англіи и Франціи, о прокуратурѣ, о дознаніи, о преимуществахъ гласности предварительнаго слѣдствія, о полицейскихъ судахъ и о многомъ другомъ, чему посвящены первыя 50 стр., и что, затѣмъ, разсѣяно и такъ часто повторяется во всемъ сочиненіи. А между тѣмъ, среди этихъ посторонностей, часто утопаетъ мало замѣтнымъ образомъ то, что относится къ избранному предмету (256).“ Указавъ еще рядъ общихъ мѣстъ, профессоръ Кистяковскій продолжаетъ:“ при существованіи общихъ мѣстъ въ сочиненіи автора, тамъ, гдѣ дѣло касается частныхъ, встрѣчаются положительныя невѣрности, отличающія только поверхностное знакомство автора съ тѣмъ, о чемъ онъ говоритъ. Отсюда проистекаютъ положительныя ошибки, противорѣчія и неопредѣленности. Это происходитъ еще и от того, что авторъ, при недостаточномъ знакомствѣ съ уголовнымъ судопроизводствомъ, судоустройствомъ и ихъ исторіею, берется дѣлать обобщенія. (стр. 257).“ Въ концѣ рецензіи профессоръ Кистяковскій указываетъ на то, что г. Тарасовъ для рѣшенія того или иного вопроса беретъ первый попавшійся матеріалъ. Такъ, коснувшись вопроса о степени участія самоуправленія въ полицейской дѣятельности, г. Тарасовъ заявляетъ, что онъ оставляетъ въ сторонѣ англійское и французское законодательство и остановится только на прусскомъ законѣ 11 марта 1850 года, потому будто бы, что содержаніе этого закона не находится въ такомъ внутреннемъ противорѣчій съ современнымъ направленіемъ внутренней политики европейскихъ государствъ, чтобы изъ закона этого нельзя было сдѣлать весьма полезныхъ позаимствованій. По этому поводу профессоръ Кистяковскій говоритъ:„ мы не станемъ разбирать несостоятельности этихъ мыслей: она очевидна даже и для неспециалистовъ, которымъ безъизвѣстна та истина, что англійское самоуправленіе и французская централизація, двѣ типическія принципиальныя формы, которыя обходить недозволительно. Мы укажемъ только на общую манеру автора — софизмомъ прикрывать отрывочность и случайность матеріала, имъ разсматриваемаго. Авторъ не даетъ себѣ труда изыскать весь возможный матеріалъ, а ограничивается первымъ попавшимся, причемъ хочетъ дать видъ, что это не его собственная манера, а нѣчто, оправдываемое приемами науки (стр. 276).“

Ограничиваясь этими отзывами о магистерской диссертациіи г.

Тарасова, мы считаемъ необходимымъ представить факультету нѣсколько замѣчаній объ его докторской диссертациі „Ученіе объ акціонерныхъ компаніяхъ.“ Въ переработанномъ изданіи, этотъ большой трудъ состоитъ изъ обширнаго введенія и 14-ти главъ. Введеніе заключаетъ въ себѣ нѣчто въ родѣ конспекта книги, а также историческія данныя о развитіи акціонернаго дѣла. законодательства объ акціонерныхъ компаніяхъ и литературы, къ сожалѣнію, далеко неполныя. Въ первой главѣ говорится объ юридическомъ, хозяйственномъ и государственномъ значеніи акціонерныхъ компаній; во 2-й о формѣ акціонерныхъ компаній; въ 3-й о системахъ учрежденія акціонерныхъ компаній, въ 4-й объ учредителяхъ, въ 5-й—моменты учрежденія акціонерныхъ компаній, въ 6-й уставъ, его составленіе, опубликованіе и утвержденіе, въ 7-й подписка на акціи, въ 8-й учредительныя собранія,—регистрація акціонерныхъ компаній,—въ 10-й образованіе акціонернаго капитала, его увеличеніе и уменьшеніе, въ 11-й—акція, формы акцій, ихъ виды и проч., глава 12—акціонеръ и акціонерное право, глава 13—органы управленія акціонерныхъ компаній, глава 14—конторы и отдѣленія акціонерныхъ компаній, сліяніе и ликвидація компаній, амортизація акцій.

Изъ этого перечня видно, что трудъ г. Тарасова нельзя упрекнуть въ формальной неполнотѣ. Авторъ коснулся всѣхъ вопросовъ, имѣющихъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ акціонернымъ компаніямъ, и въ книгѣ его собранъ довольно обильный матеріалъ. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе отсутствія строгой системы въ трудѣ г. Тарасова, собранный имъ матеріалъ носитъ печать какъ бы случайной агломерации и грѣшится существенными пробѣлами, а изложеніе автора не отличается научной стройностью: въ книгѣ его встрѣчается множество повтореній, второстепенные вопросы рассматриваются очень подробно, а основныя положенія страдаютъ неясностью, неточностью и аргументированы слабо. Такъ, напр., хотя авторъ часто ссылается на дѣйствующія европейскія законодательства объ акціонерныхъ компаніяхъ, но эти ссылки дѣлаются мимоходомъ и случайно. Авторъ просто вырываетъ изъ кодексовъ ту или иную статью и приводитъ ее точно такъ же, какъ ссылку на какойнибудь проектъ, постановленіе торговой палаты, параграфъ устава какойнибудь компаніи или мнѣніе ученаго.

Въ книгѣ не имѣется ни характеристики различныхъ европейскихъ законодательствъ, ни тѣмъ болѣе критической оцѣнки ихъ; русское дѣйствующее законодательство авторъ совершенно игно-

рируетъ, если не считать одной странички во всей книгѣ. Онъ даже прямо заявляетъ, что не придаетъ значенія существующему законодательству. „Относительно источниковъ по изслѣдуемому вопросу,“ говоритъ г. Тарасовъ. „замѣтимъ, что мы почитаемъ лучшими изъ нихъ разнообразныя уставы акціонерныхъ компаній, такъ какъ мы исходимъ изъ того воззрѣнія, что считая акціонерныя компаніи новою, зараждающеюся, а не выработанною вполне формою предпріятій, жизненныя проявленія этой формы и предстоящее развитіе ея слѣдуетъ искать не столько въ теоріи и въ законодательствѣ, часто насильственно подводящихъ ее подъ старыя шаблоны. сколько въ разнообразныхъ уставахъ акціонерныхъ компаній, отдѣляя отъ этихъ уставовъ разныя болѣзненные наросты въ той мѣрѣ, въ какой они не могутъ ускользнуть отъ тщательнаго анализа“ (стр. 93). Трудно понять, почему г. Тарасовъ относится съ такимъ пренебреженіемъ къ дѣйствующему праву, и почему онъ полагаетъ, что это право (по большей части новѣйшей формации) насилывало требованія жизни, ради которой оно и создавалось. Законодательныя учрежденія западноевропейскихъ государствъ, конечно не менѣе составителей отдѣльныхъ уставовъ были заинтересованы въ томъ, чтобы уловить „жизненныя проявленія“ акціонерныхъ предпріятій и не менѣе г. Тарасова стремились отдѣлится отъ этихъ уставовъ разныя болѣзненные наросты. Признавать французское и нѣмецкое законодательство 60-хъ и 70-хъ годовъ устарѣлымъ и незаслуживающимъ вниманія, по меньшей мѣрѣ неосновательно. Авторъ имѣлъ на это тѣмъ меньше права, что считая главнымъ источникомъ для изученія акціонернаго дѣла отдѣльныя уставы акціонерныхъ обществъ, онъ пользуется и этимъ источникомъ также случайно и произвольно, какъ и законодательными актами. Устранивъ дѣйствующее право и отозвавшись высокомерно о французской и нѣмецкой литературѣ, которая, по мнѣнію г. Тарасова, богата „болѣе количественно чѣмъ качественно,“ авторъ неожиданно заканчиваетъ разсужденіе объ источникахъ слѣдующими словами: „Между законодательствами, наиболѣе оригинальными чертами отличаются англійское, бельгійское и бернское; между проектами, заслуживаетъ особеннаго вниманія русскій проектъ. Съ практикой, кромѣ уставовъ, знакомятъ еще отчеты, газетныя свѣдѣнія, судебныя дѣла, присутствіе въ общихъ собраніяхъ и т. п.—Эта практика глубока какъ море, темна какъ адъ.“ (стр. 94). Вотъ и все изслѣдованіе г. Тарасова объ источникахъ; не будучи „глубокимъ

какъ море,“ оно все таки достаточно темно. Въ трудѣ г. Тарасова нѣтъ также и исторіи законодательства объ акціонерныхъ компаніяхъ, а имѣется только весьма блѣдный историческій эскизъ, въ которомъ авторъ хотѣлъ изложить параллельно развитіе акціонернаго дѣла, законодательства и теоріи: но ему не удалось ни то, ни другое, ни третье. По крайней неполнотѣ своей, очеркъ его неудовлетворителенъ даже въ качествѣ простого хронологическаго перечня. Такъ напр., исторія акціонернаго дѣла въ Россіи и акціонернаго законодательства, а также критика послѣдняго, занимаютъ шесть страничекъ (стр. 79—85), изъ которыхъ болѣе страницы посвящено почему-то Россійско-Американской компаніи. Для характеристики развитія акціонернаго дѣла съ 1862 года по настоящее время, приведено лишь нѣсколько цифръ о числѣ компаній и величинѣ ихъ капиталовъ. Исторія всего акціонернаго законодательства въ Россіи занимаетъ не болѣе 20 строкъ, но за то цѣлая страница посвящена исторіи проекта новаго закона, до сихъ поръ неизданнаго.

Въ двадцати строкахъ, заключающихъ въ себѣ исторію русскаго акціонернаго права, авторъ успѣлъ, впрочемъ, сдѣлать странную ошибку: упомянувъ о томъ, что 1-го января 1807 года явилось общее законодательство о торговыхъ компаніяхъ, онъ говоритъ: „постановленія о товариществахъ по участкамъ или компаніяхъ на акціяхъ, помѣщены во 2-мъ отд. VII гл., кн. 4, 1-й ч. X. т. св. зак. ст. 2139—2198. *Впослѣдствіи*, когда стало увеличиваться число учрежденныхъ акціонерныхъ компаній, нашли необходимымъ разработать особое положеніе, на основаніи котораго могутъ учреждаться такія компаніи, что и сдѣлано закономъ 1836 года.“ Выраженіе „впослѣдствіи“ совершенно неудачно, потому что ссылка на св. зак. сдѣлана по изданію 1857 г., которое не могло предшествовать закону 1836 г. Выше было замѣчено, что въ трудѣ г. Тарасова встрѣчается немало повтореній. Недостатокъ этотъ особенно выражается въ томъ, что авторъ приводитъ въ началѣ каждой главы тѣ соображенія, которыя уже раньше изложены во введеніи. Такъ, напр. страницы 2—3 и слѣд. повторяются на стр. 94—95 и слѣд., стр. 11—12 на стр. 133—134, стр. 86—87 на стр. 144—145 и т. д., причемъ цѣлыя страницы перепечатаны дословно или перефразированы. При многихъ повтореніяхъ, изложеніе автора страдаетъ чрезмѣрной растянутостью, вслѣдствіе неудачно выбранной системы. Такъ напр. г. Тарасовъ, въ концѣ каждой главы своей книги, подробно разбираетъ относящіеся къ затронутымъ въ этой

главѣ вопросамъ параграфы проекта положенія объ акціонерныхъ компаніяхъ, составленнаго комисіей при министерствѣ финансовъ. Проекту этому г. Тарасовъ посвятилъ въ совокупности 95 страницъ, но такъ какъ онъ разсматриваетъ его по частямъ, и притомъ не въ естественной его послѣдовательности, а по своей собственной системѣ, то читатель, по прочтеніи всей книги, не выноситъ никакого опредѣленнаго представленія объ этомъ проектѣ.

На ряду съ многочисленными повтореніями, въ книгѣ г. Тарасова можно указать и трудно объяснимыя противорѣчія.

Такъ, на стр. 13, II части, авторъ говоритъ: „Что касается вопроса о томъ, необходимо ли опредѣленіе въ уставѣ и въ проектѣ числа и размѣра серій, на которыя дѣлится акціонерный капиталъ. то мы полагаемъ, что, принимая въ соображеніе характеръ большей части хозяйственныхъ предпріятій, на вопросъ этотъ слѣдуетъ отвѣтить отрицательно: трудно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже *невозможно* опредѣлить впередъ, вполне точно и цѣлесообразно, время и размѣры необходимаго увеличенія капитала въ интересахъ развитія предпріятія. потому, при указаніи въ проектѣ и уставѣ на время выпуска и размѣры первой серіи акцій, относительно серій акцій послѣдующихъ выпусковъ достаточно замѣтить, что вопросъ о нихъ долженъ рѣшаться общимъ собраніемъ, въ предѣлахъ указанныхъ уставомъ“. На стр. 23 читаемъ: „увеличеніе акціонернаго капитала должно быть предусмотрено уставомъ и проспектомъ, съ указаніемъ на размѣры и условія этого увеличенія, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, увеличеніе акціонернаго капитала равносильно было-бы учрежденію новой компаніи“. Такимъ образомъ, на протяженіи десяти строкъ авторъ высказываетъ два противоположныя мнѣнія и оба мотивированныя.

Всѣ эти недостатки труда г. Тарасова можно было бы признать случайными погрѣшностями, явившимися какъ результатъ спѣшности работы; но къ сожалѣнію книга его страдаетъ и болѣе важными недостатками. Въ числѣ ихъ, прежде всего, обращаетъ на себя вниманіе неправильная постановка основныхъ вопросовъ. Авторъ посвятилъ 600 страницъ изслѣдованію акціонерныхъ компаній, но по прочтеніи всей его книги читатель все таки не знаетъ, что такое акціонерныя компаніи.

По опредѣленію г. Тарасова, акціонерныя компаніи суть „соединства, состоящія изъ нѣсколькихъ членовъ (акціонеровъ), какъ собственниковъ долей (акцій) акціонернаго капитала, предназначен-

наго для дозволенной цѣли, и какъ хозяевъ предпріятія, имѣющаго безличную форму и управляемаго на основаніи опубликованнаго и закономѣрнаго(?) устава“ (стр. 4), Но что же такое соединство? „Соединство вообще“, отвѣчаетъ г. Тарасовъ, „какъ свободное соединеніе единичныхъ лицъ, для достиженія совокупными средствами свободно опредѣленной цѣли, существуетъ отъ начала міра“, (стр. 2). „Соединство какъ органъ полиціи, является продуктомъ нашего столѣтія“ (стр. 2). „Соединство въ этомъ тѣсномъ смыслѣ, обнимаетъ собою только нѣкоторыя, закономъ опредѣленныя формы общенія, за которыми признано закономъ значеніе органовъ полиціи, т. е. не частныхъ учреждений, преслѣдующихъ частныя цѣли, а учреждений общественныхъ, преслѣдующихъ цѣли общественныя. Формы эти—корпораціи, общества и товарищества“ (стр. 3). Къ обществамъ г. Тарасовъ, наравнѣ съ обществами распространенія грамотности, относитъ „всѣ акціонерныя компаніи“ (стр. 3). Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Тарасова, всѣ акціонерныя компаніи ни что иное, какъ органы полиціи. Этотъ взглядъ несомнѣнно оригиналенъ; но оригинальность составляетъ едва ли не единственное его достоинство. Во всякомъ случаѣ, высказывая подобное мнѣніе, авторъ долженъ былъ доказать его; къ сожалѣнію, въ объемистомъ трудѣ г. Тарасова никакихъ доказательствъ на этотъ счетъ не имѣется. Положеніе, что акціонерныя компаніи суть органы полиціи, авторъ высказываетъ какъ непреложное и безспорное. Изъ сопоставленія различныхъ мѣстъ книги г. Тарасова можно вывести заключеніе, что основаніемъ для зачисленія акціонерныхъ компаній въ число органовъ полиціи, послужило то обстоятельство, что нѣкоторыя акціонерныя компаніи преслѣдуютъ не частныя, а общественныя цѣли. Это соображеніе имѣло бы еще какое нибудь значеніе, если бы такой характеръ имѣли всѣ акціонерныя компаніи; но самъ авторъ признаетъ противное. „Цѣль акціонерной компаніи, говоритъ г. Тарасовъ, можетъ быть культурная, хозяйственная и культурно-хозяйственная“. „Есть акціонерныя компаніи, которыя, недобывая никакого прибытка своимъ акціонерамъ, стремятся только къ достиженію какой нибудь культурной цѣли и относятся къ своему капиталу только какъ къ средству къ достиженію этой цѣли, таковы напр. нѣкоторыя компаніи для изданія журналовъ, акціонерные клубы, типографія и т. п. Другія-же акціонерныя компаніи имѣютъ въ виду только добываніе прибытка своимъ акціонерамъ и не преслѣдуютъ никакой

культурной цѣли, напр. акціонерные пивоваренные заводы, фабрики и т. п.“ (стр. 6 и 7). Слѣдую опредѣленію автора, что акціонерныя компаніи суть органы полиціи, должно признать такими и всѣ эти пивоваренные заводы и фабрики, причемъ каждый заводъ и фабрика превращается изъ частнаго хозяйственнаго предпріятія въ органъ полиціи, какъ только онъ переходитъ изъ рукъ одного хозяина въ собственность нѣсколькихъ акціонеровъ.

Несостоятельность этого опредѣленія такъ очевидна, что къ нему вполне примѣнимо то, что сказано г. Тарасовымъ объ одномъ изъ опредѣленій профессора Тернера: „оно почерпнуто не изъ дѣйствительности, не изъ законодательства, не изъ теоріи, а есть продуктъ неправильнаго обобщенія единичныхъ явленій“ (стр. 111). Авторъ вналъ въ грубую ошибку, причисливъ къ органамъ полиціи или правильнѣе къ органамъ государственнаго и общественнаго управленія, всѣ акціонерныя компаніи только на томъ основаніи, что нѣкоторыя корпораціи и общества, преслѣдующія общественныя цѣли, усваиваютъ внѣшній обликъ (но не сущность) акціонерныхъ компаній, или что государство передаетъ акціонернымъ компаніямъ нѣкоторыя общественныя функціи, которыя оно можетъ передавать и отдѣльнымъ частнымъ лицамъ.

Исходя изъ ошибочнаго и произвольнаго основанія, г. Тарасовъ естественно не могъ дать ни точнаго юридическаго опредѣленія акціонерной компаніи, ни анализа ея экономической сущности. Онъ опровергаетъ мнѣніе Лоренца Штейна и профессора Вредена, относящихъ акціонерныя компаніи къ области гражданскаго права; но всѣ усилія автора найти мѣсто для акціонерныхъ компаній, приводятъ его только къ туманной фразеологіи и цѣлому ряду неправильныхъ опредѣленій. Зачисляя акціонерныя компаніи въ разрядъ „соединствъ“, авторъ насчитываетъ три формы ихъ: корпораціи, товарищества и общества. „Корпораціи или учрежденія, по словамъ г. Тарасова, образуютъ ту форму, въ которой преобладаетъ правительственный элементъ“ (стр. 94); „Товарищества въ обширномъ смыслѣ, составляютъ ту форму соединства, въ основаніе которой положенъ принципъ совмѣстной жизни въ границахъ близко сопрягающихся съ понятіемъ о нераздѣльности, полной общности сожитія, такъ что эта форма соединства, въ особенности въ разнообразности своей, образуемой артелями, близко стоитъ къ тому идеалу общежитія, который пытается найти свое осуществленіе въ понятіяхъ о бракѣ, семьѣ, дружбѣ и т. п.“. „Общества имѣютъ въ

основаніи своемъ какія-нибудь единичныя культурныя или хозяйственныя, или культурно-хозяйственныя цѣли“. „Общества, служа средствомъ къ удовлетворенію единичныхъ цѣлей, т. е. обладая способностью служить одной, какой-нибудь, качественно и количественно ограниченной цѣли, заключаютъ въ себѣ меньше элементовъ для связи между своими членами, чѣмъ товарищества, а потому акціонерныя компаніи, имѣя въ основаніи своемъ понятіе объ акціи, исключаящей солидарную отвѣтственность, и объ акціонерѣ, какъ собственникѣ акціи, — онѣ не суть товарищества, равно какъ не суть корпораціи, служа средствомъ къ удовлетворенію единичныхъ, эгоистическихъ (?) стремленій, имѣющихъ въ основаніи своемъ свободное самоопредѣленіе человѣка“ (стр. 96). Не говоря уже о неуклюжей формѣ изложенія, приведенныя опредѣленія автора рождаютъ цѣлый рядъ трудно-разрѣшимыхъ вопросовъ. Почему напр. авторъ полагаетъ, что артель плотниковъ или каменщиковъ, ближе стоитъ къ идеалу общезжитія, который пытается найти свое выраженіе въ понятіяхъ о бракѣ, семьѣ, дружбѣ, нежели благотворительное общество, или общество грамотности? Или почему общество взаимнаго вспоможенія своимъ членамъ, принимающее на себя цѣлый рядъ обязанностей, преслѣдуетъ единичную цѣль, а та же артель плотниковъ служитъ будто бы многоразличнымъ цѣлямъ? Само собою разумѣется, что уподобленіе товариществъ семейному союзу и указаніе на бракъ и дружбу, признаки столь же неопредѣленные, какъ и „единичныя эгоистическія стремленія“. При такой туманной классификаціи корпорацій, товариществъ и обществъ, читатель не можетъ получить никакого представленія и изъ слѣдующаго опредѣленія акціонерныхъ компаній: „акціонерная компанія есть общество, которое, рядомъ съ частно-общественными (!!) чертами, обнаруживаетъ въ своей дѣятельности свойства юридическаго лица и частной (?) корпораціи“ (стр. 100). Нельзя сказать, чтобы это опредѣленіе было сколько нибудь понятно.

Недостатокъ опредѣленій авторъ замѣняетъ перечисленіемъ правъ и обязанностей акціонерныхъ компаній, которыя будто бы вытекаютъ изъ этихъ опредѣленій. Такъ напр. упомянувъ о томъ, что „въ способѣ управленія, правахъ и цѣляхъ акціонерныхъ компаній обнаруживаются свойства модифицированной или частной (?) корпораціи“, г. Тарасовъ говоритъ: „эти черты указываютъ, что акціонерная компанія не есть ни нѣчто среднее между *societas* и юри

дическимъ лицомъ, ни особаго рода комбинація этихъ двухъ формъ; равно какъ она не есть учрежденіе или корпорація, хотя нѣкоторые элементы корпораціи обнаруживаются въ ней. Эти же черты обнаруживаются въ правѣ акціонерной компаніи: 1) выпускать акціи, 2) совершать займы и т. д.; слѣдуетъ перечисленіе 14 пунктовъ правъ и 4 пунктовъ обязанностей акціонерныхъ компаній, въ томъ числѣ даже такихъ правъ, какъ „получать и выдавать деньги“, „вообще быть дѣеспособною“ и т. п. (стр. 99—100). Едва ли кто-либо, даже самъ авторъ, можетъ указать, какая связь существуетъ между предъидущими строками и перечисленіемъ этихъ 18-ти пунктовъ „правъ и обязанностей“.

Точно также не выяснена г. Тарасовымъ и экономическая сущность акціонерныхъ компаній. Задавшись мыслью, что акціонерныя компаніи преслѣдуютъ иногда культурныя цѣли, авторъ не разрѣшилъ основнаго вопроса: чѣмъ отличаются по своему экономическому строю акціонерныя предпріятія, имѣющія въ виду хозяйственныя цѣли, отъ такихъ же предпріятій личныхъ и отъ другихъ формъ промышленныхъ и торговыхъ товариществъ? Авторъ такъ мало обращаетъ вниманія на это обстоятельство, что смѣшиваетъ даже акціонерныя компаніи съ благотворительными обществами (стр. 115). Хотя во введеніи (стр. 9) г. Тарасовъ перечисляетъ положительныя и отрицательныя стороны акціонерныхъ предпріятій, а на стр. 115 заявляетъ, „что акціонерное дѣло можетъ имѣть вообще образовательное значеніе для общества, приучая къ самостоятельности (?), къ строгому анализу (?), къ правильному разсчету (?), къ честности (?), но эти заявленія въ сущности ничего неразъясняютъ. Въ одномъ мѣстѣ, авторъ случайно подошелъ къ этому важному вопросу, говоря, что въ акціонерныхъ компаніяхъ осуществляется „понятіе о работающемъ капиталѣ“ (стр. 117), но замѣчаніе это относится лишь къ погашеннымъ акціонернымъ капиталамъ (которымъ, кстати сказать, г. Тарасовъ придаетъ огромное, почти фантастическое значеніе). Вездѣ же, въ своемъ трудѣ, авторъ отрицаетъ исключительное значеніе капитала въ акціонерныхъ компаніяхъ и выдвигаетъ личность акціонера. Между тѣмъ, сущность акціонерныхъ предпріятій, обуславливающая всѣ ихъ свѣтлыя и темныя стороны, состоитъ именно въ томъ, что здѣсь лицо исчезаетъ за безличнымъ капиталомъ, акціонеръ за акціей. Проведенное въ полномъ своемъ объемѣ и со всѣми своими логическими послѣдствіями, это положеніе должно неизбежно привести къ при-

несенію въ жертву, въ акціонерныхъ компаніяхъ, лица—капиталу и капитала мелкаго, капиталу крупному. Законодательства не допускаютъ строгой послѣдовательности въ осуществленія этого принципа, вводятъ рядъ ограниченій и придумываютъ мѣры для устраненія злоупотребленій правомъ сильнаго. Но такъ какъ эти ограниченія идутъ въ разрѣзъ съ основнымъ характеромъ акціонерныхъ компаній, то сплошь и рядомъ они оказываются безсильными и весьма легко могутъ быть обойдены. Отсюда трудность создать удовлетворительное акціонерное законодательство и безуспѣшность всѣхъ испробованныхъ до настоящаго времени мѣръ, для устраненія темныхъ сторонъ акціонерной практики. Вслѣдствіе непониманія г. Тарасовымъ экономической сущности акціонерныхъ компаній, его критика дѣйствующаго законодательства крайне неудачна, а предлагаемыя имъ мѣры произвольны и лишены всякаго реального значенія. Укажемъ нѣсколько примѣровъ. Г. Тарасовъ съ особеннымъ удареніемъ настаиваетъ на томъ, что цѣль акціонерной компаніи должна быть непременно единичная, такъ какъ сочетаніе цѣлей совершенно несвойственно акціонернымъ компаніямъ“ (стр. 6); авторъ полагаетъ даже, что „характеристическая черта акціонерной формы предпріятій, въ отличіе отъ предпріятій единоличныхъ и другихъ заключается въ единствѣ цѣли, дающемъ возможность упростить отчетность, контроль и наблюденіе за дѣлами компаніи до такой степени, что дѣйствія эти дѣлаются доступными наибольшему числу акціонеровъ“ (стр. 128). Несмотря на то, что авторъ высказываетъ это положеніе такъ авторитетно, оно совершенно произвольно: дѣйствующія законодательства о единствѣ цѣли ничего не говорятъ, а доказать теоретически ея необходимость тоже совершенно невозможно. Да и что такое единство цѣли? Будетъ ли единство цѣли въ томъ случаѣ, если акціонерная компанія, имѣющая сахарный заводъ, обрабатываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ плантаціи для него, или если компанія, разрабатывающая каменноугольную копи, эксплуатируетъ подъѣздную къ этой копи желѣзно-дорожную вѣтвь и т. п.

Большая или меньшая степень простоты контроля и отчетности, вовсе не зависитъ отъ единства цѣли, а отъ характера предпріятія. Контроль и отчетность желѣзной дороги въ 1000 или 2000 верстъ, несмотря на единство цѣли, во много разъ сложнее, нежели отчетность компаніи, которая имѣетъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько сахарныхъ заводовъ, нѣсколько сельско-хозяйственныхъ

формъ и свои магазины для торговли сахаромъ. Сочетаніе разнообразныхъ и неимѣющихъ ничего общаго между собою предпріятій, можетъ быть иногда невыгодно какъ въ акціонерныхъ, такъ и въ единоличныхъ хозяйствахъ; но законодательству вовсе нѣтъ надобности вмѣшиваться въ этотъ вопросъ, такъ какъ рамки предпріятія естественно опредѣляются его экономическими свойствами и условиями, среди которыхъ оно возникаетъ. Почему напр. акціонерной компаніи, которая пожелала бы заниматься лѣсной торговлей на нашихъ сѣверныхъ окраинахъ, не можетъ быть дозволено содержаніе морскихъ судовъ, или компаніи, имѣющей сахарный заводъ, — устройство водочнаго завода для переработки патоки и т. д?

Не менѣе произвольно утвержденіе г. Тарасова, что акціонерныя компаніи могутъ пользоваться только залоговымъ кредитомъ. Этотъ выводъ авторъ основываетъ на слѣдующемъ соображеніи: „такъ какъ акціонерная компанія, обладая свойствами юридического лица, не пользуется однако всѣми личными правами, напр. правомъ жалобы за личныя обиды и т. п., то такимъ же образомъ не пользуется она и личнымъ кредитомъ, а только реальнымъ (имущественнымъ, вещественнымъ, залоговымъ); всякій заемъ акціонерной компаніи долженъ имѣть значеніе залога“ (стр. 24). Авторъ допускаетъ здѣсь непозволительное смѣшеніе личныхъ правъ физическаго лица съ правами имущественными, которыми въ широкой степени пользуются юридическія лица. Такъ называемый личный кредитъ, въ основѣ котораго лежитъ также имущественное обезпеченіе, но не специальное, а общее (вся совокупность имущества должника), составляетъ такое же право юридическихъ лицъ, какъ право входить въ другіе договоры и обязательства. Слѣдуя ученію г. Тарасова, необходимо было бы лишить акціонерныя компаніи права нанимать рабочихъ и служащихъ, вступать въ договоръ подряда и поставки и т. п., коль скоро эти договоры не обезпечиваются со стороны компаніи залогомъ. Замѣчательно, что не признавая такимъ образомъ за акціонерными компаніями права пользоваться вексельною формою кредита (стр. 27), г. Тарасовъ признаетъ за ними право выпуска облигацій, которыя составляютъ такую же форму личнаго кредита, въ противоположность залоговому, какъ и векселя.

Не болѣе основательны желанія г. Тарасова объ изданіи нормальнаго устава для привилегированныхъ и гарантированныхъ компаній, которыя онъ называетъ акціонерными корпораціями. Отли-

чительная черта этих акціонерныхъ корпорацій, по словамъ автора, состоитъ въ томъ, что онѣ „настолько проникнуты элементами управленія, что это отличіе выражается не только во внутреннемъ содержаніи, но вліяетъ и на форму“. Къ акціонернымъ корпораціямъ г. Тарасовъ относитъ компаніи для устройства желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, театровъ, больницъ, университетовъ и проч. По мнѣнію автора, законодательства должны выдѣлить эти компаніи, какъ особую форму, и регламентировать ее общими нормами, тогда какъ въ настоящее время они только наводятъ кодексы исключеніями (стр. 134, 149). Едва ли нужно доказывать, что желаніе автора не можетъ быть удовлетворено, такъ какъ по самому существу дѣла, для привилегированныхъ компаній не можетъ быть общаго регламента. Сущность этихъ компаній состоитъ въ томъ, что правительство, допуская частное акціонерное общество въ сферу дѣятельности, имѣющую государственное значеніе, даетъ ему особые права и возлагаетъ на него особые обязанности. Отношеніе государства опредѣляется здѣсь особыми свойствами цѣли, которую преслѣдуетъ данная компанія, и потому общая регламентація невозможна. Какой можетъ быть общій регламентъ для акціонерной компаніи, эксплуатирующей желѣзную дорогу, и компаніи, устраивающей университетъ? Кстати замѣтить, что г. Тарасовъ раздѣляетъ всѣ акціонерныя компаніи на акціонерныя корпораціи, товарищества (командиты на акціяхъ и собственно компаніи, и придаетъ устанавливаемой имъ терминологіи чрезвычайно важное значеніе. Такъ, онъ жестоко осуждаетъ проектъ объ акціонерныхъ компаніяхъ нашего министерства финансовъ, въ которомъ акціонерныя компаніи называются „товариществами по участкамъ“, и считаетъ смѣшеніе терминовъ — общество, товарищество и компанія даже „небезопаснымъ“, „такъ какъ съ терминомъ товарищество народъ связываетъ опредѣленное понятіе“ (стр. 143). Конечно терминологія имѣетъ важное значеніе, не вполнѣ впрочемъ сознаваемое авторомъ, придумывающимъ свои собственные термины, въ родѣ „соединство“, но причѣмъ здѣсь народъ и какая опасность можетъ угрожать ему?

Вообще г. Тарасовъ, избравъ какое-нибудь слово или классификацію, или предложивъ извѣстную мѣру, по большей части неудачную, придаетъ имъ чрезвычайную важность, игнорируя при этомъ вопросы несравненно болѣе существенные. Такъ напр. извѣстно, что исторія акціонерныхъ компаній указываетъ на возмож-

ность возмутительных злоупотреблений при самом их учреждении. Учредительскія спекуляціи, достигавшія по временамъ паразитическихъ размѣровъ и заставлявшія даже англійскій парламентъ, рѣдко вмѣшивавшійся въ частныя дѣла, прибѣгать къ специальнымъ репрессивнымъ мѣрамъ, представляютъ одну изъ самыхъ темныхъ сторонъ акціонернаго дѣла. Эта язва, извѣстная подъ общимъ именемъ „дутаго учредительства“, состоитъ въ томъ, что акціонерныя компаніи учреждаются людьми, неимѣющими въ виду эксплуатировать предпріятіе и потому нисколько незаботящимися объ его солидности. Вся ихъ цѣль — выманить у публики деньги, при посредствѣ заманчивыхъ рекламъ и другихъ неблаговидныхъ способовъ. Г. Тарасовъ признаетъ пагубное вліяніе „дутаго учредительства“, но выраженіе это онъ понимаетъ весьма своеобразно. „Акціонерныя компаніи, говоритъ онъ, учреждаются троякимъ способомъ: 1) учредители разбираютъ между собою всѣ акціи, вслѣдствіе чего устраняется публичная подписка—такой способъ мы называемъ *дутымъ учредительствомъ*; 2) учредители ограничиваются только тѣми дѣйствіями, которыя находятся въ непосредственной связи съ приготовленіемъ всѣхъ условий, необходимыхъ для реализаціи проектируемаго предпріятія, не принимая никакого участія въ образованіи акціонернаго капитала, или же участвуя въ подпискѣ на акціи только на равныхъ совсѣмъ основаніяхъ, какъ люди посторонніе—это мы называемъ полнымъ учредительствомъ, и 3) учредители, подготовивъ всѣ условія къ учрежденію проектируемаго ими предпріятія, разбираютъ между собою часть акцій, открывая на остальную часть публичную продажу, это смѣшанное учредительство» (стр. 156). Трудно понять, почему „дутое учредительство“ въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ г. Тарасовъ, т. е. учрежденіе компаній безъ публичной подписки, причемъ акціи разбираются учредителями, представляется ему столь опаснымъ. Этотъ видъ учредительства можетъ давать вполне солидные результаты, и наоборотъ—учредительство съ публичной подпиской можетъ быть несомнѣнно „дутымъ“, т. е. порождать эфемерныя, ничего нестоющія предпріятія. Ни учредительскіе „проспекты“, которымъ, по неизвѣстнымъ соображеніямъ, г. Тарасовъ придаетъ особенную важность, ни публичная подписка вовсе не гарантируютъ отъ учредительскихъ спекуляцій и обмана. Публичная подписка можетъ превратиться въ развращающую общество подписку черезъ подставныхъ лицъ (извѣстны позорныя сцены, происходившія въ Петер-

бургѣ, при подпискѣ на акціи привислянской и фастовской ж. д.), или въ подписку синдикатовъ. Что касается учредительскихъ „проспектовъ“, то самъ г. Тарасовъ признаетъ, что „эти цвѣты биржеваго краснорѣчія“ представляютъ „одно изъ печальнѣйшихъ явленій въ исторіи развитія акціонернаго дѣла, и они дали уже обильный матеріалъ для уголовной статистики послѣдняго пятилѣтія, обременивъ суды сосѣднихъ намъ государствъ скандальными процессами, въ которыхъ на скамьѣ подсудимыхъ фигурировали тузы коммерческаго міра“ (стр. 188). Это вполне справедливо, но тѣмъ болѣе удивительна и непонятна увѣренность автора, что подобнаго рода проспекты не будутъ имѣть мѣста при запрещеніи смѣшаннаго и *дутаго* учредительства и что при правильной организаціи публичной подписки они никогда не могутъ быть рекламами“ (стр. 193). Вообще г. Тарасовъ, говоря объ акціонерныхъ компаніяхъ, дѣятельности ихъ органовъ, правахъ и обязанностяхъ акціонеровъ и проч., приписываетъ огромное значеніе предлагаемымъ имъ формальностямъ. Помимо того, что въ дѣйствительности эти формальности значенія не имѣютъ и имѣть не могутъ, проектируемыя авторомъ мѣры несвязаны общей мыслью и нерѣдко прямо противорѣчатъ другъ другу. Такъ, напр., по мнѣнію г. Тарасова, каждый акціонеръ долженъ пользоваться только однимъ голосомъ въ собраніяхъ акціонеровъ, независимо отъ числа владѣемыхъ имъ акцій (стр. 128 — 129 т. II), введеніе же въ собранія подставныхъ акціонеровъ, неизбежное при такомъ порядкѣ, авторъ надѣется устранить посредствомъ разныхъ формальностей при составленіи акціонерныхъ списковъ и уголовной отвѣтственности за фиктивную передачу акцій. Далѣе г. Тарасовъ полагаетъ возможнымъ предоставить каждому акціонеру право созывать общія собранія, а въ случаѣ „недобросовѣстнаго и легкомысленнаго пользованія этимъ правомъ“, общее собраніе должно налагать на виновнаго и дисциплинарныя взысканія“ (стр. 129—131 т. II). Интересно, что предоставляя такія широкія права отдѣльному акціонеру, на томъ основаніи, что акціонеръ не есть представитель акціи, а акціонернаго права, г. Тарасовъ въ то же время не признаетъ за отдѣльнымъ акціонеромъ права предъявлять искъ къ правленію и совѣту компаніи, за недобросовѣстное или небрежное исполненіе ими своихъ обязанностей, а оставляетъ ему только право жалобы общему собранію (стр. 139, т. II). Кромѣ того, г. Тарасовъ предлагаетъ еще создать какое-то высшее, особое учрежденіе для надзора за ак-

ціонерними компаніями и разбора споровъ ихъ съ акціонерами (стр. 138, т. II). Не говоря уже о крайней непрактичности предлагаемой г. Тарасовымъ регламентаціи, нельзя не замѣтить, что она не опирается ни на юридическія, ни на экономическія основанія, а составляетъ результатъ личной изобрѣтательности автора. Такихъ произвольныхъ положеній въ книгѣ г. Тарасова очень много.

Ограничиваясь приведенными примѣрами, мы считаемъ нужнымъ повторить, что трудъ г. Тарасова похожъ скорѣе на довольно неполный и несовсѣмъ удачно скомпонованный сборникъ сыраго матеріала, нежели на ученый трактатъ. Несмотря на объемистость книги, читатель не найдетъ въ ней ни систематическаго очерка развитія акціонернаго дѣла, ни исторіи акціонернаго законодательства, ни догматическаго изслѣдованія акціонернаго права, проникнутаго общими руководящими идеями, ни наконецъ экономическаго изслѣдованія акціонерныхъ компаній. Въ книгѣ г. Тарасова можно найти историческія, юридическія, и экономическія соображенія и изысканія и довольно много фактическихъ данныхъ, но все это вмѣстѣ представляетъ какую то странную мозаику, которой недостаетъ плана и метода.

О многочисленныхъ мелкихъ сочиненіяхъ г. Тарасова можно сказать, что они отличаются такими же свойствами, какъ и разсмотрѣнные здѣсь крупные труды его: та же агломерация случайно набраннаго матеріала, то же смѣшеніе существеннаго съ побочнымъ, та же неясность мысли, недоказанность положеній и безрезультатность работы. Для примѣра остановимся на статьѣ, напечатанной въ Московскомъ Юридическомъ Вѣстникѣ, подъ страннымъ заглавіемъ „Исторія и финансы“. Въ статьѣ этой, занимающей всего 37 страницъ, авторъ задался мыслью представить рядъ „очерковъ и историческихъ періодовъ развитія государственнаго хозяйства, въ связи и въ гармоніи съ другими существующими явленіями“. Но что это за очерки! Въ статьѣ, касающейся всей исторической жизни человѣчества, начиная съ древнихъ восточныхъ государствъ и доходя до „приподнятія завѣсы будущаго“, цѣлая почти четверть (стр. 19—27) занята изложеніемъ идей Ю. Крыжанича и нѣкоего Аврамова, экономическое же ученіе Посошкова не введено въ нее лишь потому, что по обширности своей не могло уложиться въ рамки ея (стр. 19, прим.) Для остальныхъ трехъ четвертей своей работы, авторъ черпаетъ матеріалъ у Діо

дора Сицилійскаго, и въ „папирусь, хранящемся въ британскомъ музеѣ и заключающемъ въ себѣ переписку начальника библіотекарей при Рамзесѣ, Аменемана, съ его ученикомъ и другомъ Пантауромъ“, и у Платона, Плинія, Нибура, Оомы Аквинскаго, и въ завѣщаніи Ярослава, и въ поученіи Владиміра Мономаха и проч. Касается онъ и А. Смита, но лишь мимоходомъ. Обработка матерьяла состоитъ, главнымъ образомъ, въ раздѣленіи его на рубрики по періодамъ: первый періодъ—до образованія новыхъ государствъ, второй—новые государства, съ подраздѣленіемъ перваго на періоды восточныхъ государствъ и классическихъ, втораго—на періоды феодализма, монархическаго абсолютизма, конституализма и наконецъ, будущаго общественнаго строя. Соображенія автора надъ размѣщеннымъ по этимъ рубрикамъ матерьяломъ крайне скудны и темны, а главное, вопреки названію статьи, ни исторіи, ни финансовъ, почти не касаются. Такъ, въ первой главѣ, о восточныхъ государствахъ, г. Тарасовъ, на основаніи упомянутаго папируса, рисуетъ намъ, въ обличительномъ тонѣ, эпикурейство египетскихъ фараоновъ и пишетъ прочувствованныя строки о бѣдственной участи бывшихъ подданныхъ ихъ“. Фараонъ и ограниченное число членовъ военной и жреческой касты были свободны и пользовались всѣми благами земными; остальное населеніе составляли рабы, работавшіе на фараона и на приближенные къ нему касты“ (стр. 6). Вообще г. Тарасовъ не падаетъ древнихъ восточныхъ правителей, представляя ихъ какими то удивительными чудаками: то они „берегли курицу несшую золотыя яйца, то убивали курицу, чтобы извлечь изъ нея послѣднія золотыя яйца, а затѣмъ искали себѣ другую курицу, или отнимали ее силой у другихъ“. Болѣе интересно въ этомъ періодѣ ничего не оказывается. Во второмъ періодѣ, въ классическомъ мірѣ, „личное владычество замѣняется владычествомъ государства, какъ отвлеченнаго понятія, поглощающаго въ себѣ все“,—положеніе, которое обличаетъ въ авторѣ „нѣсколько одностороннее пониманіе античнаго міра“, какъ справедливо, хотя и мягко замѣтила редакция журнала, въ которомъ помѣщена разсматриваемая статья (стр. 8). Эту мысль о всеобщемъ поглощеніи авторъ подтверждаетъ ссылкой не столько на дѣйствительность, сколько на идеальное государство Платона и тутъ-же, по какой то трудно уловимой ассоціаціи идей, приводитъ указанія Плинія на то, что въ римской имперіи, „рядомъ съ ограниченнымъ числомъ колосальныхъ богачей, прозябала цѣлая масса жалкихъ,

нищенских илотов(?) и пролетаріевъ“ (стр. 9). О главномъ предметѣ статьи, о финансахъ, ничего не встрѣчаемъ, кромѣ голословныхъ увѣреній, что будто-бы въ Греціи и Римѣ „все государственное хозяйство было хозяйствомъ ограниченной группы лицъ, какъ представителей отвлеченнаго понятія о всепоглощающемъ государствѣ“. О связи такого диковиннаго государственнаго хозяйства съ исторіей Греціи и Рима нѣтъ и помину, да и о самой исторіи—ни слова. Въ третьемъ отдѣлѣ, въ главѣ о феодализмѣ, открываемъ интересную подробность: оказывается, что первые короли новыхъ европейскихъ государствъ, были чѣмъ-то въ родѣ почетныхъ докторовъ нашихъ университетовъ: „король былъ сначала только *homois saiva*“, говоритъ г. Тарасовъ (стр. 11). Потомъ, упомянувъ объ объединяющей роли церкви и о крестовыхъ походахъ, авторъ находитъ возможнымъ закончить характеристику феодальнаго періода: „такими чертами, восклицаетъ онъ, характеризуется средневѣковой или феодальный періодъ въ жизни новыхъ европейскихъ государствъ“. О самомъ государственномъ хозяйствѣ даетъ онъ отрывочные и неопредѣленные, или безсодержательные отзывы: „все хозяйство проникнуто было индивидуальными началами, постоянныя политическія потрясенія отвлекали умы и руки въ другую сторону(?); трудъ былъ въ подневольномъ положеніи, а промыслы въ пренебреженіи; государственно - хозяйственная сфера мало отличалась отъ частной, вездѣ господствовала не столько солидарность сколько индивидуальность интересовъ“. И все въ томъ же родѣ. Въ главѣ о монархическомъ абсолютизмѣ авторъ останавливается на ученіи меркантилистовъ, причемъ преувеличенное значеніе, которое они приписывали деньгамъ, объясняетъ очень своеобразно, а именно—„господствомъ владѣльческаго класса, традиціи котораго, проникнувъ въ политическую сферу, выразились въ стремленіи каждаго государства къ подчиненію себѣ остальныхъ государствъ, къ превращенію ихъ въ своихъ данниковъ, что предполагалось возможнымъ осуществить посредствомъ торговаго баланса, по каналамъ котораго будутъ притекать деньги извнѣ“ (стр. 17). Объясненіе это, конечно, ничего не объясняетъ, но мысль, что государства, увлекшись примѣромъ жадныхъ къ наживѣ землевладѣльцевъ, пустились въ погоню за деньгами, сама по себѣ, не лишена оригинальности. Характеристика финансовъ въ этомъ періодѣ заключается въ нѣсколькихъ словахъ о возникновеніи камеральныхъ наукъ и о выходѣ въ свѣтъ сочиненія Юсти. Періодъ

конституализма, по мнѣнію г. Тарасова, ознаменовывается въ хозяйственной области, между прочимъ, ученіемъ фізіократовъ (стр. 29) Положеніе довольно рискованное, такъ какъ для осуществленія провозглашенной фізіократами полной свободы экономическихъ отношеній, была необходима именно абсолютная монархія. Школу А. Смита г. Тарасовъ упрекаетъ, между прочимъ, за то, что, допуская налоги на прибыль съ капитала, она не одобряла „обложенія самаго капитала,“ т. е. основнаго имущества, служащаго источникомъ дохода (стр. 32). Чувствуя, вѣроятно, неосновательность такого упрека, авторъ перепутываетъ понятіе капитала въ означенномъ смыслѣ, съ капиталомъ денежнымъ и выставляемымъ экономистами практическія трудности привлеченія денежныхъ капиталовъ къ платежу налоговъ, выдаетъ за желаніе ихъ поставить капиталистовъ въ привилегированное положеніе въ податномъ отношеніи (стр. 33).

Въ послѣдней главѣ, послѣ нѣсколькихъ восклицаній по поводу положенія рабочихъ и протеста труда за угнетеніе его капиталомъ, слѣдуетъ „приподнятіе завѣсы будущаго,“ причемъ взорамъ читателей открываются апокалипсическіе образы: наступитъ новая жажда господства любви, равенство и братство. Трудъ, природа, капиталъ и предприимчивость соединяется въ однихъ и тѣхъ же общественно-хозяйственныхъ единицахъ, будутъ ли онѣ государствами или какими либо другими, большими или меньшими общественными союзами, или даже міровыми обществами (!), словомъ будутъ ново небо и нова земля;„ но какой обликъ приметъ тогда государственное хозяйство? спрашиваетъ авторъ. И въ самомъ дѣлѣ, любопытно было бы узнать, какое это будетъ государственное хозяйство въ міровомъ обществѣ? Но любопытство наше остается неудовлетвореннымъ: „того, разумѣется, предусмотрѣть нельзя,“ скромно и на сей разъ благоразумно замѣчаетъ авторъ; замѣчаніемъ этимъ заканчивается статья. Какое поученіе вынесутъ изъ нея читатели—предусмотрѣть, кажется, довольно нетрудно.

Такъ какъ профессоръ Тарасовъ является кандидатомъ на кафедру полицейскаго права, то для юридическаго факультета представляетъ интересъ опубликованная имъ программа и опытъ разработки программы и конспекта общей части полицейскаго права. Къ сожалѣнію эта программа и конспектъ заключаютъ въ себѣ только общую часть; причемъ самъ авторъ признаетъ, что она не во всѣхъ частяхъ одиноково подробно, потому что, онъ „хотѣлъ представить трудъ вполне самостоятельный во всѣхъ своихъ частяхъ,

вслѣдствіе чего и предпочелъ оставить пробѣлы тамъ, гдѣ могъ пополнить ихъ только позаимствованіями.“

Г. Тарасовъ раздѣляетъ курсъ полицейскаго права на общую и особенную части. Въ общей части говорится объ органахъ полиціи, исполнительнѣйшей полицейской власти, ответственности полиціи и контролѣ надъ нею. Особенная часть распадается на два отдѣла: отрасли полицейской дѣятельности, имѣющія общее значеніе (безопасность, сообщеніе, просвѣщеніе и страхованіе) и спеціальныя отрасли полицейской дѣятельности (добывающая и обрабатывающая промышленность и торговля). Относительно особенной части, которая намѣчена лишь самими общими рубриками, трудно что нибудь сказать, такъ какъ эти рубрики не даютъ понятія какимъ образомъ авторъ размѣститъ между ними матеріалъ. Можно только замѣтить, что соединеніе авторомъ въ одинъ отдѣлъ такихъ разнообразныхъ отраслей дѣятельности, какъ мѣры безопасности и пути сообщенія, народное просвѣщеніе и кредитъ, еще менѣе выдерживаетъ критику, нежели отвергаемое авторомъ дѣленіе на полицію благоустройства и благочинія.

Въ конспектѣ общей части, кромѣ зачисленія всѣхъ акціонерныхъ компаній и артелей въ органы полиціи, можно указать цѣлый рядъ болѣе нежели сомнительныхъ положеній. Такъ напр. на стр. 6, авторъ говоритъ: „въ правѣ отдѣльныхъ государствъ отражается реальное примѣненіе въ данное время, въ данномъ государствѣ, началъ науки полицейскаго права.“ Такимъ образомъ по мнѣнію г. Тарасова, дѣйствующія правовыя нормы составляютъ только отраженіе науки. На стр. 21 и слѣдующихъ г. Тарасовъ доказываетъ отсутствіе полиціи въ древнемъ восточномъ и классическомъ мірѣ; на стр. 30, въ § 60, озаглавленномъ „полиція въ періодъ до-царскій“ г. Тарасовъ такъ характеризуетъ княжескую власть въ древней Россіи: „община пользовалась настолько самостоятельностью, что призывала къ себѣ князей, которые сначала имѣли характеръ наемниковъ; заключала съ ними условія, отказывала въ повиновеніи и даже привлекала къ ответственности за злоупотребленіе и бездѣйствіе властью“. Съ такой общей характеристикой едва ли согласится какой-нибудь историкъ. Она также удачна, какъ и вышеупомянутое заявленіе г. Тарасова, повторенное и въ программѣ, на стр. 26, о королевской власти въ западной Европѣ; „Король былъ сначала только *homois causa*, а потому королевской власти еще не было“ На стр. 34, подъ заголовкомъ „правительственные органы

полиціи вообще* г. Тарасовъ говоритъ: „полиція должна быть только частью общихъ правъ правительственныхъ должностныхъ лицъ, а не особымъ организмъ, противопоставляемыхъ другимъ организациямъ.“ Это положеніе безусловно невѣрно по отношенію къ полиціи безопасности, которая всегда имѣетъ свои спеціальныя органы и является настолько-же организмъ, какъ и многія другія вѣдомства. На стр. 35 (§ 69) читаемъ; „Низшіе правительственные органы. Различіе между закономѣрнымъ и бюрократическимъ или приказнымъ управленіями, какъ результатъ того, или другаго опредѣленія соотношенія между высшими и низшими правительственными органами.“ Повидимому для автора совершенно неясно значеніе выраженія „бюрократическое управленіе,“ и онъ понимаетъ его въ смыслѣ „беззаконнаго,“ „произвольнаго,“ противопоставляя ему управленіе „закономѣрное.“ Такія противоположенія едва ли удобны въ программѣ полицейскаго права, гдѣ требуется точная терминологія. Бюрократическое управленіе можно противопоставлять управленію земскому или самоуправленію, но и та и другая форма равно „закономѣрны.“

ЗАГРАНИЧНЫЙ ВѢСТНИКЪ

Выходитъ въ половинѣ каждаго мѣсяца, книгами въ объемѣ отъ 15 до 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: съ пересылкою и доставкою въ Россіи, 10 руб., на полгода 6 руб., съ пересылкою за границу 12 руб. и 7 руб.

Подписка принимается въ Петербургѣ: въ Главной Конторѣ „ЗАГРАНИЧНАГО ВѢСТНИКА“ при книжномъ магазинѣ М. М. Стасюлевича (Васильевскій островъ, 2 линія, д. № 7) и въ книжныхъ магазинахъ: К. Л. Риккера (Невскій, 13), Э. Мелье (Невскій, домъ Голландской церкви), и Г. Н. Мартынова (Невскій, 46).

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Карбасникова (Моховая улица, противъ Университета).

Гг. иногородные обращаются исключительно въ Главную Контору «ЗАГРАНИЧНАГО ВѢСТНИКА».

Библиографическія объявленія принимаются въ конторахъ журнала.

Редакція помѣщается въ Кузнечномъ переулкѣ, д. № 16, и открыта для лицъ, имѣющихъ въ ней надобность, по вторникамъ и субботамъ, отъ 2 до 4 час. дня.

Редакторъ-издатель В. КОРШЪ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

коммисіонера типографіи II отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи

И. П. АНИСИМОВА

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Рядомъ съ Императорскою публичною
библіотекою.

ВЪ МОСКВѢ:

на Никольской ул., въ домѣ Законо-
спасскаго монастыря.

НОВОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Вазилъ. Бесѣда о Конституціи и приѣмленіи представительныхъ началъ Государств. управления 1881 г. 60 к.

Безобразовъ В. Государство и Общество. Управление, самоуправленіе и судебная власть. СПб. 1882 г. 4 р.

Временникъ Демидовскаго Юридическаго Лицея, книга 27-я 1881 г. ц. 2 р. **Головачевъ.** Исторія Желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи СПб. 1881 г. 2 р. 50 к.

Евещкій. А. Критерій общественнаго интереса въ Гражданскомъ правѣ, X. 1881 г. ц. 30 к.

Егунновъ. А. Мѣстные гражданскіе законы Бессарабіи, СПб. 1881 г. ц. 2 р.

Носъ. А. Сборникъ Русскихъ законовъ о купеческомъ водоходствѣ. ч. 1 М. 1881 г. ц. 2 р.

Положеніе о заготовленіяхъ по военному вѣдомству, СПб. 1881 г. вѣдомству, СПб. 1882 г. ц. 80 коп.

Рутковский. М. Англійское Желѣзнодорожное законодательство. СПб 1881 г. ц. 1 р. 50 к.

Савельевъ. А. Юридическія отношенія между супругами, Н. 1881 г. ц. 60 к.

Сборникъ Московскаго главнаго архива. Министерства Иностранныхъ дѣлъ. В. 2-й ц. 75 к.

Скалонъ. Ю. Земскіе вопросы, М. 1882 г. ц. 1 р. 50 к.

Шайкевичъ и А. Поворинскій. Алфавитный указатель Юридическихъ вопросовъ, разрѣшенныхъ Гражданскимъ Кассац. Департаментомъ Правит. Сената за 1879 и 1880 г. ц. 1 р. 50 к.

Янжуль. И. Англійская свободная торговля. Историческій очеркъ развитія идей свободной конкуренціи и началъ Государственнаго вмѣшательства. М. 1882 г. В. 2-й ц. 2 р.

За пересылку книгъ съ почтою прилагается 10 коп. съ рубля.

ОБЪ ИЗДАНИИ

въ 1882 г. въ г. Тифлисъ, еженедельнаго юридическаго журнала

„ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

(годъ второй).

Журналъ, какъ и въ 1881 году, будетъ выходить по четвергамъ, въ размѣръ до 2 печатныхъ листовъ текста, кромѣ приложений, по прежней программѣ, въ объемъ которой входятъ: статьи по разнымъ вопросамъ, вытекающимъ изъ теоріи и практики права и судопроизводства, перечень, изложеніе и обсужденіе важнѣйшихъ распоряженій и узаконеній правительства, краткіе отчеты (а въ случаяхъ важныхъ и стенографическіе), о выдающихся судебныхъ дѣлахъ; особенно интересныя гражданскія рѣшенія, случаи изъ судебной жизни и практики (смѣсь); корреспонденціи юридическаго содержанія, городская хроника, перечень новыхъ книгъ юридическаго содержанія и обзоръ печати, тезисы кассационныхъ рѣшеній Правительствующаго Сената и Тифлисской судебной палаты, судебный указатель и пр.

Забываясь о посильномъ выполненіи своей программы, журналъ заручился сотрудничествомъ сверхъ многихъ лицъ судебного вѣдомства, также и нѣкоторыхъ профессоровъ-юристовъ.

Редакція журнала—Тифлисъ, Ново-Бebutовская ул. д. № 6.—Администрація (для приѣма подписки, объявленій и розничной продажи)—Тифлисъ, Сололакская ул. д. № 10—Подписная цѣна на журналъ, съ доставкою и пересылкою, на годъ—10 р., на 9 мѣс.—8 р. 20 к., на 6 мѣс.—6 р., на 3 мѣс.—3 р. 20 к., на 1 мѣс.—1 р. 20 к. Разсрочка въ платежѣ денегъ—по соглашенію съ администраціею журнала. Подписаться можно съ 1-го числа каждаго мѣсяца, но не далѣе конца года.—Отдѣльные нумера по 25 к. Объявленія, казенныя и частныя, по табѣ, за занимаемое мѣсто.—

Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ администрацію журнала.

Издатель А. С. Френкель.
Присяжный повѣренный.

Редакторъ А. В. Степановъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА
ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
 въ 1882 году.

(Годъ четырнадцатый).

Ежемесячный журналъ „ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“ служитъ органомъ научной и практической юриспруденціи, въ томъ широкомъ смыслѣ этого слова, который оно получало въ послѣднее время. Въ научномъ отдѣлѣ журналъ помѣщаетъ работы по экономическому и финансовому законодательству, международному, государственному, гражданскому и уголовному праву, — Въ современномъ отдѣлѣ находятъ себѣ мѣсто: хроника русскаго законодательства, хроника гражданского и уголовного суда, земская хроника, извлеченія изъ кассационныхъ рѣшеній сената, уголовныхъ и гражданскихъ, библіографія, разныя замѣтки и т. д.

Цѣна *вогемь* рублей съ пересылкою и доставкою, безъ доставки *семь* рублей.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: Въ магазинахъ: А. Л. Васильева, на Страстномъ бульварѣ, И. П. Анисимова, на Никольской улицѣ и Ланга, на Кузнецкомъ мосту, *Въ С.-Петербурѣ:* въ книжномъ магазинѣ И. П. Анисимова, рядомъ съ Императорскою Публичною Библіотекою.

За перемѣну адреса и г., подписчики благоволятъ присылать деньгами или марками *сорокъ* коп.

Экземпляры журнала за 1880 и 1881 годы высылаются по 8 руб.; отдѣльными книжки этого года по 1 руб.

Экземпляры за предыдущіе годы высылаются по 5 руб.: за 1878 годъ безъ переплета, а за прочіе годы въ переплетѣ. За годы 1871, 1872 и 1879 экземпляровъ журнала въ редакціи не имѣется.

РЕДАКТОРЫ: { С. А. Муромцевъ.
 { В. А. Гольцевъ.

Содержаніе Январской книги.

I. Міросозерцаніе Руссо и его ученіе о нравственности. А. С. Алексѣева. II. Общества животныхъ. М. Меназбира. III. Наше гражданское правосудіе. Своего. IV. Къ вопросу объ ипотечной системѣ. Г. Вербловскаго. V. Общіе судебныя учрежденія въ Царствѣ Польскомъ. А. Тимановскаго. VI. О планахъ и межевыхъ книгахъ на церковныя земли. Кн. Мещерскаго. VII. Къ вопросу объ эмеритальной кассѣ судебного вѣдомства В. Г. VIII. Обзоръ важнѣйшихъ рѣшеній: 1) Общаго собранія перваго и кассационныхъ департаментовъ и 2) кассационныхъ департаментовъ правительствующаго сената. За 1878 и 1879 года. Д. Т. IX. Проектъ основныхъ положеній фабричнаго устава. X. Библіографія. А. Филиппова. Въ приложеніи: Протоколы засѣданій Московскаго Юридическаго общества за 1881—1882 г. стр. 1—16.

ВАРШАВСКАЯ СУДЕБНАЯ ГАЗЕТА

GAZETA SĄDOWA WARSZAWSKA.

Wychodzi co Sobotę i zawiera następujące rubryki:

1. Rozporządzenia rządowe, wychodzące avkuszami, w odduihuj bsiągze za kajdy vol za opłatą r.s. j voerucé.

2. Artykuły wstępne.

3. Rozbiór pytań z prawa cywilnego.

4. Pytania z praktyki kryminalnej.

5. Jurisprudencya Senatu rządzącego, zawierająca wyroki kassacyjne drukowane bezzwtocznie po przybyciu takowych do Warszawy.

6. Wyciągi z wyroków kassacyjnych, zawierające interpretacyę przepisów prawa z wyroków kassacyjnych wyjętą i uporządkowaną.

7. Jurisprudencya Departamentów Cywilnych Jzby Sądowej Warszawskiej w systematycznym porządku.

8. Kronika cywilna.

9. Kronika Kryminalna.

10. Spory o atryducyę władzy i jurisdikcyjne.

11. Notatki naukowe i literackie.

12. Kronika z Cesarstwa.

13. Kronika zagraniczna.

14. Pytania, dotyczące nowego sądownictwa gminnego.

15. Sądownictwo gminne.

16. Korrespondencye z Kraju, z Cesarstwa i z zagranicy.

17. Przegląd bibliograficzny.

18. Wiadomości bieżące i rozmaiteści.

19. Odpowiedzi Redakcyi.

20. Doniesienia urzędowe i prywatne.

21. Odcinek.

22. Literatura i krytyka.

Wr. 1881 Redakcyja wprowadziła jeszcze dwie następujące nowe rubryki:

11 a. Przegląd artykułów prawno-społecznej treści, pomieszczonych w czasopismach polskich, dla ułatwienia czytelnikom możności zaznajomienia się z poglądami prawnymi, ujawnionymi w innych czasopismach;

19. a. Wykaz ogłoszeń rządowych, dotyczących regulacji spadków co do majątków i summ hipotekowanych, oraz pierwiastkowego zaprowadzenia hipoteki, dla ułatwienia czytelnikom możności dowiedzenia się o ogłoszeniach, które mogą być dla nich niezbędne czyto jako wierzycieli, czy jako spadkobierców.

W r. 1881 Redakcyja *zamierza* wprowadzi jeszcze następujące rubryki:

a. Rysów biograficznych znakomitych pwaconi kiro kveściwych i zagranicznych;

b. Odisow Sbaswnych procesów kryminalnych i cywilnych na tle historycznem wieku, w którym miały miejsce;

c. Rad prawnych;

oraz nruskgę rubrykę prawa publicznego, a w szczegolnoim prawa międzynarodunarodowego.

Redakcyja dąży do rozszerzania zdrowych pojęć prawnych w wykształceńszych warstwach naszego społeczeństwa i do czynienia zadość potrzebom bieżącej praktyki sądowej. Na pytania, nadsyłane do Redakcyi (Warszawa. Grzybowska. 29), zawierające kwestye prawne, budzące obszerniejszy interes, Redakcyja odpowiada w jednym z najbliższych numerów.

Liczne współpracownictwo z Kraju, z Cesarstwa i z zagranicy daje możność wypełniania wszystkich wskazanych rubryk, o ile przestrzeń dwóch arkuszy pojedynczych, z których się składa każdy numer, dozwala.

Przedpłata wynosi:

w Warszawie . . .	rocznie r. s.	6	półrocznie r. s.	3
na prowincyi i w Cesarstwie » »	8	»	» »	4
w Prussach	mk. » »	27	» » »	13 ¹ / ₂
w Austrii . . . guld. w.a.	» »	15	» » »	7 ¹ / ₂

Licząc wraz z opłatą pocztową.

Prenumerować można w ekspedycyi Gazety Sądowej (księgarnia M. Orgelbranda w Warszawie, naprzeciw posągu Kopernika), w Redakcyi gazety (Grzybowska 29), we wszystkich księgarni w kontorach pism peryodycznych i na pocztcie.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1882 ГОДУ НОВАГО ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА:

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

Журналъ будетъ издаваться съ 1-го января 1882 г. безъ предварительной цензуры, по программѣ нашихъ большихъ литературныхъ журналовъ:

1) Изысканная словесность. Романы оригинальные и переводные, повѣсти, рассказы, драматическія произведенія и мелкія стихотворенія; 2) Научный отдѣлъ. Статьи, общедоступно изложенныя по всѣмъ отраслямъ знанія, преимущественно же по исторіи, политической экономіи, финансамъ, юриспруденціи и теоріи воспитанія; 3) Критика и библиографія: разборъ замѣчательнѣйшихъ книгъ русскихъ и иностранныхъ, а также періодическихъ изданій; 4) Современное обозрѣніе. Систематическая ежемѣсячная хроника нашей внутренней общественной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, отдѣльныя статьи по разнымъ современнымъ вопросамъ, разборъ замѣчательнѣйшихъ судебныхъ процессовъ и пр. 5, Фельетонъ. Театральныя и музыкальныя замѣтки, сатирическіе очерки и эскизы изъ нашей и заграничной жизни, бытовыя картинки и пр.; 6) Политическій отдѣлъ. Обозрѣніе политической и общественной жизни иностранныхъ государствъ, корреспонденціи, изъ за границы и пр.

Въ журналѣ примутъ участіе: *проф. И. Е. Андреевскій, П. Д. Боборыкинъ, П. И. Вейнбергъ, И. Ф. Васильевскій (Буква), И. И. Вильсонъ, А. А. Головачевъ, Д. В. Григоровичъ, П. А. Ефремовъ, проф. А. Θ. Кистяковский, баронъ Н. А. Корфъ, Н. С. Курожкинъ, Д. П. Лебедевъ, С. Б. Максимовъ, Н. О. Мизантроповъ, Я. Т. Михайловскій, В. О. Мухоморовъ, проф. В. И. Модестовъ, П. О. Морозовъ, проф. С. А. Муромцевъ, П. А. Мясоедовъ, В. И. Немировичъ-Данченко, В. Н. Никитинъ, проф. Н. А. Осожинъ, А. Н. Плещевъ, А. А. Поттыгинъ, М. Н. Ремезовъ, проф. В. И. Сергѣевичъ, В. Я. Стоюнинъ, В. В. Чуишко, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), Г. Θ. Штендманъ и многіе другіе.*

„Наблюдатель“ будетъ выходить ежемѣсячно, въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, книжками отъ 20—25 печатныхъ листовъ. Подписная цѣна за годъ: 12 р. с. безъ доставки, 13 р. съ доставкою въ С.-Петербургъ, 14 р. съ пересылкою въ другія мѣстности имперіи, 16 р. съ пересылкою за границу. За полгода: 7 р. безъ доставки, 7 р. 50 к. съ доставкою въ Петербургъ, 8 р. съ пересылкою въ другія мѣстности Россіи, 9 р. съ пересылкою за границу. Гл. служащимъ дѣлается разсрочка при посредствѣ казначеевъ. Книгопродавцамъ обычная уступка.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи (Поварской переулокъ, д. № 5, кв. № 5), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Иногородные подписчики адресуются исключительно: въ главную контору „Наблюдателя“. Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ главной конторѣ журнала.

Редакторъ-издатель А. Пятковский.

ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ

на журналъ

ПЕРЕВОДЫ ОТДѢЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ

Издание ЛЕВЕДЕВОЙ (бывшій Львовой).

Журналъ выходитъ шестнадцатый годъ и имѣетъ своею задачею давать публикѣ, въ хорошемъ переводѣ, самыя новѣйшія произведенія иностранныхъ писателей. Редакція считаетъ долгомъ заявить передъ гг. подписчиками, что всѣ ея стремленія будутъ направлены къ тому, чтобы знакомить съ **действительно лучшими**, или имѣющими, по той или другой причинѣ, самый наибольшій успѣхъ заграничными авторами, такъ чтобы журналъ не только служилъ пріятнымъ проведеніемъ досуга читателя, но и знакомилъ бы его съ наиболее интересными и наиболее пользующимися успѣхомъ, въ различныхъ странахъ Запада, произведеніями извѣстной литературы.

Для болѣе лучшаго знакомства съ писателями, имена которыхъ почему-либо еще мало извѣстны въ Россіи, но которые пользуются наибольшею популярностью за границей, редакція будетъ прилагать къ краткія біографіи и, по возможности, портреты.

Въ настоящемъ году, въ журналѣ помѣщены: «Эндимионъ» ром. Лорда Байконфильда, съ портретомъ автора.—«Императоръ» ром. Эберса.—«М-ле Висмаркъ» ром. Рошфора.—«Графиня Софья Левичъ», ром. Шербилюе, въ переводѣ Лѣтнева.—«Сержъ Панинъ» ром. Опе, въ пер. подъ ред. П. И. Вейнберга.—«Мѣненіе Фахира» ром. Ковена, въ пер. Ранцова.—«Грѣшница» ром. Э. Мезерсъ, въ пер. Лѣтнева.—«Страшная ночь», «Капитанъ Додеро» и «Жизнь съизнова»—Барилла, въ пер. В. Крестовскаго.—«Уза» ром. Берга въ пер. В. Крестовскаго.—«Императрица Елизавета Петровна» ром. хроника изъ исторіи Россіи. Самарова.—«Дочь Нана», ром. А. Сирена, и др. заключающіе въ себѣ болѣе 300 листовъ и стоящіе отдѣльно 20 рубл., тогда какъ годовые подписчики имѣютъ только за 9 р. съ пересылкою.

Въ 1882 г. журналъ будетъ выходить по той-же программѣ и въ томъ же объемѣ, при благосклонномъ участіи лучшихъ нашихъ переводчиковъ и литераторовъ, В. Крестовскаго (псевдонимъ), П. И. Вейнберга, Лѣтнева, В. Ранцова, Хвѣлевой и другихъ. Въ первыхъ книгахъ будутъ помѣщены: «Водокурый Доконь» ром. Фарини, въ пер. В. Крестовскаго «Позорные миллионы»—ром. Гектора Мало—въ пер. П. И. Вейнберга. «Великая княгиня Екатерина» (Екатерина II), истор. ром. Самарова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

	Безъ д. ставки	Съ дост. на домъ	Съ пересылкою по всѣмъ городамъ:
На 12 мѣсяцевъ.	8 руб.—кон.	8 руб. 30 коп.	9 руб.
На 6 »	4 » 23 »	4 » 30 »	5 »

Допускается разсрочка по полугодично и по третямъ и помѣсячно, съ тѣмъ, что въ первомъ случаѣ, при подпискѣ вносятся 3 руб., а во второмъ—3 руб. а въ третьемъ 2 руб.

Гг. иногородные адресуютъ свои требованія исключительно въ контору „Переводы Отдѣльныхъ Романовъ.“ Сиб. Басейная № 38.

ВЪ 1882 ГОДУ.

1) 32 номера, каждый не менее 16 страниц или 48 столбцов; число рисунков помещаемых в каждом номере не менее пяти. Нумера будут выходить еженедельно, по субботам, в том-же формате, как и в нынешнем году в еженедельных номерах будут помещаться небольшие по размеру повести, рассказы и пр., русские и иностранные, ученые статьи, критические статьи, библиография, фельетонные замечки, внутреннее обозрение политическая и общественная хроника, объяснения к рисункам, правительственные распоряжения и сообщения, смесь, а также большой иностранный роман. Время от времени будет помещаться шахматный листок.

3) Безплатно-же будуть прилагатися «Парижскія моди 6 номеровъ въ годъ»

Редакціей журнала, вмѣстѣ съ нижеподписавшимся, завѣдуетъ А. Л. Шеллеръ
А. Михайловъ).

Без пересылки и доставки . . .	6 р. 60 к.	3 р. 75 к.	2 р.— к.
С пересылкою и доставкой . . .	8 » — »	4 » 30 »	2 » 30 »
За границу с пересылкою . . .	10 » — »	5 » 30 »	

Желающие получить художественную премию—олеографическую картину—застрахованной посылкой, прибавляют к подписной цѣнѣ 40 коп.

Подписка принимается: Въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ Редакціи „Живописнаго Обозрѣнія“, Пушкинская (Новая) улица, д. № 6,

4*

КНИЖНЫЙ СКАДЪ „РОССІЙСКОЙ БИБЛІОГРАФІИ“

ЭМИЛЯ ГАРТЬЕ

Невскій проспектъ № 27, у Казанскаго моста, въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

МАГАЗИНЪ ДЛЯ ГОРОДСКОЙ ПРОДАЖИ.	ОПТОВЫЙ СКАДЪ ДЛЯ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ.	ОТДѢЛЕНІЕ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ.
------------------------------------	---------------------------------------	--------------------------------

Большой выборъ новыхъ русскихъ и французскихъ книгъ.—Доставка книгъ на домъ.—Новости по желанію на просмору.

Пріемъ книгъ на комиссію цѣлыми изданіями, для быстрого распространенія въ столицѣ и, черезъ спеціальныхъ корреспондентовъ склада, во всѣхъ главныхъ городахъ Имперіи, при безплатныхъ публікаціяхъ въ „Россійской Библіографіи“, въ „Ежемесячномъ каталогѣ важн. нов. русск. и иностран. ныхъ книгъ“, въ „Годовомъ каталогѣ“, а также, по соглашенію, въ болѣе распростран. газетахъ. Строго аккуратное исполненіе требованій Гг. Иногородныхъ. —Пріемъ подиски на всѣ русскіе и иностр. журналы и газеты.—Ежегод. полученіе иностр. изданій.

Для удобства иногородной публички изданія Эмиля Гартъе имѣются постоянно на лицо и у всѣхъ извѣстныхъ провинціальныхъ книгопродавцевъ.

Постояннымъ покупателямъ высылаются БЕЗПЛАТНО „Ежем. каталогъ гажн. новыхъ русскихъ и иностранныхъ книгъ.“ (Подписная цѣна за 12 №№ въ годъ 1 руб. сер.).

На всѣ относящіяся до книжн. дѣла запросы, къ которымъ для отвѣта приложена почт. марка, — складъ отвѣчаетъ немедленно.

Складъ
и
пріемъ
и
отдѣленіе
и
позвѣщающіе
Редакція журнала
„РОССІЙСК. БИБЛІОГР.“
(Мѣстникъ русской печати)
Электричества,
24 №№ въ годъ, цѣна съ
достав. и пер. 5 руб:

КОНТОРА ЖУРНАЛОВЪ
Библиотека для чтенія,
Электричества,
Сборникъ видовъ, памя-
никовъ и т. п. Ремесло.
ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНТОРА
ПОДПИСКИ
на всѣ русскіе ино-
странные
журналы и газеты.

Складъ
ГЛОБУСОВЪ, ТЕЛЛУРІЙ
и
ПЛАНЕТАРІЙ
изд. Эмиля Гартъе

ОТКРЫТА ПОДПИСКА. „ВСЕОБЩАЯ ГАЗЕТА“

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, И ЛИТЕРАТУРНАЯ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ И КОММЕРЧЕСКАЯ.

Въ 1882 г. (третій годъ изданія) выходить по прежнему по понедѣльникамъ.

Желая дать возможность русскимъ людямъ читать русскую газету безъ словаря, мы третій годъ издаемъ „Всеобщую Газету“, которая даетъ своимъ читателямъ въ сокращенномъ видѣ все то-же, что даютъ ежедневныя газеты, съ тою только разницею, что въ „Всеобщей Газетѣ“ не употребляются иностранныхъ словъ, кромѣ такихъ, которыя до такой степени обрусѣли что всѣмъ понятны.

Успѣхъ подписки, произошедшій всѣ наши ожиданія ясно доказалъ, что мы виявляемъ потребность русскаго общества имѣть газету, которую можно-бы было читать безъ словаря. Но что насъ болѣе всего поддерживаетъ въ нашей дѣятельности—это то, что приобретя въ 1881 году значительное число (болѣе 3.000) новыхъ подписчиковъ, мы не потеряли и сотни изъ подписчиковъ, бывшихъ въ 1880 году. Поэтому мы будемъ продолжать газету въ томъ-же духѣ, какъ издавали въ продолженіи двухъ лѣтъ.

Всѣ годовые подписчики получаютъ *въ премію портреты Государя Императора, Императрицы и Ихъ Августѣйшихъ дѣтей* группой на одномъ листѣ, на которомъ самый рисунокъ, кромѣ полей, занимаетъ мѣсто въ длину $10\frac{1}{4}$ вершка и въ ширину $7\frac{1}{4}$ вершковъ, портреты сняты съ натуры фотографомъ изъ вѣстителей Левицкимъ.

Кромѣ этой преміи, назначенной для всѣхъ вообще подписчиковъ «Всеобщей Газеты», *первые 25 подписчиковъ* получаютъ еще слѣдующія преміи:

1. «Русскую исторію» г-жи Пельтъ съ портретами всѣхъ лицъ, царствовавшихъ въ Россіи отъ Рюрика до Александра II, въ переплетѣ. 2. Поэму въ стихахъ «Новая свѣтлана» 3. «Народный листокъ», въ цвѣтной оберткѣ, за 1878 годъ 4. «Народный Листокъ», за 1879 годъ въ цвѣтной оберткѣ 5. Альбомъ съ портретами лицъ, царствовавшихъ въ Россіи отъ Рюрика до Александра II включительно, въ оберткѣ, отпечатанной золотомъ 6. Брошюру: «Что такое крейсера добровольнаго флота», 7. Справочную книжку заключающую въ себѣ словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ.

Слѣдующіе подписчики съ № 26 по 100 включительно получаютъ:

1. Альбомъ царствовавшихъ лицъ 2. Брошюру: «Что такое крейсера добровольнаго флота» 3. Справочную книжку.

Подписчики съ № 101 по 300 включительно получаютъ:

1. Брошюру: «Что такое крейсера» 2. Справочную книжку.

Справочную книжку.

Желающіе ознакомиться съ Газетой прежде подписки могутъ выслать двѣ семи копѣечныя марки и получить ЗАКАЗНЫМЪ послѣдній № Газеты.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ редакціи „Всеобщей Газетѣ“ Разъѣжая улица, домъ № 53, кв.9.

ЦѢНА НА ГОДЪ:

ТРИ РУБЛЯ.

Редакторы издатели: { *Александра Пельтъ.*
 { *Михаилъ Дмитріевъ*

О ПОДПИСКѢ НА 1882 Г. НА БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ:

IV годъ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ

IV годъ

Журналъ выходитъ еженедѣльно (52 №№ въ годъ), въ форматѣ большихъ иллюстрацій, со множествомъ художественно-выполненныхъ гравюръ; (въ годъ два большихъ тома въ 1200 страницъ и около 1000 гравюръ). Въ каждомъ номерѣ журнала помѣщаются романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, біографіи, всемірное обозрѣніе, историческіе очерки, популярно научныя статьи, новости наукъ, искусствъ и пр., политика, современная хроника Россіи, смѣсь шахматы, задачи, ребусы, игры, и проч

Въ теченіи года всѣ подписчики получаютъ:

д в ѣ н а д ц а т ь х у д о ж е с т в е н н ы х ъ п р е м і и

разсылаемыхъ ежемѣсячно и представляющихъ прекрасно-выполненные копии съ новѣйшихъ произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Эти преміи состоятъ: изъ олеографій, съ картинъ преимущественно русскихъ художниковъ (не менѣе четырехъ въ годъ), эстамповъ, гравюръ съ тономъ, и пр.

Ежемѣсячно при журналѣ разсылаются **БЕЗПЛАТНО**

новѣйшія парижскія моды

Кромѣ того, всѣ годовые подписчики, когда бы не заявили своихъ требованій, получаютъ главную большую премію, роскошную олеографію съ новой картины профессора В. П. Верещагина:

ЖЕЛАННАЯ ВСТРѢЧА

Изъ повѣсти временъ Іоанна Грознаго: „Князь Серебрянный“, соч. графа А. К. Толстаго.

Въ отдѣльной продажѣ олеографія съ картины „Желанная встрѣча“, эта будетъ стоить 15 руб. съ пересылкою.

Подписная цѣна за годовое изданіе журнала съ правомъ безплатнаго полученія всѣхъ премій и приложений:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 6 руб. Съ доставкой въ Спб. 7 р. Для иногородныхъ 8 р. За границу 10 руб.

Подписка принимается: Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, въ главной конторѣ редакціи „Иллюстрированнаго Мира“, по Николаевской ул., домъ № 48.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ НА 2-ХЪ НЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Годовая цѣна съ доставкой и пересылкою:

1. Съ приложеніями, плановъ, рисунковъ, чертежей смѣтъ и проч. . 10 р.
2. Безъ всѣхъ этихъ приложеній . . 6 р.

Подписка принимается въ конторѣ
"Техническаго Обзора"
С.-Петербурга, Торговая ул. № 21.
Подробная программа высылается по
востребованію.

Крайне бѣдная русская техническая литература съ 1-го января 1882 г. пополнилась однимъ новымъ техническимъ журналомъ. „Техническимъ Обзоромъ новѣйшихъ открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій по всѣмъ отраслямъ заводско-фабричной промышленности, со спеціальными обзорными винокуренного, мукомольнаго и сельско-хозяйственныхъ производствъ“, широкая программа котораго можетъ принести не мало пользы нашей отечественной заводско-фабричной и сельско-хозяйственной промышленности. Журналъ будетъ выходить въ С.-Петербургѣ 13 и 30 каждаго мѣсяца въ форматѣ 4-й доли большаго листа по нижеслѣдующей программѣ:

I. Правительственные заводско-фабричныя законоенія. II. Винокуренное. III. Мукомольное. IV. Сельско-хозяйственное. V. Карпячное, Кожевенное. Крахмальное, Маслѣбное, Пивоваренное, Писчебумажное, Прядильное, Сахароваренное, Свѣчное; Суконное, Ткацкое и проч. производства. Въ этихъ отдѣлахъ будутъ помѣщаться: 1) Описаніе и рисунки новѣйшихъ машинъ и аппаратовъ. 2) Руководства, наставленія и рецепты 3) Смѣты, планы и чертежи: 1) Описаніе устройства замѣчательнѣйшихъ вышеупомянутыхъ заводовъ и фабрикъ въ Европѣ. VI. Механика. VII. Химія. VIII. Горное дѣло и Металлургія. IX. Желѣзно-дорожный отдѣлъ. X. Московская выставка 1882 г. XI. Смѣсь. XII. Привилегіи. XIII. Указатель заводовъ и фабрикъ. XIV. Технические вопросы и отвѣты. XV. Техническая библіографія. XVI. Объявленія. —

Подписная годовая цѣна съ пересылкою и доставкой за 26 №№ въ годъ.

1. Съ приложеніями плановъ, чертежей, смѣтъ и проч. 10 руб. II. Безъ всѣхъ этихъ приложеній 6 руб

Подписка принимается въ редакціи „Техническаго Обзора“ въ Спб. Торговая 21. Подробную программу редакція „Техническаго Обзора“ высылаеть по востребованію.

ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ.

М И Н У Т А

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

выходить ежедневно (не исключая понедѣльниковъ).

Въ будущемъ году редакция сосредоточится на двухъ событіяхъ, которыми поглощено будетъ вниманіе всего русскаго народа. Это: Коронація Государя Императора и Московская Выставка 1882 г. Въ періодъ этихъ событій редакция устроитъ отдѣленіе въ Москвѣ и будетъ заботиться какъ о быстрой передачѣ свѣдѣній, такъ въ особенности и о ихъ наглядности, для чего помѣститъ отдѣльнымъ приложеніемъ иллюстраціи этихъ важныхъ событій, работы постоянного сотрудника „Минуты“, талантливаго художника В. А. Черни.

ПРЕМІЯ. Новые годовые подписчики, высылающіе деньги въ ноябрѣ, получаютъ газету за декабрь этого года бесплатно.

Подписная цѣна на газету „М и н у т а“, въ 1882 году, остается прежняя, а именно:

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ ГОРОДА:

На годъ	9 р.	На 3 мѣсяца	3 р.
„ полгода	5 р.	„ одинъ мѣсяць	1 р.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ газеты „Минута“, уголъ Б. Садовой и Б. Итальянской, противъ Пассажа, д. Крафта, куда и адресуются письма гг. иногородныхъ подписчиковъ.

Редакторъ-издатель Я. А. Баталинъ.

2-й годъ изданія.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

„З А Р Я“

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Съ доставкой или пересылкой	{	На годъ	10 р.	{	8 руб
		„ 6 мѣсяцевъ	6 „		5 —
		„ 3 мѣсяца	4 „		3 —
		„ 1 мѣсяць	1 50 к.		1 —

Выписывающимъ газету съ 1-го января 1882 года на цѣлый годъ допускается разсрочка годового вноса, причѣмъ при подпискѣ вносится 3 руб., 1-го марта 3 руб. 1-го июня 2 руб. и 1-го сентября 2 руб. Подписывающіеся въ срединѣ года разсрочкой не пользуются.

Правительственные, общественныя и частныя учрежденія могутъ выписывать газету въ кредитъ по письменнымъ, на бланкѣ этихъ учрежденій предложеніямъ. Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ выписка газетъ въ кредитъ допускается черезъ ихъ казначей.

подписка принимается.

Въ Кіевѣ, въ главной конторѣ газеты „Заря“, на Крещатики, при книжномъ магазинѣ Л. В. Ильницкаго.

Иногородные благоволятъ адресовать свои требованія исключительно въ главную контору или подписываться у агентоу ея, обозначенныхъ въ каждомъ номерѣ газеты.

Редакторъ-издатель П. А. Андреевскій.

ОТКРЫТА ПОДПСКА НА 1882 ГОДЪ
ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

„ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА“

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

„художественнаго альбома“,

въ которомъ принимаютъ участіе слѣдующіе художники: Н. Айвазовскій, А. Боголюбовъ, М. Боткинъ, П. Брюлловъ, В. Верещагинъ, В. Васнецовъ, Е. де-Вилье, Е. Волковъ, И. Крамской, баронъ М. П. Клодтъ, Н. Кузнецовъ, Л. Лагорио, К. Лемохъ, В. Маковский, В. Массаловъ, А. Мещерскій, Г. Мясоѣдовъ, В. Перовъ, В. Полѣновъ, Н. Прянишниковъ, И. Рѣпинъ, К. Савицкій, В. Суриковъ, К. Трутовскій, И. Шишкинъ, Шишковъ и Шарлемань.

Программа журнала заключается въ слѣдующемъ: 1) Беллетристическій отдѣлъ. Повѣсти, рассказы, сцены и т. п., по преимуществу изъ жизни русскихъ художниковъ. Біографіи художниковъ (въ повѣствовательной формѣ), а также и замѣчательныхъ дѣятелей въ искусствѣ 2) Критическій отдѣлъ. Критическія статьи по искусству. Художественный фельетонъ. Рецензіи и критическія замѣтки, касающіяся, какъ художественныхъ произведеній, такъ равно и книгъ по искусству. 3) Смѣсь. Теоретическія и практическія указанія и совѣты какъ художникамъ, такъ и любителямъ. Обзоръ дѣятельности русскихъ художественныхъ обществъ и школъ, существующихъ въ Россіи. Разныя мелкія замѣтки, извѣстія и слухи. 4) Последняя страница. Справочный отдѣлъ, въ который входятъ, по преимуществу, отвѣты на запросы публики и художниковъ. 5) Приложение. „Художественный альбомъ“.

„Художественный альбомъ“ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: 1) картинъ и портретовъ въ форматѣ журнала и 2) картинъ въ форматѣ большаго альбома.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно въ форматѣ большой книги отъ трехъ до четырехъ листовъ.

Годовые подписчики получаютъ журналъ съ приложеніемъ, которое состоитъ изъ 24 оригинальныхъ рисунковъ, портретовъ и отдѣльнаго большаго альбома, который данъ будетъ въ видѣ преміи; полугодовые же подписчики получаютъ журналъ съ рисунками портретами, но безъ преміи.

„Художественный альбомъ“ (ПРЕМІЯ) 1881 г. состоитъ изъ трехъ большихъ картинъ, величиной 1 аршинъ на $\frac{3}{4}$ арш.

Первый листъ—Крахъ банка. Картина В. Маковского.

Второй листъ—Утро стрѣлцкой казни. Картина В. Сурикова.

Третій листъ—Подъ лицами. Картина В. Каульбаха.

Иногородные подписчики для пересылки премій „Художественнаго альбома“ за 1881 г., благоволят дослать 50 коп. марками. Подписчики Петербурга и Москвы, когда будетъ объявлено о выходѣ премій, могутъ получать въ Петербургѣ, въ конторѣ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, а въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Мамонтова на Кузнецкомъ.

„Художественный альбомъ“ (премія) въ 1882 году будетъ выходить по третямъ.

Количество премій или большихъ картинъ „Художественнаго альбома“ будетъ зависѣть отъ количества подписчиковъ; но во всякомъ случаѣ всѣхъ премій будетъ выдано не менѣе трехъ и не болѣе пяти.

Первый листъ альбома выйдетъ вмѣстѣ съ январскимъ номеромъ.

ОФОРТЪ И. И. ШИШКИНА.

Величина этого офорта одинъ аршинъ $2\frac{1}{2}$ вершка вышины и $\frac{3}{4}$ аршина ширины.

Иногородные подписчики на 1881 г. для полученія преміи — „Художественнаго альбома“ по третямъ благоволятъ добавлять къ подписной цѣнѣ 1 руб. 50 коп. Эту же сумму должны добавлять и тѣ изъ городскихъ подписчиковъ, Москвы и Петербурга, которые пожелають получить премію съ доставкою на домъ.

Цѣна „Художественнаго журнала“ съ приложеніями и съ „Художественнымъ альбомомъ“ остается та же. Съ пересылкою и доставкою на годъ: 6 руб. и на полгода 4 руб.; съ пересылкою за границу 8 руб. Съ пересылкою премій 3 руб. 50 коп.

Подписка принимается: въ Петербургѣ—въ конторѣ редакціи, на углу Невского и Троицкаго (подъѣздъ съ Троицкаго), д. Ростовцева, кв. № 24; въ книжныхъ магазинахъ: „Новаго Времени“, на Невскомъ, д. № 58, и Мамонтова, на Б. Садовой, д. № 12 и въ эстампныхъ: Фельтена и Беггрова, на Невскомъ; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ: „Новаго Времени“, на Никольской; Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту и въ эстампныхъ: Дациаро, на Кузнецкомъ и Осберга, на Петровкѣ.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться исключительно въ контору редакціи: Петербургъ, уголь Невского и Троицкаго, домъ Ростовцева.

Редакторъ-Издатель П. Александровъ.

„КРИМИНАЛИСТЪ“

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

- 1) Законодательныя работы, распоряженія и постановленія по уголовному праву.
 - 2) Научныя статьи по уголовному праву и уголовному судопроизводству.
 - 3) Юриспруденція Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Сената.
 - 4) Практика Судебныхъ Палатъ, Окружныхъ Судовъ и Палатъ Уголовнаго Суда.
 - 5) Дѣятельность Прокуратуры и Судебныхъ Слѣдователей.
 - 6) Дѣятельность Мирowychъ Судей и Гминныхъ Судовъ по уголовной части.
 - 7) Свѣдѣнія о карательной дѣятельности Духовныхъ и Волостныхъ Судовъ.
 - 8) Отчеты о интересныхъ въ юридическомъ отношеніи уголовныхъ дѣлахъ съ объясненіемъ производства предварительнаго и судебного слѣдствій и оцѣнкою болѣе важныхъ и заслуживающихъ вниманія мѣръ и способовъ, принятыхъ во время слѣдствій.
 - 9) Выдающіяся обвинительныя и защитительныя рѣчи.
 - 10) Разрѣшеніе и разработка встрѣчающихся на практикѣ вопросовъ по уголовному праву и судопроизводству.
 - 11) Судебная медицина и психіатрія.
 - 12) Дѣятельность полиціи послѣдственной части.
 - 13) Свѣдѣнія о мѣстахъ заключенія, о положеніи осужденныхъ и вообще о системѣ наказаній и приведеніи ихъ въ исполненіе.
 - 14) Библіографія по уголовному праву.
 - 15) Судебная хроника, свѣдѣнія и замѣтки по уголовной части, а также бесплатныя объявленія и отвѣты редакціи.
- Журналъ будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ, около 5 и 20 чиселъ.

Подписная цѣна: въ годъ 4 р. съ пересылкой: на полгода 2 р. Подписка принимается на 1882 годъ. Со всѣми требованіями слѣдуетъ обращаться въ редакцію журнала въ г. Новгородъ.

Редакторъ Издатель *А. Непіорковскій.*

Съ 1882 года, взаи́мнъ Сборника сочиненій по Судебной Медици́нѣ, Общественной Гигиенѣ и пр., предпринято новое періодическое изданіе, подъ названіемъ:

ВѢСТНИКЪ СУДЕБНОЙ МЕДИЦИНЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ГИГИЕНЫ ПРОГРАММА.

I. Официальный отдѣлъ. II. Судебная Медицина. III. Общественная Гигиена. IV. Хроника. V. Критика и библиографія. VI, Извѣстія и смѣсь. VII. Матерьялы по эпидиміологін.

Въ видѣ приложеній къ Вѣстнику будутъ издаваться руководства и монографіи по предметамъ программы этого журнала, какъ оригинальныя, такъ и переводныя.

Редакторъ Докторъ Медич. М. Шмелевъ.

Въ книжныхъ магазинахъ Анисимова, „Новаго Времени“ и друг. продается:

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ положеній и извлеченій изъ гражданскихъ кассационныхъ рѣшеній:

Т. I, по гражданскому праву, съ 1866 года по 1876 годъ. Цѣна 2 рубля.

Т. II, по гражданскому судопроизводству, съ 1866 года по 1876 годъ. Цѣна 2 руб.

Т. III, по гражд. праву и судопр. съ 1876 г. по 1879 годъ. Цѣна 1 р.

Т. IV, по гражд. праву и судопр. за 1879 годъ. Цѣна 75 коп.

Составилъ Г. Вербловскій

(Членъ Воронежскаго окружнаго суда)

Книгопродавцамъ уступка 30⁰о.

Съ 1 Января 1882 года будетъ издаваться

„СВѢТЪ“

НОВАЯ ГАЗЕТА

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУР-
НАЯ.

„СВѢТЪ“ будетъ выходить

Е Ж Е Д Н Е В Н О

(кромя дней, слѣдующихъ за праздниками), въ форматѣ
обыкновеннаго печатнаго листа.

Цѣна на газету „СВѢТЪ“ назначена:

съ пересылкою и доставкою:

За годъ	4 руб.
„ полгода	2 „
„ четверть года	1 „

ПИСЬМА И ПОДПИСНЫЯ ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ:

Петербургъ: редакція газеты „СВѢТЪ“ Гороховая ули-
ца № 41.

Въ С.-Петербургѣ подписка и объявленія принима-
ются:

Въ конторѣ газеты: на углу Невскаго и Литейной,
д. № 59—62, при библиотекѣ книжнаго комисіонерства.

Въ собственной типографіи издателя газеты: по Го-
роховой, д. № 46.

И во всѣхъ главнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ
Россіи.

Редакторъ-издатель *В. В. Комаровъ.*

„ЮГЪ“

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Югъ Россіи — мы здѣсь разумѣемъ губерніи, входящія въ составъ Кіевскаго, Харьковскаго и Новороссійскаго округовъ, а также окраины Кавказскаго намѣстничества, прилегающія къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, — представляетъ самъ по себѣ съ различныхъ сторонъ весьма важное значеніе. Распространяться объ этомъ считаемъ излишнимъ; поэтому, помимо общихъ вопросовъ цивилизаціи, посильному разрѣшенію которыхъ посвящаемъ наше изданіе, мы обратимъ особенное вниманіе на тотъ край, органомъ котораго долженъ служить нашъ журналъ, и надѣемся, что высказанные нами мотивы достаточно оправдываютъ право появленія «Юга» въ русской журналистикѣ.

Журналъ «Югъ» выходитъ ежемѣсячно въ размѣрѣ отъ десяти до пятнадцати листовъ по слѣдующей программѣ:

I. *словесность*: романы, повѣсти, рассказы, драматическія произведенія. И стихотворенія (оригинальныя и переводныя).

II. *Наука*: популярныя статьи по антропологии, исторіи, искусствамъ философіи, политическимъ, юридическимъ и естественнымъ наукамъ

III. Критика и библіографія русскихъ и иностранныхъ книгъ.

IV. Сельско-хозяйственная хроника и статьи по сельскому хозяйству.

V. Коммерческая хроника.

VI. Внутреннее обозрѣніе, общественная жизнь. — преимущественно юга Россіи.

Подписная цѣна 10 руб.; съ доставкой въ г. Одессѣ 11 руб.; съ пересылкой въ другіе города 12 руб.

Подписка принимается въ г. Одессѣ въ конторѣ редакціи журнала «Югъ»; Надеждинская ул. д. Савича, въ книжныхъ магазинахъ: В. И. Вѣлаго, Е. П. Распова, библіотекѣ для чтенія Бортовскаго.

Гг. иногородніе благоволятъ обращаться въ контору редакціи.

Редакторъ-издатель В. Яковлевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ

на

НОВЫЙ СВѢТЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ

Годовая цѣна 4 руб. съ пересылкою и съ большою бесплатной премією.

На полгода 2 руб. съ пересылкою безъ премій.—24 № въ годъ.

Обращаясь къ читающей публикѣ съ предложеніемъ о подпискѣ на иллюстрированный журналъ „Новый Свѣтъ“, мы не скрываемъ отъ себя всѣхъ трудностей предпринятой нами задачи.

Въ современной литературѣ нѣтъ недостатка въ обильномъ матеріалѣ для чтенія, но заурядными разсказами и безвкусными, шаблонными повѣствованіями, мы не можемъ рассчитывать на успѣхъ предпринятаго нами изданія.

„Chaque nation a les journaux qu'elle mérite“ говорилъ многоопытный Тьеръ.—„каждый народъ имѣетъ достойные себя журналы“. Кто станетъ отрицать истину этихъ словъ? Если слѣдовательно, журналы должны служить, такъ сказать мѣриломъ умственного и эстетическаго развитія народа, то сохраняя высокое мѣсто объ образованности и утонченномъ вкусѣ читающей публики, мы считаемъ свою задачу далеко не легкою.

„Новый Свѣтъ“ будетъ вѣрнымъ отпечаткомъ нашего времени. Известнѣйшія картины и возбуждающія удивленіе открытія современнаго вѣка найдутъ въ немъ мѣсто въ описаніяхъ и въ рисункахъ. Успѣхи цивилизаціи въ области наукъ, искусствъ и литературы будутъ сообщаемы читателямъ быстро и наглядно. О выдающихся событіяхъ въ жизни современнаго общества и объ интереснѣйшихъ явленіяхъ природы мы будемъ сообщать иллюстрированные отчеты на основаніи точныхъ данныхъ.

„Новый Свѣтъ“ однако не будетъ исключительно научнымъ журналомъ. Въ немъ будутъ помѣщаемы и статьи для легкаго чтенія, интересные разсказы, романы, занимательныя описанія путешествій, очерки изъ отечественной исторіи и изъ жизни русскаго народа. Кромѣ того, легкой фелетонъ, анекдоты, западки, загадки и т. п. Также и юмору будетъ отведено подобающее мѣсто, такъ какъ въ редакціи имѣется большой запасъ изящно исполненныхъ каррикатуръ и анекдотовъ.

Вотъ программа нашего изданія, въ которомъ примутъ участіе опытные и извѣстные публикѣ сотрудники. Рядъ разсказовъ начнется съ перваго номера романомъ Ланкенова

Кликушка

заключающемъ въ себѣ интереснѣйшія сцены изъ жизни русскаго народа.
НАШИ ОЛЕОГРАФИЧЕСКІЯ ПРЕМІИ

Нижеслѣдующія *художественно-исполненныя* олеографическія картины, предлагаемыя нами въ видѣ премій, удовлетворяютъ самымъ изысканнымъ требованіямъ.

Каждый подписчикъ получитъ немедленно послѣ присылки 4 руб. подписныхъ денегъ

БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМІЮ:

Большой зимній ландшафтъ,

ширина 75 сантим. — высота 50 сантим.

Кромѣ этой *искусно исполненной* бесплатной преміи гг. подписчики имѣютъ право на полученіе двухъ большихъ олеографическихъ картинъ:

МОЛОДАЯ НЕВѢСТА,

съ драгоценностями.

МОЛОДАЯ МАТЬ

съ сыномъ.

съ приплатою только 1 руб. за каждую картину на упаковку и пересылку.

Эти олеографическія преміи изготовлены въ одномъ изъ самыхъ знаменитыхъ художественныхъ заведеній, и всѣ три преміи въ отдѣльной продажѣ стоятъ не менѣе 10 руб.

Въ видѣ главной преміи гг. подписчики получаютъ по желанію

Портретъ Его Величества Государя Императора

АЛЕКСАНДРА III,

великобѣнная олеографія, портретъ грудной съ приплатою лишь 1 руб. за пересылку.

Всѣ эти преміи уже получены редакціею и высылаются и. подписчикамъ съ день полученія подписки.

Г-мъ служащимъ въ казенныхъ учрежденіяхъ и частныхъ конторахъ дѣлается разсрочка платежа подъ ручательствомъ гг. казначеевъ или управляющихъ.

Подписка принимается въ конторѣ журнала „Новый Свѣтъ“ въ Ригѣ.

Адресъ почтанду извѣстенъ.

Главная премія:

Портретъ Его Величества, Государя Императора Александра III,
великобѣнная олеографія, портретъ грудной, съ приплатою лишь 1 руб. за пересылку.

*А. А. С. Р.
1900*

Примѣч. При переходѣ городскихъ подписчиковъ журнала въ иногородные и наоборотъ, высылается 1 р., а при переходѣ городскихъ подписчиковъ на кассационныя рѣшенія въ иногородные и наоборотъ 1 р. 50 к.

8) **Жалоба** на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается прямо въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторой. По полученіи такой жалобы, редакція немедленно представляетъ въ газетную экспедицію дубликатъ, для отсылки съ первою почтою; но безъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы, газетная экспедиція должна будетъ прежде сноситься съ сею послѣднею и редакція удовлетворить только по полученіи отвѣта послѣдней. По распоряженію почтоваго вѣдомства жалобы должны быть сообщаемы редакціи никакъ не позже полученія слѣдующей книжки журнала, иначе редакція не будетъ имѣть возможности удовлетворить подписчика высылкою новаго экземпляра

9) Редакція не отвѣчаетъ за своевременную высылку журнала тѣмъ лицамъ, которые подписались не въ указанныхъ въ объявленіи о подпискѣ мѣстахъ и подписныя суммы которыхъ часто передаются въ редакцію несвоевременно, а иногда и вовсе не передаются. Въ такихъ случаяхъ гг. подписчики благоволятъ обращаться съ жалобами въ то мѣсто, гдѣ они подписались.

10) Отвѣты на всякаго рода запросы гг. сотрудниковъ и подписчиковъ, редакція признаетъ для себя обязательными только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка.

Объ изданіи въ 1882 году

ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ: іюня, іюля и августа) книгами до 20 и болѣе листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки . . .	8 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ . . .	8 р. 50 к.
съ пересылкой въ другіе города . . .	9 р.
за-границей	10 р.
отдѣльно книга журнала	2 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, **РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА**, платять за журналъ и за рѣшенія.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ и
съ пересылкой въ другіе города . . . 14 р. 50 к.

Лица, не состоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассационныя рѣшенія по 6 руб. съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январь 3 р. съ касс. рѣш. 8 р. въ мѣсь 3 р. и въ сентябрь остальная до подписной цѣны сумма. Гл. студенты университетовъ и равныхъ съ ними заведеній, удостоившіе свое званіе, пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ редакціи „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, (Почтамская, д. 1, кв. 15); въ книжныхъ магазинахъ—*Анисимова*, рядомъ съ Публичною Библіотекою и въ Москвѣ на Никольской улицѣ.

Гл. иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, въ С.-Петербургѣ, Почтамская д. № 1, кв. 15.

Контора Журнала открыта ежедневно, за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 12 до 4 часовъ.

Подписка на журналъ 1879, 1880 и 1881 годовъ, продолжается на тѣхъ же условіяхъ.

Оставшіяся въ незначительномъ числѣ экземпляровъ, кассационныя рѣшенія сената, продаются: гражданскаго департамента—за 1877 годъ 4 р. за 1878 годъ 4 р. включая и расходы по пересылкѣ. Кассационныхъ рѣшеній сената, а равно и журнала за другіе годы, кромѣ означенныхъ, въ редакціи не имѣется. Исслѣдованіе проф. *Кистяковскаго*—О пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, гг. подписчики могутъ получать въ редакціи по 1 р. за экз. съ пересылкою, вмѣсто 1 р. 25 к. безъ пересылки.

Редакторъ **В. Володиміровъ.**

